

**ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ**

**ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Журнал издается с 2006 года № 30/2015
Выходит 4 раза в год

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
профессионального образования (ФГБОУ ВПО)
«Кемеровский государственный университет
культуры и искусств»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Е. Л. Кудрина, доктор педагогических наук,
профессор, ректор КемГУКИ

Зам. главного редактора

А. В. Шунков, кандидат филологических наук,
доцент, проректор по научной
и инновационной деятельности КемГУКИ

Ответственный секретарь

Л. Ю. Егле, кандидат культурологии, доцент,
начальник научного управления КемГУКИ

Редактор *Н. Ю. Мальцева*

Перевод *А. А. Щербинин*,
член Союза переводчиков России

Компьютерная верстка *М. Б. Сорокиной*
Дизайн *А. В. Сергеев*

Адрес редакции:

650029, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17.
Журнал «Вестник КемГУКИ»
Тел.: (3842)73-30-64. Факс: (3842)73-28-08
E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Электронная версия журнала:
<http://vestnik.kemguki.ru/>

ISSN 2078-1768 © ФГБОУ ВПО «Кемеровский
государственный университет
культуры и искусств», 2015

**BULLETIN OF KEMEROVO STATE
UNIVERSITY
OF CULTURE AND ARTS**

**JOURNAL OF THEORETICAL
AND APPLIED RESEARCH**

Journal is published since 2006 № 30/2015
Published quarterly

Founder

Federal State-Funded Educational Institution
of Higher Professional Education
(FSFEI HPE) «Kemerovo State University
of Culture and Arts»

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

E. L. Kudrina, Doctor of Pedagogical
Sciences, Professor, Rector of KemGUKI

Assistant Chief Editor

A. V. Shunkov, Candidate of Philological
Sciences, Docent, Vice-Rector for Research
and Innovation of KemGUKI

Administrative Secretary

L. Yu. Egle, Candidate of Culturology, Docent,
Head of Scientific Department of KemGUKI

Editor *N. Yu. Maltseva*

Translation *A. A. Sherbinin*,
member of the Union of Translators of Russia

Computer layout *M. B. Sorokina*
Design *A. V. Sergeyev*

Address of the Publisher:

650029, Kemerovo, 17 Voroshilov Street.
Journal «Bulletin of KemGUKI»
Tel.: (3842)73-30-64. Fax: (3842)73-28-08
E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Web Journal link:
<http://vestnik.kemguki.ru/>

ISSN 2078-1768 © FSFEI HPE «Kemerovo State
University of Culture and
Arts», 2015

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА ЖУРНАЛА

Председатель совета:

Колин К. К., доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук (Австрия), Российской академии естественных наук и Международной академии наук высшей школы, главный научный сотрудник Института проблем информатики Российской академии наук (г. Москва).

Члены совета:

Абдулатипов Р. Г., доктор философских наук, профессор, академик Российской академии естественных наук, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области культуры 2010 года, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Президент Республики Дагестан (г. Махачкала, Республика Дагестан).

Ариарский М. А., доктор культурологии, профессор, заслуженный работник культуры Российской Федерации, вице-президент Ассоциации работников музеев России, директор Научно-образовательного центра педагогической культурологии ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств» (г. Санкт-Петербург).

Астафьева О. Н., доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой ЮНЕСКО Международного института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, начальник Отдела стратегий социокультурной политики и модернизационных процессов Российского института культурологии (г. Москва).

Белозерова М. В., доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории этносоциальных проблем Сочинского научно-исследовательского центра Российской академии наук (г. Сочи).

EDITORIAL COUNCIL OF THE JOURNAL

Departmentman of the editorial council:

Kolin K. K., Doctor of Technical Sciences, Professor, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, **Current Member of the International Academy of Sciences (Austria)**, the Russian Academy of Natural Sciences and the International Academy of Higher Education, Senior Research Fellow of the Institute of Informatics Problems of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

Members of council:

Abdulatipov R. G., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Academician of the Academy of Natural Sciences, Laureate of the Government of the Russian Federation Award in the Field of Culture in 2010, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, President of the Republic of Dagestan (Makhachkala, Republic of Dagestan).

Ariarskiy M. A., Doctor of Culturology, Professor, Honorary Worker of Culture of the Russian Federation, Vice-President of the Russian Association of Museum Staff, Director of Research and Education Center of Pedagogical Culturology of FSFEI HPE “St. Petersburg State University of Culture and Arts” (St. Petersburg).

Astafieva O. N., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Deputy Head of the UNESCO Department of the International Institute of State Service and Administration of the Russian Academy of National Economy and State Administration under the President of the Russian Federation, Head of the Department for Strategies of Socio-Cultural Policy and Modernisation Processes of Russian Institute for Culturology (Moscow).

Belozerova M. V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Senior Researcher at the Laboratory of Ethno-Social Problems of the Sochi Research Center of the Russian Academy of Sciences (Sochi).

Быховская И. М., доктор философских наук, профессор, начальник отдела прикладных культурологических исследований и образования в сфере культуры и искусства, руководитель Научно-образовательного центра Российского института культурологии (г. Москва).

Влодарчик Эдвард, доктор исторических наук, профессор, ректор Щецинского университета (Щецин, Польша).

Волк П. Л., доктор культурологии, профессор, начальник Департамента по культуре и туризму Томской области (г. Томск).

Гавров С. Н., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и социальной антропологии Московского государственного университета дизайна и технологии (г. Москва).

Гениева Е. Ю., доктор педагогических наук, кандидат филологических наук, генеральный директор Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы имени М. И. Рудомино (г. Москва).

Гринченко С. Н., доктор технических наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем информатики Российской академии наук, вице-президент Биокосмологической ассоциации от Европейской части России, член редакционного совета электронного журнала «Biocosmology-neo-Aristotelism» (г. Москва).

Демин В. П., доктор искусствоведения, профессор, академик РАО, заведующий Отделом дополнительного образования Института художественного образования РАО (г. Москва).

Долженко О. В., доктор философских наук, профессор, действительный член Международной академии наук высшей школы, профессор Национального института бизнеса Московского гуманитарного университета (г. Москва).

Донских О. А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Новосибирского государственного университета экономики и управления (г. Новосибирск).

Bykhovskaya I. M., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Applied Cultural Research and Education in the Field of Culture and Art, Head of the Scientific and Educational Center of Russian Institute for Culturology (Moscow).

Włodarczyk Edward, Doctor of Historical Sciences, Professor, Rector of the University of Szczecin (Szczecin, Poland).

Volk P. L., Doctor of Culturology, Professor, Head of the Department of Culture and Tourism of Tomsk Region (Tomsk).

Gavrov S. N., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of Department of Sociology and Social Anthropology, Moscow State University of Design and Technology (Moscow).

Genieva E. Y., Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Philological Sciences, General Director of M. I. Rudomino All-Russian State Library for Foreign Literature (Moscow).

Grinchenko S. N., Doctor of Technical Sciences, Professor, Senior Researcher at the Institute of Informatics Problems of the Russian Academy of Sciences, Vice President of the Association of Biocosmology from the European Part of Russia, Member of the Editorial Board of the Electronic Journal “Biocosmology-neo-Aristotelism” (Moscow).

Demin V. P., Doctor of Arts History, Professor, Academician of RAS, Head of Department of Additional Education of the Institute of Art Education of the RAS (Moscow).

Dolzenko O. V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Current Member of the International Academy of Higher Education, Professor at the National Business Institute of Moscow University for the Humanities (Moscow).

Donskikh O. A., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Philosophy, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk).

Ивлиев Г. П., кандидат юридических наук, доцент, статс-секретарь – заместитель министра культуры Российской Федерации (г. Москва).

Игумнова Н. П., доктор педагогических наук, главный научный сотрудник Российской национальной библиотеки, заслуженный работник культуры Российской Федерации (г. Москва).

Иконникова С. Н., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Российской академии естественных наук, Международной академии информатизации, Международной академии наук высшей школы, заведующая кафедрой теории и истории культуры ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств» (г. Санкт-Петербург).

Кинелев В. Г., доктор технических наук, профессор, академик РАО, заведующий кафедрой ЮНЕСКО «Общество знаний и новые информационные технологии» Российского нового университета (г. Москва).

Луков В. А., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Международной академии наук (Австрия), Международной академии наук педагогического образования, проректор по научной и издательской работе, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета (г. Москва).

Мазур Петр, профессор, доктор педагогических наук, заведующий кафедрой педагогики Высшей государственной профессиональной школы в Хелме (г. Хелм, Польша).

Разлогов К. Э., доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, почетный член Бразильской академии философии, член научного совета РАН по комплексной проблеме «История мировой культуры», руководитель Комиссии научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, академик Российской академии естественных наук, академик-секретарь На-

Ivliev G. P., Candidate of Judicial Sciences, Docent, Secretary – Deputy Minister of Culture of the Russian Federation (Moscow).

Igumnova N. P., Doctor of Pedagogical Sciences, Senior Resercher of the Russian National Library, Honorary Worker of Culture of the Russian Federation (Moscow).

Ikonnikova S. N., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, the International Academy of Informatization, International Academy of Higher Education, Head of Department of Theory and History of Culture, FSFEI HPE “St. Petersburg State University of Culture and Arts” (St. Petersburg).

Kinelev V. G., Doctor of Technical Sciences, Professor, Academician of the RAS, Head of UNESCO Department “Knowledge Society and New Information Technology”, Russian New University (Moscow).

Lukov V. A., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Academician of the International Academy of Sciences (Austria), International Academy of Sciences Teacher Education, Vice-Rector for Science and Publishing, Director of the Institute of Fundamental and Applied Research of Moscow Humanitarian University (Moscow).

Piotr Mazur, Professor, Doctor of Pedagogical Sciences, Head of Department of Pedagogy, Higher State Vocational School in Chelm (Chelm, Poland).

Razlogov K. E., Doctor of Arts History, Professor, Honorary Worker of Arts of the Russian Federation, Honorary Member of the Brazilian Academy of Philosophy, Member of the Scientific Council of Russian Academy of Sciences on Complex Problem “History of World Culture”, Head of the Commission of the Scientific Council for the Study and Protection of Cultural and Natural Heritage, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Aca-

циональной академии кинематографических искусств и наук России (г. Москва).

Садовой А. Н., доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией этносоциальных проблем Сочинского научно-исследовательского центра Российской академии наук (г. Сочи).

Смолянинова О. Г., доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, директор Института педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета (г. Красноярск).

Сунь Юйхуа, доктор педагогических наук, профессор, ректор Даляньского университета иностранных языков (г. Далянь, КНР).

Тер-Минасова С. Г., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории преподавания иностранных языков, президент факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (г. Москва), лауреат Ломоносовской и Фулбрайтской премий, почетный доктор Бирмингемского университета (Великобритания) и Нью-Йоркского университета (США).

Ткаченко Е. В., доктор химических наук, профессор, академик, лауреат Премии Президента Российской Федерации в области образования (г. Москва).

Урсул А. Д., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Академии наук Молдавии, президент Международной академии ноосферы (устойчивого развития), профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (г. Москва).

Хандке Ришард, профессор, ректор Академии искусств (г. Щецин, Польша).

Хесус Лау, доктор философии, профессор, председатель секции информационной грамотности ИФЛА, директор Исследовательского центра Университета Веракруза (Мексика).

Чжао Цзиминь, профессор, ректор Чанчуньского государственного педагогического университета (г. Чанчунь, КНР).

demician-Secretary of the National Academy of Motion Picture Arts and Sciences of Russia (Moscow).

Sadovoi A. N., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Ethno-social Problems, Sochi Research Center of the Russian Academy of Sciences (Sochi).

Smolyaninova O. G., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Corresponding Member of the RAS, Director of Institute of Pedagogy, Psychology and Sociology, Siberian Federal University (Krasnoyarsk).

Sun Yuhua, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Rector of Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China).

Ter-Minasova S. G., Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of Department of the Theory of Teaching the Foreign Languages, President of the Faculty of Foreign Languages and Regional Study of M. V. Lomonosov Moscow State University (Moscow), Winner of the Lomonosov and Fulbright Awards, Honorary Doctor of the University of Birmingham (UK) and New York University (USA).

Tkachenko E. V., Doctor of Chemical Sciences, Professor, Academician, Laureate of the Award of the President of the Russian Federation in the Field of Education (Moscow).

Ursul A. D., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Academician of the Academy of Sciences of Moldova, President of the International Academy of the Noosphere (Sustainable Development), Professor of M. V. Lomonosov Moscow State University (Moscow).

Handke Ryszard, Professor, Rector of the Academy of Arts (Szczecin, Poland).

Jesús Lau, Doctor of Philosophy, Professor, Head of IFLA Section of Information Literacy, Director of Research Center, University of Veracruz (Mexico).

Zhao Jimin, Professor, Rector of Changchun State Pedagogical University (Changchun, China).

СОСТАВ НАУЧНОЙ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

Научные редакторы разделов

Раздел «Культурология»

Мартынов Анатолий Иванович, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, профессор кафедры музейного дела Кемеровского государственного университета культуры и искусств, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Кемерово).

Миненко Геннадий Николаевич, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры культурологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, член Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры (г. Кемерово).

Красиков Владимир Иванович, доктор философских наук, профессор, Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии естествознания (г. Москва).

Марков Виктор Иванович, доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор кафедры культурологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Раздел «Искусствоведение»

Проконова Наталья Леонидовна, доктор культурологии, кандидат искусствоведения, профессор, заведующая лабораторией теоретических и методических проблем искусствоведения, директор института театра Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL

Scientific Editors of Sections

Section of Culturology

Martynov Anatolii Ivanovitch, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of RANS, Professor of Department of Museum Sciences, Kemerovo State University of Culture and Arts, Honored Worker of Science of the Russian Federation (Kemerovo).

Minenko Gennady Nikolayevich, Doctor of Culturology, Professor, Professor of Department of Culturology, Kemerovo State University of Culture and Arts, Correspondent Member of Petrovsky Academy of Sciences and Arts, Member of International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture (Kemerovo).

Krasikov Vladimir Ivanovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Science (Moscow).

Markov Viktor Ivanovich, Doctor of Culturology, Candidate of Philosophical Sciences, Professor of Department of Culturology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Section of History of Art

Prokopova Natalia Leonidovna, Doctor of Culturology, Candidate of Arts History, Professor, Head of Laboratory of Theoretical and Methodological Problems of Art, Director of Institute of Theatre, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Степанская Тамара Михайловна, доктор искусствоведения, профессор, член-корреспондент Российской академии естествознания, заведующая кафедрой истории отечественного и зарубежного искусства Алтайского государственного университета (г. Барнаул).

Умнова Ирина Геннадьевна, доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой музыковедения и музыкально-прикладного искусства Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Раздел «Педагогические науки»

Гендина Наталья Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, академик МАН ВШ, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член Постоянного комитета IFLA по информационной грамотности, эксперт ЮНЕСКО по проблемам разработки индикаторов медиа- и информационной грамотности, директор НИИ информационных технологий социальной сферы Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Пилко Ирина Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе Кемеровского государственного университета культуры и искусств, член Совета Российской библиотечной ассоциации (г. Кемерово).

Пономарёв Валерий Дмитриевич, доктор педагогических наук, доцент, проректор по творческой и международной деятельности Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Ярошенко Николай Николаевич, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности Московского государственного университета культуры и искусств (г. Москва).

Stepanskaya Tamara Mikhailovna, Doctor of Arts History, Professor, Corresponding Member of Russian Academy of Natural Sciences, Head of Department of History of Native and Foreign Art, Altai State University (Barnaul).

Umnova Irina Gennadievna, Doctor of Arts History, Professor, Head of Department of Musicology and Musical Arts, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Section of Pedagogical Sciences

Gendina Natalia Ivanovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Academician of IAS HS, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Member of the IFLA Standing Committee on Information Literacy, UNESCO Expert on the Development of Indicators of Media and Information Literacy, Director of R&D Institute of Information Technologies in Social Sphere of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Pilko Irina Semyonovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice-Rector for Academic Work of Kemerovo State University of Culture and Arts, Member of the Russian Library Association Council (Kemerovo).

Ponomaryov Valery Dmitrievich, Doctor of Pedagogical Sciences, Docent, Vice Rector for Creative and International Activity of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Yaroshenko Nikolay Nikolaevich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Sociocultural Activity of Moscow State University of Culture and Arts (Moscow).

Заруба Наталья Андреевна, доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор, академик Академии педагогических и социальных наук, заслуженный учитель Российской Федерации, профессор кафедры педагогики и психологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Панина Татьяна Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный учитель Российской Федерации, действительный член Академии педагогических и социальных наук, директор института дополнительного профессионального образования Кузбасского государственного технического университета имени Т. Ф. Горбачева (г. Кемерово).

Раздел «Научная жизнь университета»

Егле Людмила Юрьевна, кандидат культурологии, доцент, начальник научного управления Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Zaruba Natalia Andreyevna, Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Academician of Academy of Pedagogical and Social Sciences, Honored Teacher of the Russian Federation, Professor of Department of Pedagogy and Psychology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Panina Tatiana Semenovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honored Teacher of the Russian Federation, Member of the Academy of Pedagogical and Social Sciences, Director of the Institute for Continuing Professional Education of T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Kemerovo).

Section of Scientific Life of the University

Egle Ludmila Yurievna, Candidate of Culturology, Docent, Head of Scientific Department of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Макарчук С. В., Звягин С. П. Культурно-просветительные общества на востоке России в конце XIX – начале XX века.....	13
Подзюбан Е. В. Американская историческая школа и культурная концепция Ф. Боаса: историографический обзор (продолжение).....	20
Сафонов Е. Н. Идеологическое отражение процесса глобализации в условиях современной социокультурной ситуации.....	29
Лесовиченко А. М., Мальцева Е. А. Художественно-культурные аспекты железнодорожного транспорта.....	33
Казарина Т. Ю. Современная культура в визуальном пространстве.....	39
Старцева А. С. Специфика создания и продвижения культурного бренда Омской области.....	49
Ефременко О. С. Полемика «первичной» и «вторичной» культур в первых отзывах российской прессы на творчество М. Метерлинка.....	60
Флеенко Д. А. Социально-творческое противостояние как фактор формирования театра кукол «Уральской зоны».....	67
Дергилева Т. В. Трансформация научно-методической деятельности центральных библиотек на примере Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук.....	77
Усков И. Ю. Становление кузнецкого исторического краеведения.....	84
Булгакова В. В. Теоретические и методологические аспекты социокультурной интеграции инвалидов в музейной среде.....	96
Клюев Ю. В. Особенности развития музейных дестинаций в городе Кемерове.....	106
Кимеева Т. И., Глушкова П. В. Овеществленные компоненты святочного календарного обряда русских как объект нематериального культурного наследия.....	113
Кимеева Т. И., Пронина С. А. Проблемы фондовой деятельности в этнографических музеях под открытым небом Западной Сибири.....	122
Глушкова П. В., Головач Д. В. Модель актуализации календарной обрядности русских Сибири в музее (на примере Кемеровской области).....	130
Каплунов В. А. Роль музея-заповедника «Томская писаница» в социопространстве Кемеровской области и Западной Сибири.....	138
Пазио-Влазловская Д. Концепт «бездомные» на материале современной прессы.....	147
Ковалева Г. П. Феномен «духовности» как онтологический фактор «универсальной эволюции»...	155

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Леонова Н. В., Сыченко Г. Б., Юша Ж. М. Принципы многоуровневого описания локальных песенных традиций.....	161
---	-----

Кочекон В. Ф. Из истории развития академического исполнительства на русских народных инструментах в Челябинской области: международные фестивали и конкурсы баянистов и аккордеонистов.....	168
Никулин В. Г. Церковные певческие курсы учителей хорового пения Якутской духовной епархии конца XIX – начала XX века	176
Фрейверт Л. Б., Жердев Е. В. Образно-формальные аспекты проектирования объектов «безбарьерной среды» для детей-инвалидов.....	180

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

К 10-летию кафедры управления социальной сферы ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств»

Юдина А. И. Стиль руководства как фактор эффективного менеджмента сферы культуры.....	191
Ивлева Т. Н. Интерактивные методы обучения в повышении квалификации специалистов в сфере фитнеса и рекреации.....	196
Салазкина Л. П. Опыт и перспективы организации производственной практики студентов.....	207
Малкина Е. А., Соболевская Ю. В. Карьера как условие профессионального развития молодого преподавателя вуза.....	212
Бучилина Т. П. Об особенностях компетентностного подхода в высшем профессиональном образовании.....	218
Кудрин В. С. К вопросу о психолого-педагогических проявлениях экстремизма в молодежной среде.....	225
Смирнов Я. Ю. К вопросу о морфологии русской народной песни.....	232
Колков А. И. Планетарное мировоззрение – основа будущего.....	238

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

Юбилей

Марков В. И., Двуреченская А. С. Учёный, учитель, коллега: к юбилею профессора Г. Н. Миленко.....	244
Ахметгалеева З. М., Григоренко Н. Н. Создание условий безбарьерной среды в ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств»: проблемы и перспективы.....	247
Алфавитный указатель авторов.....	252

CONTENTS

CULTUROLOGY

Makarchuk S. V., Zviagin S. P. Cultural and Educational Society in Eastern Russia in the Late XIX – Early XX Century.....	13
Podzyuban E. V. The American Historical School and Cultural Concept of F. Boas: Historiographical Review (continuation).....	20
Safonov E. N. Ideological Reflection of the Globalization Process in the Conditions of Modern Social and Cultural Situation.....	29
Lesovichenko A. M., Maltseva E. A. Art and Cultural Aspects of the Railway Transport.....	33
Kazarina T. Y. Modern Culture in Visual Space.....	39
Startseva A. S. The Specific of Creating and Promotion of Cultural Brand in Regional Imaging Process of Omsk Region.....	49
Efremenko O. S. The Controversy of “Primary” and “Secondary” Cultures in the First Russian Press Reviews of M. Maeterlinck’s Creative Work.....	60
Fleenko D. A. Social and Creative Opposition as a Factor of Formation of the “Ural Zone” Puppet Theatre.....	67
Dergileva T. V. Transformation of Scientific Methodological Activities of Central Libraries as in the State Public Scientific Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.....	77
Uskov I. Y. Formation of Kuznetsk Historical Regional Studies.....	84
Bulgakova V. V. Theoretical and Methodological Aspects of Sociocultural Integration of Disabled People in the Museum Environment.....	96
Klyuyev Y. V. The Development Features of Museum Destinations in Kemerovo.....	106
Kimeeva T. I., Glushkova P. V. The Embodiments of Components of the Christmas Calendar Rite of Russians as the Object of the Intangible Cultural Heritage.....	113
Kimeeva T. I., Pronina S. A. The Stock Activity Problems in Ethnographic Open-air Museums of Western Siberia.....	122
Glushkova P. V., Golovach D. V. The Model of Updating the Calendar Rituals of Russians in Siberia in the Museum (on the Example of Kemerovo Region).....	130
Kaplunov V. A. The Role of the Museum-Reserve “Tomskaya Pisanitsa” in the Social Space of Kemerovo Region and Western Siberia.....	138
Pazio-Wlazłowska D. The Concept of “The Homeless” in the Contemporary Russian Press.....	147
Kovaleva G. P. Phenomen of “Spirituality” as an Ontological Factor of Universal Evolution.....	155

HISTORY OF ART

Leonova N. V., Sychenko G. B., Yusha Z. M. Principles of a Multilevel Description of Local Song Traditions.....	161
--	-----

Kochekov V. F. From History of Development of Academic Performing on Russian Folk Instruments in Chelyabinsk Area: International Festivals and Competitions of Bayan-accordion Players.....	168
Nikulin V. G. Church Singing Courses for Choir Teachers at Yakutian Eparchy in Late XIX – Early XX Century.....	176
Zherdev E. V., Freivert L. B. Figurative Formal Aspects of Design of Barrier-free Environmental Objects for Children With Disabilities.....	180

PEDAGOGICAL SCIENCIES

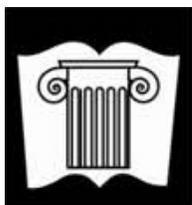
To the 10th Anniversary of Chair of Management of Social Sphere of FSBEI HPE “Kemerovo State University of Culture and Arts”

Yudina A. I. Leadership Style as a Factor of Effective Management in the Sphere of Culture.....	191
Ivleva T. N. Intensive Teaching Methods in Training the Specialists in the Field of Fitness and Recreation.....	196
Salazkina L. P. Experience and Prospects of the Organization of Industrial Practice of Students.....	207
Malkina E. A., Sobolevskaya Y. V. Career Planning as a Professional Development Condition of a Young High School Teacher.....	212
Buchilina T. P. About the Characteristics of Competence-Based Approach in Higher Professional Education.....	218
Kudrin V. S. The Question of Psycho-Pedagogical Manifestations of Extremism Among Young People.....	225
Smirnov Y. Y. To the Question of the Morphology of Russian Folk Songs.....	232
Kolkov A. I. A Planetary Worldview: the Basis for the Future.....	238

SCIENTIFIC LIFE OF THE UNIVERSITY

Anniversary

Markov V. I., Dvurechenskaya A. S. The Scientist, Teacher, Peer: to the Jubilee of Professor G. N. Minenko.....	244
Ahmetgaleeva Z. M., Grigorenko N. N. Creating the Conditions for Barrier-Free Environment in Kemerovo State University of Culture and Arts: Problems and Prospects.....	247
The List of Authors in Alphabetical Order.....	252

КУЛЬТУРОЛОГИЯ CULTUROLOGY

УДК 374.7: 061(571) «188/191»

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА НА ВОСТОКЕ РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Макарчук Сергей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ). E-mail: makar@kemsu.ru

Звягин Сергей Павлович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ). E-mail: whitesiberia@narod.ru

Авторами изучается процесс становления и деятельности культурно-просветительных обществ в Сибири и на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX века. В статье показана роль политических партий в руководстве обществами культурно-просветительного и благотворительного характера. Авторы статьи приходят к выводу, что большинство обществ создавались представителями беспартийной интеллигенции, преследовали чисто «культурнические» цели и старались отгородиться от политики.

Ключевые слова: Сибирь, Дальний Восток, культурно-просветительные общества, «культурничество», социалисты-революционеры, социал-демократы, кадеты.

CULTURAL AND EDUCATIONAL SOCIETY IN EASTERN RUSSIA IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY

Makarchuk Sergei Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of Department of National History, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: makar@kemsu.ru

Zviagin Sergey Pavlovich, Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of National History, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: whitesiberia@narod.ru

We study the problem of the formation of political culture, civil society and education in the eastern regions of Russia, Siberia and the Far East. This article attempts to uncover, based on archival materials, the unknown aspects of the activity of cultural and educational societies, show their relationship to the party-political forces and the impact on the culture of the region.

Cultural and educational organizations have played a significant role in the spiritual life of the population of the eastern regions of the country. Formed by largely non-party intellectuals and the middle class, these societies pursued purely “uplift” goals, sought to dissociate themselves from politics.

However, members of political parties understand that participation in the societies and institutions of cultural and educational nature, on the one hand, allows to keep contact with the masses and, on another, extends the capabilities of advocacy. Although legitimate cultural and educational societies often find consensus, representatives of various political parties and groups, some of them still attempt struggle for dominant influence between the Social Democrats, Socialist Revolutionaries, Cadets. However, no region in the east of the country, no single party managed to create their own “party groups” in any legitimate cultural and educational society.

Keywords: Siberia, the Far East, cultural and educational society, “uplifters”, Socialist Revolutionaries, Social Democrats, Cadets.

Проблемы становления политической культуры, гражданского общества и просвещения в стране всё больше становятся объектом внимания исследователей. Не остаются в стороне и восточные регионы России – Сибирь и Дальний Восток [19]. В предлагаемой статье предпринимается попытка раскрыть, опираясь на архивные материалы, неизвестные стороны деятельности культурно-просветительных обществ, показать их связь с партийно-политическими силами и влияние на культуру регионов.

В восточных регионах России действовали самые различные культурно-просветительные общества, большинство из которых возникли в дни революции 1905–1907 годов и последующие годы, но некоторые отсчитывали свою историю с конца XIX века. К 1894 году относится возникновение Общества попечения о начальном образовании в г. Омске. Оно занималось постановкой воскресных школ и вечерних образовательных курсов. Ещё до революции в Омске возникло Вольное экономическое общество, по инициативе которого в 1906 году была создана Лига образования, имевшая даже районные отделы. Своей главной задачей лига ставила организацию внешкольного образования: устройство лекций, народных чтений, библиотек-читален [17, л. 16, 23]. В Благовещенске кружок любителей музыки и литературы возник в 1894 году [26, л. 2].

В последующие годы наблюдается резкий рост числа культурно-просветительных обществ во всех регионах Сибири и Дальнего Востока. Они наименее пострадали в результате революции 1905–1907 годов. Большинство культурно-просветительных обществ продолжали действовать на протяжении всего межреволюционного периода. В это время шёл довольно активный процесс образования новых обществ. Только в 1907–1910 годах лишь на Дальнем Востоке, по нашим подсчётам, возникло более десяти культурно-просветительных обществ. Всего же в это время там действовало более 40 обществ культурно-просветительного направления. В одной из статей газеты «Жизнь», выходящей в далёком Харбине – центре принадлежащей России полосы отчуждения Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), читаем: «Попробуйте сосчитать сколько в Харбине разных общественных, просветительных, благотворительных и тому подобных учреждений. Ручаюсь, что вы это не сделаете ни

в коем случае. Найдите хотя бы одного сколько-нибудь порядочного харбинца, который не числился бы членом какого-либо местного общественного учреждения. Этого вам не удастся. Общественной жизнью у нас заражены положительно все – от мала до велика, без различия пола, званий, состояний, вероисповеданий и подданств и даже возраста» [20]. Из этой же газеты мы узнаём о существовании в Харбине Общества маньчжурских народных университетов, Общества бесплатной библиотеки-читальни, Маньчжурского педагогического общества.

Похожая картина наблюдалась в других городах Сибири. В Омске в 1909 году, по данным местной прессы, существовало свыше 30 просветительных и благотворительных обществ [22]. В Чите действовали: общество «Вестник знания», Общество изучения Сибири и улучшения её быта, Общество народных чтений, географическое общество. В Иркутске известностью пользовались: общество «Просвещение», Общество по устройству народных чтений, Общество общедоступных курсов, Иркутское отделение российской лиги эсперантистов. В 1916 году в Иркутской губернии насчитывалось 16 культурно-просветительных обществ [2, л. 48]. Всего же в Сибири и на Дальнем Востоке к 1917 году действовало не менее 130 обществ культурно-просветительного характера.

Особую роль играли общества в культурной и политической жизни малых городов и посёлков. Газета «Сибирская жизнь» сообщала, что вся общественная жизнь Черемхово сосредоточена в образовательном обществе, которое «устраивает народные чтения, спектакли, иногда лекции, оно же почти всегда так или иначе откликается на те или другие события» [28]. В Ачинске общественная жизнь была сосредоточена в Обществе народного образования, куда входили политические ссыльные – представители различных политических партий, а заведующим библиотекой общества в 1914 году стал социал-демократ Ф. К. Врублевский [33, л. 2–3]. В Мариинске ещё до революции возникло Мариинское библиотечное общество, в котором к 1909 году осталось 1–2 члена. Но затем, как сообщает «Сибирская жизнь», «к обществу примкнула группа новых лиц, желающих работать в нём и дело снова стало налаживаться» [29]. На 1 апреля 1912 года в списках числилось 98 членов общества [29]. В небольшом полудеревенском Кузнецке действовал Народный

дом попечительства о народной трезвости, воскресная школа для взрослых, общества драматического искусства и вспомоществования нуждающимся учащимся [30].

Организации культурно-просветительного характера существовали и в сельской местности – в небольших посёлках и деревнях, на железнодорожных станциях. В селе Моготуй в Забайкалье успешно действовало Общество бесплатной народной библиотеки-читальни. Бесплатные народные библиотеки находились также в селе Кабанском Селенгинского уезда и станицах Кударинской и Атамановско-Николаевской. В селе Агинском с 1909 года существовало Общество просвещения бурят. На Дальнем Востоке известны Общество содействия начальному народному образованию на Имане и Общество попечения о начальном народном образовании в посту Святой Ольги.

Большинство обществ культурно-просветительного характера в городах Сибири и Дальнего Востока возникали и действовали по инициативе беспартийной интеллигенции, купечества, мещанства. Были также общества, возникающие по инициативе представителей какой-либо из политических партий или группы лиц, принадлежащих к различным партиям. Так, например, носившее культурно-просветительные функции добровольно-пожарное общество на станции Тайга возникло и действовало под руководством Г. Петрова, являющегося одновременно главой тайгинского отдела Союза русского народа [21]. Кадеты создали и возглавили Общество попечения о народном образовании в Бийске. Группой кадетов и областников было создано Общество изучения городского и земского дела в Томске. Кадеты возглавили ряд культурно-просветительных обществ в Иркутске, Тюмени, Омске [31, с. 137].

Некоторые общества создавались кадетами совместно с представителями социалистических партий. 14 сентября 1907 года состоялось первое собрание вновь учреждённого общества «Просвещение» в Иркутске. В состав руководителей общества были избраны конституционные демократы Фёдоров, Смирнов и социал-демократы Помус и Сустова [3, л. 13]. В дальнейшей работе общества принимали участие и социалисты-революционеры. В Красноярске в 1909 году в числе учредителей «Лиги образования» значился эсер Сальстрем и кадеты Скорняков, Козлов

и Волков. Устав лиги провозглашал: «Общество имеет целью содействовать постановке и распространению как школьного, так и внешкольного образования на началах, соответствующих вполне развитому демократическому строю общества» [10, л. 9, 16].

В марте 1908 года в Петербурге состоялось первое собрание созданного по инициативе либерального движения страны «Общества изучения Сибири и улучшения её быта». В состав его правления вошли видные сибирские кадеты Н. В. Некрасов и П. М. Головачёв [34, с. 37–39]. В Сибири отделы общества открылись в Томске, Тобольске, Ишиме, Бийске, Иркутске, Тулуне, Красноярске, Омске, Братске, Чите. Социалисты приняли участие в их работе, а в ряде случаев выступили даже инициаторами их создания, вошли в руководящие органы [21, с. 139–140]. В Братске социал-демократ В. В. Рябиков выступил инициатором создания отделения Общества изучения Сибири и улучшения её быта и на протяжении 1912–1914 годов ссыльные эсдеки руководили работой общества, а также библиотекой и музеем при нём. В Тулуне в аналогичное общество входили ссыльные социал-демократы А. М. Буйко и И. А. Евсенин. С момента открытия Красноярского отдела Общества изучения Сибири и улучшения её быта его действительным членом был находящийся здесь в ссылке социал-демократ А. Г. Шлихтер, он же входил в Красноярский отдел Русского географического общества. Членом Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества и Томского отделения Общества изучения Сибири был известный социал-демократ Н. А. Рожков [23]. В Чите социал-демократы и эсеры вошли в Забайкальский отдел Общества изучения Сибири и улучшения её быта [1, л. 1–3]. В Иркутский отдел общества также вошли представители обеих социалистических партий, а председателем комитета общества стал социал-демократ М. А. Кроль [4, л. 235, 238].

Агентурные сведения, имеющиеся в Омском губернском жандармском управлении (ГЖУ), указывали на стремление местной организации РСДРП «направлять деятельность» Омского отделения Общества изучения Сибири, а на партийном собрании омских эсдеков 31 мая 1914 года было решено открыть при обществе экономическую секцию [18, л. 100]. В Благовещенске учредителем Амурского отделения Общества изучения

Сибири выступил социал-демократ А. И. Дацков, членом комитета общества стал социал-демократ В. Я. Ротт, а активное участие в его работе принимали эсдеки Г. Г. Лапердин, А. В. Рожковская, А. В. Дацкова [13, л. 75–76]. Из отчёта общества с 1 марта 1909 года по 21 марта 1910 года видно, что в него входило 122 члена, «среди них есть и лица свободных профессий, и служащие, и рабочие» [27, л. 32].

Существовали общества, действующие усилиями преимущественно социалистических партий. В Енисейске в 1909 году председателем Общества попечения о начальном образовании был социалист-революционер А. А. Платонов [11, л. 77]. В Тюмени члены местной группы социалистов-революционеров пытались выступить в 1912 году учредителями общества самообразования, но эта задача была решена лишь в 1913 году социал-демократами [16, л. 86]. В 1913 году во Владивостоке эсеры организовали кружок «Дружество». Кружок должен был вести культурно-просветительную работу в крестьянской среде [5, л. 71]. В Чите в годы Первой мировой войны действовали два крупных культурно-просветительных общества – народных чтений и народного дома, первым руководили эсеры, а вторым – эсдеки. 7 ноября 1915 года на собрании Читинского общества народных чтений был поставлен вопрос о присоединении к Обществу народного дома, но решён он был отрицательно, что говорит о серьёзности межпартийных противоречий [6, л. 64, 68].

В Красноярске социал-демократы работали в обществе попечения о начальном образовании. 5 июня 1912 года при обыске в магазине этого общества были найдены печатные издания, «в значительной части посвящённые трактованию социал-демократических идей» [25, л. 79]. В книжном же складе общества обнаружено «ок. 900 политических запрещённых брошюр», в том числе произведения Маркса, Каутского, Плеханова, Ленина [12, л. 3, 9–15].

Иногда сторонники партийности в социал-демократической и эсеровской партиях совместно использовали возможности легальных обществ в целях подпольной партийной работы. В Иркутске, например в 1913–1916 годах эти функции выполняло созданное социал-демократами совместно с социалистами-революционерами

просветительное общество «Знание». В помещении общества проводились партийные собрания, а также диспуты между эсдеками и эсерами, в том числе посвящённые отношению к империалистической войне. Председатель общества «Знание» социал-демократ Д. Трофимов одновременно являлся одним из руководителей нелегального «Союза сибирских рабочих». Вместе с тем среди социал-демократов – членов общества «Знание» шли постоянные споры между «легалистами» и «алегалистами». Дело дошло даже до рассмотрения вопроса о ликвидации подпольной партийной организации, а один из её членов – Старостин, утверждал, «что разговоры о роспуске и не роспуске излишни, так как организация лишь осталась в воображении руководящего коллектива, а в действительности она уже распалась» [32, л. 5–6].

Надо иметь ввиду, что социалисты работали лишь не более, чем в 37–40 % обществ культурно-просветительного характера. Из приводимой ниже таблицы, составленной в результате обобщения данных исследований, периодической печати, архивов, видно, что из не менее чем 130 культурно-просветительных обществ, существовавших в восточных районах страны, социалисты участвовали в 46, причём исторические документы сохранили свидетельства об участии отдельно социал-демократов в 30 обществах, социалистов-революционеров – в 6 и совместно представителей обеих партий – в 8 обществах.

Таблица 1

**Участие социалистов в культурно-просветительных обществах восточных регионов России.
Июнь 1907 – февраль 1917 года**

Регионы	Всего обществ	Культурно-просветительные общества			
		с участием социалистов	с участием с.-д.	с участием с.-р.	совместное участие
Тобольская губ.	3	2	1	1	-
Акмолинская обл.	32	5	4	-	1
Томская губ.	15	4	3	1	-
Енисейская губ.	11	6	4	1	1
Иркутская губ.	16	14	7	1	6
Забайкальская обл.	13	3	1	1	1
Д. Восток и КВЖД	40	12	10	1	1
Всего	130	46	30	6	10

В таблице учтены также 7 национальных и благотворительных обществ, в которых принимали участие социалисты. По своей сути и методам работы (проведение лекций, бесед, вечеров, организация национальных и благотворительных классов и школ) они тесно смыкались с культурно-просветительными обществами. Во Владивостоке член местной социал-демократической группы А. П. Сихуралидзе вошёл в руководящий орган общества грузин [24]. Среди членов образованного во Владивостоке латышского национального общества «Аустра» также были социал-демократы, причём по сообщению охранного отделения «кружок латышей... в действительности ставит своей целью преступную пропаганду» [14, л. 40].

В Иркутске в 1911 году эсеры и эсдеки совместно работали в польско-литовском обществе «Огниво» [7, л. 6]. Здесь же существовало благотворительное общество вспомоществования учащимся бурятам Иркутской губернии, в котором принимали участие социал-демократы. Во время войны социал-демократы и эсеры Иркутска вошли в руководящие органы Еврейского общества по оказанию помощи беженцам-евреям [15, л. 26]. Представители обеих социалистических партий также участвовали в работе иркутского отдела Сибирского общества для подачи помощи раненым воинам [8, л. 28–29].

На Дальнем Востоке социал-демократы в 1910 году входили в городское благотворительное общество в г. Никольске-Уссурийском, а так-

же в существующие в г. Благовещенске общество покровительства лицам, освобождённым из мест заключения и общество вспомоществования политическим ссыльным и заключённым (в последнее общество входили и эсеры) [9].

Таким образом, культурно-просветительные и близкие к ним по характеру организации, а также создаваемые ими учреждения (воскресные школы, народные дома и университеты, библиотеки-читальни, общеобразовательные курсы, клубы) играли значительную роль в духовной жизни населения восточных регионов страны. Образующие в основном представителями беспартийной интеллигенции и мещанства, эти общества преследовали чисто «культурнические» цели, стремились отгородиться от всякой политики. Вместе с тем, члены политических партий понимали, что участие в обществах и учреждениях культурно-просветительного характера, с одной стороны – позволяет сохранить связь с массами, а с другой – расширяет возможности агитационно-пропагандистской работы. Хотя в легальных культурно-просветительных обществах часто находили консенсус представители различных политических партий и группировок, в некоторых из них предпринимались попытки борьбы за преобладающее влияние между социал-демократами, социалистами-революционерами, кадетами. Однако ни в одном регионе на востоке страны ни одной партии не удалось создать своих «партийных групп» в каком-либо легальном культурно-просветительном обществе.

Литература

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). – Ф. 239. – Оп. 1. – Д. 18А.
2. ГАИО (Государственный архив Иркутской области). – Ф. 601. – Оп. 1. – Д. 1198.
3. ГАИО. – Ф. 601. – Оп. 1. – Д. 107.
4. ГАИО. – Ф. 600. – Оп. 1. – Д. 678.
5. ГАИО. – Ф. 600. – Оп. 1. – Д. 724.
6. ГАИО. – Ф. 600. – Оп. 1. – Д. 892.
7. ГАИО. – Ф. 600. – Оп. 1. – Д. 539.
8. ГАИО. – Ф. 600. – Оп. 1. – Д. 884.
9. ГАИО. – Ф. 600. – Оп. 1. – Д. 423. – Л. 481; РГИА ДВ (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока). – Ф. 704. – Оп. 7. – Д. 733.; Ф. 520. – Оп. 1. – Д. 214.
10. ГАКК (Государственный архив Красноярского края). – Ф. 827. – Оп. 1. – Д. 269.
11. ГАКК. – Ф. 287. – Оп. 1. – Д. 303.
12. ГАКК. – Ф. 827. – Оп. 1. – Д. 802.
13. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). – Ф. 102. – ДП.ОО, 1909 год. – Ед. хр. 5ч82лА.
14. ГАРФ. – Ф. 102. – ДП.ОО, 1908 год. – Ед. хр. 5ч82лА.
15. ГАРФ. – Ф. 102. – ДП.ОО, 1915 год. – Ед. хр. 20ч27лБ.

16. ГАСПИТО (Государственный архив социально-политической истории Тюменской области). – Ф. 1545. – Оп. 11. – Д. 24.
17. ГИАОО (Государственный исторический архив Омской области). – Ф. 270. – Оп. 1. – Д. 23.
18. ГИАОО. – Ф. 270. – Оп. 1. – Д. 532.
19. Дегальцева Е. А. Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861–1917 годы). – Барнаул, 2002; Штырбул А. А. Политическая культура Сибири: Опыт провинциальной многопартийности (конец XIX – первая четверть XX века). Часть I. – Омск, 2003; Попов Д. И. Культурно-просветительные общества в Сибири в конце XIX – начале XX века. – Омск, 2006; Ищенко О. В. Студенческая и учащаяся молодежь как фактор общественного движения и культурной жизни Сибири (конец XIX – начало XX века). – Омск, 2010.
20. Жизнь. – 1913. – 15 авг.
21. Макарчук С. В. Культурно-просветительные общества в малых городах Сибири. 1907–1917 годы // Проблемы культуры малых городов Сибири: мат-лы Всерос. науч.-практ. семинара. – Омск; Тара, 1995. – С. 84–86; Макарчук С. В. Культурно-просветительное «Общество изучения Сибири и улучшения её быта»: Роль социалистов в сибирских отделениях в 1908–1916 годах // Культурное наследие Азиатской России: мат-лы I Сибир.-Урал. истор. конгр. – Тобольск, 1997.
22. Омский вестн. – 1909. – 14 авг.
23. Подробнее о деятельности члена ЦК РСДРП Н. А. Рожкова в культурно-просветительных организациях Сибири см.: Макарчук С. В. Н. А. Рожков в сибирской ссылке. 1910–1917 годы // Персонажи российской истории: тез. III Всерос. науч. конф. – СПб., 1996. – С. 155–158.
24. Приморье. – 1907. – 3 окт.
25. РГИА (Российский государственный исторический архив). – Ф. 1405. – Оп. 530. – Д. 813.
26. РГИА ДВ. – Ф. 704. – Оп. 7. – Д. 109.
27. РГИА. – Ф. 1405. – Оп. 530. – Д. 813.
28. Сибирская жизнь. – 1912. – 9 июня.
29. Сибирская жизнь. – 1912. – 9 мая.
30. Сибирская жизнь. – 1912. – 17 мая; 18 мая.
31. Толочко А. П. Политические партии и борьба за массы в Сибири в годы нового революционного подъёма. 1910–1917 годы. – Томск, 1989.
32. ЦДНИ ИО (Центр документации новейшей истории Иркутской области). – Ф. 300. – Оп. 1. – Д. 327.
33. ЦХИДНИ КК (Центр хранения и использования документации новейшей истории Красноярского края). – Ф. 64. – Оп. 5. – Д. 104.
34. Шиловский М. В. «Общество изучения Сибири и улучшения её быта» и его роль в развитии науки и культуры Сибири начала XX века // Роль науки в освоении восточных регионов страны: тез. докл. и сообщений Всерос. науч. конференции. – Новосибирск, 1992.

References

1. GAZK (Gosudarstvennyi arhiv Zabaikal'skogo kraia) [State Archive of the Trans-Baikal Territory]. F. 239. Op. 1. D. 18A. (In Russ.).
2. GAIO (Gosudarstvennyi arhiv Irkutskoi oblasti) [State Archive of the Irkutsk region]. F. 601. Op. 1. D. 1198. (In Russ.).
3. GAIO. F. 601. Op. 1. D. 107. (In Russ.).
4. GAIO. F. 600. Op. 1. D. 678. (In Russ.).
5. GAIO. F. 600. Op. 1. D. 724. (In Russ.).
6. GAIO. F. 600. Op. 1. D. 892. (In Russ.).
7. GAIO. F. 600. Op. 1. D. 539. (In Russ.).
8. GAIO. – F. 600. – Op. 1. – D. 884. (In Russ.).
9. GAIO. F. 600. Op. 1. D. 423. L. 481; RGIA DV (Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arhiv Dal'nego Vostoka) [Russian State Historical Archives of the Far East]. F. 704. Op. 7. D. 733.; F. 520. Op. 1. D. 214. (In Russ.).
10. GAKK (Gosudarstvennyi arhiv Krasnoiar'skogo kraia) [State Archives of the Krasnoyarsk Territory]. F. 827. Op. 1. D. 269. (In Russ.).
11. GAKK. F. 287. Op. 1. D. 303. (In Russ.).
12. GAKK. F. 827. Op. 1. D. 802. (In Russ.).

УДК 008:001.8

АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА И КУЛЬТУРНАЯ КОНЦЕПЦИЯ Ф. БОАСА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Подзубан Елена Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и культурологии, Новосибирский государственный аграрный университет (г. Новосибирск, РФ).
E-mail: podzuban@mail.ru

Статья посвящена историографическому обзору американской исторической школы и взглядов на культуру Франца Боаса в отечественной литературе за период с 20-х годов XX века по 2013 год. Поскольку был собран объёмный материал, то публикация условно разделена на две части. Эта статья является второй частью работы (первая часть опубликована в «Вестнике КемГУКИ» за 2014 год, № 29/2) и охватывает отечественную литературу за период российской современности (с 1990-х по 2013 год). Для раскрытия темы просматривался солидный круг источников в отечественной литературе (журналы, учебные пособия, учебники, монографии). В статье освещается содержание каждой представленной работы и в заключении делаются выводы о состоянии изученности рассматриваемой темы.

В сравнении с советским периодом круг гуманитарных дисциплин, затронувших рассмотрение культурной концепции Ф. Боаса и теоретического наследия американской исторической школы, несколько расширился.

Эта тема привлекает внимание лингвистов и культурологов, но по-прежнему приоритеты в этом вопросе остаются за этнологами. Из рассмотренных статей в журналах мы видим, что к теоретическому наследию Боаса и его последователей обращаются многие российские учёные как к признанному научному авторитету. Работы современных российских учёных свободны от идеологического подтекста в отличие от советского периода. Однако после советского периода в российской гуманитарной науке так и не появилось пока основательных, переосмысленных монографических трудов об американской исторической школе. В российской учебной литературе внимание преимущественно уделено только основоположнику американской исторической школы Францу Боасу и его последователю Альфреду Луису Крёберу. Слабее всего исследуемая тема представлена в культурологической литературе, что вызывает удивление, поскольку последователи Боаса считаются создателями культурного направления в антропологии, которое через Л. Уайта связано с культурологией.

Ключевые слова: американская школа исторической этнологии, культурная антропология, «школа Боаса», историографический обзор, культурология, этнология, культура.

THE AMERICAN HISTORICAL SCHOOL AND CULTURAL CONCEPT OF F. BOAS: HISTORIOGRAPHICAL REVIEW (CONTINUATION)

Podzyuban Elena Viktorovna, Candidate of Historical Sciences, Docent of Department of History, Political Science and Culturology, Novosibirsk State Agrarian University (Novosibirsk, Russian Federation).
E-mail: podzuban@mail.ru

The article is devoted to the historiography review of American historical school of Franz Boas and his views on the culture. The review covers a Soviet literature of the period from the 1920s until 2013. The article is divided into two parts because a large amount of material was collected. This article is the second part and covers domestic literature of the contemporary Russian period on the problem (1990–2013). Considerable number of sources of national literature (journals, textbooks, monographs) has been viewed for the topic's disclosure. The article highlights the content of each of the presented works and presents conclusions about the state of analysis of the topic in the summary.

A range of the humanities, concerned the examination of the cultural concept of F. Boas and theoretical heritage of the American historical school, has slightly expanded compared to the Soviet period. This topic draws attention of linguists and culturologists. However, ethnologists hold priority in this matter. When we do an analysis of articles in scientific journals, we see that many Russian scientists flip back to the theoretical heritage of Boas and his followers as a recognized scientific authority. Works of contemporary Russian scientists are free of ideological implications in contrast to the Soviet period. However, rethought by scientists, the monograph on the American historical school have not appeared so far in the Russian humanitarian science after the Soviet period. The Russian educational literature focuses predominantly only on Franz Boas, founder of the American historical school and his follower Alfred Louis Kroeber. Researched topic is the weakest in the cultural science literature. This is surprising, because followers of Boas are considered the creators of the cultural trends in anthropology, which is associated with cultural studies due to L. White.

Keywords: American school of historical ethnology, cultural anthropology, "School of Boas," historiographical review, culturological, ethnology, culture.

В первой части статьи речь шла о состоянии и уровне изученности культурной концепции Франца Боаса и его школы в отечественной литературе советского периода (1920-е – начало 1990-х годов). В этой части публикации предполагается продолжить освещение этого же вопроса в отечественной литературе за период российской современности (с 1990-х по 2013 год). В заключении будут подведены итоги по историографическому обзору и намечены дальнейшие перспективы в этом вопросе. Общие пределы исследования охватывают период с конца 20-х годов XX века до конца 2013 года.

Для реализации поставленных задач были преимущественно просмотрены научные журналы («Этнографическое обозрение», «Краткие сообщения института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», «Краткие сообщения института истории материальной культуры», «Краткие сообщения института археологии», «Вопросы философии», «Вопросы истории», «Антропологический форум», «Вопросы языкознания», «Советская археология», «Российская археология») с года их основания до конца 2013 года. Помимо журналов, привлекались научные сборники, учебники и учебно-методические пособия по культурологии, философии, лингвистике, а также монографии по культурологии, культурной антропологии, этнологии.

Среди просмотренных журналов больше всего статей о «школе Боаса» мы встречаем в «Этнографическом обозрении». С 1991 года название периодического издания «Советская этнография» вернулось к дореволюционному названию журнала «Этнографическое обозрение». В этом

журнале об американской исторической школе и Ф. Боасе представлено семь статей за время с 2002 по 2013 год.

Большей частью в этих работах «школа Боаса» только упоминается. За исключением № 6 за 2002 год, где публикуется доклад Ф. Боаса «История антропологии» [4] в переводе И. В. Кузнецова, а следом помещена его статья «История "Истории антропологии"» Франца Боаса» [16]. Этот доклад был прочитан Ф. Боасом в сентябре 1904 года во время Всемирной выставки в Сент-Луисе. В нём автор определяет предмет и поле исследования антропологии, а также рассматривает процесс формирования антропологии как науки. Из текста доклада становится понятно, что для Боаса антропология – это комплексная дисциплина, поскольку антропологи «выбирают для себя такие проблемы», которые решаются на стыке нескольких наук: биология, лингвистика, этнология, археология [4]. Поле изучения антропологии, по мнению Боаса, хоть и «слишком широко», однако «есть все основания для того, чтобы его разделить» [4]. Дело в том, что «биологические, лингвистические и этнолого-археологические методы настолько самостоятельны, что один человек не сможет одинаково хорошо владеть всеми ими» [4, с. 95]. Исходя из того, что антропология – это наука о человеке, Ф. Боас считает предметом её исследования «физическую и духовную жизнь человечества» [4]. Начало формирования антропологического знания американский учёный связывает с описательной историей Геродота. Далее, благодаря И. Г. Гердеру, во второй половине XVIII века «впервые выразилась фундаментальная мысль о развитии культуры челове-

ства как единого целого» [4]. Только к середине XIX века, по мнению Боаса, обнаруживается становление антропологии как науки, «проистекающей из трёх источников: исторического, классификационного и географического» [4]. Не обходит вниманием американский этнограф и методы антропологического изучения: «один – исторический, который стремится реконструировать действительную историю человечества; другой – генерализующий, который пытается установить законы его развития» [4, с. 86–88]. Под генерализующим (обобщающим) методом следует понимать сравнительный, для которого характерно исчезновение интереса к факту и утрата реалистичности. Генерализующий метод преобладал в теориях этнографов-эволюционистов. По мнению Боаса, «новый исторический взгляд вступил в конфликт с генерализующим методом науки» [4, с. 88]. В тексте доклада не раскрывается смысловое содержание исторического метода. Однако из рассуждений Боаса вполне ясно, что научный фундамент американская антропология приобрела только благодаря применению исторического метода, имеющего эмпирическую основу. В этой связи особая роль в антропологии Боасом отводилась главным собирателям фактов – археологам и этнологам.

Переведённый на русский язык и введённый в научный оборот доклад американского антрополога, несомненно, очень важен. Однако следующая за ним публикация И. В. Кузнецова [16] не менее примечательна и не столько анализом переведённого им доклада, сколько пристальным вниманием автора статьи к стилю мышления американского антрополога и неизбежному поиску противоречий в его рассуждениях. По мнению И. В. Кузнецова, «способ подачи материала у Боаса таков, что нигде не даётся соответствующих определений. Учёный старается не вносить почти ничего из заданного, и, наоборот, очень многое определяет в развитии самого дискурса» [16, с. 97]. Авторский стиль доклада от первого наброска до напечатанного в книге варианта, считает И. В. Кузнецов, «несколько раз претерпевал изменения», и в процессе его подготовки «Боас вынужден был ориентироваться на одни группы слушателей и игнорировать другие» [16]. Автор статьи не первый кто пишет о противоречиях в суждениях американского антрополога и

подмечает, что в «Истории антропологии» также «есть такие места, которые выдают желание автора “уйти от ответственности”» [16]. Рассуждая, И. В. Кузнецов приходит к выводу о том, что Боас пытается дистанцироваться от результатов личностного участия в стремлении «сделать антропологию наукой» и по вполне понятным причинам [16]. Дело в том, что на конгрессе в Сент-Луисе, где был зачитан доклад Боасом, присутствовали не только его ученики, но и коллеги старшего поколения. Как считает автор публикации, именно поэтому в докладе школы в одном месте упоминается «историческая школа», название которой «принадлежит самому Боасу, и что он в данном случае рассказывает о специализации среди собственных учеников, но делает это как сторонний наблюдатель, придерживаясь хорошего тона, царящего в академическом сообществе» [16, с. 104–107]. Такой психоаналитический подход автора статьи к пониманию теста доклада Франца Боаса, несомненно, можно считать оригинальным, но обратной стороной этого восприятия, на наш взгляд, является субъективизм.

В последующих статьях журнала «Этнографическое обозрение» американская историческая школа и Ф. Боас упоминаются только вскользь. К примеру, во второй части статьи «Теория в российской этнографии, что это такое?» Э. Г. Александренкова в № 4 за 2004 год американский антрополог упоминается буквально в одном предложении [1]. Автор публикации, затрагивая в этой части статьи вопрос о понимании теории в североамериканской антропологии, называет Боаса «лидером антитеоретического настроения североамериканской антропологии» и считает, что его теоретические наблюдения разбросаны по многочисленным работам [1, с. 3]. В статье «Как мы думаем: к этнографии современной мысли» К. Гирца в № 2 за 2007 год Боас наравне с Малиновским и Леви-Брюлем отнесены к отцам-основателям антропологии [11, с. 3].

В том же журнале публикация «Возвращение к “деяниям Асдиваля”: “малый” камчатский миф в свете теорий Ф. Боаса и К. Леви-Строса» Д. Коестера в № 6 за 2008 год содержит более пространное упоминание о Ф. Боасе [15]. Автор статьи, занимаясь исследованием мифа «Деяния Асдиваля», подмечает, что американский антрополог «записал два варианта мифа об Асдивале,

сотрудничая сначала с Британской ассоциацией развития наук (1888–1895), а потом во время Джезуповской северотихоокеанской экспедиции (1897–1902), в которой он был руководителем и организатором» [15]. Для Д. Коестера Ф. Боас предстаёт серьёзным авторитетом в области изучения мифов с целью поиска культурных связей между различными группами населения исследуемого Джезуповской экспедицией региона. Автор статьи иллюстрирует один из подходов в использовании мифов, которым владел американский учёный для изучения исторических связей между разными культурными группами. Боас его «называет “эпизодами” – тематическими событиями единицами, появляющимися в мифах одного географического ареала» [15]. Далее он, распределяя эпизоды по карте, приходил к выводу об их распространении, развитии и распаде. Таким образом, Боас и другие участники Джезуповской экспедиции, привлекая дополнительно данные лингвистики и физиологии, стремились понять связи между культурами восточной и западной частями Тихого океана [15, с. 5–6].

В этом же номере помещена статья «Фрагменты интеллектуальной автобиографии» известного американского антрополога Маршалла Салинса [22]. В этой автобиографичной публикации через призму интеллектуальных исканий он повествует о периоде своего становления как учёного в 1960-х годах. Салинс рассказывает о возникновении различных теоретических течений конца 1960-х годов, когда американская антропология «была агрессивно нацелена на поиск “законов”» [22, с. 66]. Эта публикация привлекает внимание суждениями автора о культурных теориях крупнейших авторитетов американской антропологии того времени. Однако Салинс в тексте публикации неоднократно обращается к теоретическому опыту Ф. Боаса. Судя по содержанию статьи, он с глубоким уважением относится к основоположнику американской исторической школы и разделяет многие его идеи, в том числе и теорию «культурного релятивизма» [22, с. 66–67]. Чего не скажешь о создателе новой эволюционной теории Лесли Уайте, которому Салинс даёт резкую характеристику «деревенского атеиста современной антропологии и доморощенного радикала, известного необычными теориями культуры, в которых он стремился найти место для несовмести-

мой комбинации позитивистского материализма и фундаменталистского символизма» [22, с. 58].

Последняя статья «Заметки о принципах выделения регионов в географии и антропологии» в журнале «Этнографическое обозрение» за 2013 год № 5, где встречаются упоминания о Боасе, принадлежит С. В. Соколовскому [23]. Автор статьи в контексте рассматриваемой темы напоминает «о методологическом принципе Ф. Боаса, призывавшем антропологов ограничивать историческое рассмотрение культуры рамками «малой географической области» [23, с. 57].

Итак, мы видим, что большинство публикаций об американской исторической школе и культурной концепции Ф. Боаса в журнале «Этнографическое обозрение» содержат поверхностную информацию. Однако в этих статьях к имени основоположника исторической школы прибегают как к неоспоримому авторитету в области культурной антропологии. Особого внимания заслуживает статья И. В. Кузнецова [16], в которой автор наметил новые горизонты исследования наследия Боаса, а именно определить стиль мышления американского учёного, прибегая к помощи детального анализа первоисточника (доклад Боаса).

В журнале «Вопросы языкознания» за 1992 год в № 1 представлена статья «Вильгельм фон Гумбольдт и этнолингвистика в северной Америке от Боаса (1894) до Хаймса (1961)», принадлежащая Э. Ф. К. Кёрнеру [14]. В этой небольшой работе автор коснулся вопроса преемственности между В. фон Гумбольдтом и американскими лингвистами XX века. Для нас эта публикация интересна тем, что в ней Боас упоминается как основатель антропологической и лингвистической школы, которому удалось в 1890-е годы ввести в учебный процесс Колумбийского университета этнолингвистику как новый предмет с обязательной полевой практикой. Вскоре в области американской этнолингвистики стали появляться ученики и последователи Ф. Боаса. Самым выдающимся его учеником в этой области оказался Э. Сепир. Автор статьи приводит доводы в доказательство того, что «Боас в значительной степени был проникнут» взглядами Гумбольдта, поэтому «использовал его идею о “внутренней форме” при характеристике различий между языками американских индейцев» [14, с. 106–108].

Ещё в одном современном периодическом издании «Антропологический форум» за 2007 год в № 7 помещена статья с интригующим названием «"Мой друг в тупике эмпиризма и скепсиса": Владимир Богораз, Франц Боас и политический контекст советской этнологии в конце 1920-х – начале 1930-х годов» [12]. Автор этой объёмной статьи Сергей Кан, привлекая архивные материалы и иностранные источники, очень живо повествует о том, как складывались и развивались отношения между ярким представителем американской антропологии Ф. Боасом и русскими этнографами (В. Богоразом, В. Иохельсоном, Л. Штернбергом) с конца 1890-х по 1930-е годы. Джезуповская экспедиция послужила началом в их знакомстве и дальнейшем сотрудничестве, которые впоследствии перерастают в крепкую дружбу [12, с. 194]. Автор статьи иллюстрирует изменения во взаимоотношениях между представителями американской (Боас) и советской (Богораз) школами этнологии, происходящие «на фоне резкой смены политического климата в Советском Союзе в конце 1920–1930-х годов» [12]. С. Кан считает, что в эпоху сталинизации, когда «советская этнология становилась всё более политизированной и догматичной, Богораз изо всех сил пытался сохранить тесные связи с Боасом и – шире – между советской и американской этнологическими школами» [12]. Однако «цена за сохранение этих связей становилась более высокой» для В. Богораз, поэтому ему приходится прибегнуть «к жёсткой новой советской терминологии», характеризуя взгляды Боаса, начиная с уже известных нам критических замечаний к его статье «Задачи антропологического исследования» в журнале «Советская этнография» за 1933 год [12, с. 223–225]. Из представленной автором статьи переписки и архивных документов, можно создать мнение о личностных качествах американского антрополога. Боас показан энергичным и предприимчивым человеком, неоднократно выручавшим русских друзей и коллег из сложных жизненных ситуаций, делавший всё возможное и невозможное для поиска денежных средств на совместные научные проекты [12, с. 194–201].

Завершив обзор журнальной литературы, прежде всего следует остановиться на выпущенной в 1997 году книге «Антология исследований

культуры. Интерпретация культуры», включающей работы классиков антропологии XX века первой и второй волны: Ф. Боас, Р. Бенедикт, А. Крёбер, Р. Билз, Л. Уайт, Дж. Мёрдок, Б. Малиновский, А. Радклиф-Браун, Э. Эванс-Причард, Э. Лич, Д. Бидни и др. Это Санкт-Петербургское издание содержит классические сюжеты по наиболее общим и ключевым темам культуры двух крупнейших антропологических школ (американской и английской). Все тексты, вошедшие в эту книгу, публиковались впервые в широкой печати и впервые были переведены на русский язык специально для данного издания. Часть текстов – это главы или фрагменты крупных работ, часть публикуется с некоторыми сокращениями. В эту книгу вошло пять статей Ф. Боаса, переведённых на русский язык Ю. С. Терентьевой. Среди них: «Границы сравнительного метода в антропологии» (опубликован впервые в 1896) [3], «Методы этнологии» (опубликован впервые в 1920) [6], «История и наука в антропологии: ответ» (опубликован впервые в 1936) [5], «Некоторые проблемы методологии общественных наук» (опубликован впервые в 1930) [7] и «Эволюция или диффузия» (опубликован впервые в 1924) [8]. Сложно переоценить значение перевода на русский язык и введение в научный оборот этих публикаций Боаса, а также работ других американских и западноевропейских антропологов. Эти статьи основателя американской исторической школы позволяют расширить границы наших представлений о том, как на протяжении нескольких десятилетий формировались его теоретические взгляды на проблему понимания культуры.

В просмотренной учебной литературе по культурологии информация об американской исторической школе и её основателе встречается крайне редко. Под редакцией В. Ф. Мамонова в 1994 году вышел курс лекций «Культурология: теория и история культуры» [18]. Седьмая лекция этого курса, рассказывающая об основных направлениях и концепциях западноевропейской культурологии XX века, содержит одно предложение о Ф. Боасе, в котором говорится, что «американский учёный предложил методику изучения жизни примитивных обществ, что позволило выявить генезис культуры» [18, с. 149]. В учебном пособии «Культурная антропология»,

изданном в 1996 году под редакцией Ю. Н. Емельянова и Н. Г. Скворцова, во втором разделе «Биография антропологов» представлена краткая биография Франца Боаса [17, с. 37]. В главе пятой «Психологические интерпретации и методологии изучения культуры» учебного пособия «Основы культурологии» под редакцией И. М. Быховской, вышедшего в 2005 году, встречается упоминание об «исторической школе». По мнению автора учебного пособия, происхождение психологического подхода в западной культурной антропологии следует связывать с исследованиями представителей американской исторической школы. Однако Франц Боас «от направления “Культура-и-Личность” дистанцировался», поскольку был сторонником «культурно-детерминистского подхода к деятельности человека, а он игнорирует активность человека как субъекта культурной деятельности» [19, с. 186–187].

Помимо культурологической литературы, сведения о Ф. Боасе как основателе американской этнолингвистики мы находим в разделе «Дескриптивизм» учебного пособия «История лингвистических учений», которое вышло в 2001 году [2]. По мнению В. М. Алпатова, автора этой работы, именно Ф. Боасу и его последователям удалось разработать методiku описательной лингвистики, поскольку традиционные принципы лингвистического описания, выработанные в западноевропейском языкознании, оказались неприемлемыми при описании индейских языков. Центральное место в этой методике занимала работа с информантом, обычно двуязычным, которому исследователь задавал специально подобранные вопросы. Именно поэтому в американской антропологии, благодаря Ф. Боасу, особое внимание было уделено методике полевой лингвистики, методам работы с информантом. Из работы В. М. Алпатова мы узнаём, что «такая разработанная методика способствовала созданию строгих и проверенных процедур описания языка, применимых к любому материалу, включая и родной язык лингвиста» [2]. В американской лингвистике, начиная с Боаса, синхронное описание изучаемого языка стояло на первом месте. Кроме того, в связи с описанием индейских языков именно он поставил вопрос о том, что такое слово, и начал заниматься выработкой специальных исследова-

тельских процедур для выделения слов. Автор считает, что впоследствии из антропологической лингвистики Ф. Боаса выросло два направления: дескриптивизм, основанный Л. Блумфилдом, и этнолингвистика – Э. Сепиром [2, с. 196–199].

В учебном пособии «Философия культуры. Становление и развитие», вышедшем в 1998 году под редакцией М. С. Кагана, Ю. В. Перова, В. В. Прозерского, Э. П. Юровской, мы можем более подробно познакомиться в параграфе четвёртом одиннадцатой главы со взглядами полевых этнографов Ф. Боаса и А. Крёбера на общие проблемы культуры. Авторы учебного пособия, традиционно останавливаясь на основных методологических принципах Ф. Боаса в вопросе понимания культуры, преимущественно обращают внимание на его идею «культурного релятивизма». Эта идея Боаса о признании относительности всех культурных ценностей ставится под сомнение и подвергается критике авторами рассматриваемой книги. Труды Боаса, по мнению авторов, важны своей информативностью, а к ценным его требованиям они относят «требование проверять на конкретном материале общие гипотезы о культуре» [24, с. 293–296]. Более последовательно и детально в учебном пособии анализируется научное творчество Альфреда Крёбера. Авторам удалось показать, как изменялись взгляды Крёбера на культуру в течение его научной деятельности, какие философско-исторические теории (Ф. Ницше, О. Шпенглер, П. Сорокин и др.) оказали влияние на его научные искания. Развивая интерес к теории культуры и под влиянием «циклических теорий», А. Крёбер вышел за пределы обычной этнографической тематики. Если «в 1920-е годы американский антрополог трактовал культуру как “суперпограничное” явление, совокупность идеальных прообразов, в соответствии с которыми воссоздаются материальные формы, то позднее он принял более распространённое представление о культуре как системе социальных установлений» [24]. По мнению авторов учебного пособия, «Крёбера, как и других американских культурологов, отличает некоторое пренебрежение к философским и теоретическим вопросам при умеренном и здравом смысле в выводах» [24, с. 296–301]. Итак, из всех просмотренных учебных пособий по культурологии, лингвистике, философии наиболее полная информация о культурной концеп-

ции Ф. Боаса и американской исторической школе представлена в учебном пособии «Философия культуры. Становление и развитие» под редакцией М. С. Кагана и др.

Среди просмотренных научных сборников по культурологии упоминание об американской исторической школе и взглядах Ф. Боаса мы встречаем в нескольких выпусках научно-информационного сборника «Наука о культуре: итоги и перспективы». Большая по объёму публикация «Культурная антропология» Л. В. Воронковой в 5-м выпуске за 1996 год содержит общие сведения об американской исторической школе [9]. В этой статье автор приводит устоявшиеся представления в отечественной литературе о сущности исторического метода Ф. Боаса, раскрывает основные понятия, введённые представителями американской исторической школы в антропологию, перечисляет ярких представителей этой школы [9, с. 63–65].

В 3-м выпуске этого же культурологического сборника за 1997 год представлены две работы, в которых авторы в контексте рассматриваемых тем обращаются к теоретическому наследию Франца Боаса и его последователей. Уже упоминавшийся исследователь Л. В. Воронкова в своей статье «Культурологическая мысль XX века: вопросы методологии» кратко характеризует методологические установки Боаса в отношении культуры и считает, что именно он и его последователи продолжили «тему историзма в методологии культурологической мысли» [10]. Назвав Боаса создателем школы исторической культурной антропологии в США в 1920-е годы, автор статьи перечисляет имена тех, кто в той или иной степени разделил идеи американского антрополога (А. Крёбер, Л. Уайт, Э. Сепир, М. Харрис, Р. Редфильд и др.). Кроме того, Л. В. Воронкова останавливается на взглядах А. Крёбера, одного из самых последовательных учеников Боаса. Автор обращает внимание на то, как у Крёбера за время творческой деятельности изменялись представления о культуре, начиная «с трактовки культуры как суперорганического явления и идей циклизма, позднее на основе релятивистской методологии он пришёл к пониманию культуры как системы социальных установок» [10, с. 3].

Автор Н. Г. Карнишина в этом же научно-информационном сборнике представила объёмную и основательную статью «Культурная антро-

пология А. Л. Крёбера» [13]. В этой публикации Боас упоминается как основатель американской исторической школы культурной антропологии и создатель концепции, которая «давала большие возможности для анализа как феномена культуры, так и человека в культуре» [13, с. 35]. А. Крёбер показан автором как яркий представитель культурной антропологии и теоретик исторической школы, сыгравший большую роль в разработке методологических основ школы. Статья позволяет понять постепенную трансформацию взглядов Крёбера, испытавшего влияние не только Боаса, но и О. Шпенглера, А. Тойнби, П. Сорокина. Анализируя его работы, автор статьи подмечает, что во второй половине 1950-х годов Крёбер своей концепцией личности наглядно продемонстрировал отход от релятивизма исторической школы. В этом моменте «он расходится с Боасом, который подчёркивал, что антрополога прежде всего интересует социальная группа, а не индивид» [13, с. 48]. Н. Г. Карнишина указывает, что Альфред Луис Крёбер один из первых в американской антропологии кто попытался обобщить уже существующие до него взгляды на проблему определения культуры, цивилизации и её типологизацию.

В учебнике «Этнология», авторами которого являются А. П. Садохин и Т. Г. Грушевицкая, при рассмотрении истории этнологической мысли уделяется внимание всем антиэволюционным школам XX века, в том числе и «американской школе исторической этнологии» [21]. Глава «Американская школа исторической этнологии» этого учебника содержит сведения о понимании культуры самим Ф. Боасом и его самым последовательным учеником А. Крёбером. Остальные представители «школы Боаса» только перечислены: К. Уисслер, А. Гольденвейзер, Р. Лоуи, П. Радин, Л. Уайт и др. Авторы учебника, характеризуя научную деятельность Боаса, основной акцент делают на том, что он «предложил создать этнологию абсолютно заново, провозгласив, что все прежние этнологические школы приводили к ложным выводам» [21]. Основная идея Боаса состояла в том, чтобы «накапливать этнографические данные, а затем на их основе делать обобщения, постепенно вырабатывая новые методы и новые теории» [21, с. 56]. А. П. Садохин и Т. Г. Грушевицкая, останавливаясь на антропологическом

наследии А. Крёбера, преимущественно обратили внимание на понимание им культуры уже в конце его творческого пути. Проявляя серьёзный теоретический интерес к проблемам культуры, А. Крёбер постепенно вышел за пределы этнологической тематики и в поздних работах обобщил и систематизировал основные положения своего учения о культурных моделях. К несомненным достоинствам учебника следует отнести конкретизацию авторами в конце главы вклада американской исторической школы в этнологию [21, с. 58–59].

Итак, в сравнении с советским периодом круг гуманитарных дисциплин, затронувших рассмотрение культурной концепции Ф. Боаса и теоретического наследия американской исторической школы, несколько расширился. Помимо философов эта тема привлекает внимание лингвистов и культурологов, но по-прежнему приоритеты в этом вопросе остаются за этнологами. Следует отметить, что представленные в этой статье работы о «школе Боаса» не содержат идеологического штампа, как в советский период. Из рассмотренных статей в журналах мы видим, что к теоретическому наследию Боаса и его последователей обращаются многие российские учёные как к признанному научному авторитету. Однако основательных, серьёзных исследований среди журнальных публикаций о «школе Боаса» всего две – это статья И. В. Кузнецова в журнале «Этнографическое обозрение» и статья С. Кана

в журнале «Антропологический форум». После советского периода в российской гуманитарной науке так и не появилось пока переосмысленных монографических трудов об американской исторической школе. Можно сказать, что монография «История теоретической мысли в американской этнографии» Ю. П. Аверкиевой, вышедшая в 1979 году, несмотря на идеологический «налёт времени», всё ещё остаётся самой фундаментальной работой по исследуемой теме. Дело в том, что современные исследователи часто цитируют текст монографии советского этнографа. Из учебной литературы более подробно со «школой Боаса» нас знакомит учебное пособие «Философия культуры. Становление и развитие» под редакцией М. С. Кагана и учебник «Этнология», авторами которого являются А. П. Садохин и Т. Г. Грушевицкая. Однако в обеих работах внимание уделено только основоположнику американской исторической школы Францу Боасу и его последователю Альфреду Луису Крёберу. Слабее всего исследуемая тема представлена в культурологической литературе, что вызывает удивление, поскольку последователи Боаса считаются создателями культурного направления в антропологии, которое через Л. Уайта связано с культурологией. Поэтому нельзя не согласиться со словами Л. В. Воронковой, которая в одной из своих работ заметила, что творчество учёных американской исторической школы ещё ждёт своих исследователей в российской культурологии [10, с. 3].

Литература

1. Александренков Э. Г. Теория в российской этнографии, что это такое? // Этнографическое обозрение. – 2004. – № 4. – С. 3–10.
2. Алпатов В. М. История лингвистических учений: учеб. пособие. – М.: Яз. славян. культуры, 2001. – 368 с.
3. Боас Ф. Границы сравнительного метода в антропологии // Антология исследований культуры. Интерпретация культуры. – СПб., 1997. – Т. 1. – С. 509–518.
4. Боас Ф. История антропологии // Этнографическое обозрение. – 2002. – № 6. – С. 86–96.
5. Боас Ф. История и наука в антропологии: ответ // Антология исследований культуры. Интерпретация культуры. – СПб., 1997. – Т. 1. – С. 528–535.
6. Боас Ф. Методы этнологии // Антология исследований культуры. Интерпретация культуры. – СПб., 1997. – Т. 1. – С. 519–527.
7. Боас Ф. Некоторые проблемы методологии общественных наук // Антология исследований культуры. Интерпретация культуры. – СПб., 1997. – Т. 1. – С. 499–508.
8. Боас Ф. Эволюция или диффузия? // Антология исследований культуры. Интерпретация культуры. – СПб., 1997. – Т. 1. – С. 343–347.
9. Воронкова Л. В. Культурная антропология // Наука о культуре: итоги и перспективы: науч.-информ. сб. – М.: РГБ, Информкультура, 1996. – № 5. – С. 41–70.
10. Воронкова Л. В. Культурологическая мысль XX века: вопросы методологии // Наука о культуре: итоги и перспективы: науч.-информ. сб. – М.: РГБ, Информкультура, 1997. – № 3. – С. 2–7.

11. Гирц К. Как мы сегодня думаем: к этнографии современной мысли // Этнографическое обозрение. – 2007. – № 2. – С. 3–16.
12. Кан С. «Мой друг в тупике эмпиризма и скепсиса»: Владимир Богораз, Франц Боас и политический контекст советской этнологии в конце 1920-х – начале 1930-х годов // Антропологический форум. – 2007. – № 7. – С. 191–230.
13. Карнишина Н. Г. Культурная антропология А. Л. Крёбера // Наука о культуре: итоги и перспективы: науч.-информ. сб. – М.: РГБ, Информкультура, 1997. – № 3. – С. 35–50.
14. Кёрнер Э. Ф. К. Вильгельм фон Гумбольдт и этнолингвистика в Северной Америке от Боаса (1894) до Хаймса (1961) // Вопр. языкознания. – 1992. – № 5. – С. 105–113.
15. Коестер Д. Возвращение к «деяниям Асдиваля»: «малый» камчатский миф в свете теорий Ф. Боаса и К. Леви-Строса // Этнографическое обозрение. – 2008. – № 6. – С. 4–18.
16. Кузнецов И. В. История «Истории антропологии» Франца Боаса // Этнографическое обозрение. – 2002. – № 6. – С. 96–108.
17. Культурная антропология: учеб. пособие / под ред. Ю. Н. Емельянова, Н. Г. Скворцова. – СПб.: СПбГУ, 1996. – 188 с.
18. Мамонов В. Ф. Культурология: теория и история культуры: курс лекций. – Челябинск: Челябин. гос. ун-т, 1994. – Ч. 2. – 224 с.
19. Основы культурологии: учеб. пособие / под ред. И. М. Быховской. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 496 с.
20. Подзюбан Е. В. Американская историческая школа и культурная концепция Ф. Боаса: историографический обзор // Вестник КемГУКИ. – 2014. – № 29/2. – С. 33–43.
21. Садохин А. П., Грушевицкая Т. Г. Этнология: учебник для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, Высш. шк., 2000. – 304 с.
22. Салинс М. Фрагменты интеллектуальной автобиографии // Этнографическое обозрение. – 2008. – № 6. – С. 57–78.
23. Соколовский С. В. Заметки о принципах выделения регионов в географии и антропологии // Этнографическое обозрение. – 2013. – № 5. – С. 54–60.
24. Философия культуры. Становление и развитие / под ред. М. С. Кагана, Ю. В. Перова, В. В. Прозерского, Э. П. Юровской. – СПб.: Лань, 1998. – 448 с.

References

1. Aleksandrenkov E.G. Teoriia v rossiiskoi etnografii, chto eto takoe? [Theory in Russian ethnography, what is it?]. *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]*, 2004, no 4, pp. 3–10. (In Russ.).
2. Alpatov V.M. Istoriia lingvisticheskikh uchenii: ucheb. posobie [History of Linguistic Studies: studies. allowance]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2001. 368 p. (In Russ.).
3. Boas F. Granitsy sravnitel'nogo metoda v antropologii [The Limitation of Comparative Method in Anthropology]. *Antropologiya issledovaniia kul'tury. Interpretatsiia kul'tury [Anthology of Cultural Studies. Interpretation of Culture]*. Saint-Petersburg, 1997, vol. 1, pp. 509–518. (In Russ.).
4. Boas F. Istoricheskaia antropologiya [The History of Anthropology]. *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]*, 2002, no 6, pp. 86–96. (In Russ.).
5. Boas F. Istoriia i nauka v antropologii: otvet [History and Science in Anthropology: a Reply]. *Antropologiya issledovaniia kul'tury. Interpretatsiia kul'tury [Anthology of Cultural Studies. Interpretation of Culture]*. Saint-Petersburg, 1997, vol. 1, pp. 528–535. (In Russ.).
6. Boas F. Metody etnologii [The Methods of Ethnology]. *Antropologiya issledovaniia kul'tury. Interpretatsiia kul'tury [Anthology of Cultural Studies. Interpretation of Culture]*. Saint-Petersburg, 1997, vol. 1, pp. 519–527. (In Russ.).
7. Boas F. Nekotorye problemy metodologii obshchestvennykh nauk [Some problems of the methodology of the social sciences]. *Antropologiya issledovaniia kul'tury. Interpretatsiia kul'tury [Anthology of Cultural Studies. Interpretation of Culture]*. Saint-Petersburg, 1997, vol. 1, pp. 499–508. (In Russ.).
8. Boas F. Evoliutsiia ili diffuziia? [Evolution or diffusion?]. *Antropologiya issledovaniia kul'tury. Interpretatsiia kul'tury [Anthology of Cultural Studies. Interpretation of Culture]*. Saint-Petersburg, 1997, vol. 1, pp. 343–347. (In Russ.).
9. Voronkova L.V. Kul'turnaia antropologiya [Cultural anthropology]. *Nauka o kul'ture: itogi i perspektivy: nauchno-informatsionnyi sbornik [Science of culture: results and prospects: scient.-inform. miscellany]*. Moscow, RGB, Informkul'tura Publ., 1996, no 5, pp. 41–70. (In Russ.).
10. Voronkova L.V. Kul'turologicheskaya mys' XX veka: voprosy metodologii [Culturological idea of XX century: questions of methodology]. *Nauka o kul'ture: itogi i perspektivy: nauchno-informatsionnyi sbornik [Science of culture: results and prospects: scient.-inform. miscellany]*. Moscow, RGB, Informkul'tura Publ., 1997, no 3, pp. 2–7. (In Russ.).

11. Girts K. Kak my segodnia думаем: k etnografii sovremennoi mysli [As we think today: ethnography of modern thought]. *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]*, 2007, no 2, pp. 3–16. (In Russ.).
12. Kan S. “Moi drug v tupike empirizma i skepsisa”: Vladimir Bogoras, Frants Boas i politicheskii kontekst sovetskoi etnologii v kontse 1920-ch – nachale 1930-ch [“My friend deadlocked empiricism and skepticism”: Vladimir Bogoras, Franz Boas and political context of Soviet ethnology in the late 1920-s – early 1930-s]. *Antropologicheskii forum [Anthropological Forum]*, 2007, no 7, pp. 191–230. (In Russ.).
13. Karnishina N.G. Kul’turnaia antropologiya A.L. Krebera [Cultural Anthropology A.L. Kroeber]. *Nauka o kul’ture: itogi i perspektivy: nauchno-informatsionnyi sbornik [Science of culture: results and prospects: scient.-inform. miscellany]*. Moscow, RGB, Informkul’tura Publ., 1997, no 3, pp. 35–50. (In Russ.).
14. Kerner E.F. K. Vil’gel’m fon Gumbol’dt i etnolingvistika v Severnoi Amerike ot Boasa (1894) do Haimsa (1961) [Wilhelm von Humboldt and ethnolinguistics in North America from Boas (1894) to Hymes (1961)]. *Voprosy iazykoznaniiia [Problems of Linguistics]*, 1992, no 1, pp. 105–113. (In Russ.).
15. Koester D. Vozvrashchenie k “deianiiam Asdival’ia”: “malyi” kamchatskii mif v cvete teorii F. Boasa i K. Levi-Strosa [Return to “doings Asdival’ia”: “small” kamchatsky myth in the light of theories of F. Boas and C. Levi-Strauss]. *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]*, 2008, no 6, pp. 4–18. (In Russ.).
16. Kuznetsov I.V. Istoriiia “Istorii antropologii” Frantsa Boasa [History “History of Anthropology” Franz Boas]. *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]*, 2002, no 6, pp. 96–108. (In Russ.).
17. Kul’turnaia antropologiya: uchebnoe posobie [Cultural Anthropology: studies. allowance]. Editors Iu.N. Emel’ianov, N.G. Skvortsov. Saint-Petersburg, SPSU Publ., 1996. 188 p. (In Russ.).
18. Mamonov V.F. Kul’turologiya: teoriia i istoriia kul’tury: kurs lektsii [Culturology: theory and history of culture: course of lectures]. Cheliabinsk, Cheliabinsk State University Publ., 1994, vol. 2. 224 p. (In Russ.).
19. Osnovy kul’turologii: uchebnoe posobie [Fundamentals culturology: studies. allowance]. Editor I.M. Bychovskaia. Moscow, Editorial URSS Publ., 2005. 496 p. (In Russ.).
20. Podzyuban E. V. Amerikanskaya istoricheskaya shkola i kul’turnaya kontseptsiya F. Boasa: istoriograficheskii obzor [The American historical school and cultural concept of F. Boas: historiographical review]. *Vestnik KemGUKI*, 2014, no 29/2, pp. 33–43. (In Russ.).
21. Sadokhin A.P., Grushevitskaia T.G. Etnologiya: uchebnik dlia studentov vysshikh uchebnykh zavedenii [Ethnology: textbook for university students]. Moscow, Izdatel’skii tsentr “Akademiia”, Vysshiaia shkola Publ., 2000. 304 p. (In Russ.).
22. Salins M. Fragmentsy intellektual’noi avtobiografii [Fragments of intellectual autobiography]. *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]*, 2008, no 6, pp. 57–78. (In Russ.).
23. Sokolovskii S.V. Zametki o printsipakh vydeleniia regionov v geografii i antropologii [Notes about principles of segregation regions in geography and anthropology]. *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]*, 2013, no 5, pp. 54–60. (In Russ.).
24. Filosofiya kul’tury. Stanovlenie i razvitie [Philosophy of Culture. Formation and development]. Editors M.S. Kagan, Iu. Perov, V.V. Prozerskii, E.P. Iurovskaia. Saint-Petersburg, Lan’ Publ., 1998. 448 p. (In Russ.).

УДК 008

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССА ГЛОБАЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ

Сафонов Евгений Николаевич, аспирант, преподаватель кафедры социально-культурной деятельности, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: evguent@mail.ru

В статье рассматривается проблема соотношения объективных и субъективных процессов в осуществлении процесса глобализации. Современный мир переживает определенные изменения, перспективы которых до конца неизвестны. Они просматриваются, прежде всего, на уровне возникновения и развития международных систем, международных финансовых, торговых и информационных потоков, политических организаций и союзов. Внимание акцентируется на рассмотрении современной глобализации как идеологии, ориентированной на унификацию культур на базе ценностей американской массовой культуры, тотальный контроль над поведением индивидов, прозрачность границ, однополярность мира, глобальное превосходство и доминирование. В качестве альтернативного варианта пути развития

мирового сообщества рассматривается возможность установления равноправных отношений между странами и цивилизациями. Цель глобализации в этом случае заключалась бы не в унификации, а в развитии всех существующих цивилизаций. И первым шагом на этом пути вместо монополярного мира явилось бы возвращение к биполярной конфигурации, порождающей диалоговую культуру, способную к пониманию иных культурных традиций и установлению коммуникативных отношений с теми, кто трактует происходящие процессы по-своему, обуславливающую ценность диалога в глобализации на основе общей потребности в росте собственного потенциала и втягивания в этот процесс других субъектов через углубление и расширение сферы общения.

Ключевые слова: глобализация, глобализм, диалог культур, идеология, культура, цивилизация.

IDEOLOGICAL REFLECTION OF THE GLOBALIZATION PROCESS IN THE CONDITIONS OF MODERN SOCIAL AND CULTURAL SITUATION

Safonov Evgeniy Nikolaevich, Post-Graduate Student, Lecturer, Department of Social and Cultural Activities, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: evgent@mail.ru

The article considers the problem of correlation between objective and subjective processes in the implementation of the process of globalization. It focuses on the examination of contemporary globalization as an ideology focused on the unification of cultures on the basis of values of the American popular culture, total control over the behavior of individuals, open borders, unipolar world, global superiority and domination. Alternatively, the development of the international community considers the possibility of establishing equitable relations between nations and civilizations. The purpose of globalization in this case was not in alignment, and in the development of all existing civilizations. The first step on this path instead of a unipolar world would be a return to a bipolar configuration, generating the dialogue of culture capable of understanding the different cultural traditions and the establishment of communicative relationships with those who treat the processes their own way.

Keywords: globalization, globalism, the dialogue of cultures, ideology, culture, civilization.

В современной науке распространенным является утверждение о том, что глобализация, ориентированная на охват самых разнообразных сфер социальной жизни и культуры в целом, носит вполне объективный и закономерный характер. Так, например, обращаясь к сущности данного феномена, В. Ж. Келле дает ему следующее определение: «Глобализация – это объективный процесс, протекающий в экономике и других сферах общественной жизни и затрагивающий интересы всего или большинства стран современного мира» [4, с. 35]. Подтверждением подобных установок являются суждения, связанные с включением глобализации в исторический контекст и ее рассмотрением с точки зрения комплексного процесса унификации культурных предпочтений человечества. Представителями данного направления отмечается, что указанный процесс прошел через стадии итальянского (Ренессанс), французского, английского и американского культурных

влияний, географический ареал которых каждый раз расширялся.

Действительно, при рассмотрении глобализации в историко-культурном контексте, мы можем определить ее содержание в контексте характеристик культурных универсалий. Разделяя тезис о дуальности культуры, следует отметить, что последняя, с одной стороны, выступает как результат собственной дифференциации, расчленения и возрастания множества культурных институтов, а с другой стороны – как осуществленное единство и результат интегративных процессов. В связи с этим А. С. Ахиезер отмечает: «Эти два процесса с логической точки зрения могут рассматриваться как движение от абстрактного к конкретному и одновременно как движение от конкретного к абстрактному. Если первый процесс есть реакция человека на усложнение целого, то второй процесс является реакцией на дифференциацию. Оба они несамостоятельны, не изолированы друг от

друга, но представляют собой две стороны, два аспекта единого процесса» [1, с. 13]. Как представляется, такой же характер носит и процесс глобализации, что обусловлено, на наш взгляд, культуроцентрической динамикой современной цивилизации в целом.

Важнейшим двигателем глобализации в условиях современной социокультурной ситуации является усложнение исторически сформировавшихся функций, выход их за пределы сложившихся территорий, государств, цивилизаций. В связи с этим возникает потребность формирования нового пространства субъектов разных культур, несущих потенциал разных цивилизаций. Но проблема заключается в том, что векторы этих интересов могут иметь резкое расхождение, в результате чего конфликты оказываются неизбежными. О локальных цивилизациях, обладающих самостоятельным ресурсом развития, рассуждали еще Н. Данилевский, О. Шпенглер. На это обращали внимание Ш. Эйзенштадт и С. Хантингтон, которые отмечали, что в современном мире преобладающие источники конфликтов будут определяться не идеологией или экономикой, а культурой. Эта идея столкновения цивилизаций была представлена еще А. Тойнби, но С. Хантингтон не считал это столкновение постоянным процессом, он рассматривал его с точки зрения локализации в условиях современности.

После Второй мировой войны в США и Великобритании формируется доктрина «трансатлантической солидарности» как идейно-политической основы нового миропорядка. Эта доктрина предусматривала коренное преобразование социальной жизни в аспекте политических, экономических, культурных взаимосвязей, с целью смягчения конфликтов и возможных конфронтаций. Однако идея создания нового мирового порядка неизбежно спровоцировала проявление субъективных интересов в управлении процессами мирового развития. Поскольку тот, кто владеет современными финансовыми, технологическими, научными, информационными ресурсами, тот и устанавливает правила и цели глобализации. Отсюда начинаются проблемы. В этой связи формируется естественное стремление индустриально развитых стран задать стратегическое направление цивилизационного развития, желание извлечь из сложившейся ситуации максимум выгоды. Актуализация возможности влияния на других с

целью реализации своих интересов способствовала рассмотрению в современном мире процесса глобализации как мифологии, которая необходима для идеологического прикрытия и оправдания действий транснациональных корпораций, обращающихся к идеям глобализма как камуфляжу глобальной диктатуры.

Очевидно, что современный мир действительно переживает момент изменения, и мы являемся свидетелями этих преобразований, перспективы которых до конца неизвестны. Они просматриваются, прежде всего, на уровне возникновения и развития международных систем, международных финансовых, торговых и информационных потоков, политических организаций и союзов. Остается открытым вопрос о возможности формирования общемировой культуры. Как справедливо отмечает Г. П. Хорина, развитие в сторону монокультурного общества чревато серьезными конфликтами, которые уже проявляют себя [5]. Зарождающаяся глобальная культура пока еще только создает свои ценности, идеалы. В ее основе западно-либеральные ценности, и прежде всего ценности американской культуры, не имеющей глубоких исторических корней, но навязываемой всему человечеству. «Последнее десятилетие XX века было отмечено тектоническим сдвигом в мировых делах. Впервые в истории, – пишет З. Бжезинский, бывший советник президента США по национальной безопасности, консультант Центра стратегических и международных исследований, – неевразийская держава стала не только главным арбитром в отношениях между евразийскими государствами, но и самой могущественной державой в мире. Поражение и развал Советского Союза стали финальным аккордом в быстром вознесении на пьедестал державы западного полушария – Соединенных Штатов – в качестве единственной и действительно первой подлинно глобальной державы» [3, с. 11]. Подобного рода монополизм предполагает актуализацию идеологических доктрин, связанных с унификацией культур на базе ценностей американской массовой культуры, тотальным контролем над поведением индивидов, прозрачностью границ, однополярностью мира, глобальным превосходством, глобальным доминированием.

Как отмечает З. Бжезинский, американское превосходство породило новый международный

порядок, который характеризуется в следующих основных элементах:

- система коллективной безопасности, в том числе объединенное командование и вооруженные силы, например, НАТО, Американско-японский договор о безопасности и т. д.;

- региональное экономическое сотрудничество, например, АРЕС, NAFTA (Североамериканское соглашение о свободной торговле), и специализированные глобальные организации сотрудничества, например, Всемирный банк, МВФ, ВТО;

- процедуры, которые уделяют особое внимание совместному принятию решений, даже при доминировании Соединенных Штатов;

- предпочтение демократическому членству в ключевых союзах;

- рудиментарная глобальная конституционная и юридическая структура (от Международного суда до специального трибунала по рассмотрению военных преступлений в Боснии) и т. д. [3, с. 41].

Важную роль в продвижении политической идеологии и практики глобализма играет расширение информационного поля, сопровождающееся манипуляцией сознания людей в мировом масштабе, что обеспечивается глобальным телевидением, рекламой, PR-технологиями, Интернетом и др. И одновременно реализация односторонних влияний парадоксальным образом способствует интенсификации регионализации. Эти разнонаправленные тенденции – интернационализация и регионализация, глобализация и локализация – способствуют нарастанию децентрализации современного мира.

Глобализму противостоит не только исламский мир, но и многие другие страны. Это четко обозначилось на международной конференции по космополитизму, состоявшейся в Хельсинки в 2001 году. Профессор социологии Мюнхенского университета У. Бек, принявший участие в работе конференции, отмечал, что существующая модель миропорядка исчерпана и что обладает большой ценностью и значимостью великий эксперимент XX века – европейская интеграция, демонстрирующая возможности новых интегративных процессов. В свою очередь тенденции, связанные с обращением к национальному мировоззрению, уже не дают возможности понять современный

мир. У. Бек ставит в вину «националистам» неспособность понять природу и причины глобального неравенства, считает, что в рамках такой парадигмы идет поиск не столько путей объяснения существующего сегодня мира, сколько выяснение того, кто виноват в том, что мир отклонился от национального идеала [2].

Альтернативный вариант пути развития мирового сообщества может заключаться в установлении равноправных отношений между странами. Цель глобализации в этом случае заключалась бы не в унификации, а в развитии всех существующих цивилизаций. И шагом на этом пути вместо монополярного мира явилась бы актуализация многополярной конфигурации, обуславливающей ценность диалога в глобализации на основе общей потребности в росте собственного потенциала и втягивания в этот процесс других субъектов через углубление и расширение сферы общения. Как отмечал А. С. Ахиезер: «Этот процесс приводит к поляризации глобализации. Один ее полюс – стремление к глобализации мира на своей особой цивилизационной основе, игнорируя чужие цивилизационные ценности, например, через создание империи. Другой полюс – стремление к глобализации через диалог, направленный к синтезу разных версий глобализации» [1, с. 16]. Несомненно, разные версии глобализации способны к порождению конфликтов, но их сдвиг к полюсу диалога может способствовать стратегии общего целеполагания. В этой связи актуальным является возрастание роли диалога культуры в современном мире, основанной на понимании и признании самобытности других культурных традиций. В современной социокультурной ситуации глобализация как американизация противоречит подобной культурно-ориентированной стратегической установке.

Можно предположить, что многополярная схема современного миропорядка сможет породить в будущем и новую ступень общественного развития, которая будет базироваться на принципах и нормах, не отвергающих культурного многообразия регионов и отдельных стран. Причем сама идея такого синтеза социокультурных ценностей различных полюсов мира, в том числе и западного, представляется весьма важной. Потребность в ее систематической разработке становится все более жизненно необходимой.

Литература

1. Ахиезер А. С. Глобализация и другие категории // Глобализация. Культура. Цивилизация: мат-лы постоянно действующего междисциплинар. семинара Клуба ученых «Глобальный мир». – М.: Ин-т микроэкономики, 2003. – Вып. 7 (30). – С. 12–16.
2. Бек У. Космополитическое мировоззрение. – М.: Центр исслед. постиндустриал. об-ва, 2008. – 336 с.
3. Бжезинский З. Великая шахматная доска. – М.: Международ. отношения, 2002. – 256 с.
4. Келле В. Ж. Глобализация с позиции цивилизационного подхода // Глобализация. Культура. Цивилизация: мат-лы постоянно действующего междисциплинар. семинара Клуба ученых «Глобальный мир». – М.: Ин-т микроэкономики, 2003. – Вып. 7 (30). – С. 32–44.
5. Хорина Г. П. Глобализм как идеология // Знание. Понимание. Умение. – 2005. – № 1. – С. 71–78.

References

1. Akhiezer A.S. Globalizatsiia i drugie kategorii [Globalization and other categories]. *Globalizatsiia. Kul'tura. Tsvivilizatsiia. Materialy postoianno deistvuiushchego mezhdistsiplinarnogo seminar Kluba uchennykh "Global'nyi mir"* [Globalization. Culture. Civilization. Materials permanent interdisciplinary seminar Club of Scientists "Global World"]. Moscow, Institute of Microeconomics Publ., 2003, pp. 12–16. (In Russ.).
2. Beck U. Kosmopoliticheskoe mirovozzrenie [Cosmopolitan outlook]. Moscow, Center for Post-Industrial Studies Publ., 2008. 336 p. (In Russ.).
3. Brzezinski Z. Velikaia shakmatnaia doska [The Grand Chessboard]. Moscow, International Relations Publ., 2002. 256 p. (In Russ.).
4. Kelle B.Zh. Globalizatsiia s pozitsii tsivilizatsionnogo podkhoda [Globalization from the perspective of civilizational approach]. *Globalizatsiia. Kul'tura. Tsvivilizatsiia. Materialy postoianno deistvuiushchego mezhdistsiplinarnogo seminar Kluba uchennykh "Global'nyi mir"* [Globalization. Culture. Civilization. Materials permanent interdisciplinary seminar Club of Scientists "Global World"]. Moscow, Institute of Microeconomics Publ., 2003, iss. 7 (30), pp. 32–44. (In Russ.).
5. Khorina G.P. Globalizm kak ideologiya [Globalism as ideology]. *Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Ability]*, 2005, no 1, pp.71–78. (In Russ.).

УДК 008

ХУДОЖЕСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

Лесовиченко Андрей Михайлович, доктор культурологии, профессор кафедры философии и культурологии, Сибирский государственный университет путей сообщения (г. Новосибирск, РФ).
E-mail: lesovichenko@mail.ru

Мальцева Елена Александровна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры философии и культурологии, Сибирский государственный университет путей сообщения (г. Новосибирск, РФ).
E-mail: eamaltseva@yandex.ru

В статье представлен анализ особенностей изображения железной дороги в живописи. Со времени изобретения нового транспортного средства мировое искусство многократно обращалось к железнодорожной тематике, однако до сих пор совокупность таких произведений не становилась предметом специального научного анализа. В данном случае дается характеристика различных подходов мастеров изобразительного искусства к отображению железнодорожных объектов, показаны различия в осмыслении целого ряда элементов железнодорожного комплекса – железнодорожного полотна, семафоров, мостов, составов, вокзалов, посадочных платформ, вокзальных часов. Сделан вывод о том, что железная дорога является одним из ключевых элементов картины мира современного человека.

Ключевые слова: железная дорога, изобразительное искусство, живопись.

ART AND CULTURAL ASPECTS OF THE RAILWAY TRANSPORT

Lesovichenko Andrey Mikhailovich, Doctor of Culturology, Professor of Department Philosophy and Culturology, Siberian State University of Railway Engineering (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: lesovichenko@mail.ru

Maltseva Elena Aleksandrovna, Candidate of Arts History, Docent of Department Philosophy and Culturology, Siberian State University of Railway Engineering (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: eamaltseva@yandex.ru

From the very beginning, railway became the most important means of organizing social infrastructure and affects all areas of human life because of its scale. In this article, the author gives us the characteristic of different approaches of visual artists displaying the railway facilities, shows the differences in understanding the railway complex elements: semaphores, bridges, trains, railway stations, landing platforms, etc.

Landscape painters of the 19–20th centuries often included in their works the image of railway objects as elements of a new reality. These images have different nature: realistic, modern, transmitting the subjective view of these constructions.

The main character of railway themed fine arts is a train. Old steam locomotives, modern diesels and electric locomotives repeatedly portrayed by members of different generations of artists that filled this way different content, a train as a temporary shelter for passengers and as an independent object of reality.

A special theme in artists' work was a theme of Station. It can be depicted as a living organism that behaves its own way. It may be cold and unapproachable, as desert or, on the contrary, fussy, crowded with people.

A landing platform became an independent subject of a number of works. This is the most dramatic shape. On the train platform, often sadness, anxiety, alienation prevail. This is a sort of a dividing line between an ordinary, familiar world of people and a cold composition, preparing to carry passengers into the unknown.

Artists are turning to small elements of a railway complex. Station clocks, semaphores, water towers are dominant and organizing the space composition around themselves.

Thus, a review of the images associated with the railway in the fine arts, shows that the technical object is one of the key elements in the picture of human technological era of the world.

Keywords: railway, fine art, painting.

Железная дорога с момента своего появления стала важнейшим средством организации социальной инфраструктуры. Она влияет на все сферы жизни человека и в силу своей масштабности, и потому, что является очень стабильным элементом в пространстве бытия.

Железная дорога вписывается в природную среду, становясь частью природного ландшафта. Более того, она начинает структурировать саму природу. В то же время она обязательно включена в систему природных объектов в качестве наиболее устойчивого ее компонента. Если все другие объекты города изменяются, то железная дорога остается константной. Разумеется, человек, видящий постоянно, с раннего детства, эти объекты, соприкасающийся с ними постоянно, формирует в своем сознании представление, которое аналогично образам древних архитектурных комплексов.

Если сравнивать железную дорогу с другими видами транспорта, то с нею сопоставим автомобильный транспорт последних десятилетий. По количеству непосредственных контактов человек связан с ними больше. Однако в качестве инфраструктурного объекта железная дорога представляется более важной, так как воспринимается всегда как ценность. Полотно, рельсы, мосты, станции и вокзалы, подвижной состав и т. д. в сознании человека присутствуют как целое, как единый комплекс, который имеет видимое выражение, хотя полностью охватывается только умозрительно. Автомобильный транспорт воспринимается, в сущности, только как отдельные движущиеся предметы. Сеть магистралей, заправочные станции, тем более кемпинги, вряд ли увязываются с автомобилями в непосредственном единстве. То же относится и к воздушному, и к водному транспорту. Существуют другие виды

транспорта (монорельсы, фуникулеры, СПТС на магнитной подвеске), которые могли бы быть сопоставлены с железной дорогой, но они настолько редки, что не могут претендовать на устойчивую фиксацию в человеческом подсознании.

Таким образом, из всех технических систем передвижения именно железная дорога представляется наиболее подходящей для эстетического осмысления. Об этом говорит сама геометрия включения железной дороги в градостроительную схему по соответствующим типам (диаметральный, диаметрально-кольцевой, треугольный) [2, с. 22].

Следует отметить, что железнодорожный транспорт как эстетический объект давно вошел в общественное сознание, но в исследовательской практике отражен относительно мало. Более того, в искусстве чаще всего происходит осмысление не самого комплекса технических средств, а человека, находящегося в вагоне, на вокзале, путях и т. д. Хотя есть и другие примеры: «Бывая у ЛВРЗ, всегда люблюсь паровозом, стоящим на постаменте у ворот завода. В детстве я был равнодушен к езде по железной дороге... издали узнавал серии паровозов (хотя и боялся их громких гудков) – могучий «ФД» («Феликс Дзержинский»), красавец «ИС» («Иосиф Сталин»), изящный «СО» (Серго Орджоникидзе), такой, какой стоит у завода» [1].

В настоящей работе мы попытаемся охарактеризовать подходы мастеров изобразительного искусства к отображению железной дороги.

В работах живописцев, графиков можно встретить образы, обозначающие включение объекта в природную среду, как, например, у Г. Нисского в картине «Подмосковье. Февраль» (1957). Железнодорожное полотно проложено параллельно автомобильной дороге, но значительно возвышается над ней, тем самым активно члени пространство. В работе того же автора «Белорусский пейзаж» (1947) железнодорожное полотно образует извилистую линию, пронизывая всю композицию полотна, раздвигая мир природы, создавая новое пространство. Подобным образом железная дорога преобразует пространство в картине А. Менцеля «Железная дорога Берлин-Потсдам» (1847) (рис. 1). Упругой дугой железнодорожное полотно прорезает природный ландшафт, как будто заставляя отступить в сторону могучие деревья. В коллекции Национальной

галереи искусства в Вашингтоне находится работа Д. Иннеса «Долина Лакванна» (1855), на которой автор с высокой точки зрения изображает простор долины, изрезанный железнодорожными рельсами. В результате пейзаж становится четко и ясно структурированным, воплощением преобразовательной деятельности человека. Любопытную картину «Северный путь» создал К. Редько в 1925 году, где изображен железнодорожный путь, уходящий к горизонту, обрамленный с двух сторон рядами высоких сосен. «Перечислительный» ритм шпал создает ощущение движения при отсутствии каких-либо движущихся объектов.

Рисунок 1. Менцель А. Железная дорога Берлин – Потсдам. 1847 год

Художники-пейзажисты XIX–XX веков часто включали в свои произведения изображение железнодорожного моста как элемента новой действительности. Эти изображения носили самый разный характер – и реалистический, когда мост изображался зримым, весомым, узнаваемым, и модернистский, передающий субъективный взгляд на это сооружение. Примером первого может послужить картина Т. Салахова «Утренний эшелон» (1958) (рис. 2). Мост занимает основное пространство полотна и является главным источником движения. По мосту, параллельно плоскости полотна, движется грузовой состав, а перпендикулярно, через арку моста – автомобильный транспорт. (К слову, сопоставление железнодорожного и других видов транспорта – особая тема изобразительного искусства).

Рисунок 2. Салахов Т. Утренний эшелон. 1958 год

Если индустриальный пейзаж Салахова несет в себе заряд энергии, сильное эмоциональное воздействие, то в произведениях В. ван Гога железнодорожный мост, появляясь не единожды («Железнодорожный мост над улицей Монмажор», 1888, «Мосты вдоль Сены на Асниере», 1887), передает ощущение тревоги.

Железнодорожное полотно, рельсы, мост как элемент, включенный в окружающую действительность, встречаются на полотнах живописцев достаточно часто. Однако главным героем произведений изобразительного искусства железнодорожной тематики все же является железнодорожный состав. Старинный паровоз, современные тепловоз и электровоз многократно изображались представителями разных поколений художников, приверженцами разных стилей.

Восхищением техническим совершенством локомотива, его дизайном, проникнуты работы Г. Фогга и его учеников-последователей. Фогг работал художником в американской локомотивной компании и, по утверждению исследователей, написал более тысячи картин с изображением поездов, изобразив составы почти всех железных дорог Северной Америки. Впервые поезд Фогга был напечатан издательством «Leanin Tree» на рождественской открытке в 1958 году, и с того времени «паровозы Фогга», как их называют в Америке, неоднократно появлялись на открытках, плакатах и календарях. Реалистичное до натурализма, детализированное отображение железнодорожной

техники, возможно, не всегда имеет высокие художественные достоинства, однако предельно точно передает ее исторический облик.

Подобным образом изобразил паровоз А. Капчиков в работе «22» (2009): в центре полотна, без какого-либо окружения, как самостоятельный объект действительности, техническим совершенством которого восхищается автор, а вслед за ним – и зритель. В том же ключе решают свои работы И. Мещерякова, создавая целую серию акварельных листов под названием «Train», М. Бабкин, изображая в той же технике старый паровоз.

Художники обращают свой взор и внутрь состава, заводя своего зрителя в пассажирский вагон. Небольшое пространство купе на время становится домом для человека, отправившегося в путь. Кто-то здесь остается один на один со своими заботами, думами, переживаниями, кто-то обзаводится новыми знакомствами... Поделовому спокойна и холодна героиня картины «Купе» видного представителя американской жанровой живописи Э. Хоппера, – под стать самому купе – столь же холодному и аскетическому.

Предлагают свои варианты той же темы отечественные живописцы. Например, русский художник XIX века Л. Пастернак в полотне «К родным» изображает весьма уютное, с мягким диваном, купе. Правда, наполнено оно томительным, тоскливым ожиданием. А два современных художника – Б. Иванов и Э. Кикнавелидзе создают две почти идентичные по своей композиции картины. Два героя – мужчина и женщина, сидят за маленьким купейным столиком, обратившись лицом друг к другу. За ними – окно с пробегающим мимо пейзажем, а на столике – традиционные стеклянные стаканы в подстаканниках. «Дорожный роман» – так можно было назвать эти картины, и так называется небольшая работа Н. Дементьевой, написанная в 2007 году. Хотя данная работа является скорее натюрмортом, изображая угол стола со стоящей кружкой чая и брошенным платком. Присутствие людей здесь лишь обозначено – отражением лица на блестящей поверхности кружки и мелькнувшим силуэтом, оставшимся за окном, на платформе. Скоротечность взаимоотношений, мимолетность встреч и знакомств – вот то, что несет железная дорога человеку, ставшему на время пассажиром.

Несколько иначе представляется поездка пассажира в плацкартном или общем вагоне. Собирая большое количество людей, не разделенных купейными перегородками, такой вагон дает возможность для общения, стирая возможные социальные границы. Какая-то очень интересная тема заставила, а вагон – позволил, собраться вместе группе молодых людей в картине русской художницы XX века Т. Толстой «В пути». А вагон в полотне С. Иванова стал местом политической агитации («Агитатор в вагоне», 1886). Иногда такое путешествие в общем вагоне изображается художниками довольно комично. Так, А. Менцель в «Прогулке на поезде» (1892) изображает суету и беспорядок, царящие в вагоне, наполненном добропорядочной публикой конца XIX века, а посреди этой красочной суматохи – уставшего от впечатлений спящего ребенка.

Особой в творчестве художников стала тема железнодорожного вокзала.

Рисунок 3. Моне К. Вокзал Сен-Лазар. 1977 год

Многократно писал вокзал К. Моне, предметом его творческого внимания стал парижский вокзал Сен-Лазар (рис. 3). Вокзалу посвящен целый цикл работ французского импрессиониста. Наполненный паром, непрерывно меняющийся, он кажется живым организмом, живущим по своим, особым законам.

Современные живописцы, еще только добивающиеся признания публики, дают свое видение вокзала – то маленького и пустынного (В. Парошин, «Провинциальный вокзал», 2006), то холодного и неприступного (Н. Макаров, «Вокзал»,

2008), то суетливого, наполненного спешащими по своим делам людьми (Ф. Помелов, «На Курском вокзале», 2008). В. Комаров создал очень яркий, нарядный, почти пряничный образ чешского вокзала («Железнодорожный вокзал в Ледницах», 2003). О том, что это вокзал, говорит название картины, но не само изображение. Красочный сказочный дом, вызывающий улыбку зрителя, несет сильный положительный заряд. Это скорее нарядный дом, нежели общественное сооружение. Ощущение дома вызывает и тот антураж, который размещает художник вокруг здания – цветущий палисадник и куры, разгуливающие у самого входа.

Интерьер вокзала обычно наполнен людьми – ожидающими своего рейса, встречающими или провожающими. Но иногда кассовые залы, залы ожидания – сами по себе, без суетливого человеческого присутствия, привлекают интерес художника. Таким – пустынным, немного изломанным, выглядит вокзал на рисунках современной художницы Т. Ясиевич («Зал ожидания. Варшавский вокзал», «Кассы», 1999).

Посадочная платформа стала самостоятельной темой целого ряда произведений. Здесь всегда – суета и движение. Краткое затишье после отхода поезда, и новая волна отъезжающих, встречающих... Этот образ, наверное, самый драматичный. Именно на платформе происходит прощание, расставание на время или навсегда. Железнодорожная платформа редко изображается в светлых, оптимистических тонах. Гораздо чаще здесь царят грусть, тревога, отчуждение.

В картинах американского художника Б. Хейтона платформа становится своего рода водоразделом между обыденным, привычным миром людей и холодным составом, готовящимся унести пассажиров в неизвестность. Эта идея достаточно часто проявляется в произведениях живописцев, а усиливается она введением одинокой фигуры, оставшейся на платформе. Так построил свою работу «Проводил» (1891) Н. Ярошенко, изобразив пожилого человека с тростью, стоящего на краю платформы, покрытой клубами пара, выпущенного отбывшим поездом. Одинокие женские фигуры подчеркивают ситуацию расставания в полотнах «Одиночество» (1955) П. Дельво, «Прощание на вокзале» М. Алдошина. Херсонский художник

А. Бережной в акварели «На перроне» строит перспективу таким образом, что люди, движущиеся по перрону, воспринимаются как праздничная толпа на «проспекте», который образуется между зданием вокзала и стоящим на первом пути пассажирским поездом.

Вокзальные часы – всего лишь маленький элемент огромного вокзального комплекса. Однако они имеют свое значение, являясь своего рода организующим началом в деятельности этого большого организма, включающего и технику, и людей. Но в какой-то момент вокзальные часы становятся символом – встреч, расставаний, скоротечности времени.

Есть ряд работ, построенных на осмыслении этого объекта, этого образа. В картине современного английского художника Д. Роланада «As time goes by» круглые вокзальные часы возвышаются над платформой, выделяются ярким желтым пятном, напоминают прощающейся паре об истекающих минутах. В акварельных рисунках уже упоминавшейся Т. Ясиевич часы не раз становятся смысловой доминантой, организуя пространство композиции вокруг себя.

Самостоятельным и важным техническим элементом железной дороги является семафор. Сигнальное устройство, служащее сигналом машинистам локомотивов о разрешении, запрещении движения или изменении скорости, часто вводится как элемент индустриального пейзажа, а иногда становится главным персонажем. Г. Нисский одну из своих работ, посвященных железной дороге, называет «Осень. Семафоры» (1932) (рис. 4). Это достаточно лиричный пейзаж, в котором семафоры, а это – четыре мачты с распростертыми красными сигнальными крыльями, изображены очень одухотворенно. Наверное, не зря художник в верхней части картины изображает птиц, сидящих на проводах.

Важным элементом железнодорожной станции эпохи паровозов была водонапорная башня. Возвышаясь над невысокими домами, она стано-

вилась одной из архитектурных доминант города. Сегодня она утратила свое предназначение и не так видна на фоне растущих вверх мегаполисов, однако до сих пор и в больших городах, и на маленьких станциях, они сохраняют свое месторасположение и внешний облик, а значит, и облик всего архитектурного ансамбля железнодорожного узла. Представить себе некоторые вокзалы без этого сооружения невозможно.

Рисунок 4. Нисский Г. Осень. Семафоры. 1932 год

Соответственно, передавая исторический облик того или иного вокзала, художник изображает и эту его деталь. Как сказочный герой-воин, охраняющий пространство вокруг себя, выглядит башня на картине польского художника Я. Бембенисты «Башня». Водонапорная башня в Павлово, изображенная на рисунке А. Жуковой, несет на себе отпечаток времени, является живым олицетворением истории маленького села, чью жизнь серьезно изменило строительство железной дороги.

Итак, обзор образов, связанных с железной дорогой в изобразительном искусстве, показывает, что этот технический объект является одним из ключевых элементов в картине мира человека техногенной эпохи.

Литература

1. Куницын О. Из окон ночного вагона так странен и прозрачен мир // Бурятия. – 2009. – 5 декабря.
2. Лесовиченко А. М., Мальцева Е. А. Железная дорога в музыке и изобразительном искусстве // Железнодорожный транспорт. – 2012. – № 5.
3. Лесовиченко М. И. Проектирование транспортной системы города. – Алма-Ата, 1992. – 109 с.
4. Мальцева Е. А. Железная дорога и кинематограф // Вестн. Сибир. гос. ун-та путей сообщения. – 2013. – № 29.

References

1. Lesovichenko M.I. Proektirovanie transportnoi sistemy goroda [The designing of the transport system of the city]. Alma-Ata, 1992. 109 p. (In Russ.).
2. Kunitsyn O. Iz okon nochnogo vagona tak stranen i prozrachen mir [From the windows of the night coach is so quaint and transparent world]. *Buriatiia [Buryatia]*, 2009, December, 5. (In Russ.).
3. Lesovichenko A.M., Maltseva E.A. Zheleznaia doroga v muzyke i izobrazitel'nom iskusstve [The railway in the music and the visual art]. *Zheleznodorozhnyi transport [Railway transport]*, 2012, no 5, pp. 72–77. (In Russ.).
4. Maltseva E.A. Zheleznaia doroga i kinematograf [The railway and the cinema]. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putei soobshcheniia [Bulletin of Siberian State University of Railway Engineering]*, 2013, no. 29, pp. 67–72. (In Russ.).

УДК 130.2

СОВРЕМЕННАЯ КУЛЬТУРА В ВИЗУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Казарина Татьяна Юрьевна, доцент кафедры дизайна, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: tatkazarina@gmail.com

Статья посвящена процессуальным характеристикам современной культуры, которая предстает как визуальное пространство, включающее в себя визуальную среду и визуализирующую деятельность.

Ведущим фактором развития современной культуры, доминирующей тенденцией и одновременно процессом выделяется процесс визуализации. В статье представлен анализ феномена визуализации в зарубежных и отечественных теоретических источниках, в практиках современного визуального искусства. Подчеркивается междисциплинарный характер развития процесса визуализации.

Определяются специфические особенности функционирования современной культуры через анализ визуального пространства, в котором осуществляется визуализирующая деятельность современного человека, и обозначение специфического понятия «визуальная среда» (внешняя и внутренняя), дается анализ ее качественных характеристик. Особое внимание в статье уделяется виртуальному характеру развития визуального пространства современной культуры. Доказывается, что визуальное пространство формируется под комплексным воздействием таких социокультурных факторов, как урбанизация и интеграция общества, информатизация и массовизация культуры, интенсификация жизнедеятельности людей. Рассматриваются как негативные, так и позитивные факторы процесса визуализации современной культуры.

Автор публикации делает основные выводы по проблеме развития современной культуры как визуального пространства и формулирует понятие «визуализация» с точки зрения культурологического подхода, в котором выделяются основные функциональные характеристики процесса визуализации.

Ключевые слова: современная культура, визуальное пространство, визуальная среда, визуализирующая деятельность, визуализация, виртуальная среда, визуальный образ.

MODERN CULTURE IN VISUAL SPACE

Kazarina Tatyana Yurievna, Docent of Department of Design, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: tatkazarina@gmail.com

The article is devoted to procedural characteristics of modern culture, which appears as a visual space, including the visual environment and visualizing activity.

The leading factor in the development of modern culture, dominant trend, while the process allocates the process of visualization. The paper analyzes the phenomenon of visualization in foreign and domestic

theoretical sources in the practice of contemporary visual art. It emphasizes the interdisciplinary nature of the visualizing process.

It determines by the specific features of the functioning of contemporary culture through the analysis of visual space in which the visualizing activity of modern man, and the designation of a specific concept of "visual environment" (internal and external), provides an analysis of its qualitative characteristics. Special attention is paid to the virtual nature of the visual space of contemporary culture. It is proved that visual space is formed under the influence of a complex socio-cultural factors such as urbanization and the integration of society, information and the mass culture intensifying the human activity. We consider both, negative and positive factors of the process of visualization of contemporary culture.

The author of the publication makes the main findings on the issue of the development of modern culture as a visual space and formulated the concept of "visualization" in terms of cultural approach, which highlights the main functional characteristics of the visualizing process.

Keywords: the modern culture, visual space, the visual environment, visualising activity, visualisation, the virtual environment, visual image.

Современная культура представляет собой динамичный процесс, в котором происходят постоянные изменения и именно созидательная деятельность человека стимулирует процесс непрерывного поступательного развития, формирования, изменения и преобразования культуры. Меняющийся характер культуры обусловлен различными факторами, среди которых важнейшими являются: социально-экономические, политические, правовые, этические, религиозные, культурно-эстетические, технические и т. д.

Анализ современного состояния культуры позволяет утверждать, что ведущим фактором ее развития, доминирующей тенденцией и одновременно процессом является *визуализация*.

Теоретическое осмысление современного состояния процесса визуализации современной культуры и связанных с ней других культурных процессов нашло отражение в трудах отечественных и зарубежных культурологов, философов, искусствоведов, педагогов, психологов: Р. Арнхейм, М. Мерло-Понти, Г. М. Маклюэн, П. Вирилио, И. А. Розенсон, В. В. Колодий, А. А. Жигарева, Т. Е. Савицкая, В. Н. Козлов, И. А. Мальковская, А. А. Вербицкий, И. И. Данилкина, Н. Н. Манько, А. И. Ивлева и др.

Анализ феномена визуализации в зарубежных и отечественных теоретических источниках представлен достаточно широко и неоднозначно. Но основные исследования этого феномена проходят через философско-социологическое, культурологическое и искусствоведческое направления, а также в направлениях, связанных со

специфическими областями знаний (математика, физика, медицина, информатика, радиотехника и др.). Причем к началу теоретического описания феномена визуализации, с 1970-х годов, уже был накоплен богатый практический материал по визуальному опыту, который нашел обоснование, в первую очередь, в трудах зарубежных ученых: М. Мерло-Понти, Г. М. Маклюэн, П. Вирилио, Р. Арнхейма и др. Отечественные визуальные исследования начались позже, в конце 1990-х годов, но количество их возрастает с каждым годом, что говорит о сложности и постоянном развитии данного феномена. В отечественном варианте концептуальное осмысление *феномена визуализации* с точки зрения социально-философского, искусствоведческого подходов представлено в научных трудах и диссертационных исследованиях А. А. Жигаревой, В. В. Колодия, И. И. Данилкиной, Р. Ю. Порозова, А. Ю. Ивлевой, А. А. Вербицкого, Н. Н. Манько, И. А. Розенсон, Е. В. Сальниковой и др.

Визуализация определяет специфические особенности функционирования современной культуры, погружая общество и отдельную личность в качественно иное пространство, насыщенное визуальными текстами (образами, знаками). Пространство, в котором осуществляет свою жизнедеятельность современный человек можно обозначить таким понятием, как *среда*.

Термин *среда* был введен французским философом, эстетиком, историком, создателем культурно-исторической школы в искусствоведении И. Тэн и поначалу использовался в филосо-

фии и социологии, но с середины XIX века в науке стали широко использовать этот термин, переключая его и на процессы, связанные с культурой и искусством. В настоящее время это понятие актуализируется в связи с появлением новых видов сред, например, виртуальной. И. А. Розенсон подчеркивает, что «понятие среда очень емкое и включает в себя все свойства и факторы окружающего мира, которые создают средовую атмосферу, воздействующую на чувства, мысли и ощущение погружения в нее человека» [9, с. 93]. Можно сказать, что *среда* – это совокупность объективных условий, в которых естественным образом осуществляется жизнедеятельность человека.

Понятие «культурная среда» является более узким и отражает в средовом пространстве человека то, что соотносит его с культурой. Е. И. Кострица отмечает три аспекта проявления культурной среды: культурный синтез, постоянная эволюция, фундирование (закрепление) национальной идентичности. В целом культурная среда, по ее мнению, обладает способностью «продуктивно изменяться и переходить на более высокий этап ее становления» [5]. Действительно, культурная среда, как определенная структура, объективно отражает изменения, происходящие в сфере интересов человека, так как она неотделима от среды его обитания и жизнедеятельности. И поскольку мы подчеркиваем ведущий характер процесса визуализации в современной культуре, то и культурная среда приобретает особую характеристику, становясь главным образом *визуальной средой*.

Визуальную среду можно определить как все видимое многообразие мира, актуально заполняющее жизненное пространство человека. В него входит и природное окружение, и все то, что создано трудом человека в результате активной культуросозидающей деятельности. Визуальную культурную среду можно условно разделить на два вида – *внешнюю и внутреннюю*. Внешнюю визуальную культурную среду составляют объекты, расположенные в свободном природном пространстве, тогда как объекты, находящиеся в замкнутом пространстве (чаще всего искусственного происхождения), представляют внутреннюю визуальную среду.

Следует отметить, что внешняя визуальная культурная среда для современного человека

является преимущественно городской. И здесь проявляет себя фактор урбанизации, который связан с процессом увеличения в последние десятилетия количества городов и населения в них. Это доказывают и отечественные социологические исследования, согласно которым более 73 % от численности населения России – это население городов (для сравнения – в 1867 доля городского населения составляла 15 %), а количество городов увеличилось на 61 [4]. Именно в городе, как культурной среде, в большей степени ощутимо влияние искусственно созданных визуальных образов (культурных артефактов). Визуальные образы в городской культурной среде представлены объектами: архитектуры (различных стилей); ландшафтного дизайна (парки, скверы, бульвары и т. д.); наружной рекламы (щитовая, транспортная, растяжки, фасадно-витринная и т. д.); скульптуры (монументальная, садово-парковая, малых форм и т. д.).

Городская визуальная культурная среда является быстро меняющейся структурой, несущей огромный поток информации, с которым активно и плотно взаимодействует человек. Человек города вынужден в постоянном и непрерывном режиме воспринимать органами зрения артефакты культурной среды, которая сегодня достигла огромной концентрации: если раньше человек в пределах мест своего обитания видел первозданную природную среду, в которую были включены немногие рукотворные артефакты, то теперь он находится в сплошной среде артефактов. И. А. Мальковская отмечает, что в современном мире «визуальные структуры имплантируются в социальную ткань», а, значит, новые визуальные артефакты «структурируют среду, попадающую в фокус визуализации, превращая самого индивида в полую емкость, способную быть заполненной любым жанром или быть упакованной в любую упаковку» [6, с. 48]. В такой «плотной» визуальной среде современный городской человек вынужден мимикрировать, искать механизмы адаптации к новым условиям жизнедеятельности.

Уже доказано, что внешней визуальной среде многих современных городов присущи следующие противоречивые качества: *гомогенность* – отсутствие видимых элементов или снижение их количества (торцы зданий без окон, большие по площади однообразные пространственные зоны);

агрессивность – сосредоточение большого количества одинаковых элементов (преобладание динамических экранов на перекрестках, множество рекламных объектов, многоэтажные здания, отсутствие цвета или преобладание серого цвета, множество плоских поверхностей, углов, выступов); *комфортность* – наличие разнообразных элементов в окружающем пространстве (кривые линии, разнообразие силуэтов объектов, продуманное количество рекламы, эстетика арт-объектов, разнообразие цветовой гаммы, наличие естественных природных элементов).

Вышеперечисленные качества влияют на процесс восприятия внешней визуальной среды, снижая или усиливая эффект ее воздействия. Активизация и обогащение процесса освоения внешней визуальной среды происходит в настоящее время через использование современных художественно-технических средств и технологий, таких как: видеоарт, стрит-арт, суперграфическое решение фасадов, световой дизайн, медиаарт, фотография, инсталляция, динамические музыкальные фонтаны, видеомэппинг или проекционные шоу, архитектурные видеопроекции и др. Дуглас Харпер, специалист по визуальным исследованиям, указывает на различия при восприятии человеческим сознанием текстов и образов, полагая, что «целостность культуры» можно донести до зрителя лишь при использовании разнообразных визуальных объектов (живопись, фотография, граффити и др.) [15, p.13–26].

Внешняя визуальная среда города может в положительном смысле повлиять на человека, если этот процесс управляется и заранее проектируется с учетом определенных задач. Примером такого позитивного воздействия внешней визуальной среды за счет использования новых художественных технологий стрит-индустрии стал второй фестиваль новой культуры «Арт-Овраг» в городе Выкса Нижегородской области (июнь 2012 года). В рамках фестиваля был проведен социально-визуальный эксперимент по реорганизации городского культурного пространства технологиями стрит-арта, когда под лозунгом «Сделай арт на свой стрит» на фасадах непривлекательных жилых объектов архитектуры второй половины XX века появились сюжеты в стиле граффити. Стилистически продуманная роспись

группы граффитистов Pani Paniki из Екатеринбурга изменила форму котельной города Выксы, а нарисованный образ Мадонны эстетически преобразовал трансформаторную будку. В городской среде Выксы появилось много эстетически привлекательных визуальных объектов, а город превратился в огромную экспозиционную площадку, которая приобрела большую зрительскую аудиторию на многие годы.

Отметим, что во многих городах мира уже с конца XX столетия внедряются художественные практики по трансформации архитектурных объектов за счет оптических иллюзий оп-арта. Например, в Риге архитектура в центре города оформлена современными граффитистами, причем именно в таком виде она охраняется государством. А город Эссен в Германии был удостоен звания «Культурная столица Европы 2010», когда в нем завершился крупный проект по конверсии самой большой в Европе угледобывающей шахты, которая превратилась в музей дизайна и резиденцию архитектурного и дизайн-бюро. Тем же путем конверсии старых городских фабрик уже российские архитекторы попытались возродить Вышний Волочек, представив свой проект на XII Архитектурной биеннале в Венеции (август 2010 года) [8].

Таким образом, конверсия внешней визуальной среды в сторону ее эстетизации происходит в настоящее время за счет увеличения разнообразия визуальных объектов и придания им новых медиатизированных форм.

Если говорить о внутренней визуальной среде, то в ней обращает на себя внимание такая же высокая концентрация визуальных образов. Динамичный процесс, направленный на увеличение количества музеев, выставочных комплексов, галерей (государственных, частных) и экспонатов в них, позволяет утверждать, что процесс визуализации поступательно нарастает. Интерьеры архитектурных сооружений традиционно наполняются произведениями, различными по стилю, виду искусства, жанру, технике исполнения (фотография, живопись, графика, декоративное искусство и др.). Но сегодня произведения искусства деконструируются в арт-объекты, меняются формы и технологии экспонирования этих арт-объектов, среди которых активно позиционируются: арт-

переход, перформанс, медиаискусство, инсталляция и др. Постоянно развивающаяся творческая индустрия рекламы, особенно в печатном виде (листовки, афиши, календари, буклеты, флаеры, объявления и др.), насыщает, а иногда перенасыщает не только внешнюю, но и внутреннюю визуальную среду.

Новые формы экспонирования арт-объектов способны усиливать процесс визуализации, создавая отличную от традиционной процедуру восприятия произведений. Так, например, в рамках 4-й Московской биеннале современного искусства (2011 год) в фонде культуры «Екатерина» молодой французский художник Бертран План показал оригинальную серию работ «Bump it!» [13, с. 127]. Он использовал комбинирование технологий инсталляции, видеомепинга и видеоарта. В одном зале была представлена инсталляция из бывших в употреблении предметов мебели, которая с помощью специально используемой техники bump it поочередно появлялась то в естественной окраске, то становилась унифицированной, безликой, окрашенной в белый цвет. В другом зале была представлена инсталляция из шести расположенных на полу камней, которые на глазах у зрителей претерпевают те же метаморфозы: из сиренево-зеленых становятся чисто белыми. Специальная техника **bump it** заключается в следующем: сначала фотографируют группу обычных предметов, затем снимки окрашиваются в белый цвет и обрабатываются с помощью компьютерной технологии, разработанной совместно с Национальным центром научных исследований Франции в 2006 году. Bump it – это изменения, связанные с компьютерными технологиями проецирования, когда свойства предметов разлагаются на составные части и на поверхности для проекций создаются разнообразие вариации текстур с оптическими иллюзиями. Техника графического дизайна, применяемая для наложения цвета и придания текстуры виртуальным объектам в компьютерных программах, используется Б. Планом для работы с реальными предметами, выкрашенными в белый цвет, а проектор визуально возвращает бесцветным объектам их текстуру и краски. Так новые компьютерные технологии позволяют изменять свойства реально существующих предметов и усложнять процесс зрительно-го восприятия, а значит, и процесс визуализации.

Кроме того, активная роль в процессе визуализации внутренней среды принадлежит современным медийным технологиям. По мнению известного испанского профессора Х. Коста, визуализация представляет «определенные явления и части реальности видимыми и понятными; и многие из них просто не имеют визуальной природы. Эти сложные явления, тонкие процессы проходят вне нашего понимания, потому что они выходят за рамки сенсорной системы человека» [14]. Такое широкое определение охватывает множество примеров визуализации: научная макросъемка насекомых или УЗИ-снимок, МРТ внутренних органов человека, конструктивный разрез механизма, алгоритм компьютерной программы, действительно показывает то, что скрыто от глаз человека. Очень актуально сегодня говорить о визуализации во всех видах дизайна (архитектурный, промышленный, интерьер, костюма, автодизайн и др.), так как визуализация позволяет представить идею дизайнера в виде изображения – медиа-объекта (2-D или 3-D-изображение), акцентируя внимание на определенных деталях изображения.

В современной культуре внешняя и внутренняя визуальные среды активно взаимодействуют между собой, погружая в этот процесс человека. Примером такого взаимопроникновения является социально-просветительская акция «Шедевры мировой живописи на улицах российских городов», которая была организована в 2008 году Государственной Третьяковской галереей и компанией News Outdoor. Так, в формате наружной рекламы в городах России и, прежде всего, в Москве были размещены репродукции более 40 произведений классиков русского искусства из коллекции Государственной Третьяковской галереи. А в рамках другого художественного проекта «Музейная миля» (2009) в Санкт-Петербурге на фасадах зданий, расположенных на канале Грибоедова, были укреплены 88 копий картин, повторяющих живописные шедевры из Государственного Русского музея. Для участия в проекте искусствоведы отобрали самые известные живописные произведения И. Е. Репина, В. А. Серова, И. К. Айвазовского, А. И. Куинджи, В. М. Васнецова, М. А. Врубеля и др. Данная акция была направлена на привлечение внимания уличного зрителя к музею и русскому искусству. Для вос-

произведения шедевров русского искусства использовались космические технологии: полотна сканировались и с помощью широкоформатной печати переносились на пластиковую основу, представляющую собой современный материал, защищенный от негативного внешнего воздействия. Процесс поиска новых форм и технологий обогащения визуальной среды человека набирает силу, и это находит свое выражение в организации специальных культурных мероприятий.

Все чаще внутренняя и внешняя визуальная среда заменяется очень активной по способу воздействия на человека *виртуальной средой*.

В этой связи обратимся к понятию *виртуальная реальность*, с которым связана *виртуальная среда*. По мнению А. Ю. Фиминой, виртуальная реальность: а) разновидность реальностей, порожденная активностью субъекта посредством компьютерных технологий и средств воздействия на сознание, которая существует лишь во временных рамках процесса её порождения и оказывает влияние на сознание субъекта, не будучи актуализированной в материальном мире; б) есть совокупность симулякров (виртуальных тел), представляющих собой копии реальных объектов, лишенных подобия, не имеющих аналогов в актуальной действительности и, стало быть, в ней не существующих. Однако в пределах виртуальной реальности, они обретают свое собственное бытие и оказывают влияние на погруженный в неё субъект [12].

Мы уже привыкли и часто не осознаем незначительность технологии *мультимедиа* (англ. multimedia от лат. multum – много и media, medium – средоточие; средства). Мультимедиа – это совокупность компьютерных технологий, одновременно использующих несколько информационных сред: графику, текст, видео, фотографию, анимацию, звуковые эффекты, высококачественное звуковое сопровождение [11]. Появление Мультимедиа Арт музея в Москве (МАММ) является доказательством изменяющегося культурного пространства России в сторону усиления искусства новых медиа.

Таким образом, *процесс визуализации связан не только с обогащением внешней и внутренней среды реальными арт-объектами, поиском форм их экспонирования и потребления, но и*

с все большим погружением современного человека в виртуальную среду, заменяющую собой реально существующую внешнюю и внутреннюю визуальную среду.

Процесс визуализации современной культуры касается среды, окружающей человека, но еще в большей степени он актуализируется непосредственно в его деятельности, а именно, в: *производственно-профессиональной деятельности* (криминалистика, медицина, реклама, научные исследования и т. д.); *учебно-образовательной деятельности* (создание видеопрезентаций и графических изображений); *коммуникационной деятельности* (мобильная связь, телекоммуникационные сети, скайп); *досугово-бытовой деятельности* (просмотр телепередач, фильмов, видеоигры); *любительской деятельности* (фотографирование, видеосъемка) и т. д.

Процесс визуализации среды обитания человека и его деятельности неразрывно связан с различными социокультурными факторами, такими как: *урбанизация* (восполнение или иллюзорное представление природной среды); *интеграция* (развитие коммуникационных связей); *информатизация* (усиление роли информации в обществе, развитие аудиовизуальных СМИ); *массовизация* (придание явлениям культуры массового характера).

Урбанизация общества – это процесс повышения роли городов в развитии общества, который охватывает изменения в расселении населения, его социально-профессиональной, демографической структуре, образе жизни, культуре и т. д. Но урбанизацию нельзя рассматривать как однозначный процесс, так как в ходе нее происходят многоуровневые, многоаспектные изменения не только социального и экономического плана, но и культурного. Урбанизация страны характеризуется не только и не столько ростом городов, увеличением проживающего в них населения, как это традиционно определялось до недавнего прошлого в научных исследованиях 1970–80-х годов, но прежде всего формированием и все более широким распространением городской культуры. А. С. Ахиезер, Л. Б. Коган, О. Н. Яницкий одними из первых заявили о необходимости рассмотрения урбанизации в ее целостности, в подходе к ней как к закономерному историческому про-

цессу [2, с. 43]. Процесс урбанизации объективно приводит к активному массовому внедрению разнообразных визуальных объектов культуры в городскую среду (ландшафтный дизайн, световой дизайн, декоративная скульптура, видеоарт, стрит-арт, инсталляции и др.). И все это – проявление процесса взаимопроникновения урбанизации и культуры.

Информатизация общества и культуры – этот процесс, связанный с развитием компьютерных и сетевых технологий, с помощью которых создается и передается различного рода информация (мультимедийная). Основным источником этой информации является экран (монитор). Следовательно, развитие информационного общества, информационно-коммуникативной деятельности людей невозможно без интенсификации процессов визуализации, без формирования визуально-экранной культуры.

Массовизация культуры – это процесс инкультурации, приобщения широких слоев населения к ценностям культуры. Эту задачу невозможно было решить вне развития современных аудиовизуальных технологий. Именно этим технологиям общество обязано возникновению так называемой массовой культуры. Аудиовизуальные технологии (фотография, кино, телевидение, видео) сделали культурные ценности доступнее человеку, хотя их аутентичность в результате визуальной репрезентации стала иллюзорно-мифической.

Интенсификация жизнедеятельности – это процесс ускорения темпа жизни современных людей, когда объективно необходима психологическая разрядка и снятие психологического напряжения. Эффективнее всего данную функцию выполняют аудиовизуальные искусства. Экранное зрелище в наибольшей степени позволяет человеку уйти от мира повседневности, переключиться на другой объект, получить удовольствие от его восприятия.

В некоторых концепциях культуры, связанных с процессом визуализации, обращается внимание на значимость визуального восприятия для человека в процессе познания мира, ведущую роль визуального образа в процессах восприятия и понимания. Доминирующее функционирование в культуре визуальной образности продиктовано тем, что она обладает рядом существенных осо-

бенностей как знаковых образований. Вообще существует три основных вида знаков (по Чарльзу Пирсу): 1) *подобия* (*likenesses*), или *иконы* (*icons*), которые выполняют функцию передачи идей и репрезентируют вещи, просто имитируя их; 2) *указатели* (*indications*) или *индексы* (индексальные знаки, или знаки-признаки), которые что-то говорят о вещах, потому что физически связаны с ними; 3) *символы* или *общие знаки* (символические знаки или условные, конвенциональные знаки), которые ассоциируются с их значениями [7, с. 89]. Особенность иконических знаков состоит в том, что они в определенных отношениях и при определенных условиях в точности схожи с объектами-оригиналами, которые они репрезентируют, и потому иконические знаки часто называют знаками-копиями и знаками-изображениями (фотография, компьютерная графика, фильм, картина, набросок, чертеж, банер и др.).

Применительно к современной ситуации, главенство иконических знаков, составляющих *визуальный образ*, сопряжено со следующими специфическими моментами:

1. Визуальный образ наиболее емкое и теоретически неисчерпаемое в процессе познания и коммуникации знаковое образование, отвечающее современным потребностям. Он несет в себе больше информации, чем слово, и человек в процессе восприятия визуального образа имеет дело с качественно иной информацией. Если, например, вербальный образ как конвенциональный знак-символ обобщает и отсылает нас к типичным свойствам объекта, то визуальный образ неразрывно связан с конкретными чертами и свойствами этого объекта. Попытки содержательно вербализировать его всегда будут многогранны и длительны. Конвенциональный вербальный образ также наделяется человеком в процессе восприятия конкретными характеристиками, но его полнота все-таки ограничена, как ограничена жизнь человека. В этом смысле известное изречение «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать» означает желание человека конкретизировать объект информации и получить о нем как можно больше сведений, которыми, возможно, он ранее не обладал. Визуальная информация оказывает наиболее сильное влияние на сознание человека, как бы «поглощая» его. В связи с этим меняется

способ освоения этой информации. Человек идет в этом процессе уже не от собственного опыта к новому знанию, а, наоборот, от этого знания к личному опыту.

2. Визуальные образы сегодня – это преимущественно динамизированные образы. Это связано с мощным развитием аудиовизуальной сферы культуры, особенно кино и телевидения. Их восприятие требует особого напряжения психики человека, потому что они захватывают внимание и держат его в плену экранных иллюзий. При этом у человека не остается времени на критическую оценку аудиовизуальной информации, что приводит к формированию стереотипного мышления, клипового сознания. Вместе с тем динамизированные аудиовизуальные образы являются наиболее реалистичными и достоверными из всех существующих визуальных образов, адекватно передающих информационную картину мира индивида [3, с. 34–38].

3. Визуальный язык становится наиболее органичным для современных условий функционирования личности и общества, так как визуальное восприятие кратковременно и содержательно. Как утверждают гештальт-психологи, визуальное восприятие реализует элементы понятийного мышления. Оно не пассивно и имеет свою структуру и принципы. На перцептивном, как и на интеллектуальном, уровне вырабатываются свои понятия, суждения, своя логика и заключение. «Зрение есть восприятие действия», – подчеркивал Р. Арнхейм [1, с. 5]. Оно опирается на определенные «визуальные понятия» (перцептивные и изобразительные) [1, с. 5].

Таким образом, визуальное мышление может выступать механизмом для *вывода* определенной информации и *ввода* ее в другой мозг. Но визуальные образы в процессе их восприятия не образуют линейную структуру и последовательность, как это происходит при взаимодействии со словом. Визуальное мышление отрывочно, фрагментарно, не целостно, то есть не имеет своей истории существования. Его интенсивное развитие приводит к неспособности, а в некотором смысле и к нежеланию, человека участвовать в длинном хитро-сплетении мыслей, в конструировании сюжета по поводу восприятия визуального образа. Все это не формирует у человека аналитическое мышление.

Процесс визуализации современной культуры, несомненно, оказывает существенное влияние на все стороны жизни человека и общество в целом. Когда говорят об угрозах, связанных с развитием визуальности, то подают их слишком тенденциозно, без учета противоборствующих тенденций.

Т. Е. Савицкая в статье «Новая теория для новой культуры: по страницам канадского журнала «СTheory» (Critical Theory)» обращает внимание на факт глобальных изменений, связанных с технологическими новациями культуры глобального постмодерна. Кризис современной культуры, по мнению автора, заключается в том, что происходящие в ней процессы, «практически не встречая сопротивления, ваяют новый мир, создаваемый не по меркам человека» [10, с. 17]. Поток информации, которые «сваливаются» на человека, не успевают регулироваться сознанием человека, поэтому мир вокруг него воспринимается как информационный хаос. При этом следует заметить, что именно визуализация отдельных процессов и явлений помогает человеку составить о них более четкое, чем с помощью словесных образов, представление, способствует их структурному осознанию. К тому же визуализация культуры, особенно в ее массовом проявлении, нередко является причиной бездуховности современного общества, которое культивирует насилие и потребительское отношение к жизни. Отчасти с этим можно согласиться.

Вместе с тем визуализация способствует, например, развитию индивидуальности человека, его специфических культурных запросов. Новые визуальные технологии предоставляют человеку возможность для общения с высоким искусством. Благодаря *дигитализации* (от англ. digital – оцифровка) культурного наследия, можно формировать свою коллекцию произведений культуры и искусства, не ограничивая их количество. Конечно, визуализация современной художественной культуры не должна служить барьером для непосредственного контакта с высоким искусством и, как репрезентация произведений искусства, она не может заменить живое общение с шедеврами мирового искусства, но развитие этого процесса, в определенной степени, обогащает личность человека.

Широчайшие возможности для человека в этом плане открывает так называемый виртуальный музей, формируя при этом новую эстетику визуальной среды. Поль Вирилио верит, что невероятные возможности новых зрелищно-информационных технологий будут способствовать расширению мировоззренческого горизонта человека. Однако их нужно использовать эволюционно, созидательно, а не инволюционно, деструктивно (см. [16, р. 43–44]).

В результате изучения визуализации как процесса современной культуры можно сделать следующие *выводы*:

- визуальное пространство как культурное целое, в которое погружен современный человек, включает в себя два основных элемента – *визуальную среду и визуализирующую деятельность*;

- *внешней визуальной среде*, состоящей из объектов, находящихся в свободном природном пространстве, присущи такие качества, как: гомогенность, агрессивность, комфортность, – которые проявляются через увеличение разнообразия визуальных объектов и придание им новых медиатизированных форм;

- *внутренняя визуальная среда*, включающая объекты искусственно-замкнутого пространства, также связана с процессом ее обогащения реальными арт-объектами, с поиском новых способов их репрезентации, которые основаны на использовании медиатехнологий, формирующих виртуальную среду;

- визуализирующая деятельность стала неотъемлемой частью производственно-профессиональной, учебно-образовательной, коммуникационной, досугово-бытовой, любительской и т. д. деятельности, благодаря особым качествам визуальных образов как знаковых систем: содержательной конкретности, динамизированности и способности демонстрировать логико-понятийное мышление;

- на визуализацию культуры мощное воздействие оказывают такие социокультурные факторы и процессы, как урбанизация и интеграция общества, информатизация и массовизация культуры, интенсификация жизнедеятельности людей;

- процесс визуализации несет с собой как негативное, так и позитивное начало: с одной стороны, он рождает в сознании людей картину информационного хаоса, создает интеллектуальную пассивность, формируя бездуховное, потребительское отношение к жизни; с другой стороны, визуализирующая деятельность дает возможность приобщить массы людей к ценностям культуры, развить их индивидуальные культурные запросы, в том числе творческого характера.

Исходя из вышесказанного, *визуализация – это ведущий культурный процесс современности, основанный на освоении и продуцировании человеком зрительных образов различной природы, которые служат ему для познания действительности, обмена информации о ней и получения художественно-эстетического удовольствия.*

Литература

1. Арнхейм Р. Искусство и зрительное восприятие / сокр. пер. с англ. В. Н. Самохина, общ. ред. и вст. ст. В. П. Шестакова. – М.: Прогресс, 1974. – 171 с.
2. Ахиезер А. С., Коган Л. Б., Яницкий О. Н. Урбанизация, общество и научно-техническая революция // *Вопр. философии.* – 1969. – № 2. – С. 41–44.
3. Гук А. А. Эстетика видео: коммуникация, типология: моногр. – М.: МГУКИ, 2010. – Ч. 2. – С. 34–38.
4. Демографическая история России за сто лет [Электронный ресурс]. – URL: <http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/00fe7213-0c41-7ee6-44cc-a60c8e2a01fe/1011521A.htm>.
5. Кострица Е. И. История возникновения термина «культурная среда» на примере статьи П. Н. Савицкого «Евразийство [Электронный ресурс]». – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-vozniknoveniya-termina-kulturnaya-sreda-na-primere-stati-p-n-savitskogo-evraziystvo>.
6. Мальковская И. А. Визуальная культура: проблемы самоидентичности // *Гуманитарные науки: теория и методология.* – 2008. – № 4. – С. 45–49.
7. Пирс Ч. С. Что такое знак? // *Вест. Том. гос. ун-та. Философия. Политология. Социология.* – 2009. – № 3 (7). – С. 88–95.
8. Райкин А. Современный арт ушел под землю [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mk.ru/culture/article/2012/06/07/712572-iskusstvo-iz-ovraga.html>.

9. Розенсон И. А. Дизайн. Основы теории дизайна. – СПб.: Питер, 2009. – 218 с.
10. Савицкая Т. Е. Новая теория для новой культуры: по страницам канадского журнала «CTheory» (Critical Theory) // Обсерватория культуры. – 2013. – № 3. – С. 16–23.
11. Современный толковый словарь Ефремовой [Электронный ресурс]. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/276787/мультимедиа>.
12. Фимин А. Ю. Социально-философский анализ виртуальной реальности: дис. ... канд. филос. наук, спец. 09.00.11 «Социальная философия». – Волгоград: ВГТУ, 2007. – 122 с.
13. Хан-Магомедова В. Bump it! Tour 2011 // Диалог искусств. – 2012. – № 1. – С. 127.
14. Costa J. La esquemática: Visualisar la informacion. – Barcelona: Paidos Iberica, 1998. – 222 p.
15. Harper D. Talking about pictures: a case for photo elicitation // Visual Studies. – London: Routledge, 2002. – Vol. 17, no 1. – P. 13–26.
16. Wilson L. Cyberwar, God and Television. An interview with Virilio // Digital Delirium (Eds. A. Kroker a M. Kroker). – Montreal: New Word Perspectives, 2001. – P. 43–44.

References

1. Arnkheim R. Iskustvo i zritelinoe vospriiatie [Art and visual perception]. Moscow, Progress Publ., 1974. 171 p. (In Russ.).
2. Akhiezer A.S., Kogan L.B., Ianitskii O.N. Urbanizatsiia, obshchestvo i nauchno-tekhnicheskaia revoliutsiia [Urbanization, society and scientific and technical revolution]. *Voprosy filosofii [Philosophy questions]*, 1969, no 2, pp. 41–44. (In Russ.).
3. Guk A.A. *Eстетика video: kommunikatsiia, tipologiia [Video aesthetics: communication, typology]*. Moscow, MGUKI Publ., 2010, Party 2, 128 p. (In Russ.).
4. Demograficheskaia istoriia Rossii za sto let [Demographic history of Russia for hundred years] (In Russ.). Available at: <http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/00fe7213-0c41-7ee6-44cc-a60c8e2a01fe/1011521A.htm>.
5. Kostriisa E.I. Istoriia vozniknoveniia termina “kul’turnaia sreda” na primere stat’i P.N. Savitskogo “Evraziistvo” [History of occurrence of the term “the cultural environment” on an example of article of P.N. Savitsky “Evraziistvo”]. (In Russ.). Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-vozniknoveniya-termina-kulturnaya-sreda-na-primere-stati-p-n-savitskogo-evraziistvo>.
6. Mal’kovskaia I.A. Vizual’naia kul’tura: problemy samoidentichnosti [Visual culture: self-identity problems]. *Gumanitarnye nauki: teoriia i metodologiia [The humanities: the theory and methodology]*, 2008, no 4, pp. 45–49. (In Russ.).
7. Pirs Ch.S. Chto takoe znak? [What is the sign?]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofii. Politologiia. Sotsiologiia [Tomsk State University Journal. Philosophy. Political science. Sociology]*, 2009, no 3 (7), pp. 88–95. (In Russ.).
8. Raikin A. Sovremennyi art ushel pod zemliu [Modern art has left under the earth]. (In Russ.). Available at: <http://www.mk.ru/culture/article/2012/06/07/712572-iskustvo-iz-ovraga.html>.
9. Rozenson I.A. Dizain. Osnovy teorii dizaina [Design. Bases of the theory of design]. Saint-Petersburg, Piter Publ., 2009. 218 p. (In Russ.).
10. Savitskaia T.E. Novaia teoriia dlia noi kul’tury: po stranitsam kanadskogo zhurnala “CTheory” (Critical Theory) [The new theory for new culture: on pages of Canadian magazine “CTheory” (Critical Theory)]. *Obseratoriia kul’tury [Art observatory]*, 2013, no 3, pp. 16–23. (In Russ.).
11. Sovremennyi tolkovyi slovar’ Efremovoi [Modern explanatory dictionary of Efremova]. (In Russ.). Available at: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/276787/muljtimedia>.
12. Fimin A.Iu. Sotsial’no-filosofskii analiz virtual’noi real’nosti. Dis. kand. filoz. nauk [The socially-philosophical analysis of a virtual reality. Diss. Cand. Philos. scien.]. Volgograd, VGTU Publ., 2007. 122 p. (In Russ.).
13. Khan-Magomedova V. Bump it! Tour 2011 [Bump it! Tour 2011]. *Dialog iskusstv [Dialogue of arts]*, 2012, no 1, p. 127. (In Russ.).
14. Costa J. La esquemática: Visualisar la informacion. Barcelona, Paidos Iberica Publ., 1998. 222 p.
15. Harper D. Talking about pictures: a case for photo elicitation. *Visual Studies*. London, Routledge Publ., 2002, vol. 17, no 1, pp.13–26.
16. Wilson L. Cyberwar, God and Television. An interview with Virilio. *Digital Delirium (Eds. A. Kroker a M. Kroker)*. Montreal, New Word Perspectives Publ., 2001, pp. 43–44.

УДК 13.01.29

СПЕЦИФИКА СОЗДАНИЯ И ПРОДВИЖЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО БРЕНДА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Старцева Анастасия Сергеевна, аспирант, кафедра культурологии и антропологии, Московский государственный университет культуры и искусства (г. Москва, РФ). E-mail: anastation86@rambler.ru

Актуальность темы исследования обусловлена одной из важнейших проблем в процессе осуществления социокультурной деятельности в современном обществе – конструированием образа стран и регионов, или «территориальным брендингом», посредством продвижения культурных объектов данного континуума. В статье анализируется сущность феноменов «образ региона», «имидж региона», «культурный бренд». Цель статьи: определить роль традиционных и инновационных аспектов культурных брендов в позиционировании региона. В процессе исследования были использованы эмпирические методы (анализ документов, анкетирование, опрос, мониторинг СМИ, контент-анализ). На последующих этапах работы и при решении отдельных задач, поставленных в исследовании, были применены следующие общетеоретические методы: общефилософский и философско-культурологический, диалектический, структурно-типологический. Культурный бренд может продуцироваться на основе концепции определенного историко-культурного памятника, который может претендовать на повсеместную известность в своем регионе, стране, мире. Выявляется целесообразность создания и продвижения «культурного бренда», рассматриваются проблемы, связанные с особенностями формирования «культурного бренда» в омском регионе. В рамках данной идеи в исследовании рассматривается создание «культурного бренда» на основе историко-культурного памятника «Омская крепость», предлагаются основания для его позиционирования в качестве культурного бренда.

Ключевые слова: культурный бренд, региональная идентичность, имидж территории, региональный образ, геокультурный бренд, архитектурный бренд.

THE SPECIFIC OF CREATING AND PROMOTION OF CULTURAL BRAND IN REGIONAL IMAGING PROCESS OF OMSK REGION

Startseva Anastasiya Sergeevna, Post-Graduate Student, Department of Culturology and Anthropology, Moscow State University of Culture and Arts (Moscow, Russian Federation). E-mail: anastation86@rambler.ru

The actual significance of the problem analyzed in this article is that any sociocultural activity in a certain region to be successful externally cannot avoid creation of “territorial branding.” The aim of the article: to define the role of traditional and innovative aspects of cultural brands in regional representation. In the process of research, the author used empiric methods (analysis of documents, questioning, monitoring of MASS-MEDIA, content-analysis). On the subsequent stages of work, next general theoretic methods (philosophical, culturological, dialectical, structural and typological) were applied. In the construction of “territorial branding,” a social as well as cultural means of a certain territorial entity are actively utilized. “Territorial branding” presupposes advancement of cultural objects that certain territory has a privilege to possess. In the article, the essence of the “regional image” as well as “cultural brand” has been analyzed. The author applies a comparative analysis to draw on similarities and differences between phenomena implied

under terms of “territorial brand,” “territorial image” and “cultural brand.” One of the conclusions reached by the author is that cultural brand can be produced through conceptualization of a historical sight, which enjoys popularity among residents of a certain region, country or acclaimed its popularity internationally. The author used cultural brand making process at the Omsk region to substantiate her views. The example of the cultural brand, which researched, is the historical monument “Omsk Fortress.” The author described the advantages of the potential of this cultural band. Today’s big problem is attracting attention of politics and government to the historical and cultural monument “Fortress,” their resources can help solve a problem of right presentation and creating cultural brand.

Keywords: cultural brand, regional identity, image of territory, regional image, geocultural brand, architectural brand.

Введение

Город и регион в науке о культуре представляют сложное социокультурное единство, которое обеспечивает взаимодействие, функционирование и развитие территориальных субъектов, соединение культурных контактов, что приводит к самоопределению и самоидентификации городов, регионов. Например, регион выступает местом формирования и реализации культурных интересов такого важнейшего территориального субъекта как региональная элита: «Выявление всей серьезности “несерьезных” (культурных) интересов оказывается возможным при взгляде на регион как культурный феномен» [2, с. 167]. Практически у каждой территории есть свой образ, который сформировался стихийно или же целенаправленно благодаря определенным группам лиц (писателям, ученым, журналистам, путешественникам, PR-специалистам и др.). Актуальность темы исследования обусловлена одной из важнейших проблем в процессе осуществления социокультурной деятельности в современном обществе – конструированием образа стран и регионов, или «территориальным брендингом», посредством продвижения культурных объектов данного континуума. Повышение интереса к имиджу страны на международном уровне предшествовало и дало основу для осознания актуальности бренда регионов как внутри страны, так и за её пределами. Преимущественно активные усилия предпринимались специалистами по созданию имиджа компаний или исторических деятелей, однако такой значительный социокультурный феномен, как страна или регион, не сразу были восприняты для возможного примене-

ния навыков бренд-специалистов. Актуализация брендинга территорий возникла еще в 70-е годы XX века в ряде западных стран, но в России активно стала обсуждаться лишь в последние годы.

«Региональный образ» и «имидж территории» в процессе их создания и продвижения

В рамках заявленной темы исследования будем останавливаться на категории «образ» в общем, мы станем рассматривать это явление в соотнесении с «имиджем территории». Здесь наше внимание должно быть остановлено на следующем.

Существует ряд авторов, которые считают, что образ – это широкое понятие, включающее в себя множество других, таких как имидж, стереотип, миф и другое. Однако имеется версия, которая подчеркивает, что феномен «образ» шире категории «имидж», и включает его в свое поле. Д. Н. Замятин определяет образ как «максимально дистанцированное представление реальности; выявляет “рельеф” культуры, являясь одновременно культурой в ее высших проявлениях. Образ – часть реальности; он может меняться вместе с ней. В то же время образ – фактор изменения, динамики реальности» [5, с. 11].

Г. Шаталов приводит следующие виды образа региона, при этом для него феномен «образ» приравнивается к «имиджу».

В зависимости от того, как реципиент воспринимает тот или иной образ, данное явление можно разделить на два вида: внутренний и внешний образ. Жители определенной территории – носители внутреннего образа. Туристы, гости, соседи данной территории – носители внешнего образа. Следующим параметром классификации обра-

за, по мнению Г. Шаталова, является – его «подаваемость» и «приницаемость»: «Подаваемый имидж отражает мнение жителей о восприятии их региона остальным населением. Принимаемый имидж – мнение жителей других населенных пунктов о данном регионе. Если подаваемый и принимаемый имидж значительно отличаются друг от друга, значит, субъекты имиджа неверно позиционируют свой регион» [13].

Далее автор выделяет вид образа региона по числу его носителей: индивидуальный и групповой (общественный) образ. Второй создается наложением друг на друга множества индивидуальных образов. Данный вид вырабатывается значительной группой людей и необходим для того, чтобы индивид мог успешно функционировать в пределах своего окружения. Первый вид – уникален, так как охватывает какое-то содержание, которое «никогда или почти никогда не передается другим, но при этом в большей или меньшей степени совпадает с общественным образом» [13].

По способу восприятия, исследователь Геннадий Шаталов подразделяет образы региона на осязаемые и неосязаемые. Первая группа создается вследствие восприятия города при помощи пяти чувств: впечатление о территории составляется из того, что можно увидеть, услышать, почувствовать, вдохнуть, потрогать. В эту категорию включены: название территории, ее символика, архитектура, чистота улиц и другое. Вторая группа представляет собой эмоциональные связи с определенным местом, которые в основном формируются за счет СМИ.

Явление «образ», в принципе, как и имидж, обладает характерными свойствами, которые мы рассмотрим подробнее.

Изменчивость. Образ региона не статичен и изменяется во времени. Образ региона складывается и изменяется как стихийно, так и целенаправленно (вопросы формирования имиджа территории будут рассмотрены ниже). Изменение образа региона зависит от многих факторов: экономическая ситуация, государственная и градостроительная политика, технические новации, отметим, что данный фактор имеет отрицательную роль в сохранении образов.

Историчность (точки пересечения с историческим контекстом). Образ региона всегда

вплетен в некоторый исторический контекст и социальную ситуацию. Он не может быть вне нации, менталитета, мировоззрения. Этот феномен имеет свою судьбу. Каждая эпоха порождает свое особое восприятие; смена эпох создает постоянно меняющийся, текучий образ региона и вместе с тем единый в чем-то основном, составляющем его сущность как органического целого.

Относительная устойчивость. Устойчивость образа территории зависит от его яркости, позиции региона в мирохозяйственном понимании и сложившихся стереотипов.

Комплексность. Все составляющие части образа региона взаимосвязаны, изменение какой-либо черты влечет за собой переосмысление других черт.

Плюрализм точек зрения. Не существует какой-то одной точки зрения, с которой можно было бы охватить регион как единое целое. Данное свойство относится прежде всего к крупным территориальным формированиям.

Зависимость от объективных характеристик регионального развития. Образ региона описывается через субъективное отношение к своему региону различных групп населения и является, прежде всего, представлением о регионе. Однако при описании образа необходимо учитывать и объективные характеристики состояния и развития региона, так как именно посредством отношения к ним у человека и формируется образ данной территории.

Теперь необходимо сделать попытку определить феномен «образ». В нашем понимании его можно определить как конкретную форму обобщенного отражения, описания, представления, реперезентирования, позиционирования объекта или явления, выраженную посредством ассоциативных утверждений и конструкций о самом объекте, которые, как правило, ситуативны и могут изменяться. Это то, что складывается на протяжении определенного времени, в зависимости от определенной ситуации, здесь могут оказать влияние на формирование внешние и внутренние факторы.

Феномены «имидж» и «образ» очень близки друг другу и между ними разница в тонкой грани. На наш взгляд, главным здесь является, что

имидж строится уже на основе определенного сложившегося образа, в противном случае, имиджмейкеры строят стратегию, в основе которой определенный порядок действий: на первом этапе уделяется внимание формированию определенного образа, а потом уже идет создание и продвижение необходимого имиджа. Вследствие чего наблюдается тесная взаимосвязь этих двух явлений.

Важным моментом в возможных характеристиках «образа» является то, что с помощью него можно «воздействовать и управлять групповым и индивидуальным сознанием, “расширять” или “сужать” представления людей об объекте, акцентировать позитивные или негативные его характеристики, можно влиять на взаимоотношения объектов, в том числе в межгосударственной и межэтнической сферах. В определенном смысле это навязываемая потребителю информация» [11, с. 107]. В этом отношении образ сближается с феноменом «имидж» и подтверждает устоявшееся мнение, что образы «отражают не столько саму реальность, сколько общественную атмосферу в конкретный период и в конкретной ситуации» [9, с. 56]. Примеры, образы Санкт-Петербурга при Н. В. Гоголе и в настоящее время – совершенно отличаются друг от друга.

Классифицировать региональные характеристики можно по-разному, но суть от этого не изменится: на образ региона влияют они все. Образ региона складывается из представления о следующих составляющих: население; экономика; образование, культура, наука; СМИ; здравоохранение, спорт; политика, властные структуры, региональные лидеры; нормативно-правовая база; быт, коммунальное и транспортное хозяйство; архитектура; географические особенности; историческое прошлое. Здесь категория «образ» тоже совпадает с «имиджем».

Изменение этих характеристик, а также представлений о них происходят как стихийно, так и целенаправленно, но как раз в процессе имиджевой политики региона. Образ очень часто складывается на страницах художественной литературы, газетных материалов, рассказов путешественников и пр. А имидж формируется целенаправленно PR-специалистами, имиджмейкерами, менеджерами, политехнологами.

Г. Шаталов предлагает опираться на следующую структуру образа региона: статус территории (место данного региона в структуре и иерархии других регионов страны по различным основаниям – степени развития, роли в экономической, политической, культурной жизни страны), который определяется потенциалом и ресурсами региона – информационными, финансовыми, кадровыми и т. д., в том числе и внешними связями с другими регионами и странами [13]; ее облик (внешний вид – архитектура, достопримечательности, природные особенности, местоположение, чистота улиц, освещенность дорог и т. п.); душа региона; региональный фольклор; стереотипы о регионе; мифология; эмоциональные связи с регионом (эмоции, чувства, ожидания, надежды, связанные с городом и отношение к нему); региональная символика (название, флаг, герб, эмблема, девиз, гимн и т. п.) [13].

Образы различных регионов в разной степени насыщены каждой из этих составляющих, и от этого зависит яркость образа.

Также существует понятие «географический образ», которое является синонимом «образа региона». Географический образ в основном определяют как конструкцию, которая ярко и экономно представляет регион или страну.

По определению Д. Н. Замятина, «географический образ – система знаков, символов, стереотипов, архетипов, мифов, характеризующих определенную территорию. Географический образ может быть представлен как визуальными изображениями и текстами, так и письменными текстами» [5, с. 13].

Географический образ, как имидж территории, тесно связан с понятием «национальная» или «региональная» идентичность. В. К. Малькова и В. А. Тишков пишут: «Региональная идентичность призвана обнаружить тесные связи, укореняющие местные сообщества и отдельных людей, процедуры самоидентификации, в которых образ региона может предстать как образы населяющих эту территорию людей» [10, с. 21]. Региональная идентичность необходима при создании культурных брендов региона и бренда территории в целом. В процессе их формирования не малую роль играют «имидж» и «образ». Все эти явления

помогают углубиться и изобрести необходимую брендстратегию для региона. Но только благодаря самоидентификации территории возможен успешный проект. Невозможно разрушить город полностью и изменить характер населяющих данную территорию. Здесь необходимо опираться на те традиции, которые еще сохранились на данной территории, на те поведенческие особенности у населения, которые проявляются, на те географические признаки, которые способствуют жизнеспособности данного региона.

Как отмечают В. К. Малькова и В. А. Тишков, «региональная идентичность сказывается в существовании выпуклых и устойчивых образно-географических композиций, а хорошо освоенное пространство идентифицируется как система региональных и оригинальных образов» [10, с. 21].

Эти же авторы предлагают при создании историко-культурного образа учитывать культурный ландшафт, который может перспективно использоваться для моделирования внешних историко-культурных образов, созданных с позиции внешнего, непогруженного в культуру территории, наблюдателя. Другая модель, по их мнению, представляет внутренний культурный ландшафт, который позволяет создавать историко-культурные образы территории «изнутри» (речь идет о внутреннем образе территории), с позиции местного сообщества, а также с позиции исследователя данной культуры. Любой культурный ландшафт имеет своего коллективного «исследователя» и интерпретатора (человеческое сообщество), которое «организует, поддерживают и осмысливает «свой» культурный ландшафт в различных арте- и ментифактах – хозяйственных угодьях и урочищах, предметах материальной культуры, диалектах, топонимии, в устной истории места и т. д.» [10, с. 21]. Но данные модели должны совпадать, если жители воспринимают себя по одному, а для внешней аудитории будет строиться другой образ, то в конечном итоге образ данной территории будет разрушен после ее посещения.

«Внутренний» культурный ландшафт, по мнению исследователей Мальковой и Тишкова, имеет свою собственную организацию, функционирование и собственные системы номинации. Потому представляется возможным соотнесение

внешней и внутренней исследовательских позиций относительно культурного ландшафта, а вследствие этого возможно выявление отличительных характеристик, на основе которых строятся внутренний и внешний образы территории.

Следует поддержать позицию исследователей, которые полагают, что информация о территории сама по себе еще не создает ее образа. Он должен получить адекватную форму выражения, то есть репрезентацию, так как она не является только средством визуализации образа, а играет важную роль в процессе восприятия, этно- и социокультурной ретрансляции, интерпретации.

«Культурный бренд» в процессе моделирования регионального образа

В культурном ландшафте немаловажную роль играют объекты (предметы) материальной культуры того или иного народа, населяющего определенную территорию. Данные объекты или предметы, а может быть даже исторические имена, могут трансформироваться в культурные бренды. Понятие «культурный бренд» существует одновременно с такими феноменами, как «имидж территории», «бренд территории». Оно не просто существует параллельно, но и является одним из элементов процесса их актуального позиционирования и репрезентирования «владельца» – города, региона, страны.

Культурный бренд может продуцироваться на основе концепции определенного историко-культурного памятника, который может претендовать на повсеместную известность в своем регионе, стране, мире.

Здесь необходимо определить понятие «историко-культурный памятник». Данный феномен широкое распространение приобрел в XXI веке. Но постепенно в процессе изучения и переосмысления этого феномена, по мнению исследователя А. Б. Шухободского, произошла подмена понятия «памятник» на понятие «объект культурного наследия». Эти два понятия не тождественны. Феномен «объект культурного наследия» утратил историческую и ценностную составляющие.

Рассмотрим определения явления «историко-культурный памятник» (табл. 1) на основе монографии исследователя А. Б. Шухободского [14].

Таблица 1

Определения феномена «памятник истории культуры»

Автор определения	Определение феномена «памятник истории культуры»	Комментарии отрицательного характера	Комментарии положительного характера
П. В. Боярский	- совокупность материальных объектов и памятных мест, составляющих условно-непрерывный ряд, отражающий все стороны исторического развития человеческого общества в системе биосферы [1, с. 127]	Отсутствует ценностный подход. В понятие включается вся материальная ноосфера (движимая и недвижимая)	-
А. Н. Дьячков	- одна из функций элементов предметного мира культуры, выделяемая людьми для осуществления передачи общественно значимых культурных и технологических традиций из прошлого в будущее [4, с. 43]	Отсутствует ценностный и материальный подходы. Памятник приравнивается к функции	Акцент на необходимость феномена осуществлять связь между прошлым и будущим
А. М. Кулемзин	- это объекты, возникшие в результате исторических событий и явлений или несущие на себе следы их воздействия, являющиеся источниками исторической и эстетической информации прямых подлинных знаний. Они служат целям развития науки, культуры, просвещения, высокой духовности [7, с. 56]	Нет четкой границы, позволяющей отделить феномен «памятник» от других антропогенных объектов создания. Нет ориентации в определении явления на ценность в области культурного наследия	Есть отсылка на становление памятника в историческом процессе. Акцент на эстетическую функцию
А. Б. Шубодский	- это созданные человеком или подвергнутые его целенаправленному воздействию уникальные неодушевленные недвижимые материальные культурные ценности, способные удовлетворять духовные потребности людей [14, с. 363]	Между феноменом «памятник» и «ценность» стоит знак равенства без уточняющего момента	Ценностный подход. Уникальность, недвижимость, материальность. Соотношение с культурой и духовностью

На основе статьи Надежды Козодаевой «История архитектурной формы» [6] попытаемся сформулировать понятие «архитектурный бренд», который представляет собой характерную для каждой культуры и цивилизации архитектурную форму, в основе которой лежит имя архитектора или название культурной эпохи, которая начинает оказывать влияние на ее восприятие широкими массами.

В коммуникационном процессе использование системы знаков и символов на данном этапе развития современного общества приобретает массовый характер. Создание и применение семиотических систем помогает выявить индивидуальность определенной территории, это все проявляется в феномене «культурный бренд».

Как отмечает Е. В. Гилевич, «послание бренда потребителю – это культурологический акт, в котором объединены в семиотическую систему символ, слово и изображение» [3, с. 272].

Н. А. Бердяев определяет мир знаков и символов понятием «символизация» и наделяет ее социальным характером. В таком понимании она связана с феноменом «сакрализация». По мнению Е. В. Гилевича, в такой интерпретации Н. А. Бердяева логотип как средство идентификации какого-либо объекта (например, в нашем случае определенной территории) в его символическом виде (по Ч. Пирсу) создается «на основе базовых геометрических фигур-символов, которые наделяются определенным сакральным значением и проявляются в композициях традиционного орнамента» (см. [3, с. 272]).

«Культурный бренд» можно рассматривать как совокупность функциональных и эмоциональных ценностей, по определению предполагающих уникальный и позитивный опыт для потребителя. Имидж может быть частично включен в структуру бренда, в таком случае говорят о феномене «бренд-имидж». Тем не менее при тесной

взаимосвязи этих понятий, в целом это два принципиально разных явления.

Потенциальный культурный бренд «Омская крепость» в рамках региональной идентичности Омской области

Омск – один из крупнейших городов Западной Сибири. В городе сосредоточены предприятия машиностроительной, нефтеперерабатывающей, химической, энергетической, легкой и пищевой промышленности, предприятия строительной индустрии, научно-исследовательские институты, высшие и средние учебные заведения и пр.

К элементам позиционирования Омска причисляют такие, как нефть, газ, нефтезавод, бензин; танки, оборонка, ВПК; Иртыш, Достоевский, музеи и театры, культурная столица, симфонический оркестр, «Авангард», «Омский Бекон», третья столица, губернатор, Сибирь, сельское хозяйство, ОмскШина, сыр «Омичка», спокойствие, стабильность и уверенность, омская водка, гостеприимство, доброжелательность. Эти характеристики имиджа омского региона не включают уникальных и самобытных особенностей, которые могла бы лечь в основу бренда территории.

Городские и областные предприятия, корпорации, бизнес-организации при создании услуг или товаров решают разноплановые задачи, уходя в сторону от того, что их идея может работать параллельно с позиционированием омского региона. Если бы этот процесс функционировал в нужном направлении, то он был бы взаимовыгоден: больше вложений и инвестиций, достаточный туристический поток, развитая инфраструктура и прочее.

Имидж региона складывается во многом и как результат конкурентных отношений, выраженный в конкретной многоаспектной форме. Вследствие чего при формировании бренда территории необходимо понимать, что без желания всестороннего (социального, культурного, экономического, политического) развития региона это сделать невозможно.

Говоря о создании бренда омской территории необходимо отметить, что город требует яркого, однозначного и положительного позиционирования, которое начинается с формулирования (нахождения, уточнения) уникальных, самобытных факторов позиционирования, или тех факторов,

которые еще никем не позиционировались в Сибири, или уникальной комбинации довольно тривиальных факторов. В принципе все предпринимавшиеся попытки следовали этому положению, но результат не увенчался успехом. Это подтверждает тот факт, что выяснение преимущественных характеристик региона не позволит создать бренд, необходимо эти характеристики усилить, оформить, развить, усовершенствовать и только потом на их основе пытаться создать бренд.

Позиционирование произойдет, когда у целевых групп сформируется устойчивое представление, что омские товары, услуги, идеи, регион в целом более привлекательны, чем все остальные.

В контексте осуществления нами данного исследования интересной показалась позиция И. А. Сушенковой относительно процесса формирования и коррекции регионального имиджа, основанная на конструировании фрейма «Омск».

Понятие «фрейм» – «структура знаний о типизированном объекте или стереотипной ситуации» [12, с. 20].

Данная концепция основана на попытке выявить возможности применения лингвистических методов, в частности методов когнитивной лингвистики, в ходе создания или изменения имиджа определенной территории.

В рамках когнитивного подхода «изучаются различные типы, виды и способы организации в сознании человека языковых и неязыковых знаний (когнитивные модели, сценарии, фреймы, скрипты, концепты, категории и др.)» [12, с. 20].

Структура фрейма основывается на слотах трех уровней. Верхний уровень состоит из меньших по объему когнитивных образований. Как отмечает И. А. Сушенкова, «на среднем уровне расположены компоненты данных слотов – “ячейки”, формирующие слот. На нижнем уровне эти “ячейки” заполняются характерными примерами или данными, то есть определенным образом вербализуются в текстах» [12, с. 20]. Именно фреймы, по мнению автора, транслируются целевым аудиториям.

Фрейм «Омск» И. А. Сушенковой реконструировался в результате анализа словарных и энциклопедических дефиниций лексем «город», «регион», «область», а также публикаций федеральных и региональных СМИ. Метод исследова-

ния – дискурс-анализ, в ходе которого были выявлены антонимические противопоставления.

Данный фрейм, по мнению автора, в зависимости от ситуации (в каком тексте он представлен, в сознании какой группы реципиентов) заполняется определенным содержанием и особым образом вербализируется.

Предложенный вариант конструирования имиджа весьма интересен, но он не может являться основным или единственным. Такой вариант может дополнять основную концепцию, так как во многом он будет формироваться от событий, происходящих на определенной территории. Интересно было бы исследовать фрейм Омска на примере не правительственных изданий, а независимых, частных, возможно, он значительно бы отличался и имел негативную окраску. Относительно имиджирования омского региона с учетом перспективы создания ее бренда это предложение довольно любопытно и не беспочвенно.

Показательно, что в процессе осуществления социологического опроса большинство омичей ассоциируют свой город с историческими событиями и архитектурой. Наиболее значимыми культурными и архитектурными объектами были выбраны: библиотека им. А. С. Пушкина и Омский академический театр драмы. Обоснованность выбора респондентов, по мнению Н. А. Левочкиной, в том, что – «они играют огромную роль в политической, научной, культурной жизни региона... что эти учреждения расположены в самом центре города, имеют запоминающиеся архитектурные особенности» [8].

Визитной карточкой омичи, как показало и наше исследование, считают «Омскую крепость». Исследователь Н. А. Левочкина говорит о еще возможных вариантах: Любинский проспект, скульптура Любочки, Степаньча, здание Музыкального театра. Культурными брендами-личностями были выбраны: Ф. М. Достоевский, Роберт Рождественский, Тимофей Белозеров и Михаил Врубель. Именами-ассоциациями были удостоены: Ф. М. Достоевский, М. А. Врубель, Л. Г. Полищук. На основе полученной информации автор делает вывод, что в качестве визитной карточки города может выступить «Омская крепость», а культурной бренд-личностью может быть Ф. М. Достоевский.

Отметим, что не однократно проводились исследования, которые не выяви интересной специфики потенциального культурного бренда «Омская крепость» и не перешли в желаемый результат по созданию представленного. Реконструируемый историко-культурный комплекс «Омская крепость» – неотъемлемый фрагмент истории Омска и общественно-значимая часть современного облика города. Сегодня он практически стал главной городской достопримечательностью, настоящим духовным и просветительским центром.

На данный момент «Омская крепость» – это «притча во языцех», которая только благодаря уже сложившемуся информационному полю вокруг себя может претендовать на символ города, а следовательно и на право занять место главного культурного бренда не только Омска, но и всего региона в целом. Судьба этого проекта решилась в конце февраля 2014 года, когда было подтверждено финансирование проекта.

Рассмотрим причины лидирования данного объекта среди остальных. Исследователь Н. А. Левочкина выделяет следующие: центральное месторасположение; периодические реставрационные работы внешнего облика крепости; постоянное проведение массовых и культурных мероприятий на ее территории. К этим факторам мы добавим свои: сложившаяся ситуация вокруг реконструкции историко-культурного комплекса «Омская крепость» (распоряжение В. В. Путина о реконструкции; защита проекта в Правительстве; сбор идей среди омичей по вопросу, как должна выглядеть крепость в XXI веке; как распорядились выделенными финансами; правильно ли ведутся работы относительно сохранения историко-культурного слоя и пр.). Организация конференций, форумов, встреч с общественными организациями. Архитекторами, журналистами, активными омичами по вопросам видения Омской крепости после реконструкции, результаты которых было бы неплохо размещать в общественном доступе; какова должна быть миссия крепости и пр. Использование административного ресурса при позиционировании политиков (мэра, губернатора, директора Департамента культуры и др.) в рамках реализации проекта по восстановлению крепости – двойная выгода: культурному объекту и чиновникам.

Автором статьи был проведен анализ, состоящий из двух этапов. Первый этап направлен на изучение внешней среды историко-культурного комплекса (ИКК) «Омская крепость». Вторым этапом заключался в получении общих представлений об образе крепости в сознании разных целевых групп; выявлении причинно-следственных связей в формировании имиджа ИКК «Омская крепость». Эти данные необходимы для проектирования бренд-концепции.

В рамках проводимого исследования решались следующие задачи: изучить информационное поле объекта исследования при помощи мониторинга СМИ; провести анализ полученной информации, оценить влияние СМИ на формирование имиджа Омской крепости; на основании полученных выводов – составить контент-анализ.

В ходе проведения контент-анализа были исследованы материалы печатные, TV, радио и Интернета. Анализируя смысловую направленность публикаций, мы распределили статьи по трем журналистским жанрам: PR (имиджевые статьи, имиджевые интервью), информационные и отчет.

1. Продвижение (22 % – 14 статей) – в данных статьях говорится о проведении различных выставок и экскурсий, об изготовлении и месте приобретения «крепостных» сувениров.

2. Информационные сообщения (51 % – 33 публикации) – данные статьи информируют население о планировании и проведении различных мероприятий: фестивалей, турниров, балов, съемок, концертных программ.

3. Отчет (27 % – 17 статей) – в данных публикациях граждан информируют о проделанной работе по реконструкции и восстановлению ИКК «Омская крепость», а также о проведении различных заседаний, собраний, митингов.

Выводы предпринятого исследования указывают на то, что действия по реконструкции Омской крепости, получают достаточное отражение в средствах массовой информации. 44 % из всего объема просмотренных статей размещено в региональных и федеральных СМИ, которые посвящены отчету о проделанной работе в «Омской крепости» и о планах на будущее. Больше всего (40 % статей) об «Омской крепости» опубликовано в газетах «Аргументы и факты», «Омский вестник (неделя)», «Вечерний Омск». Это связано с тем, что данные газеты находятся в не-

посредственном ведении администрации г. Омска, их распространяют среди бюджетных работников и в государственных структурах.

В названных печатных СМИ большая часть публикаций (52 статьи) адресована массовому читателю, в них широко представлена информация о планируемых работах по реконструкции базисного субъекта, об огромном вкладе в это дело администрации г. Омска. По мнению чиновников, жители региона теперь полностью извещены о том, что делается для улучшения образа территории, на которой они живут, данный процесс вызвал особый интерес к реконструкции крепости у общественности, а также заставил омичей прямо или косвенно принимать активное участие в мероприятиях, проводимых на территории «Омской крепости», которые влияют на формирование положительного имиджа историко-культурного комплекса. Так как публикации о мероприятиях, проводимых на территории «Омской крепости», распространяются и на федеральном уровне, то все это влияет на формирование имиджа всего Омского региона. Получается, что в информационном поле, действительно, складывается имидж данного культурного объекта, однако до создания культурного бренда еще необходимо проделать самый сложный путь – провести достойную реконструкцию.

В конце 2013 года и в начале 2014 года началась очередная массовая информационная волна в СМИ. Интерес к этому архитектурному комплексу не утихает на протяжении пяти лет. За это время крепость уже сформировала себе «стихийный имидж».

В соответствии с поставленными целями и задачами были составлены анкеты с рядом вопросов, направленные на изучение узнаваемости «Омской крепости» и отношения респондентов к деятельности историко-культурного комплекса. Количество опрошенных составило 50 человек по анкете массового опроса, 10 человек – учителя истории Омских школ, 30 человек – учащиеся и работающая молодежь от 17 до 35 лет. Основу исследуемой совокупности составила молодежь в возрасте от 17 до 25 лет и люди старше 45 лет.

В ходе исследования мы пришли к выводу, что в Омском регионе претендентом на роль «культурного бренда» может стать историко-культурный комплекс «Омская крепость», что позволит ко всему прочему усилить процесс поло-

жительного позиционирования Омского региона. Это станет возможным только при следующих условиях: полной реконструкции базисного субъекта, целостности архитектурных составляющих; привлечения внимания к нему всех целевых аудиторий с использованием для этого различных каналов коммуникации; создания культурной, креативной, исторической концепции «наполняемости» комплекса и его продвижения; качества и уникальности проводимых концертов, фестивалей, выставок, экскурсий; более полного и разностороннего освещения событий, проводимых историко-культурным комплексом «Омская крепость», через различные средства массовой информации с целью донесения ее до различных целевых аудиторий; создания качественного фирменного стиля и сувенирной продукции.

Все это послужит, в первую очередь, стимулятором знаний, гордости широкой общественности за регион и возможности распространения знаний на более широкие круги общественности, за пределами Омской области.

Внешний имидж объекта, рассматриваемый как формирующий образ всего региона, подтвержденный положительными отзывами прессы, посетителями и т. д., способствует росту уверенности и повышению качества имиджа объекта в целом.

Успешность деятельности по повышению имиджа региона во многом зависит от сплоченности тех, кто проводит эту работу, заинтересованных отношений между администрацией региона и жителями. Таким образом, поддерживая внешний имидж региона, его внутренний имидж необходимо рассматривать как одну из важных составляющих первого. Вкладывать средства во внешнее продвижение и не заботиться о создании внутреннего позиционирования – нерезультативная трата ресурсов и времени.

Заключение

Культурный потенциал российских регионов выступает основным ресурсом развития страны, значение которого связано с творческой интерпретацией культур и традиций; это также среда, в которой создаются и транслируются «символические ресурсы» регионов.

Регионы России сегодня находятся в условиях жесткой конкуренции за множество различных ресурсов: федеральный бюджет, иностранные или российские инвестиции, «человеческий капитал». Население стало мобильным, ему доступно информационное пространство, которое предлагает возможности выбора места жительства и места работы.

Культурным брендом в России могут выступить объекты культурного наследия: памятники, ансамбли, достопримечательные места. По своей значимости они могут быть федерального значения, регионального или даже муниципального. В нашей стране только предпринимаются попытки создания культурных брендов, из которых имеются достойные примеры. Но все это является не достаточным для того, чтобы сформировать России единый благоприятный имидж территории, сформировать собственный бренд страны. Все регионы в совокупности своей складывают из своих культурных брендов единый бренд страны. Очевидно, что возникла серьезная необходимость порождения позитивных ассоциаций как у россиян, так и за рубежом. Привлекательный культурный бренд России вмещает в себя цивилизационную составляющую, собственные духовно-нравственные идеалы и соответствующие художественно-эстетические символы, отражающие в целом уникальные культурные достижения, которые вызвали бы интерес и восхищение у мирового сообщества и являлись бы ориентиром в мировом культурном пространстве.

Литература

1. Боярский П. В. Перспективы развития памятниковедения // Памятниковедение: теория, методика, практика: сб. науч. тр. – М.: Науч.-исслед. ин-т культуры, 1986. – С. 124–142.
2. Гертнер С. Л. Культура российской региональной элиты через ее интересы. – М., 2009. – 223 с.
3. Гилевич Е. В. Семиотический базис для идентификации бренда // Научный потенциал: тр. молодых ученых. – 2001. – № 3. – С. 271–275.
4. Дьячков Н. А. Памятники в системе предметного мира культуры // Памятник и современность: Вопросы освоения историко-культурного наследия: сб. науч. тр. – М., 1987. – С. 41–60.
5. Замятин Д. Н. Геокультурный брендинг территорий: концептуальные основы // Лабиринт: журн. соц.-гуманитар. исслед. – 2013. – № 5. – С. 11–23.

6. Козодаева Н. История архитектурной формы [Электронный ресурс]. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-arhitekturnoy-formy> (дата обращения: 01.04.2014).
7. Кулемзин А. М. Охрана памятников в России как историко-культурное явление. – Кемерово: Изд-во обл. ИУУ, 2001. – 329 с.
8. Левочкина Н. А. Региональные культурные бренды как тренд развития территорий // [Электронный ресурс]. – URL: http://www.rusnauka.com/30_NNM_2012/Economics/13_119277.doc.htm (дата обращения: 01.04.2014).
9. Маликова Н. Р. Этнические стереотипы в контексте политизированной этничности // Этническая психология и общество / отв. ред. Н. М. Лебедева. – М., 1997. – С. 54–65.
10. Малькова В. К., Тишков В. А. Культура и пространство. Кн. 2. Историко-культурные бренды территорий, регионов и мест. – М.: ИЭА РАН, 2010. – 182 с.
11. Малькова В. К., Тишков В. А. Этничность и толерантность в средствах массовой информации. – М.: ИЭА РАН, 2002. – 348 с.
12. Сушенкова И. А. Конструирование фрейма «Омск» как инструмент формирования и коррекции регионального имиджа [Электронный ресурс] // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2010. – № 331. – С. 20–23. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/konstruirovanie-freyma-omsk-kak-instrument-formirovaniya-i-korreksii-regionalnogo-imidzha> (дата обращения: 13.09.2014).
13. Шаталов Г. Образ, имидж, бренд и репутация региона – что это такое? [Электронный ресурс]. – URL: <http://nb-media.ru/main.php?id=1&nid=1378> (дата обращения: 12.09.2014).
14. Шухободский А. Б. Памятник истории и культуры как специфический вид культурной ценности // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. – 2009. – № 97. – С. 356–365.

References

1. Boiarskii P.V. Perspektivy razvitiia pamiatnikovedeniia [*Perspectives of Monuments Development*]. *Pamiatnikovedenie: teoriia, metodika, praktika. Sbornik nauchnykh trudov* [Monuments: Theory, Method, Practice: scientists works]. Moscow, Nauchno-issledovatel'skii institute Publ., 1986, pp. 124–142. (In Russ.).
2. Gertner S.L. Kultura rossiiskoi regional'noi elity cherez ee interesy [Culture of Russian Regional Elite through its interests]. Moscow, 2009. 223 p. (In Russ.).
3. Gilevich E.V. Semioticheskie bazis dlia identifikatsii brenda [Semiotics basis for brand identification]. *Nauchnyi potentsial: trudy molodykh uchenykh* [Scientific potential: works of young scientists], 2001, no 3, pp. 271–275. (In Russ.).
4. D'iachkov N.A. Pamiatniki v sisteme predmetnogo mira kul'tury [Monuments in the Objective World of Culture]. *Pamiatnik i sovremennost': Voprosy osvoeniia istoriko-kul'turnogo naslediia: sbornik nauchnykh trudov* [Monument and Modernity: Questions of Development of Historical and Cultural heritage: scientists works]. Moscow, 1987, pp. 41–60. (In Russ.).
5. Zamiatin D. Geocul'turnyi brending territorii: kontseptual'nye osnovy [Geocultural branding of territories: conceptual bases]. *Labirint: zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy* [Labyrinth. The Journal of Social-Humanitarian Researches], 2013, no 5, pp. 11–23. (In Russ.).
6. Kozodaeva N. Istoriia arkhitekturnoi formy [History of Architectural Form]. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-arhitekturnoy-formy> (In Russ.).
7. Kulemzin A.M. Ohrana pamiatnikov v Rossii kak istoriko-kul'turnoe iavlenie. [*Heritage Conservation in Russia as a Historical and Cultural Phenomenon*]. Kemerovo, IUU Publ., 2001. 329 p. (In Russ.).
8. Levochkina N.A. Regionalnye kul'turnye brendy kak trend razvitiia territorii [Regional cultural brands as trend of development of territories]. Available at: http://www.rusnauka.com/30_NNM_2012/Economics/13_119277.doc.htm (In Russ.).
9. Malikova N.R. Etnicheskie stereotipy v kontekste politizirovannoi etnichnosti [Ethnic Stereotypes in the Context of Politicized Ethnicity]. *Etnicheskaya psikhologiya i obschestvo. Otv. red. N.M. Lebedeva* [Ethnic Psychology and Society. Ans. Ed. N.M. Lebedeva]. Moscow, 1997, pp. 54–65. (In Russ.).
10. Malkova V.K., Tishkov V.A. Kultura i prostranstvo. Kniga vtoraya: Istoriko-kul'turnye brandy territorii, regioniv i mest [Culture and Space. The second book: Historical and Cultural Brands of Territories, Regions and Locations]. Moscow, IEA RAN Publ., 2010, 182 p. (In Russ.).
11. Malkova V.K., Tishkov V.A. Etnichnost' i tolerantnost' v sredstvakh massovoi informatsii [Ethnicity and Tolerance in the Mass-Media]. Moscow, IEA RAN Publ., 2002. 348 p. (In Russ.).
12. Sushenkova I.A. Konstruirovanie freima "Omsk" kak instrument formirovaniia i korreksii regionalnogo imidzha [Construction of Frame "Omsk" as an Instrument of Formation and Correction of Regional Image]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University], 2010, no 331, pp. 2–23. (In Russ.).

13. Shatalov G. Obraz, imidzh, brend i reputatsiia regiona – chto eto takoe? [Image, Brand and Reputation in the Region – What is it?]. Available at: <http://nb-media.ru/main.php?id=1&nid=1378> (In Russ.).
14. Shukhobodskii A.B. Pamiatnik istorii i kul'tury kak spetsificheskii vid kul'turnoi tsennosti [Monument of History and Culture as a Specific Kind of Cultural Value]. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [News of the Russian State Pedagogical University by Herzen], 2009, no 97, pp. 356–365. (In Russ.).

УДК 7.067

ПОЛЕМИКА «ПЕРВИЧНОЙ» И «ВТОРИЧНОЙ» КУЛЬТУР В ПЕРВЫХ ОТЗЫВАХ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ НА ТВОРЧЕСТВО М. МЕТЕРЛИНКА

Ефременко Оксана Сергеевна, старший преподаватель кафедры истории театра, литературы и музыки, Новосибирский государственный театральный институт (г. Новосибирск, РФ). E-mail: suzet@yandex.ru

В работе анализируются первые отзывы российской прессы на новаторские пьесы бельгийского драматурга-символиста Мориса Метерлинка в контексте типологии культуры Д. С. Лихачева. Материалом исследования стали статьи в периодических изданиях 1890-х годов – таких как «Артист», «Театральная газета», «Русское богатство». В данных публикациях фиксируются проблемы восприятия условной эстетики символизма («вторичной» культуры) российской критикой, ориентированной на философию позитивизма и эстетику реализма («первичная» культура).

В ходе анализа выясняется, что первые отзывы российской печати были готовы описать содержательные и формальные характеристики новаторской драматургии Метерлинка, но отказывали ей в возможности театрального воплощения. По мнению критиков, российской сценической традиции был свойствен принцип сценического правдоподобия, скорее базирующийся на творческой интеллектуализации житейского опыта, чем на законах свободной, бессознательной фантазии художника. Однако в негативном разборе метерлинковских произведений рецензентам удавалось описать главную интенцию бельгийца – устремленность к новому изображению исключительной душевной жизни.

Автор приходит к выводу, что при всей полемичности откликов на пьесы Метерлинка, в российской литературно-театральной мысли начинается формироваться понятие культурного феномена «условный театр» и инструментарий для его анализа.

Ключевые слова: типология культуры, условный театр, Метерлинк, символизм, позитивизм, реализм.

THE CONTROVERSY OF “PRIMARY” AND “SECONDARY” CULTURES IN THE FIRST RUSSIAN PRESS REVIEWS OF M. MAETERLINCK’S CREATIVE WORK

Efremenko Oksana Sergeevna, Senior Lecturer, Department of History of Theatre, Literature and Music, Novosibirsk State Drama School (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: suzet@yandex.ru

This article analyzes the first reviews of the Russian press on the innovative plays of Belgian symbolist Maurice Maeterlinck in the context of cultural typology of D.S. Likhachev. A material of studies was reviews in the periodicals of the 1890, such as “The Actor,” “The Theater Newspaper,” “The Russian Wealth.”

These publications reveal problems of conditioned aesthetics of symbolism (“secondary” culture) perception by Russian criticism, which focused on the philosophy of positivism and the aesthetics of realism (“primary” culture).

The first Russian reviews about M. Maeterlinck describe ways of adaptation routine on stage in his dramas, similarity and difference of the classical tradition. On the basis of the analysis of theoretical ideas of Belgian playwright, the author describes rejecting the traditional understanding of the drama action. All the examples of classical dramatism lie in the sphere of external for this author, meanwhile the accent is put on the “second order dialogue” or so called “underwater stream.” Multilevel relations between text, implication and up-text make special flexible structure of their plays.

In this concern the article puts a question of the spectators’ new borders of perception. The audience is supposed to understand associations and emphasized unrepresentable images. The author drives to the conclusion that on the basis of Maeterlinck’s static theatre, there appears a “relative” approach, and as a result, there appeared the necessity of the presence of a new type of stage director, in the structure of the play.

The author concludes that the concept of a cultural phenomenon “conditioned theater” and the tools for its analysis begins to form in the literary and theatrical approach. Therefore, the article deals with the importance of the ideas of Belgian playwright Maurice Maeterlinck in forming the principles of a conditional show on the Russian stage on the edge of XIX–XX centuries.

Keywords: typology of culture, conditioned theater, Maeterlinck, symbolism, positivism, realism.

Метерлинк в первой российской публикации (1891) называется одним из лучших драматургов рубежа XIX–XX веков, а конец XIX века даже провозглашается «эпохой Метерлинка». Данный отзыв был опубликован на страницах журнала «Новости иностранной литературы» и посвящен присуждению Метерлинку премии Бельгийской академии за драму «Принцесса Мален». В статье подчеркивалось богатое воображение драматурга, которое оказалось способно «так наэлектризовать читателя, что он начинает воспринимать фантастические картины... как живую действительность» [1, с. 4].

Выход в России этой заметки совпал с первым представлением пьес Метерлинка на сцене символистского театра Д’Ар во Франции. После постановок «Непрошенной» и «Слепых» Полем Фором в 1894 году бельгийского автора объявили основоположником символизма в драматургии. Наряду с этим данное событие имело и более масштабное значение: вместе с Метерлинком-драматургом утверждался режиссерский театр, открывший перспективы развития ненатуралистической модели сценического существования. Как пишет В. И. Максимов, «сценический символизм, прежде всего французский, родился в полемике с натурализмом. Но в том же пространстве утверждения режиссерского театра» [10, с. 6]. Благодаря пьесам Метерлинка в европейском театре возрождался «вторичный» стиль культуры.

Согласно типологии Д. С. Лихачева, которая получила развитие в культурологических исследованиях Ю. М. Лотмана, З. Г. Минц, И. П. Смир-

нова, в истории культуры выделяются «первичный» и «вторичный стили». В основе данной дихотомии лежат диаметрально противоположные представления об отношении между художественным миром и внехудожественной, фактической исторической реальностью. По мнению И. П. Смирнова, «все “вторичные” художественные системы (“стили”) отождествляют фактическую реальность с семантическим универсумом, то есть сообщают ей черты текста <...> тогда как все “первичные” художественные системы, наоборот, понимают мир смыслов как продолжение фактической действительности, сливают воедино изображение с изображаемым, придают знакам референциальный статус» [13, с. 22]. Если для первого характерна трактовка культуры как натурподобного образования, то в произведениях вторичного стиля природа возводится в ранг культуры, естественным фактам присваиваются черты артефактов, что повышает «коэффициент условности» в произведении.

Все приметы «вторичной» художественной системы дают знать о себе в теории и практике театра Метерлинка: это и установка драматурга на условные формы изображения универсума на сцене, и стилизаторские тенденции в его творчестве (стилизует средневековые драматические жанры, приемы изобразительных искусств), и отсылки читателя не столько к опыту насущной жизни, сколько к эстетическим реалиям.

Вероятно, именно прецедент деятельного участия бельгийца в развитии «вторичной» системы на новом этапе его развития в Европе был

привлекателен для отечественных драматургов, актеров, режиссеров, критиков, начиная с первых печатных отзывов о его творчестве.

К началу 90-х годов XIX века в России опыт режиссерского театра пока еще не был реализован ни в жизнеподобной, ни, тем более, в условной моделях. Однако конец тысячелетия, по словам И. В. Кирилловой, «насыщается ощущением сложнейших идейно-эстетических исканий, на фоне которых определяются кульминационные события, в том числе и истории театра» [9, с. 19]. В разнообразной культурологической палитре рубежа веков все больше усиливались тенденции, которые определялись кризисом позитивистской картины мира. Это формировало новую эстетическую ситуацию, в которой рациональности прошлого противопоставлялись идеализм, мистицизм и новые религиозные искания настоящего. Как следствие, подвергалось спору представление о литературе и театре, как реалистическом отражении «жизни в формах самой жизни», вызывал сомнения принцип полезности как критерий художественной значимости. «Так, “новое искусство”, – как пишет З. Г. Минц, – возникает как отрицание “шестидесятнического” отождествления искусства с познанием Истины и с Пользой и “семидесятнического” (народнического) отождествления его с пропагандой этических норм Добра. Истине (“правде – истине”, по Н. К. Михайловскому) и Добру (“правде – справедливости”) в “новом искусстве” противопоставляется Красота (“правда – красота”), эстетическое» [11, с. 317]. Вследствие этого в последнее десятилетие XIX века полемика между магистральным реалистическим направлением и формирующимся идеалистическим обостряется. Уже в это время в театральную теорию и практику начинают проникать темы и вопросы нового идеализма, которые через десять лет будут программно сформулированы В. Брюсовым в статье «Ненужная правда. (По поводу Московского Художественного театра)» (1902).

Отражением дискуссионного состояния сценического искусства стало восприятие театром и критикой новой драмы – прославившихся пьес Г. Ибсена и первых произведений А. П. Чехова. В конце 1880-х – начале 1890-х их пьесы получают первые отзывы и претворения на сцене. Как отмечает И. В. Кирилова, «критики беспокойно фиксируют двойственность: натуралистически,

с точки зрения ряда рецензентов, ориентированные пьесы, отвечающие критериям изображения жизни как она есть – узнаваемо и повседневно, – в то же время излишне рефлексивны, подчеркнуто тенденциозны в отношении к проблемам глобального, нравственного и философского содержания» [9, с. 5]. Изменение значения устоявшихся образов фиксируется и сценой. В конце 80-х годов трансформируется устоявшееся амплу неврастеника, насыщаемое «особыми качествами лирического, исповедального прочтения роли» [9, с. 5]. Примером может послужить александринская редакция чеховского Иванова в исполнении В. Давыдова. Его герой был отмечен «новым драматизмом», который заключался «в сплавлении воедино чеховской лиричности, душевной интимности с контрастами страстей Достоевского, чеховских полутонов и пронзительно ярких красок Достоевского» [14, с. 101].

Появившись на этом фоне, фигура Метерлинка сразу привлекла к себе внимание. В начале 1890-х годов его произведения критика не могла связать с какой-либо отечественной сценической традицией, их невозможно было также трактовать в духе «семейной психологической драмы», как это делали «восьмидесятники» с «Норой», «Доктором Штокманом», «Одинокими», «Праздником примирения», «Коллегой Крамптоном» [9, с. 4], или в духе «гамлетизма второй волны», как это происходило с «Ивановым». В сравнении с вариативно прочитанными ранними Ибсеном и Чеховым его произведения воспринимались как крайне радикальные. Каждая статья, независимо от эстетической веры автора, провозглашала его «бельгийским шекспиром» символистов, образцовым символистским писателем. В сущности критики были недалеки от истины: сыграв конструктивную роль в развитии условной режиссуры, драматургия Метерлинка, в силу своей явной специфичности, покинула сцену. Однако теоретическое наследие и конструктивные реформы драматургии, повлекшие за собой сдвиг в сценической практике, оказали большое влияние на весь XX век. Неслучайно известный литературовед И. Д. Шкунаева свою главу о Метерлинке в книге «Бельгийская драма от Метерлинка до наших дней» начинает с рассуждений о родственности его эстетических открытий будущей драматургии абсурда, театра жестокости, неореализма.

Важно отметить, что Метерлинк интересовал рецензентов именно как театральный автор. Его пьесы и их первые постановки, появившиеся в самом начале формирования альтернативного сценического стиля, ставили дискуссионные проблемы нового театра, в то время, как первые отечественные символисты пробовали себя только в сфере поэтического творчества. Вот почему их тотальное обращение к театру в начале XX века не могло обойтись без влияния метерлинковской «трагедии каждого дня».

Внимание театральной критики к произведениям нашумевшего в Европе драматурга проявилось практически сразу после представлений театра Д'Ар, когда в журнале «Артист» вышло два обзорных материала. Эти статьи, написанные, судя по всему, человеком, который опирался на собственные зрительские впечатления, давали две части развернутого размышления о драматургических произведениях Метерлинка с пересказом всех написанных к этому времени пьес («Принцесса Мален», «Непрошенная», «Слепые», «Семь принцесс»).

С первых строк своего отзыва критик определяет особое положение Метерлинка в современном литературном процессе: «...перед нами писатель, затмивший обоих норвежских драматургов (Ибсена и Стриндберга) оригинальностью своего дарования» [12, с. 196–197]. И хотя в послы статьи чувствуется консерватизм взглядов автора и вслед за реалистической французской критикой его пьесы объявляются «новым симптомом глубокого недуга, терзающего все силы природы современного человека» [12, с. 196–197], возможно именно в силу отстраненного подхода ему удалось высказать ряд примечательных соображений о поэтике бельгийца.

Критик, начиная с анализа «Семи принцесс», уже в первом наблюдении уместает описание структурных, речевых и пространственных особенностей пьесы: «В драме всего один акт, крайне немногословный, построенный исключительно на трагизме внешних впечатлений. Всё действие и действующие лица подернуты какой-то таинственной дымкой, дышащей на зрителя ужасом и нервной дрожью. <...> особое внимание сосредоточено на внешней обстановке действия» [2, с. 203].

Переходя к «Слепым», критик обнаруживает тенденцию Метерлинка создавать противоречие между простотой вербального оформления пьес и их насыщенностью «трагизмом внешних впечатлений», особой эффектностью обстановки: «Все эти люди говорят между собой отрывочными, монотонными фразами, лишенными всякого выражения, всяких оттенков... Разгадок нет. Но чувство ужаса невольно овладевает зрителями» [2, с. 204]. Вместо связанных диалогов и реальности, «которая дана здесь только в форме зародыша», Метерлинк, по мнению рецензента, окружает своих читателей «пронизывающей атмосферой таинственных призраков», «необыкновенно яркими картинами тоски и интенсивного страха».

И если в первой статье он еще не уверен в универсальном воздействии текстов Метерлинка («для продуктов подобного творчества надо питать особые симпатии, может быть, такие же ненормальные и болезненные, как и само творчество»), то анализ «Принцессы Мален» и «Непрошенной» второй статьи убеждает его – «внимание читателя, даже не соответствующее мрачному творчеству автора, невольно следит за образами его фантазии» [3, с. 265].

Эволюцию авторской оценки сопровождает формулировка необъяснимого для рецензента сценического парадокса Метерлинка: почему крайне немногословные, почти безмолвные пьесы бельгийца производят потрясающее, глубокое впечатление на читателя и первого европейского зрителя.

В сущности тот же парадокс ставил в тупик и других театральных деятелей. Если критика была готова воспринять символичность образов его пьес, то выражение конфликта не через слово, а «какую-то другую драматическую силу» объяснить не могла. В контекст театра XIX века, в котором зачастую диалоги и выраженные в них поступки героев пьесы полностью диктовал сценическое решение спектакля, драмы Метерлинка не вписывались. Заметим, что драматург сам установил правила игры с этой традицией, когда в первых же интервью объявил свой театр – «театром молчания». И эту новую сценичность, опирающуюся на невербальные эффекты, отмеченные автором «Артиста», в начале 1890-х по-

нять было сложно, если не невозможно, поскольку она была не проверена практикой театра.

Несценичность пьес бельгийского драматурга расценивалась как негативная. Она была настолько непривычной, что вызывала впечатление «манерного», «вычурного» письма.

К размышлениям о новом художественном явлении в том же «Артисте» за 1893 год присоединился и убежденный сторонник реализма П. Д. Боборыкин. В статье «Литературный театр. Письмо 3-е» он дает развернутый анализ современного состояния драматургии и театра в России и Западной Европе. В поле его зрения находятся антирутинерская деятельность Антуана в «Свободном театре», Ибсен, «сделавшийся модным именем в русском театральном быту больше трех сезонов», пьесы Л. Толстого и писатели, «желающие изображать общетрагические страсти и положения, уловлять связь действительности с тайнами бытия», – во главе которых Метерлинка. Многоголосью театральных идей, уже отчетливо звучащему в театральной среде начала 1890-х годов, Боборыкин пытается сообщить системность и каждому голосу дать определение. Метерлинка в этой работе отведена значительная часть статьи. Боборыкин не только анализирует пьесы «Непрошенная», «Принцесса Мален», «Слепые», но и приводит фрагменты интервью Метерлинка из книги журналиста Жюля Гуре «*Enquete sur l'évolution littéraire*», в которых дается первое теоретическое осмысление символистского театра. Но если для одних новаторов ему удастся отыскать русский театральный аналог либо вписать их в отечественную сценическую традицию (деятельность французских натуралистов он соотносит с реформами А. Островского в русском театре, творчество Л. Толстого – с драматургией А. Грибоедова и Н. Гоголя), то открытия Метерлинка он может связать только с традицией, по его определению, «разнузданного» романтизма.

Пolemический пафос Боборыкина отразил преобладающий настрой обозревателей культуры того времени: на страницах изданий порицались и отрицались достижения любых идеалистических направлений в искусстве. Боборыкин – теоретик театра, авторитетный критик, читавший лекции о сценическом искусстве в Императорском московском театральном училище, выра-

жал общепризнанное мнение: «На первом плане в сценическом искусстве стоят теоретическое и житейское изучение психологии человека, наблюдательность..., пригодная для компоновки данного лица, будь то отдельный характер, выхваченный из современного быта, или общечеловеческий мировой тип» [5, с. 34].

Вот почему он не может отказать Метерлинка в оригинальности замысла и таланта. По его мнению, идеи драматурга «сводятся, главным образом, к изображению самых взвинченных состояний души», которые могут выражаться в сюжете «явления невидимого духа покойницы» в «Непрошенной» или в истории «полувымышленной эпохи» «Принцесса Мален». Тем не менее во всех этих попытках автор статьи также усматривает «преднамеренность» приемов, которые должны вызвать «ужас» и «особые душевные содрогания». Даже «самое оригинальное, – по словам Боборыкина, – произведение Метерлинка, которое держится, по-видимому, на почве реальной, это его «*Aveugles*», не отвечает принципу объективности изображаемой действительности. От писателя, который, как отмечает сам Боборыкин, ищет «другой художественной правды и красоты», он требует реалистического жизненности: «Но кто-то попробовал прочитать ее (пьесу «*Слепые*» – О. Е.) в заведении слепорожденных и тогда оказалось, что эти несчастные все время, слушая, смеялись и беспрестанно протестовали, потому что их самочувствие вовсе не такого рода, каким изображал его Метерлинка» [6, с. 35]. Естественно, что «трагика неореалиста в неошекспировском духе» в Метерлинке он не находит.

Это доказывает и дальнейший разбор теоретических размышлений о новой драме. Эпицентром противоречий становится мысль драматурга о создании произведения искусства. «Поэт, – излагает Метерлинка в переведенном Боборыкиным интервью, – должен быть пассивен в символе, и самый высший символ тот, который создается вопреки его намерениям, как цвет высшей жизненности произведения. ...Я убежден, что образ, не согласный с моей идеей, снабжен органической жизнью, подчиняется законам вселенной гораздо прямее, чем моя мысль». Право жизненной достоверности произведения бельгиец передает творческой силе бессознательного, что

совершенно расходится с представлениями Боборыкина. «Вся беда в том, – пишет рецензент, – что слишком убежденные люди, обладающие фантазией и склонностью к трагическим настроениям, недостаточно смиряются перед жизнью... Такой путь опасен, идя по нему, даже страстному почитателю Шекспира, весьма легко залезть в тину беспорядочно фантастики и символики, слишком освободив себя от реальных свойств человеческого духа» [6, с. 36]. Несоответствие метерлинковских средств изображения объективности позволяет автору «Артиста» и вовсе вывести его творчество за рамки художественной практики. Как пишет П. Д. Боборыкин, «несомненно также и то, что в этом новейшем символизме... мы имеем дело не с художественным направлением, но с известном рода пропагандою мозгового характера, где произведение является не целью, а средством» [6, с. 36].

Таким образом, первые отзывы российской печати были готовы описать содержательные и формальные характеристики «стремлений расширить область драматургического искусства», но отказывали в праве на существование новому принципу сценического правдоподобия, базирующемуся не на творческой интеллектуализации житейского опыта, а подчинении законам свободной, бессознательной фантазии художника, они указывали на чужеродность этих проявлений русской традиции. При этом новый язык, предлагаемый драматургом-символистом, оценивался как вычурный, искусственный, излишне эффектный.

И все-таки в негативном разборе метерлинковских произведений Боборыкин предъявил главную интенцию бельгийца – устремленность к новому изображению исключительно душевной жизни, желание сделать ее видимой с помощью образов, созданных «под порогом сознания». Однако автор «Артиста» смотрит на нее сквозь оптику несоответствующей эстетической системы и тем самым искажает достигнутое в статье.

Подвести итог оценкам драматургического творчества Метерлинка в русской печати была призвана статья «Метерлинка и его драмы» Ив. Иванова, которая сопровождала первую публикацию русского перевода его пьес. Как и в предшествующих рецензиях, автор пытается осмыслить символистское направление в драматургии в целом – на примере пьес Метерлинка.

Необходимо отметить, что критик к этому времени хорошо знаком с философской стороной символизма и ее реализацией в сценическом творчестве. Он описывает не только ориентацию символистов на «бессознательное, область чистых ощущений», тайну как «истинное содержание искусства», но и упоминает о театральном воплощении символизма в спектаклях Д'Ар.

В отличие от своих предшественников, которые считали Метерлинка абсолютно чуждым русской традиции, Иванов обнаруживает аналогичное в русской литературе явление, сближая пьесы бельгийца с мистическим реализмом Ф. М. Достоевского. Может быть, Достоевский не самый удачный пример для доказательства мысли о близости Метерлинка русской культуре. Важно то, что Иванов не видит непереходимой границы: «Русскому читателю даже сравнительно легче, чем западноевропейскому, понять сущность этого (*метерлинковского* – О. Е.) замысла. В русской литературе есть писатель громадного таланта, сосредоточивший всю силу своего дарования именно на таких драматических моментах, какими вдохновляется Метерлинка... Мы говорим о Достоевском. Психологический анализ писателя направлен на явления исключительные <...> и в то же время этот анализ исполнен захватывающей правды и такой глубины и яркости, что реализм изображений чувствуется читателем невольно, без всяких теоретических и фактических пояснений. <...> До сих пор та же психологическая история рассказывалась, но драматизируется она в первый раз» [7, с. 66].

Критик считает возможным принять и некоторую преувеличенность в изображенных Метерлинком событиях, поскольку «они неизбежны в произведении, рассчитанном для сцены». Тем самым он готов признать и новую реалистичность данных произведений. В их основе, по его мнению, «лежит, прежде всего, настроение», а принципом драматизации становятся «различные формы в развитии этого настроения». Термин «настроение» вскоре прочно войдет в описательный аппарат «новой драмы» и будет широко использоваться в связи с драматургией А. П. Чехова. Кроме того, автор «Артиста» завершает рецензию открытием еще одного родового признака пьес данного типа: «Внешних событий на сцене никаких не совершается. Все акты – если разные оттенки одного и того же чувства и впечатления

можно назвать актами – совершаются в человеке, а не вне его» [7].

Так через два года после обсуждения пьес Метерлинка в русской литературно-театральной прессе рецензентам удастся очертить контуры его новаторства. При этом большая часть отзывов полемична: критика рубежа 1880–1890-х, в силу культурологических установок позитивизма, была готова исключить из границ художественного творчества излишние проявления субъективизма, лиризма. Вот почему даже талантливые, но не отвечающие утвердившейся эстетической норме писатели, после подтверждения их даровитости критическим анализом произведений, объявлялись «симптомом большого века». Похожим образом воспринимались и новые «идеалистические пьесы» других западных драматургов. «В театральном мире раньше, чем «Ганнеле» увидела свет рампы, – писал Е. П. Кар-

пов, – уже жестоко критиковали пьесу, находя ее несценичной, мрачной, тяжелой, плохо построенной, вне правил архитектоники, неинтересной по сюжету» [8]. Эту же характеристику можно встретить и в связи с пьесами еще одного реформатора драмы Г. Ибсена 90-х годов. Типична, к примеру, заметка о премьере «Строителя Сольнес»: «В Неаполе, в театре Саннацаро, дикая, непонятная драма Ибсена – «Строитель Сольнес», потерпела, и поделом – полное фиаско. Публика вышла из театра, точно очумевшая» [4, с. 5].

Однако именно драматургия Метерлинка, предлагая альтернативу реализму «первичной» культуры, фокусировала внимание теоретиков культуры на абсолютно новых для отечественного контекста проблемах: объекте и предмете подражания в искусстве драмы и театра, стратегиях создания условного спектакля, новых формах читательского и зрительского восприятия.

Литература

1. Аноним. Из области литературы и искусства // Новости иностранной литературы. – 1891. – № 10. – С. 4–5.
2. Без автора. Иностранное обозрение // Артист. – 1892. – № 19. – С. 202–209.
3. Без автора. Иностранное обозрение // Артист. – 1892. – № 20. – С. 167–170.
4. Без автора. Без названия // Театральная газета. – 1895. – № 26. – С. 66–67.
5. Боборыкин П. Д. Лекции о сценическом искусстве – V // Артист. – 1892. – № 20 – С. 34–39.
6. Боборыкин П. Д. Литературный театр. Письмо 3-е // Артист. – 1893. – № 26. – С. 32–38.
7. Иванов Ив. Метерлинк и его драмы // Артист. – 1893. – № 28. – С. 63–67.
8. Карпов Е. П. А. С. Суворин и основание театра литературно-артистического кружка. Странички из воспоминаний «Минувшее» [Электронный ресурс] // А. С. Суворин в воспоминаниях современников. – URL: http://www.belousenko.com/books/memoirs/suvorin_memoirs.htm (дата обращения: 16.10.2014)
9. Кириллова И. В. Новая драма в русском театре домхатовского периода: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – Л.: ЛГИТМИК, 1990. – 19 с.
10. Максимов В. И. Французский символизм – вступление в двадцатый век // Французский символизм. Драматургия и театр. – СПб.: Гиперион, 2000. – С. 5–54.
11. Минц З. Г. ФУТУРИЗМ И «НЕОРОМАНТИЗМ». К проблеме генезиса и структуры «Истории бедного рыцаря» Ел. Гуро // Минц З. Г. Блок и русский символизм: избр. тр.: в 3 кн. – СПб.: Искусство, 2004. – С. 317–326.
12. Без названия // Артист. – 1894. – № 37. – С. 196–197.
13. Смирнов И. П. Мегаистория. К исторической типологии культуры. – М.: Аграф, 2000. – 544 с.
14. Русский театр и драматургия конца XIX века. – Л.: ЛГИТМИК, 1983. – 143 с.

References

1. Anonim. Iz oblasti literatury i iskusstva [From the literary's and art's spheres]. *Novosti inostrannoi literatury* [News for Foreign Literature], 1891, vol. 10, pp. 4–5. (In Russ.).
2. Bez avtora. Inostrannoe obozrenie [Foreign Review]. *Artist* [The Artist], 1892, vol. 19, pp. 202–209. (In Russ.).
3. Bez avtora. Inostrannoe obozrenie [Foreign Review]. *Artist* [The Artist], 1892, vol. 20, pp. 167–170. (In Russ.).
4. Bez avtora. Bez nazvaniia [Untitled]. *Teatral'naiia gazeta* [Theatrical Newspaper], 1895, vol. 26, pp. 66–67. (In Russ.).
5. Boborykin P.D. Lektsii o stsenicheskom iskusstve – V [Lectures on the performing arts Lectures on the performing art – V]. *Artist* [The Artist], 1892, vol. 20, pp. 34–39. (In Russ.).
6. Boborykin P.D. Literaturnyi teatr. Pis'mo 3-e [Literary Theatre. 3rd letter]. *Artist* [The Artist], 1893, vol. 26, pp. 32–38. (In Russ.).

7. Ivanov Iv. Meterlink i ego dramy [Maeterlinck and his dramas]. *Artist [The Artist]*, 1893, vol 28, pp. 63–67. (In Russ.).
8. Karpov E.P. A.S. Suvorin i osnovanie teatra literaturno-artisticheskogo kruzhka. Stranichki iz vospominanii «Minuvshee» [A. S. Suvorin and the foundation of The Theater named Literary and artistic circle. Pages of memories “The Past”]. *A.S. Suvorin v vospominaniakh sovremennikov [A.S. Suvorin in the memoirs of contemporaries]*. Available at: http://www.belousenko.com/books/memoirs/suvorin_memoirs.htm (accessed 16.10.2014). (In Russ.).
9. Kirillova I.V. Novaia drama v russkom teatre domkhatovskogo perioda: Avtoreferat na soiskanie stepeni kandidata iskusstvovedeniia [New drama in the Russian theater in the period up to the Moscow Art Theater: Author. Diss. Candidate Art Historical Sciences]. Leningrad, LGITMIK Publ., 1990. 19 p. (In Russ.).
10. Maksimov V.I. Frantsuzskii simvolizm – vstuplenie v dvadtsatiy vek [French symbolism – the entry into the Twentieth century]. *Frantsuzskii simvolizm. Dramaturgiia i teatr [French symbolism. Drama and Theater]*. Saint-Petersburg, Giperion Publ., 2000, pp. 5–54. (In Russ.).
11. Mints Z.G. Futurizm i “Neoromantizm”. K probleme genezisa i struktury “Istorii bednogo rytsaria” El. Guro [Futurism and “neo-romanticism”. The problem of the genesis and structure of the “History of poor knight” E. Gouraud]. *Mints Z.G. Blok i russkii simvolizm [Blok and Russian symbolism]*. Saint-Petersburg, Iskusstvo Publ., 2004, pp. 317–326. (In Russ.).
12. Bez nazvaniia [Untitled]. *Artist [The Artist]*, 1894, vol. 37, pp. 196–197. (In Russ.).
13. Smirnov I.P. Megaistoriia. K istoricheskoi tipologii kul'tury [Megahistory. By historical typology of culture]. Moscow, Agraf Publ., 2000. 544 p. (In Russ.).
14. Russkii teatr i dramaturgiia kontsa XIX veka [Russian theater and the drama of the Nineteenth century]. Leningrad, LGITMIK Publ., 1983. 143 p. (In Russ.).

УДК 7.067

СОЦИАЛЬНО-ТВОРЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ТЕАТРА КУКОЛ «УРАЛЬСКОЙ ЗОНЫ»

Флеенко Дарья Алексеевна, старший преподаватель кафедры истории театра, литературы и музыки, Новосибирский государственный театральный институт (г. Новосибирск, РФ). E-mail: da-sdr1@yandex.ru

В статье рассматриваются предпосылки формирования феномена «Уральской зоны» в российском театре кукол 1970–80-х годов. С точки зрения процессов, протекавших в социокультурном пространстве этого времени, анализируются факторы, повлиявшие на формирование идеологии и эстетики этого направления.

Автор статьи обосновывает возникновение «Уральской зоны» внутренней позицией противостояния официальной идеологии в искусстве, а также противостоянием художественно-постановочным традициям театра кукол конца 1960-х годов. Эта позиция определяла идейные и эстетические поиски представителей «Уральской зоны»: подход к выбору литературного материала, понимание куклы и способы взаимодействия актера с куклой на сцене. Кроме того, утверждение нового направления в театре кукол проходило под влиянием процессов, протекавших в области драматического театра этого времени и международных фестивалей театров кукол, которые открывали перед советскими кукольниками новые перспективы в театральном искусстве. Через творчество режиссеров «Уральской зоны» театр кукол входил в круг тем, актуальных для того времени, стремился к современности звучания.

В российском театре кукол 1970–80-х годов возникает новая художественная парадигма: происходит размыкание его границ, обращение к широкому контексту искусства, важной частью процесса становится осмысление театра и куклы в их историческом и культурологическом аспектах.

Ключевые слова: художественная культура, «центристски» организованное театральное пространство, идея синкретизма, театр кукол, режиссура, «Уральская зона», период позднего социализма.

SOCIAL AND CREATIVE OPPOSITION AS A FACTOR OF FORMATION OF THE “URAL ZONE” PUPPET THEATRE

Fleenko Daria Alexeyevna, Senior Lecturer, Department of History of Theatre, Literature and Music, Novosibirsk State Drama School (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: da-sdr1@yandex.ru

The article deals with the preconditions of the “Ural zone” in Russian puppet theatre. Important process begins in the puppet theatre of Russia in the 1960s. This process leads finally to change of an art paradigm and change of a position of a puppet theatre in cultural space of Russia. This process in Moscow and Leningrad begins, but develops in the cities far from capital. In the 1970s, the group of young directors appeared in theatres of Magnitogorsk, Chelyabinsk, Yekaterinburg, Kurgan, whose artistic searches would define further ways of art of puppet theatre in Russia.

The “Ural zone” origin of was caused by opposition to official ideology in art, and also opposition to production traditions of puppet theatre of the 1960s end.

An important aspect was a creative opposition in relation to S. V. Obraztsov’s theatre. At S. V. Obraztsov’s theatre, the main puppets were stabpuppe and glove. Directors of the “Ural zone” in each new performance looked for new technological system, and also ways of interaction of the actor and puppet. There was actual philosophical perception of a puppet – practices of romantics and symbolists draw attention of directors – in the “Ural zone.”

Expansion of genre and thematic range of performances in puppet theatre was other important position. The puppet theater through works of directors of the “Ural zone” is included into a circle of actual subjects. The Puppet theatre of the 1970-80s became more open, adverted to the wide context of art. Directors of this period were interested in communication with the different forms of theatre (pantomime, theatre of mask, drama theatre, folk art) and the other forms of art (art of the Renaissance, Avant-garde, Impressionism).

The factors which influenced the formation of ideology and esthetics of this direction are analyzed from the point of view of sociocultural processes of that time.

Keywords: art culture, “centrist” organized theatrical space, idea of syncretism, puppet theater, directing, “Ural Zone,” period of late socialism.

В 1960-е годы в театре кукол России начинается важный процесс, который приводит в конечном итоге к смене художественной парадигмы и изменению позиции российского театра кукол в культурном пространстве. Возникает этот процесс в Москве и Ленинграде, но развитие свое получает в городах от центра удаленных, главным образом на Урале – Магнитогорске, Свердловске, Челябинске. Именно туда в 1970-х годах съезжаются молодые режиссеры, объединенные общими представлениями и пониманием театра кукол. В театральной критике это сообщество получило определение «Уральская зона».

С возникновением «Уральской зоны» начался новый период в истории российского театра кукол. В ядро этого движения вошли главным образом ученики М. М. Королева, выпускники ЛГИТМиК: Виктор Львович Шрайман, Валерий Аркадьевич

Вольховский и Роман Михайлович Виндерман. Позже в этот круг вошли Е. Ю. Гимельфарб, А. С. Тучков, М. А. Хусид, С. В. Столяров. Возникновение «Уральской зоны» в советском театре кукол было обусловлено факторами социального и эстетического порядка.

Время существования «Уральской зоны» приходится на 1970–80-е годы XX века. Попытка осмысления причин ее угасания была предпринята в журнале «Кукарт», в статье «Уральская зона» М. А. Булатова писала: «Театр существовал до конца 1980-х годов. Вместе с развалом Советского Союза постепенно угасла и “уральская зона”. По замечанию С. Столярова, существование этого театрального феномена было обусловлено противостоянием официальной власти, не одобрявшей свободы мысли и творческих поисков. Когда исчез главный враг – партком, завлит, завпед – исчез смысл противостояния» [2, с. 64].

«Противостояние власти» было одним из принципов, на которых строилась не только «Уральская зона» в тот период. По-видимому, это было неким обязательным условием и следствием попыток представителей искусства отмежеваться от интересов политики, вывести искусство (будь то литература, кино, изобразительное искусство или театр) за пределы чисто просветительской, воспитательной, идеологической миссии. Поэтому анализ феномена «Уральской зоны» невозможен вне исторического и культурного контекста, фактически его породивших.

1970–80-е годы XX века – социологи определили как период позднего социализма¹. Культуре этого периода посвящено немало научных исследований (см. об этом [3; 21; 22]). Большинство авторов этих работ пишут о существовании в 1960–80-е годы в Советском Союзе двух параллельных культурных пространств – официального и неофициального. Государство рассматривало искусство как средство идеологической борьбы и пропаганды. Но этим оно не ограничивалось, его интерес простирался и в область творческого метода. Главным художественным методом был признан соцреализм. В «неофициальное» искусство, таким образом, попадали все, кто по тем или иным причинам не следовал магистральному пути. Поэтому сложно говорить о неофициальном искусстве как неком едином явлении. Скорее оно складывалось из множества разных (по эстетике, художественному методу и т. д.) сообществ, которые были объединены только своей неписанностью в официальную культуру (авторы, пишущие в стол, без надежды быть опубликованными, художники, которые организуют подпольные выставки, режиссеры, чьи спектакли не выходят по цензурным соображениям и т. д.). Такое неофициальное положение и объединяло, и определяло стратегии поведения с властью. Неизбежно возникало деление на «своих» и «чужих». Появлялся кодированный стиль общения, когда происходила замена знаков, подтекст начинал преобладать над текстом, как следствие запретов возникало более личное восприятие текста читателем (в случае

с театром – режиссером, а за ним и зрителем). Спектакль выстраивался как многоуровневое высказывание, которое прочтут и «свои», и «чужие», но по-разному.

С. Бойм в своей книге «Общие места. Культурная мифология русской повседневности» рассматривает культуру позднего социализма как сумму воображаемых сообществ (см. [18, с. 44]). Понятие сообщества, со-общности становится тенденцией культурной жизни того периода. Поэтому объединение молодых режиссеров, проповедовавших схожие взгляды и зараженных близкими идеями, возникшее в «Уральской зоне», стало счастливым, но закономерным событием.

В книге «Режиссеры-шестидесятники» П. Богданова анализирует ситуацию, сложившуюся в драматическом театре в 1960–70-х годах, и она во многом соотносится с тем, что было характерно для театра кукол в то время: «Наше театральное искусство само в значительной степени являлось продуктом советской тоталитарной системы, несло в себе многие ее особенности. Театральное пространство было единым и организованным так, что в центре находились наиболее яркие и влиятельные театры... Это было выражением центристски ориентированного социума» [1, с. 13]. Уточним, что речь идет не только об отношениях между театрами, их борьбе за влияние, но и о модели устройства театра, как «замкнутой, центристски ориентированной, с художественным лидером во главе, обладающим безграничной властью в пределах своего театрального организма, объединенного единством идейных, художественных, психологических принципов» [1, с. 13]. По такой модели в более или менее жесткой форме строились и театры режиссеров-шестидесятников, но одно дело центристски организованный театральный организм, а другое – вся система, построенная на признании одного творческого метода и неприятия других. В области театра кукол роль признанного центра играл Государственный центральный театр кукол (далее – ГЦТК), ставший на долгое время эталоном, по образцу которого создавались театры кукол во всей стране.

«Уральская зона» в этой системе стала своего рода символом децентрализации – ее представители были разбросаны по разным городам, даже не всегда оставаясь в географических пределах этой самой зоны, но кроме того самим фактом

¹ Савицкий С. в книге «Андеграунд. История и мифы ленинградской неофициальной литературы» [21] указывает, что понятие позднего социализма было введено в обиход Томасом Лахьюсоном в предисловии к сборнику «Позднесоветская культура: от Перестройки к новостройке».

своего существования она создала альтернативное пространство, где проходили новые поиски и ставились совершенно иные по эстетике спектакли. Поиски эти выходили за рамки установленных представлений о театре кукол, шли они в сторону театра синтетического, где кукла является не целью и центром действия, а становится одним из равноправных элементов создания режиссерского высказывания.

Важно заметить, что в искусстве позднего социализма шли процессы, во многом схожие с тем, что в это же время происходило в Америке и Европе: «...речь идет именно о неомодернистской культуре 1960–80-х, развившейся по краям чахнувшей соцреалистической эстетики и агонизирующей утопии как специфический аналог культуры западного андеграунда, который стал существенной исторической силой в течение 1960-х», – писал С. Савицкий в работе, посвященной исследованию культуры андеграунда [21, с. 7]. Не секрет, что в то время был высок интерес к культурным процессам, происходящим на Западе, особенно в области театрального искусства. Режиссерам, воспитанным в рамках единого метода (будь-то традиции МХАТ или театра С. В. Образцова) стала приоткрываться более широкая перспектива, начались эксперименты с пространством, способом существования актера на сцене, интерпретации текста – выход за рамки реалистической эстетики.

Обратимся к той традиции, которая сложилась в советском театре кукол к 1970–80-м годам, и в диалоге с которой произошло профессиональное формирование режиссеров будущей «Уральской зоны».

В 1940–50-е годы сильное влияние на театр кукол оказывал драматический театр – главным образом в сфере работы актера с ролью, что с одной стороны приводило к копированию, подражанию («театр кукол утрачивал собственную специфику, забывая о возможностях куклы, становился на путь имитации» [13, с. 39]), но с другой стороны это способствовало становлению и развитию актерских коллективов, по большому счету профессионализации театра кукол.

Влияние драматического театра на кукольный подчеркивал в своей книге и М. М. Королев: «Средства и методы драматического театра нередко приносили в кукольный театр актеры и режиссеры, пришедшие сюда с драматической

сцены» [11, с. 7], и далее: «...советский кукольный театр <...> издавна состоит в родстве с драматическим, что позволило кукольникам достичь высокого уровня артистического мастерства, который неизменно отмечают зарубежные критики, режиссеры, актеры» [11, с. 22].

Как и ГЦТК, Ленинградский театр кукол пережил «натуралистический» период своей истории. Одним из спектаклей этого периода стал «Песня Сармико» по пьесе К. Шнейдер, поставленный в сезоне 1948/49 года (в августе 1949 года эта же пьеса появилась и в репертуаре ГЦТК). Б. П. Голдовский в своем исследовании по истории драматургии театра кукол называет такие пьесы имитационными [5, с. 237].

А. П. Кулиш так описывал этот спектакль: «В “Песне Сармико”, например, иллюзия реальной жизни старательно подчеркивалась не только режиссером, но и художником И. А. Коротковым, создающим масштабные картины северной природы, и скульптором Н. Н. Константиновской в куклах? Критика считала достижением, что “скульптуры летчика, веселого радиста Пети, охотника Яхтыргана и прежде всего самого Сармико воспринимаются как живые образы, каждый со своим лицом и характером”» [13, с. 41].

Подобные спектакли приветствовались критикой и, по-видимому, удовлетворяли государственным запросам идеологического воспитания молодого поколения, но в то же время натуралистические спектакли способствовали и совершенствованию технологии кукол, разработке более сложной механики. На это указывал в своей книге и М. М. Королев: «Увлечение механизацией дошло почти до предела возможного. Куклы начали своими ручками брать телефонные трубки и возвращать их на место; открылись и стали подвижными рты, глаза, даже брови и щеки. Все делалось с главной целью: добиться наибольшего сходства с человеком» [11, с. 16].

Историк театра кукол Б. П. Голдовский в своей работе «Российский театр кукол в период постмодерна» подвел итог натуралистическому периоду в жизни ГЦТК: «Стремясь к жизнеподобию, театр формировал уникальный актерский ансамбль, способный решать самые сложные сценические задачи» [6]. Ниже автор приводит воспоминания В. Л. Шраймана о спектаклях того периода: «На маленькой кукольной сцене играли тщательно сделанные куклы, изображавшие точ-

ные копии людей и зверей. Режиссер В. Шрайман, заставший еще несколько подобных спектаклей вспоминал, что куклы были натуралистичными «со стеклянными глазами, с прическами и шкурами из настоящего меха, и все-таки был в них какой-то шарм. Вероятно, здесь все решал уровень актерского мастерства. Мы все это, конечно, тогда отвергали, сваливая и плохое, и хорошее в одну кучу, ставя клеймо “натурализм”» [6].

«Натуралистический» период был недолгим, театр кукол быстро осознал свои более широкие эстетические возможности. По свидетельству А. П. Кулиша: «Рецидивы натуралистической болезни давали о себе знать и в последующем десятилетии творческой жизни коллектива. Но постепенно вызревая, новые выразительные средства в конце концов разрушат привычную форму кукольных спектаклей, изменят художественную манеру мастеров, эстетические оценки критиков» [13, с. 43].

В конце 1950-х годов начинаются исследования новых выразительных возможностей театра кукол. М. М. Королев в своей книге «Искусство театра кукол» пишет о том, что активные поиски новых форм в театре кукол начались с 1957 года: «Ареной особенно острых творческих дискуссий оказался фестиваль 1958 года в Бухаресте. <...> Кукольники Румынии, Болгарии, Польши, Венгрии, Чехословакии соревновались между собой в поисках новых режиссерских приемов и принципов оформления, новых жанров драматургии и, самое главное, в поисках новых решений стиля и техники театральной куклы. <...> Искания художников, поддержанные режиссурой, повлекли за собой эксперименты в области драматургии, музыкального оформления, актерской игры» [11, с. 43].

Этот фестиваль оказал сильное влияние на московских и ленинградских кукольников, которые вернувшись в свои театры, начали предпринимать попытки «практически развить идеи обновления кукольной сцены» [11, с. 108].

Уже в 1959 году в Большом театре кукол состоялась премьера спектакля «В золотом раю» по пьесе братьев Чапек «Из жизни насекомых». Режиссером спектакля был М. М. Королев. Спектакль завоевал золотую медаль Второго Международного фестиваля театров кукол и марионеток в Бухаресте. Этим спектаклем были открыты некоторые тенденции будущего театра кукол: со-

циальная направленность спектакля; обращение к взрослой аудитории; притчевый характер спектакля. Соответственно эти тенденции определяли и новые технологические требования, их условность и метафоричность.

В книге «Ленинградский государственный большой театр кукол» читаем: «Спектакль “В золотом раю” убеждает в том, что “искусство кукольного театра может быть в высшей степени серьезным, социальным искусством. <...> Чехословацкий журнал, рецензируя спектакль “В золотом раю”, отмечал <...>, что режиссер М. М. Королев работает по-брежневски: “Он создал из “Мира насекомых” великолепное зрелище, наполненное фантазией и мастерской игрой с куклой. Наибольший вклад его постановки в том, что она распахивает ворота кукольного театра для ударных политических идей» [12, с. 6]. Корреспондент газеты «Советская культура» писал: «...Ленинградский Большой театр кукол показал спектакль публицистический, наполненный размышлениями о человеческих судьбах, о войне, о любви и семье...» [7]. «В золотом раю» был не просто адресован взрослой аудитории, он говорил с ней на взрослые темы, это естественно требовало адекватного способа выражения этих тем, причем именно средствами театра кукол. Рецензенты отмечали, что спектакль проявляет способность театра кукол к воплощению философских, политических идей, органичность для него жанра притчи. Благодаря тому, что роли насекомых исполняли куклы, а людей – актеры, возникал эффект отстранения, создавалась дистанция между идеей и образом. История воспринималась зрителями не только впрямую, а через осознание ее условности, метафоричности. Главным для режиссера было вызывать у зрителя не столько эмоциональную реакцию через узнавание образов, их реалистичность, а, скорее, спровоцировать его интеллектуальную активность, восприятие в первую очередь идеи, социального пафоса спектакля.

В книге «Ленинградскому государственному большому театру кукол 50 лет» находим следующую характеристику: «Спектакля стал качественно новым этапом и для театра, и для всего советского кукольного искусства. Создав публицистический памфлет, коллектив доказал, что театральной кукле по плечу серьезные темы, что она может придать им глубокое философское и социальное звучание» [13, с. 56].

Б. П. Голдовский отмечал в этом спектакле и стремление к синтетичности, к объединению выразительных средств кино, театра кукол и драматического театра: «Режиссер в этом спектакле соединил в единое зрелище выразительные средства театра кукол, кино и драматического искусства. Пьеса братьев Чапеков после режиссерской редакции приобрела ярко выраженные черты драматургии эпического театра Б. Брехта – с приемом “очуждения”, публицистическими антифашистскими, антиобывательскими зонгами. А сам спектакль и по режиссерской, и по исполнительской стилистике превосходил “Доброго человека из Сезуана” (1964) в постановке Ю. Любимова» [6].

На этом этапе театр сделал шаг в сторону от натурализма и бытового правдоподобия к большей условности искусства театра кукол. С. В. Образцов же хоть и постулировал условность кукольной природы, необходимость метафорического выражения в театре кукол, был ограничен рамками выбранных технологических систем. Главными куклами в его театре были, как известно, тростевые и перчаточные, отсюда и неизбежные жанровые рамки. Взаимосвязь способа управления и сценической конструкции, а также обусловленность репертуара, доступного кукле, ее принадлежностью к определенной технологической системе отмечала А. А. Иванова в своем диссертационном исследовании [9, с. 6]. С другой стороны, такое сознательное ограничение в выборе средств, а также драматургии – свидетельство стремления сохранить видовые границы театра кукол, большого интереса к кукле, ее действенной и содержательной природе.

Типологически театр С. В. Образцова можно отнести к руслу психологического театра, в этом смысле он является прямым последователем системы К. С. Станиславского. М. М. Королев же хоть и находился под сильным влиянием системы, как и большинство театральных деятелей страны, все же являлся наследником иной театральной традиции, идущей от В. Э. Мейерхольда. «Если художественные традиции театра кукол “московской школы” (Н. Симонович-Ефимова, С. Образцов и др.) восходят к творчеству К. Станиславского и В. Немировича-Данченко (в их театре С. Образцов получил актерскую профессию), А. Таирова (в Театре Образцова, после за-

крытия Камерного театра, работала группа его сотрудников), С. Михоэлса, А. Тышлера (с которыми дружил С. Образцов), то традиции “ленинградской школы” отчетливо основываются на театральных поисках Вс. Мейерхольда», – отмечает Б. П. Голдовский в статье «Российский театр кукол в период постмодерна» [6].

Об отношении Вс. Мейерхольда к кукле писала в статье «Кукла Мейерхольда» И. П. Уварова: «...куклы на сцене могут показать иную реальность. Реальность искусства, а не быта. <...> ...кукла, свободно курсирующая через границу жизни и смерти, амбивалентна. Такова “эсхатологическая модель” куклы в лоне символизма и таков ее путь в театре Мейерхольда» [24, с. 12].

Действительно, к 1960-м годам XX века происходит постепенное смещение акцента в понимании куклы: от куклы как «художественного инструмента» в театре, к кукле в более широком смысле. Проявляется, становится актуальным философское восприятие куклы – практики романтиков и символистов вновь привлекают внимание деятелей театра. Кукла в это время становится большим, чем просто техническим средством, она возвращает себе свою мифологию и ею становится интересна.

Перемены в эстетическом поле театра кукол были обусловлены изменениями в социокультурной ситуации периода. Время «оттепели», связанное с ним завершение культурной изоляции и появление относительной творческой свободы порождают стремление художников к преодолению утвердившейся нормативности и унифицированности в искусстве. Напротив, предельно индивидуализированная эстетика романтизма и многозначность, иносказательность образов в символизме оказываются в этот момент актуальными.

Режиссеры «Уральской зоны» утверждали свое видение театра не в последнюю очередь через отрицание принципов режиссуры Сергея Владимировича Образцова, признанного лидера советского театра кукол: «Они вышли из института с чувством, что смогут многое изменить в театре, в них была страсть к разрушению старого и жажда строительства нового искусства. Все, что делал в театре кукол Образцов, им представлялось устаревшим. Позже они стали понимать, сколь ценен был его опыт. Но поначалу главным

было убеждение, что образцовое направление никому не нужно. <...> Нужны новые идеи, новые формы!» [4, с. 61].

Оппозиция по отношению к театру С. В. Образцова выразилась в отрицании театра, где куклы пытаются копировать людей или зверей. Для «Уральской зоны» было характерно принципиально более широкое понимание куклы. Если в театре С. В. Образцова главными куклами были тростевые и перчаточные, то режиссеры «Уральской зоны» в каждом новом спектакле искали новую технологическую систему, а также способы взаимодействия актера и куклы. В их спектаклях играли марионетки, тантамарески, планшетные куклы, манекены, кроме того свойства персонажности обретали окружающая среда, свет, фактура, материя.

Другой важной позицией было расширение жанрового и тематического диапазона спектаклей в театре кукол. В. М. Штейн, режиссер, работавший некоторое время в ГЦТК и потому близко знавший художественные способы работы над спектаклем, писал: «Основной принцип театра Образцова – иносказание. Иносказание – это басня, которая должна завершаться моралью. Но это лишь тридцать сантиметров из того километра, которым является кукольный театр. Куда большую, чем иносказание часть занимает притча. Исследование материала с точки зрения притчи и есть для меня кукольное мышление» (см. [19, с. 116]). Обращение к жанру притчи в спектаклях «Уральской зоны» задает и поэтику спектаклей. Так, поэтику спектаклей В. Л. Шраймана с самого начала формирует и определяет жанр параболы, который тяготеет к многозначности, иносказанию, символу. При этом «параболическая форма» не всегда задается текстом, часто являясь отражением режиссерской позиции. В постановках В. Л. Шраймана острая публицистичность определяла тональность и ритм, главная тема – сохранение человеческого достоинства в ситуациях уничтожения человеческого. Отсюда поэтика спектакля: столкновение в физическом пространстве живого человека и мертвой материи, крайнее выражение которой – присутствие на сцене человекоподобных манекенов. Примером такого спектакля стал «Дракон» по пьесе Е. Шварца (1980), в котором персонажи, поддавшиеся страху и «соприкоснувшиеся» с Драконом, мертвели – превращались в свои застывшие копии.

Театр кукол через творчество режиссеров «Уральской зоны» входит в круг тем, актуальных для того времени, стремится к современности звучания, расширяет горизонты и в выборе выразительных средств. Это стимулирует к поискам нового языка для каждого нового спектакля. М. Гуревич отмечал: «Характерно, что мы вспоминаем отдельные спектакли – слишком уж новый сценический мир (буквально!) творят кукольники в каждом случае. Предположу даже, что в этом-то именно – характерная черта переживаемого нами этапа. Препятствие театру кукол при всех новациях предполагал как бы единство, неизблемость “конвенции”, со зрителем заключенной. Не надо было каждый раз уславливаться о “правилах игры” – и в этом было большое достижение зрелого профессионального театра. Но появилась иная установка. Захватившее дух разнообразие возможностей, неустоявшаяся новая эстетическая система привели к нарушению “конвенции”. <...> “Неконвенциональный” театр, ежевечерне заново рефлексированный по поводу собственного художественного кода и заставляющий зрителя искать ключ к нему...» (см. [8, с. 114]).

В спектаклях В. А. Вольховского, В. Л. Шраймана, Р. М. Виндермана проявилось «тяготение к разным системам кукол и масок, к осмысленному сочетанию куклы и человека» (см. [15, с. 20]), что и стало восприниматься современниками как «главные формальные признаки фирменного спектакля “уральской зоны”» (см. [15, с. 20]).

Характерно, что театр кукол под их руководством стал называть себя театром куклы и актера или театром актера, куклы и предмета. Например, В. Л. Шрайман создал в Магнитогорске театр куклы и актера «Буратино». В Томске благодаря Р. М. Виндерману появился театр куклы и актера «Скоморох». В Курганском театре кукол «Гулливвер» М. А. Хусид и Б. Ю. Понизовский пробовали себя «в неожиданном для театра кукол жанре. Суть его актер, кукла, предмет» (см. [18]).

Такой поворот в восприятии куклы был продиктован общей ситуацией в культурном пространстве тех лет. Не случайно искусством театра начинают рефлектироваться отношения человек – кукла – вещь. Смыкание этих понятий в сознании эпохи дает толчок к развитию нового направления в театре кукол.

П. Богданова в своей работе связывает стремление режиссеров избежать тотального контроля власти над искусством, цензуры с появлением концептуализма, который содержит в себе образы-символы, образы метафоры, в которых заключен некий скрытый смысл. Расшифровка этих смыслов и определяет процесс восприятия концептуального искусства» и позволяет «высказывать важные для режиссеров идеи в завуалированном виде» [1, с. 11].

В «Словаре культуры XX века» П. Руднева концептуализм определяется как «направление в искусстве, прозе и поэзии последних двадцати лет советского строя, возникшее как эстетическая реакция на “зрелый” социалистический реализм, на искусство застоя и его реальность. Концепт – это затертый до дыр советский текст или лозунг, речевое или визуальное клише. С этим материалом и работали представители русского К.» [20, с. 137].

Возникновение внутреннего противостояния власти было следствием тех рамок, которые накладывались на деятелей искусства: цензура, ограничивающая круг тем и произведений, утверждение единого художественного метода в искусстве и отрицание других, вмешательство в художественную политику вызывало поиски иных способов коммуникации со зрителем (выработку «эзопова языка»). А порождаемое таким положением дел ощущение личной несвободы художника вело к выявлению новых связей между человеком и окружающим миром: граница между человеком и вещью осознается как проницаемая, понятие куклы расширяется и включает в себя помимо иных идеи зависимости, омертвления, подмены. В театре кукол эти смыслы проявляются в спектаклях «Уральской зоны». Объясняется это, вероятно, тем, что театр кукол, существующий на периферии сознания контролирующих органов как театр для самых маленьких, оказывался пространством в какой-то мере более свободным для высказывания. Географическая удаленность от «центра» также давала больше возможностей для эксперимента, который был важной частью эстетической программы «уральцев».

Другим важным фактором, способствующим формированию творческого почерка режиссеров «Уральской зоны» выступила идея синкретизма, актуализировавшаяся в художественной культу-

ре этого времени. Так, С. Савицкий, рассуждая о литературе периода, писал: «Мы называем неофициальную литературу именно литературой, осознавая долю условности, с которой это слово в некоторых случаях применимо к нашему предмету. Авторы, принадлежавшие к этому обществу, развивали традицию синкретического авангарда, в рамках которой искусства сливаются в едином художественном замысле, размывая внутренние границы. “Анемическое кино” (1926) Марселя Дюшана – одного из кумиров неофициальных художников – однозначно не определить как фильм, литературный текст или произведение изобразительного искусства. <...> Произведение М. Дюшана – не что иное, как синкретический художественный жест, который был с энтузиазмом развит тотальным и поп-артистским искусством 1960-х годов» [21, с. 7].

Об аналогичном процессе можно говорить и в театре кукол. Уже в работе предшественников «Уральской зоны» намечается движение в сторону синтетических театральных форм, проявляющееся в том числе и в размывании границ между театром кукол и театром драматическим. В «Словаре театра» Патриса Пави термин «синтетический театр» имеет следующее определение (статья «Театр синтетический» отсылает к статье «Театр тотальный»): «...представление, использующее все средства художественной выразительности, обращенное сразу ко всем воспринимающим способностям человека, создающее впечатление универсального масштаба происходящего, насыщенного многообразием значений, поработавших публику. В распоряжении этого театра находится множество технических средств (уже существующих и только появляющихся), в частности, новейшие виды сценической махи-нерии, сменяемые декорации, аудиовизуальные технологии...» [17, с. 359].

Так сложилось, что пути эстетического развития театра кукол в 1970–80-е годы определяли именно ученики М. М. Королева, и пути эти вели в сторону синтетического театра. В 1988 году в журнале «Театральная жизнь» появилась статья В. Л. Шраймана с характерным названием – «В поисках синтетического театра», – в которой он защищал идею развития театра через развитие выразительных средств и формирование синтетического актера: «Взрыв выразительных средств, как известно, качественно изменил прежние пред-

ставления о театре кукол, сценографии, актерском искусстве...» [26, с. 21].

Важно отметить, что стремясь к выработке собственного художественного языка, режиссеры «Уральской зоны», пошли по пути, чуть раньше намеченному Б. И. Аблыниным в московском театре «Жаворонок», в искусстве которого наиболее полно, по свидетельству Н. И. Смирновой, была реализована идея содружества маски и куклы. Программным спектаклем театра стал «Жаворонок» (1968) по пьесе Ж. Ануя. В этом спектакле, как отмечает Н. И. Смирнова, актеры не прятались за ширму: «Куклы движутся и говорят, чтобы достовернее и полнее раскрыть сложные противоречивые характеры героев. Куклы будут спорить, плакать, бороться и побеждать. А кукловоды лишь иногда обратятся к зрителям и, глядя им в глаза, произнесут те фразы, которые драматург поручил им сказать от его авторского имени, чтобы они прозвучали особенно четко» [23, с. 178]. Жанна также играет куклой, но в момент, когда она оказывается перед лицом смерти, актриса отбрасывает куклу и играет в живом плане. Маска же благодаря своей статичности и монолитности несла в спектакле идею «исторической обреченности этих персонажей» [23, с. 181]. По сути, театр кукол 1960-х сделал то, о чем мечтали драматурги и режиссеры драматического театра начала XX века: **через соединение нескольких фактур – живого тела, маски, куклы – представили тот объемный вещественно-духовный мир на сцене, который задействовал одновременно все возможности и способности воспринимающего субъекта – зрителя.**

К 1971 году театр Б. Аблынина, кажется, исчерпывает себя, все варианты взаимодействия куклы, человека и маски им к этому времени уже опробованы, поиски в тот момент заходят в тупик, однако его эксперимент в области театра синтетического (или тотального) был первым шагом к реализации идей, манифестируемых представителями «Уральской зоны».

Режиссеров увлекала не столько работа с куклой как с «художественным инструментом», сколько сама идея соотношения живого и мертвого, игра с пространством и материальной средой, через их новые комбинации – порождение новых смыслов. Об этом говорил М. Гуревич в беседе с И. Жаровцевой на страницах журнала «Театр» в 1987 году: «10–15 лет назад в куколь-

ный театр пришло поколение, быть может, не слишком одержимое изначально идеей куклы, а просто желавшее сказать свое слово о мире – но именно в куклах, в новом их понимании, увидевшее эту возможность» [8, с. 113].

Таким образом, формирование театра кукол «Уральской зоны» было обусловлено следующими предпосылками:

1) *Внутренним противостоянием официальной власти и сложившейся системы отношений в театральном пространстве:*

- Театр кукол, являясь частью широкого потока «социалистической культуры и искусства» согласно принятым XXV съездом «Основным направлениям развития народного хозяйства СССР на 1976–80-е годы» становился частью программы «по идейно-политическому, нравственному и эстетическому воспитанию советских людей, формированию их духовных запросов» [14, с. 163]. Понимание задач искусства и театра кукол режиссерами «Уральской зоны» было отличным от партийных. И. Уварова в статье «Уральская зона» отмечала: «Искусство, которым они намерены были заниматься, находилось в русле тех эстетических исканий, – да хотя бы в области литературы, – которые от государственной идеологии дистанцировались, создавая свою сферу, свой мир» [25, с. 61].

- Молодым режиссерам важно было прийти в пространство, условно говоря «пустое», в котором можно создать свой театр. Как пишет И. Уварова, «режиссеры <...> покинули Ленинград, отправились на Урал. С точки зрения ленинградца – это весьма удаленные края, и они уехали подальше от центра, разумно посчитав, что там, где «подальше», начальство не столь подковано в деле бдительности. Тем более – театр-то кукольный, это вам не Таганка и не Современник...» [25, с. 61]. Таким образом хотя бы отчасти преодолевалось «центристски» организованное театральное пространство (с театром С. В. Образцова в качестве центра).

- Преодоление инерции восприятия театра кукол как театра для самых маленьких, отстаивание права на серьезное высказывание – один из принципов «Уральской зоны». В репертуаре театров идут «Дракон» Е. Шварца, «Следствие по делу Вилли Старка» по роману Р. П. Уоррена, «Дом, который построил Свифт» Г. Горина (реж. В. Шрайман), «Карьера Артуро Уи, которой могло

не быть» Б. Брехта, «Процесс над Жанной Д'Арк. Руан. 1431» по текстам Ж. Ануя, Г. Панфилова, Б. Шоу, «Соломенный жаворонок» В. Новацкого, Ю. Фрийдмана (реж. В. Вольховский) и многие другие.

2) *Контекстом театра кукол того времени:*

- Оппозиция по отношению к методу, утвержденному театром С. В. Образцова.

- Процессы, начавшиеся в 1960-х годы в Москве и Санкт-Петербурге под влиянием международных фестивалей кукольников в Бухаресте. В театре кукол возникает новая художественная парадигма: происходит размыкание его

границ, обращение к широкому контексту искусства.

С самого начала включение театра кукол в общекультурный процесс было одной из основополагающих идей режиссеров «Уральской зоны», в круг их интересов входили пантомима, театр маски, драматический театр, народное искусство; был интерес и к искусству других эпох: искусству возрождения, авангарду, импрессионизму. Не случайно именно за Уралом возникают лаборатории, целью работы которых становится осмысление театра и куклы в их историческом и культурологическом аспектах.

Литература

1. Богданова П. Режиссеры-шестидесятники. – М., 2010. – 176 с.
2. Булатова М. Уральская зона // *Кукарт*. – 2005–2006. – № 10–11. – С. 63–64.
3. Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 368 с.
4. Глазунова О. Те мушкетеры и эти // *Театр*. – 2006. – № 1. – С. 60–66.
5. Голдовский Б. П. История драматургии театра кукол. – М., 2007. – 328 с.
6. Голдовский Б. Российский театр кукол в период постмодерна [Электронный ресурс]. – URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-278823.html>
7. Дмитриев Ю. Большое собрание маленьких кукол // *Советская культура*. – 1960. – 1 нояб.
8. Жаровцева И. «Мой кукольный театр глубок и мудр...» // *Театр*. – 1987. – № 7. – С. 103–117.
9. Иванова А. А. Театр кукол: содержательность традиционных технологических систем: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – СПб., 1996. – 17 с.
10. Капралов Ю. Первые спектакли о современности // *Театр*. – 1950. – № 5. – С. 37–43.
11. Королев М. М. Искусство театра кукол: Основы теории. – Л.: Искусство, 1973. – 111 с.
12. Ленинградский Государственный большой театр кукол. – Л., 1975. – 31 с.
13. Ленинградскому государственному большому театру кукол 50 лет. – Л., 1982. – 206 с.
14. Лукин Ю. А. Художественная культура зрелого социализма. – М.: Искусство, 1977. – 271 с.
15. Мухин К. Миг между прошлым и будущим // *Театральная жизнь*. – 1989. – № 13. – С. 20–21.
16. Образцов С. В. Режиссер условного театра // *Театр*. – 1940. – № 11. – С. 45–55.
17. Пави П. Словарь театра. – М., 1991. – 516 с.
18. Полесский Э. Шаги «Гулливера» // *Вечерний Свердловск*. – 1976. – 14 дек.
19. Райтгаровская Н. Владимир Штейн. История одного театра и судьбы. – М., 2010. – 264 с.
20. Руднев В. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия. – М.: Аграф, 1997. – 384 с.
21. Савицкий С. Андеграунд. История и мифы ленинградской неофициальной литературы. – М., 2002. – 153 с.
22. Семидесятые как предмет истории русской культуры / ред.-сост. К. Ю. Рогов. – М.: Венеция, 1998. – 302 с.
23. Смирнова Н. И. Искусство играющих кукол: Смена театральных систем. – М., 1983. – 270 с.
24. Уварова И. П. «Кукла Мейерхольда» // *Кукарт*. – 2004. – № 9. – С. 4–14.
25. Уварова И. П. Уральская зона // *Кукарт*. – 2005–2006. – № 10–11. – С. 61–62.
26. Шрайман В. Л. В поисках синтетического театра // *Театральная жизнь*, 1988. – № 8. – С. 21.

References

1. Bogdanova P. Rezhissery-shestidesiatniki [Directors of the Sixties]. Moscow, 2010. 176 p. (In Russ.).
2. Bulatova M. Ural'skaia zona [The Ural Zone]. *Kukart*, 2005–2006, no. 10–11, pp. 63–64. (In Russ.).
3. Vail' P., Genis A. 60-e. Mir sovetskogo cheloveka [60s. The World of the Soviet Person]. Moscow, 1996. 368 p. (In Russ.).
4. Glazunova O. Te mushketery i ehti [Those Musketeers and These]. *Teatr [Theatre]*, 2006, no. 1, pp. 60–66. (In Russ.).
5. Goldovskii B.P. Istoriia dramaturgii teatra kukol [History of Dramatic Art of Puppet Theatre]. Moscow, 2007. 328 p. (In Russ.).

6. Goldovskii B. Rossiiskii teatr kukol v period postmoderna [The Russian Puppet Theatre in the Period of a Postmodern]. Available at: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-278823.html> (accessed 13.10.2014). (In Russ.)
7. Dmitriev Iu. Bol'shoe sobranie malen'kikh kukol [Big Meeting of Small Dolls]. *Sovetskaia kul'tura [Soviet Culture]*, 1960, September 1. (In Russ.).
8. Zharovtseva I. "Moi kukol'nyi teatr glubok i mudr..." ["My Puppet Theatre is Deep and Wise..."]. *Teatr [Theatre]*, 1987, no. 7, pp. 103–117. (In Russ.).
9. Ivanova A.A. Teatr kukol: sodержatel'nost' traditsionnykh tekhnologicheskikh sistem. Avtoreferat dis. ... kandidata iskusstvovedeniia [Puppet Theater: pithiness of traditional technological systems. Diss. Candidat of Art History]. Saint-Petersburg, 1996. 17 p. (In Russ.).
10. Kapralov Iu. Pervyie spektakli sovremennosti [First performances of the present]. *Teatr [Theatre]*, 1950, no. 5, pp. 37–43. (In Russ.).
11. Koroliev M.M. Iskusstvo teatra kukol: osnovy teorii [The Art of the Puppet Theatre: Theory Bases]. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1973. 111 p. (In Russ.).
12. Leningradskii bol'shoi teatr kukol [Leningrad Bolshoi Puppet Theater]. Leningrad, 1975. (In Russ.).
13. Leningradskomu Bol'shому teatru kukol 50 let [The Leningrad state Bolshoi Puppet Theater is 50 years old]. Leningrad, 1982. 206 p. (In Russ.).
14. Lukin Iu.A. Hudozhestvennaia kul'tura zrelogo soctsalizma [Art Culture of Late Socialism]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1977. 271 p. (In Russ.).
15. Mukhin K. Mig mezhdru proshlym i budushchim [The Moment between the Past and Future]. *Teatral'naia zhizn' [Theatrical Life]*, 1989, no 13, pp. 20–21. (In Russ.).
16. Obraztsov S.V. Rezhisser uslovnogo teatra [Director of Conditioned Theatre]. *Teatr [Theatre]*, 1940, no. 11, pp. 45–55. (In Russ.).
17. Pavi P. Slovar' teatra [Dictionary of Theater]. Dunode, Paris, 1996, 472 p. (Russ. ed.: Pavi P. Slovar' teatra [Dictionary of Theater]. Moscow, 1991. 516 p. (In Russ.).
18. Poleskii E. Shagi Gullivera [Gulliver's Steps]. *Vechernii Sverdlovsk*, 1976, Desmber 14. (In Russ.).
19. Raitarovskaia N. Vladimir Shtein. Istoriia odnogo teatra i sud'by [Vladimir Shtein. History of one theater and destiny]. Moscow, 2010. 264 p. (In Russ.).
20. Rudnev V.P. Slovar' kul'tury XX veka. Kliuchevye poniatia [Dictionary of the XX century culture. Key concepts]. Moscow, Agraf Publ., 1997. 781 p. (In Russ.).
21. Savitskii S. Andegraund. Istoriia i mify leningradskoi neofitsial'noi kul'tury [Underground. History and myths of the Leningrad informal literature]. Moscow, 2002. 153 p. (In Russ.).
22. Semidesiatye kak predmet istorii russkoi kul'tury [The seventieth as the subject of history of the Russian culture]. Moscow, Venice Publ., 1998. 302 p. (In Russ.).
23. Smirnova N.I. Iskusstvo igraushchikh kukol: Smena teatral'nykh sistem [Art of the Playing Puppets: Change of theatrical systems]. Moscow, 1983. 270 p. (In Russ.).
24. Uvarova I.P. "Kukla Meerhol'da" ["Meyerhold's Doll"]. *Kukart*, 2004, no. 9, pp. 4–14. (In Russ.).
25. Uvarova I.P. Ural'skaia zona [The Ural Zone]. *Kukart*, 2005–2006, no. 10–11, pp. 61–62. (In Russ.).
26. Shraiman V.L. V poiskakh sinteticheskogo teatra [In Search of Synthetic Theater]. *Teatral'naia zhizn' [Theatrical Life]*, 1988, no 8, pp. 21. (In Russ.).

УДК 02

**ТРАНСФОРМАЦИЯ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЦЕНТРАЛЬНЫХ БИБЛИОТЕК НА ПРИМЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПУБЛИЧНОЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Дергилева Татьяна Владиславовна, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук (ГПНТБ СО РАН), доцент, Новосибирский государственный педагогический университет (г. Новосибирск, РФ). E-mail: onimr-nmo@spsl.nsc.ru

Главная цель статьи заключается в том, чтобы на примере научно-методической деятельности ГПНТБ СО РАН показать трансформацию научно-методической работы от методического *руководства* к методическому *обеспечению*, а далее – к *дистанционным консалтинговым услугам*, свойственным организации библиотечного дела большинства зарубежных стран.

Центральная библиотека – ГПНТБ СО РАН – участвовала в создании большинства из 70 библиотек ведомственной сети СО РАН. Методический центр осуществлял централизованные технологические, информационные и библиотечные процессы, разрабатывал нормативно-правовые и методические документы, организовывал мероприятия по повышению квалификации, выполнял значительную часть общесетевых затрат, тем самым создавал условия для развития библиотек сети с минимальным штатом. За 55-летний период происходила трансформация как правовых взаимоотношений между методическим центром и библиотеками сети СО РАН, так и основных направлений и форм научно-методической деятельности. В 1960–80-е годы на взаимоотношениях ГПНТБ СО РАН и библиотек сети сказывался общий административно-командный стиль управления в стране. Преобразованию методической работы в контролирующий вид деятельности способствовали постановления ЦК КПСС и Министерства культуры. Следовательно, в те годы научно-методическое руководство было идеологически направленным и не всегда способствовало развитию библиотечного дела.

С начала 1990-х годов по мере ослабления административно-командной системы менялся общий стиль управления в стране, что повлекло за собой переход от методического *руководства*, строго регламентирующего деятельность библиотек ЦБС, к более демократическому – методическому *обеспечению*. В методической деятельности ГПНТБ СО РАН возросла роль иных функций: научно-исследовательских, инновационных, консультационных, образовательных и т. д.

Изменения в трудовом законодательстве в 2008 году и связанная с этим независимость библиотек сети от методического центра вновь отразились на взаимоотношениях ГПНТБ СО РАН и библиотек сети, в них стали превалировать рекомендательные формы сотрудничества и методическое консультирование, характерные для большинства зарубежных стран.

Ключевые слова: централизованная библиотечная система, центральная библиотека, сеть библиотек СО РАН, основные направления методической работы, методическое руководство, методическое обеспечение, консультационные услуги.

TRANSFORMATION OF SCIENTIFIC METHODOLOGICAL ACTIVITIES OF CENTRAL LIBRARIES AS IN THE STATE PUBLIC SCIENTIFIC TECHNICAL LIBRARY OF THE SIBERIAN BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Dergileva Tatiana Vladislavovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Researcher of the State Public Scientific Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (SPSTL of SB RAS), Docent, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: animr-nmo@spsl.nsc.ru.

The main aim of the article is to show the transformation of scientific methodological activity from methodological *guidance* to methodological *support*, and further to *remote consulting services* proper to librarianship organization of most foreign countries, evidently for SPSTL SB RAS scientific methodological activities.

SPSTL SB RAS as the central library participated in creating about 70 libraries of the departmental library network of SB RAS. The methodical center carried out centralized technological, information and library processes, developed regulatory legal and methodical documents, organized events to improve the personnel skills, performed a significant part of the network efforts, creating the conditions for libraries' network

development with minimal staff. Transformation of both, legal relations between the methodological center and SB RAS library network and main directions and forms of scientific methodological activities took place in 55-year period.

The general administrative command style of management in the country affected SPSTL SB RAS and the library network relations in the 1960–80s. The Decrees of the Central Committee of the Communist Party and the Ministry of Culture of the USSR promoted converting the methodical activity into controlling one. Consequently, the scientific methodological guidance was ideological orientation and not always contributed to the development of librarianship.

Since the early 1990s the general style of governance in the country changed the weakening administrative command system, which resulted in a shift from methodological *guidance*, strictly regulating the activities of libraries of CLS, to a more democratic methodological *support*. The methodical activity of SPSTL SB RAS increased the role of other functions: research, innovative, consulting, education etc.

Changes in the labor legislation in 2008 and independence of the network libraries from the methodical center affected the relationships of SPSTL SB RAS and network libraries, prevalent recommendation forms of cooperation and methodological consulting common to the most foreign countries began to prevail.

Keywords: centralized library system, central library, SB RAS library network, main directions of methodical activity, guidance, methodological support, consulting services.

Формирование Централизованной библиотечной системы (ЦБС) СО РАН началось в 1958 году, после организации ГПНТБ СО РАН и закрепления за ней функции научно-методического и координационного центра библиотек сети². Развитие ЦБС СО РАН происходило «в русле непосредственного влияния и методического руководства ГПНТБ СО РАН³: в период 1959–1964 годов создается система централизованного комплектования библиотек СО РАН через ГПНТБ (на основе централизованного финансирования); к ГПНТБ переходят функции по обеспечению библиотек литературой, принадлежавшие прежде Сектору сети специальных библиотек АН СССР. Осуществляются совместные проекты в области подготовки текущих и ретроспективных библиографических указателей, научно-исследовательской и научно-методической работы, повышения квалификации кадров и т. д.» [8, с. 151].

В ЦБС СО РАН методическое руководство библиотеками сети развивалось на основе централизованных направлений деятельности: комплектования и формирования единого библиотечного фонда, организации депозитарного хранения, каталогизации и систематизации литературы, составления сводных каталогов, внедре-

ния ББК, единой системы межбиблиотечного абонементов (МБА), информационной и справочно-библиографической работы. В 1980-е годы получили широкое распространение рекомендации по информационному обеспечению целевых комплексных программ, в частности программы «Сибирь» [9] и внедрение стандартов в работу сетевых библиотек, которое обеспечило согласованное развитие ЦБС СО РАН [6]. Библиотеки сети принимали участие в научно-исследовательской работе, проводимой ГПНТБ СО РАН по таким проблемам как: «Изучение закономерностей формирования фондов научных библиотек» и «Оптимизация структуры читательского контингента в академической библиотеке», «Организационная структура распределенного страхового фонда изданий СО РАН» и др.

Одним из основных направлений методической работы ГПНТБ СО РАН с момента закрепления за ней функций методического руководства ведомственными библиотеками стало повышение квалификации библиотечных специалистов. Ежегодно на базе ГПНТБ СО РАН или центральных научных библиотек (ЦНБ) научных центров (НЦ) проводились научно-практические конференции, тематика которых определялась актуальностью библиотечной практики. В них принимали участие представители центральных библиотек: Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (РГБ), Государственной публичной библиотеки

² Постановление Президиума АН СССР № 338 от 01.04.1960.

³ С 1925 по 1991 год – Академия наук Союза Советских Социалистических республик (АН СССР)

им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (РНБ), Библиотеки Академии наук, Библиотеки естественных наук и других ЦБС. В 1980-е годы успешной признана практика организации:

– стажировок, организуемых для сотрудников, как по отдельным направлениям работы, так и комплексных – для заведующих библиотеками;

– школ передового опыта на базе библиотек научно-исследовательских учреждений (НИУ). Так, библиотека Вычислительного центра СО АН была «школой» по автоматизации библиотечно-библиографических процессов, библиотека Института горного дела СО АН – по организации и хранению книжных фондов, Института гидродинамики СО АН – по ведению информационно-библиографической работы. В библиотеках «школах» перенимали передовой опыт не только библиотечные специалисты, но и проходили практику студенты библиотечных факультетов Кемеровского и Алтайского государственных институтов культуры⁴.

В 1970–80-е годы уже сложившаяся система методического руководства ведомственными библиотеками предусматривала «основные функции управления: сводное планирование и систематический анализ достигнутого». Административный стиль управления ЦБС проявлялся и в том, что проводились комплексные обследования библиотек, которые сводились в большинстве случаев к инспекторским проверкам [7]. Кроме того, «в целях согласования деятельности библиотек, обеспечения надлежащего научно-методического уровня работы ГПНТБ СО РАН разрабатывала *обязательные* для библиотек НИУ инструктивно-методические материалы...», использование которых в работе контролировалось при посещениях и обследованиях библиотек [3, с. 23–28].

Преобразованию методической работы в контролирующий вид деятельности способствовало Постановление ЦК КПСС «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе» (1974). Задача повышения роли библиотек «как важных опорных баз» и необходимость централизации библиотек, потребовали создания множе-

ства методик и «инструктивных документов, регламентирующих деятельность библиотек» [10].

На взаимоотношениях ГПНТБ СО РАН и библиотек сети сказывался общий административно-командный стиль управления в стране. Библиотекам – методическим центрам были переданы функции управления, так как их обязали: анализировать состояние дел и подготавливать решения, инструктивное обеспечение и руководство внедрением, контроль и оценка эффективности работы, в то время как за органами управления оставались лишь функции принятия решений. Методистов обязали контролировать деятельность подведомственных библиотек. Это объективно привело к тому, что библиотеки – методические центры стали ответственны за состояние библиотечного дела в стране, что нашло свое отражение в постановлении Министерства культуры «О совершенствовании организационно-методического руководства библиотеками РСФСР» (1979).

Таким образом, научно-методическое руководство было идеологически направленным, а как часть административно-командной бюрократической системы наносило определенный вред библиотечному делу. В создавшемся положении требовался кардинальный пересмотр сущности и содержания научно-методической работы, ориентированный на реальные потребности библиотек. Серьезные трансформации в библиотечной сфере начались в 1990-х годах в период перестройки и начавшегося экономического кризиса, которые потребовали определения перспектив научно-методической работы. В русле общего осуждения иерархической административной системы, развернувшаяся критика научно-методической работы, положила начало пересмотру содержания методической деятельности Центральных библиотек. На первый план выдвигалась задача демократизации и гуманизации библиотеки, главным следствием которой стало повышение самостоятельности библиотек.

В соответствии с Постановлением Министерства культуры СССР № 84 от 06.09.89 года «О создании нормативной базы для перехода органов и учреждений культуры на новые условия хозяйствования» библиотеки получили право самостоятельно решать вопросы: организации и оплаты труда, формирования штатов и преоб-

⁴ В настоящее время – Кемеровский государственный университет культуры и искусств, Алтайская государственная академия культуры и искусств.

разования структуры библиотеки, распоряжаться бюджетом и самостоятельно планировать работу. За органами управления оставался контроль над статистическими показателями основной деятельности библиотек, что означало невозможность вмешательства в организацию и содержание их работы, а главное – осуществлять контроль. Однако в этот период научно-методическая работа постепенно сводится к составлению справок и отчетов, что постепенно привело к отрицанию научно-методической деятельности, и вызвало у практиков сомнение в ее целесообразности [4, с. 10].

В начале 90-х годов XX века по мере ослабления административно-командной системы общий стиль управления в стране постепенно менялся. В библиотечном деле также произошел переход от методического *руководства* ЦБС, строго регламентирующего деятельность библиотек, к более демократическому – методическому *обеспечению* [4, с. 13]. Появились новые, не свойственные прежде направления методической работы, связанные с подготовкой нормативно-правовых документов библиотек сети. К концу 1990-х годов большая часть инструктивной, методической и организационно-технологической документации, регламентирующей деятельность библиотек ЦБС СО РАН, устарела и потеряла свое практическое значение. ГПНТБ СО РАН были разработаны новые документы с учетом ведомственной и региональной специфики. К ним относятся следующие: «Положение о Централизованной библиотечной системе СО РАН», «Положение о Центральной научной библиотеке НЦ СО РАН» и «Типовое положение о научной библиотеке НИУ СО РАН». Кроме того, были пересмотрены наиболее значимые положения, правила, инструкции, учебные пособия и методические рекомендации по основным направлениям деятельности ЦБС СО РАН в целом и библиотек в отдельности. Обновилась организационно-технологическая документация библиотек НИУ: «О системе заказа отечественной литературы для фондов НБ НИУ СО РАН» и «О приобретении иностранной литературы для ГПНТБ и НБ НИУ СО РАН», «Об информационной работе НБ НИУ СО РАН». Пересмотрены «Типовые правила пользования библиотекой НИУ СО РАН», «Рекомендации по перераспреде-

лению малоиспользуемой литературы, передаваемой на депозитарное хранение», и многие другие документы.

ГПНТБ СО РАН, являясь административным центром ЦБС, осуществляла организационно-управленческие функции по решению вопросов трудового законодательства. Предложенные ГПНТБ СО РАН количественные и качественные характеристики по отнесению библиотек СО РАН к группам по оплате труда руководителей легли в основу соответствующего Распоряжения Президиума СО РАН⁵, в то время как действующее до 1996 года правительственное Постановление⁶ было единым для библиотек всей страны. В соответствии с принятым документом библиотека НИУ по решению ГПНТБ СО РАН переводилась на одну группу выше, а при снижении показателей – на одну группу ниже. Отнесение библиотек к группам по оплате труда ежегодно утверждалось Информационно-библиотечным советом и Президиумом СО РАН. Административные и организационно-управленческие функции по соблюдению трудового законодательства выполнялись ГПНТБ СО РАН до выхода Постановления Правительства РФ № 583 «О введении новых систем оплаты труда работников федеральных бюджетных учреждений» от 05.08.2008 года, в результате принятия которого зарплата сотрудников библиотек стала зависеть от решения администрации учреждения, структурным подразделением которого являлась библиотека. Библиотеки сети СО РАН перестали быть зависимыми от методического центра.

ГПНТБ СО РАН также принимала участие в подготовке решения о присвоении статуса «Центральной» одной из библиотек НЦ СО РАН. Для этого были разработаны критерии деятельности, дающие право присвоения библиотеке данного статуса, которые затем были закреплены в «Типовом положении о ЦНБ НЦ СО РАН». Однако, как показала практика, данный статус фактически являлся номинальным, так как с его присуждением библиотека не становилась самостоятельным учреждением (юридическим ли-

⁵ Распоряжение об отнесении библиотек научных организаций СО РАН к группам по оплате труда руководителей и специалистов от 27.09.2000 № 15000-579.

⁶ Постановление Госкомтруда СССР и Секретариата ВЦСПС от 05.01.1990 № 5/1-2.

цом): финансирование и руководство ЦНБ НЦ осуществляли Президиумы научных центров СО РАН. Основное отличие «Центральной» от библиотеки НИУ состоит в том, что ЦНБ обязаны: а) вести методическую работу с библиотеками НЦ; б) обеспечивать сотрудникам НИУ научных центров доступ к БД зарубежных издательств, который по условиям договора с ними предоставлялся только ГПНТБ и ЦНБ НЦ СО РАН.

ГПНТБ СО РАН в методической деятельности руководствуется «Положением о методическом обеспечении библиотек НИУ СО РАН» и предложениями методического совета по решению общесистемных технологических проблем ГПНТБ и библиотек сети СО РАН, созданного в 2004 году. Работа Совета направлена на решение общих внутрисистемных технологических проблем ГПНТБ и библиотек сети СО РАН. Назначение методической работы определяется функцией управления нововведениями, которая играет главную роль в образовании и развитии библиотечных систем, проявляясь во всех формах и методах, направлениях и результатах методической деятельности. Целью методической деятельности является активное воздействие на уровень всех направлений работы библиотек сети. С конца 1990-х годов по настоящее время приоритетными направлениями методической работы ГПНТБ СО РАН являлись: инновационная деятельность; создание инструктивно-технологической документации [5]; повышение квалификации библиотечных кадров [1–2].

Инновационная деятельность ГПНТБ СО РАН реализуется в рамках:

– «Концепции развития информационно-библиотечной системы СО РАН: «ГПНТБ СО РАН – ЦНБ НЦ – библиотеки НИУ»;

– проекта «Создание единого центра автоматизации библиотечно-информационных процессов СО РАН», который был осуществлен в 2013 году в библиотеках Красноярского научного центра (КНЦ) СО РАН. Информационные ресурсы библиотек КНЦ впервые в СО РАН были объединены в корпоративную систему на основе ПО «ИРБИС» и технологии протокола Z39–50, обеспечен доступ к информационным ресурсам г. Красноярска, Новосибирска, Москвы и некоторых других. Запланировано поэтапное внедре-

ние данной технологии и в других НЦ СО РАН. Внедряя в библиотеки сети современные технологии, ГПНТБ СО РАН обеспечивает данный процесс необходимой инструктивно-технологической документацией, размещая ее на своем сайте <http://www.spsl.nsc.ru/win/frnew/stn2/index.htm>.

В электронной среде взаимоотношения ГПНТБ СО РАН и библиотек сети стали равноправными, поскольку только на условиях партнерства возможно создание информационных продуктов и услуг, формирование сводного распределенного электронного каталога, организация свободного доступа пользователей к информационным ресурсам библиотек через Интернет и т. д. В методической работе стали превалировать рекомендательные и консультационные формы сотрудничества, а в основе отношений ГПНТБ СО РАН и библиотек сети не иерархическое подчинение, а взаимовыгодное сотрудничество. Таким образом, произошел переход от *научно-методического обеспечения* к консалтинговым услугам по запросам библиотек сети, которые характерны для организации библиотечного дела большинства стран. Например, в США, Дании, Финляндии и Франции управленческое консультирование уже давно признано профессиональной службой, которая помогает руководителям анализировать и решать стоящие перед ними задачи, усваивать и внедрять инновации. В круг обязанностей центральных библиотек входит оказание консультативной и библиотечно-технической помощи. Кроме того, распространены агентства библиотечной кооперации, главной функцией которых также является консультирование, включающее все знакомые направления: консультации (как на месте, так и выездные), организацию обучающих семинаров, издание пособий, методических рекомендаций и т. д. [11].

Таким образом, изучение научно-методической деятельности центральных библиотек на примере ГПНТБ СО РАН позволило проследить трансформацию основных ее направлений, форм и методов от *руководства* к более демократическому стилю – *методическому обеспечению* деятельности ведомственных библиотек, основанному на принципах демократизации, в условиях которого произошел очередной переход к партнерству и оказанию консалтинговых услуг.

Литература

1. Артемьева Е. Б. Библиотечно-информационные ресурсы в области библиотековедения, библиографоведения и книговедения для повышения квалификации сотрудников библиотек [Электронный ресурс] // Настоящее и будущее библиотечного обслуживания: сб. докл. город. науч.-практ. семинара молодых специалистов. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2014. – С. 4–9. – URL: http://webirbis.spsl.nsc.ru/irbis64r_01/cgi/cgiirbis_64.exe?Z21ID=&I21DBN=SOTR_Exs&P21DBN=SOTR&S21STN=1&S21REF=3&S21FMT=fullwebr&C21COM=S&S21CNR=20&S21P01=0&S21P02=0&S21P03=M=&S21STR=
2. Артемьева Е. Б. Повышение квалификации библиотечных работников: между прошлым и будущим [Электронный ресурс] // Библиосфера. – 2012. – Спецвып. – С. 103–108. – URL: http://webirbis.spsl.nsc.ru/irbis64r_01/cgi/cgiirbis_64.exe?Z21ID=&I21DBN=SOTR_Exs&P21DBN=SOTR&S21STN=1&S21REF=3&S21FMT=fullwebr&C21COM=S&S21CNR=20&S21P01=0&S21P02=0&S21P03=M=&S21STR=
3. Борцова Г. П., Маслова А. Н. Система методического руководства деятельностью библиотек Сибирского отделения Академии наук СССР // Проблемы научно-методической работы в академических библиотеках. – М., 1984. – С. 19–32.
4. Дергилева Т. В. Научно-методическая деятельность центральных библиотек: организация и приоритетные направления: учеб.-метод. пособие. – Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2007. – 84 с.
5. Дергилева Т. В. Организационно-методическая деятельность Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук [Электронный ресурс] // Библиотека и читатель: диалог во времени: мат-лы межрегион. науч. конф. (24–26 сент. 2013 года, г. Новосибирск). – Новосибирск, 2014. – С. 114–118. – (Труды ГПНТБ СО РАН / отв. ред. Б. С. Елепов; Вып. 7). – URL: http://webirbis.spsl.nsc.ru/irbis64r_01/cgi/cgiirbis_64.exe?Z21ID=&I21DBN=SOTR_Exs&P21DBN=SOTR&S21STN=1&S21REF=3&S21FMT=fullwebr&C21COM=S&S21CNR=20&S21P01=0&S21P02=0&S21P03=M=&S21STR=
6. Инструкция по внедрению стандартов СИБИД в ГПНТБ СО АН СССР, библиотеках ННЦ и филиалов СО АН. – Новосибирск: ГПНТБ СО АН СССР, 1987. – 8 с.
7. Матлина С. Г. Пути перестройки методики работы с читателями // Актуальные вопросы библиотечной работы. – М., 1989. – С. 42.
8. Посадсков А. Л., Елепов Б. С. Академические библиотеки Сибири: семь десятилетий истории // 275 лет на службе науке: библиотеки и институты информации в системе РАН. – М., 2000. – С. 144–154.
9. Принципы информационного обеспечения целевых комплексных программ. – Новосибирск, 1987. – 188 с.
10. Руководящие материалы по библиотечному делу: справ. – М., 1982. – 208 с.
11. Фирсов В. В сфере интересов новации практиков // Библиотека. – 1998. – № 5. – С. 36–38.

References

1. Artemeva E.B. Bibliotечно-informatsionnye resursy v oblasti bibliotekovedeniia, bibliografovedeniia i knigovedeniia dlia povysheniia kvalifikatsii sotrudnikov bibliotek [Library and Information Resources in the field of library and book science for training librarians]. *Nastoiashchee i budushchee bibliotchnogo obsluzhivaniia: sb. dokl. gorod. nauch.-prakt. seminar molodykh spetsialistov* [The Present and Future of Library Services: proc. of city. sci.-pract. seminar of young professionals]. Novosibirsk, NSTU Publ., 2014, pp. 4–9. (In Russ.). Available at: http://webirbis.spsl.nsc.ru/irbis64r_01/cgi/cgiirbis_64.exe?Z21ID=&I21DBN=SOTR_Exs&P21DBN=SOTR&S21STN=1&S21REF=3&S21FMT=fullwebr&C21COM=S&S21CNR=20&S21P01=0&S21P02=0&S21P03=M=&S21STR=
2. Artemeva E.B. Povysenie kvalifikatsii biblioteknykh rabotnikov: mezhdru proshlym i budushchim [Further training of library staff: between past and future]. *Bibliosfera* [Bibliosphere], 2012, Spetsvypusk, pp. 103–108. (In Russ.). Available at: http://webirbis.spsl.nsc.ru/irbis64r_01/cgi/cgiirbis_64.exe?Z21ID=&I21DBN=SOTR_Exs&P21DBN=SOTR&S21STN=1&S21REF=3&S21FMT=fullwebr&C21COM=S&S21CNR=20&S21P01=0&S21P02=0&S21P03=M=&S21STR=
3. Bortsova G.P, Maslova A.N. Sistema metodicheskogo rukovodstva deiatel'nost'iu bibliotek Sibirskogo otdeleniia Akademii nauk SSSR [The system of methodical management of the Library of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR]. *Problemy nauchno-metodicheskoi raboty v akademicheskikh bibliotekakh* [Problems of scientific and methodological work in academic libraries]. Moscow, 1984, pp. 19–32. (In Russ.).
4. Dergileva T.V. Nauchno-metodicheskaiia deiatel'nost' tsentral'nikh bibliotek: organizatsiia i prioritetnye napravleniia: ucheb.-metod. posobie [Scientific and methodological activities of the central libraries: organization and priorities: educational-methodical textbook]. Novosibirsk, SPSTL SB RAS Publ., 2007. 84 p. (In Russ.).

5. Dergileva T.V. Organizatsionno-metodicheskaia deiatel'nost' Gosudarstvennoi publichnoi nauchno-tekhnicheskoi biblioteki Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk. Biblioteka i chitalel': dialog vo vremeni: materialy mezhregion. nauch. konf. (24–26 sent. 2013 goda, Novosibirsk) [Organizational-methodical activity of the State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (24–26 Sept., 2013, Novosibirsk)]. *Biblioteka i chitalel': dialog vo vremeni: materialy mezhregion. nauch. konf.* [Library and reader: Dialogue in the Time: proc. of interregion. sci. conf.]. Novosibirsk, 2014, pp. 114–118. (In Russ.).
6. Instruksiiia po vnedreniu standartov SIBID v GPNTB SO AN SSSR, bibliotekakh NNTs i filialov SO AN [Instructions for the implementation of SIBID standards in GPNTB USSR Academy of Sciences, libraries and branches NNC SB RAS]. Novosibirsk, GPNTB SO AN SSSR Publ., 1987. 8 p. (In Russ.).
7. Matlina S.G. Puti perestroiki metodiki raboty s chitateliami [Ways restructuring techniques work with readers]. *Aktual'nye voprosy bibliotечноi raboty* [Actual problems of library work]. Moscow, 1989. 42 pp. (In Russ.).
8. Posadskov A.L., Elepov B.S. Akademicheskie biblioteki Sibiri: sem' desiatiletii istorii [Academic libraries Siberia: seven decades of history]. *275 let na sluzhbe nauke: biblioteki i instituty informatsii v sisteme RAN* [275 years in the service of science: library and institutions of the information in the RAS system]. Moscow, 2000, pp. 144–154. (In Russ.).
9. Printsipy informatsionnogo obespecheniia tselevykh kompleksnykh programm [Principles of information security target complex programs]. Novosibirsk, 1987. 188 p. (In Russ.).
10. Rukovodiaschie materialy po bibliotечnomu delu: spravochnik [Guidance on librarianship: a handbook]. Moscow, 1982. 208 p. (In Russ.).
11. Firsov V.R. V sfere interesov novatsii praktikov [In the interests of innovation practitioners]. *Biblioteka* [Library], 1998, no 5, pp. 36–38. (In Russ.).

УДК 908(571.17)''18''

СТАНОВЛЕНИЕ КУЗНЕЦКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

Усков Игорь Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник, Институт экологии человека СО РАН (г. Кемерово, РФ). E-mail: Yskov74@gmail.com

В статье раскрывается процесс формирования в середине XIX века историко-краеведческого направления в отечественной историографии применительно к истории города Кузнецка и его округа. Методологической основой исследования стал подход в определении кузнецкого краеведения как направления в историко-культурном познании территории силами местного сообщества, связанного с изучением локального топоса («Кузнецкий край») в контексте общего поступательного развития научной мысли в Сибирском регионе. При раскрытии поставленной задачи автором был привлечен историографический опыт по проблеме, применялись методы источниковедческого анализа и синтеза, выявлена судьба кузнецкого документального комплекса XVII века.

Анализ эмпирического материала позволил прийти к выводу о том, что в 1830–1880-х годах осмысление истории города Кузнецка и его округа со стороны местного сообщества было связано с выявлением и накоплением фактических данных, причем полученных преимущественно путем полевого сбора материала (в результате научных экспедиций или при выполнении служебных обязанностей), и в меньшей степени при обращении к архивным источникам. Работы отражают наличие двух подходов со стороны исследователей в познании края: первый (преобладающий) – стремление рассмотреть события локальной истории через общие закономерности развития общества; второй – изучение местных устойчивых сообществ, с описанием характерных особенностей хозяйственной жизни, специфичных черт бытовой культуры. Организационно в рассматриваемый период кузнецкое историческое краеведение конституируется в двух формах: в виде общественного («Томские губернские ведомости», И. С. Конюхов, ЗСОИРГО) и государственного (статистический комитет, музей университета).

Ключевые слова: историческое краеведение, Кузнецкий край, А. В. Адрианов, А. Ермалаев, И. С. Конюхов, Н. А. Костров, Д. А. Поникаровский, Н. М. Ядринцев.

FORMATION OF KUZNETSK HISTORICAL REGIONAL STUDIES

Uskov Igor Yurievich, Candidate of Historical Sciences, Docent, Researcher, Institute of Human Ecology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: Yskov74@gmail.com

The article reveals the process of formation of Kuznetsk local history as trends in historical and cultural knowledge of the area by the local community, associated with the study of the local topos (“Kuznetsk land”) in the context of the overall progressive development of scientific thought in Siberian region in the middle of the XIX century.

The complex of the sources includes the works of founder of Siberian local history, historian P.A. Slovtsova, of correspondents of the newspaper “Tomsk Provincial Gazette” (V.I. Verbitsky, N.I. Vinogradsky, A. Ermalaev, D.L. Kuznetsov, A.L. Yurchenko), of secretary of the Tomsk Regional statistic Committee, Prince N.A. Kostrov, of Kuznetsk townsman I.S. Konyukhov, of members of the West Siberian department of the Imperial Russian Geographical Society (A.V. Andrianov, D.A. Ponikarovskiy, N. Yadrintsev), found archaeological items in the Kuznetsk district received by the Museum of Tomsk University. The analysis of empirical data led to the conclusion that in the 1830–1880s, understanding the history of the town of Kuznetsk and its surroundings, the local community was associated with the identification and accumulation of evidence derived mainly by field collection of material (as a result of scientific expeditions or while performing official duties) and, to a lesser extent, when referring to archival sources. Socially, persons involved at this time local history researches related mostly to local officials. The works reflect the presence of the two approaches on the part of researchers in the knowledge of the edge: the first (dominant) was the desire to consider the events of the local history through the general laws of social development; the second was the study of local sustainable communities, with a description of the characteristics of the economic life, of specific features of everyday culture (I.S. Konyukhov). Organizational during the reporting period Kuznetsk local history constituted in two forms, public (“Tomsk province news,” I.S. Konyukhov, WSDIRGS) and State (Statistical Committee, University Museum).

Keywords: local history, Kuznetsk region, A.V. Andrianov, A. Ermalaev, I.S. Konyukhov, N.A. Kostrov, D.A. Ponikarovskiy, N.M. Yadrintsev.

К середине XIX века как особое направление отечественной исторической науки заявила о себе локальная (местная) история [7, с. 54; 46, с. 96–97], развивавшаяся на основе регионально-исторических и историко-краеведческих исследований. Граница между указанными познавательными стратегиями содержательно удачно определена как «краеведение – это и есть “взгляд изнутри” на отдельное местное сообщество, а точнее всматривание сообщества в самого себя» [8, с. 27].

Проблема становления исторического краеведения в Сибири, и в Томской губернии в частности, не раз становилась предметом изучения исследователей [15; 17; 35; 36; 42 и др.]. Задачей настоящей статьи является рассмотрение процесса формирования системы историко-краеведческих знаний в Кузнецком округе в связи с общим поступательным развитием научной мысли в Сибирском регионе.

В первой трети XIX века в исследовании Сибири активное участие стали принимать местные научные силы (А. И. Лосев, Г. И. Спасский и др.). Это свидетельствовало о зарождении здесь своей, местной интеллигенции с присущим для ее представителей осознанием социокультурной ценности Восточного региона [17, с. 43–44]. Завершение оформления локально-исторической практики связано с творчеством историка П. А. Словцова (1767–1843), который, по признанному в историографии мнению, «разбудил сибирское самосознание... и выступает как основатель сибирского краеведения» [25, с. 138].

Работу над своим главным трудом – «Историческое обозрение Сибири» – Словцов начал в 1835 году. Фактический материал историк получал как в результате собственного сбора информации, так и через своих многочисленных корреспондентов, проживавших почти во всех уголках Сибири. По его поручению были сдела-

ны и отосланы в Тобольск выписки из столбцов архива Кузнецкого окружного суда [26, л. 1–5 об.]. В одном из примечаний Петр Андреевич отметил, что «есть и в Кузнецке до сотни столбцов, восходящих к царствованию Михаила, – и далее с горечью констатировал, – и без описи легко исчезающих, как и недавно (после 1822 года), было взято несколько столбцов бывшими начальниками. Не святотатство ли это для истории?» [37, с. XXVII–XXVIII]. Вероятно, Слоvcову стали известны случаи похищения кузнецких древних свитков. Основания так полагать имеются. Так, Г. И. Спасский в материале о чудских копиях в Сибири ссылался на грамоту 1622 года воеводе Е. И. Баскакову, «хранившуюся в архиве города Кузнецка» [38, с. 141–142], которая со временем оказалась в собрании столбцов Императорской публичной библиотеки, откуда и была взята для публикации [34, с. 188–194]. Известен факт, что Томский гражданский губернатор (1853–1856) генерал-майор В. А. Бекман во время одного из своих визитов в Кузнецк взял из архива кузнецкого окружного суда старинные свитки и дело, датированное 1709 годом, о нападении калмыков, которые в 1869 году губернские власти тщетно пытались разыскать [22, с. 382].

В ноябре 1836 года Высочайшим повелением на имя министров финансов и внутренних дел поручалось доставить в Археографическую комиссию старинные акты из губернских присутственных мест [33, с. 59–60]. Неизвестный автор, делавший выписки для П. А. Слоvcова, отметил, что просмотренные им столбцы, были отправлены в указанную комиссию. Первые 15 свитков поступили в учреждение в июле 1838 года [33, с. 273–274]. Вполне вероятно, что отправка в столицу кузнецких манускриптов спасла их для науки и общества, так как 12 марта 1848 года деревянный двухэтажный дом, занимаемый Кузнецким земским судом, полностью сгорел [18, с. 149]. Между тем, в изданиях Археографической комиссии 40–80-х годов XIX века было опубликовано около полусотни царских грамот XVII века, адресованных кузнецким воеводам.

Сделанный экскурс в историю судебных ранних (XVII – начало XVIII века) кузнецких документов объясняет сложившийся к концу 1850-х годов недостаток источников по местной истории. В это время центром сосредоточения краеведческих

исследований становятся «Томские губернские ведомости» (выходили с 15 августа 1857 года). В одном из первых номеров еженедельника советник Томской казенной палаты Н. И. Виноградский, печатавшийся под псевдонимом За-Ангарский Сибиряк, констатировал: «...здесь трудно находить предметов исторических, которые бы сохранялись в архивах и могли служить главными и достоверными источниками для разных полных и подробных описаний. Известно, что наши архивы снабжали целыми столбцами и кипами бумаг историографов Миллера, Фишера и других, многие утратили от времени, недостатка внимания, или истребились огнем, истлели от сырости, сделались пищею мышей» [11, с. 101].

В «Томских губернских ведомостях» впервые были опубликованы исторические очерки о городе Кузнецке [9; 27]. Автор первого – А. Ермалаев – использовал «Древнюю Российскую Вивлиофику», справочную литературу, рассказы старожилов, привел современные статистические данные. Впервые он опубликовал царскую грамоту кузнецкому воеводе Е. И. Баскакову от 23 декабря 1623 года об обстоятельствах постройки и снабжения утварью церкви Преображения Господня в Кузнецком остроге. Примечательна история данной грамоты. Документ хранился в Спасо-Преображенском соборе и был единственной «старинной рукописью» при церквях Томской епархии. Тем неожиданной стало решение членов Археографической комиссии 17 апреля 1839 года: «...комиссия по неважности содержания означенной грамоты, не предвидит в ней для себя надобности» [33, с. 413–414]. Таким образом, грамота осталась в Кузнецке. В 1860 году она вновь была опубликована (по копии) – коллежским асессором, бывшим смотрителем кузнецких училищ, переведенным на службу в г. Томск, Н. И. Аняныным, – причем с припиской, что публикация является первой [4]. Наконец, еще одна копия с грамоты была сделана в 1886 году кузнецким благочинным, протоиереем Е. И. Тюменцевым и отправлена в Томск епископу Исаакию [22, с. 316]. Вероятно, по данной копии была осуществлена третья публикация грамоты [41, с. 5–6]. Впоследствии документ исчез.

Публикация источников по истории региона на страницах губернской газеты носила регулярный характер, и некоторые из них касались и Куз-

нецкого края [24; 39]. Раритеты были найдены и подготовлены к печати преподавателем словесности в мужской гимназии, редактором неофициальной части газеты (1863–1865) Д. Л. Кузнецовым. Выпускник Казанской духовной академии, ученик известного историка А. П. Щапова, Кузнецов вплоть до своего ареста (обвинялся в соучастии в антиправительственной деятельности Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева) публиковал в газете исторические документы, собственные статьи и заметки о текущей городской жизни [42, с. 169].

На страницах «Томских губернских ведомостей» в 1858 году была опубликована заметка о Томской писанице [45]. Однако ее автор – чиновник особых поручений при томском губернаторе – А. Л. Юрченко – допустил значительные выдумки в повествовании, чем сильно исказил описание памятника.

Многолетним корреспондентом губернской газеты являлся знаменитый алтайский миссионер В. Вербицкий, автор многочисленных заметок об инородцах Кузнецкого уезда. В 1869–1870 годах на страницах газеты было опубликовано его обобщающее исследование «Алтайцы», вышедшее отдельным изданием уже после смерти священника [5; 10; 40].

Н. И. Виноградский в своей заметке призвал ценить устные свидетельства, воспоминания очевидцев: «...поневоле обратишься к живым памятникам – томским старожилам, и на их рассказах, весьма недостаточных и полученных также от дедов и отцов, иногда нужно основывать какой-нибудь очерк, – и с сожалением продолжал, – никто из них не вел ни Томской летописи, ни записок каких-нибудь, хоть бы и с грехом пополам, ни даже обыкновенного дневника» [11, с. 102]. К счастью для кузнецан в их среде нашелся такой старожил. Иван Семенович Конюхов (1791–1881) – купец 3-й гильдии, неоднократно избиравшийся по общественным выборам (в 1821–1822 году – бургомистр городского магистрата, 1826–1828 годах – городской голова, 1844–1846 годах – городской судья) уже на склоне лет – в 1867 году – написал «Памятную историческую записку, или летопись, о городе Кузнецке» [24], в которую регулярно вносил добавления до конца своей жизни. Изложение насыщенного, весьма информативного материала в «Памятной исторической записке» построено по сюжетному

принципу (главам). В летописи отразилась повседневная бытовая история города преимущественно XIX века («О ценах на хлеб и наводнениях», «О городском саду», «О платье и роскоши», «О питейных домах», «О громовых ударах», «О пожарах» и др.). Труд Конюхова – классический памятник устной истории. В его основе лежат услышанные предания обывателей, а также воспоминания самого автора о событиях как ранее «записываемых», так и «на память приводимые». Лишь в главе «О первоначальном основании города» Конюхов заимствует сведения из книги П. Небольсина и опубликованного списка Сибирского летописного свода.

Значительное место в своей летописи Конюхов отводит освещению истории становления православия в Кузнецке, повествуя не только о городских церквях и часовнях, но и о чудесах святого пророка Ильи и жизни в Кузнецком уезде монахов Василиска и Зосимы. При этом автор опирался на документы («свиток», «старинная записка», «церковная летопись» 1838 года, «дела») «церковного архива» Спасо-Преображенского собора [18, с. 18; 25; 36; 63; 68]. Приведенные сведения ценны уже тем, что указанный архив не сохранился, будучи уничтоженным, скорее всего, во время бесчинств отряда Рогова в декабре 1919 года.

Рукопись И. С. Конюхова не осталась незамеченной современниками. Так, в письме к автору (1879 год) лестно о ней отзывался В. И. Вербицкий: «Какое благо Вы сделали тем, что вели свои нехитрые, но правдивые записи. Кому бы они не попались в руки, всякий воздаст Вам должную дань благодарности даже до отдаленного потомства» [18, с. 124].

Сам летописец прилагал немало усилия, чтобы его труд стал известен более широкому кругу читателей. 13 апреля 1877 года копия «Памятной исторической записки» была представлена в только что избранный новый городской орган самоуправления – Городскую думу. 31 октября того же года Конюхов предложил ее членам приобщить к городской летописи составленную им «Памятную записку о лицах, служащих в городе Кузнецке в городских управлениях по общественным выборам с 1801 года по настоящее время» [18, с. 106, 113].

В 1882 году рукописная тетрадь «Летопись г. Кузнецка» И. Конюхова из Кузнецкой город-

ской думы на время была передана в Западно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества (далее – ЗСОИРГО). Член-сотрудник отдела Бекреев ознакомился с рукописью, но «не признал за ней значения скольконбудь серьезного исторического материала». По мнению рецензента, изложенный материал состоит «из мелких фактов из городской жизни, почти ничего не дающих для характеристики и нравов населения за прошедшее время, ни о ходе колонизации в Кузнецком крае, ни об отношениях русских к инородцам». На заседании отдела было решено возвратить рукопись «по принадлежности» [12, с. 14, 16–17]. Оценка Бекреева соответствовала подходу официальной историографии – желание увидеть проявление общих закономерностей развития общества в конкретных локальных условиях. Труд же Конюхова отражал специфику краеведческого подхода середины XIX века, при котором внимание концентрировалось на изучении местных устойчивых сообществ, существовавших на уровне отдельных сел и небольших уездных городов. Каждое из них отличали характерные особенности хозяйственной жизни, оригинальная обрядовая практика, специфические черты бытовой культуры [44, с. 179–180].

Современные исследователи оценивают приведенные Конюховым легенды и сказания о защитниках и покровителях поселенцев Кузнецкого уезда как достоверно отражающие «участие различных категорий населения, особенно служилых людей, в колонизации территории Южной Сибири» [16, с. 267].

Публикаторы «Памятной исторической записки» предполагали, что Кузнецкая городская дума в 1877 году отказалась приобщить рукопись И. С. Конюхова к официальной городской летописи [18, с. 10]. Между тем в протоколе заседания ЗСОИРГО записано, что рукопись была передана «на вечное хранение в Кузнецкую городскую думу» [12, с. 14]. По каким-то причинам она не вернулась в город и в начале XX века считалась утраченной: «Что касается летописей Енисейска и Кузнецка, то их считают утраченными... Енисейская летопись доведена до половины XIX века, не представляет особенного интереса, переполнена известиями о построении церкви, пожарах, сменах начальствовавших лиц и т. п.; в том же роде летопись Кузнецкая, которая дает

довольно любопытные бытовые данные о внешней обстановке кузнецкой жизни, вероятно, в начале XIX века» [6, с. 56–57]. Исходя из вышеприведенной П. М. Головачевым характеристики кузнецкой летописи, видно, что речь идет о «Памятной исторической записке» Конюхова, которая являлась единственной городской летописью за всю историю города в XVII–XIX веках (про отсутствие летописи в городе в 1760 году, см. [18, с. 36]). К счастью, в годы лихолетья (в начале XX века) рукопись не пропала и сейчас находится в фондах научной библиотеки Томского государственного университета.

В 1861 году во всех губернских (областных) городах учреждались губернские (областные) статистические комитеты. Их главное назначение состояло «в исправном содержании местной административной статистики» (учет количества и качества земель, народонаселения и производительных сил губернии). Кроме того, на комитеты возлагалось составление «подробных описаний губерний и областей, равно как и частей оных, также городов и особенно почему-либо замечательных в губернии или области местностей, в отношении топографическом, историческом, промышленном и проч.» с изданием своих трудов [29, с. 347–348]. Во втором «необязательном» виде деятельности отчетливо прослеживаются краеведческие начала. Тем самым статистический комитет по положению закладывал фундамент основных направлений краеведения и региональных исследований в целом [36, с. 164].

Большое влияние на деятельность статистического комитета оказывала личность его секретаря, от идейных воззрений которого, заинтересованности в научной работе, долговременности пребывания в должности во многом зависела постановка краеведческой деятельности в губернии. В 1866 году секретарем Томского губернского статистического комитета был назначен известный в ученом мире этнограф, археолог и исследователь Сибири князь Н. А. Костров (1823–1881). Это стало тем счастливым случаем, когда должностные обязанности удачно совпадали с его увлечением сибирской стариной. Практически сразу по вступлению в должность Костровым были написаны исторические очерки, статьи по статистике городов губернии, в том числе и Кузнецка [19].

В 1879 году Н. А. Костров создает обобщающий историко-статистический очерк по городу Кузнецку [20]. В нем автор использует сведения Г. Ф. Миллера о построении острога, интерпретирует царские грамоты кузнецким воеводам, опубликованные в «Актах исторических»; привлекает опубликованные данные окладной книги 1655 года, а также материалы путешественника И. П. Фалька, миссионера В. Вербицкого, приводит статистические данные на 1877 год. Костров впервые ввел в оборот значительные фрагменты из летописи Конюхова, указав, что пользовался его «заметками».

В пореформенный период в Западной Сибири организуются местные научные общества. Первый опыт связан с созданием в 1868 году в Омске Общества исследователей Западной Сибири. Его учредители ставили цель сбора, обработки и распространение географических, статистических, этнографических, исторических и геологических сведений о Западной Сибири». Однако утвержденная его членами программа деятельности не была реализована, и к середине 70-х годов общество фактически прекратило свое существование [35, с. 18–19].

В 1877 году при всемерной поддержке генерал-губернатора Н. Г. Казнакова был учрежден Западно-Сибирский отдел Императорского русского географического общества (г. Омск). Местная интеллигенция и чиновничество активно включились в работу отдела. Интенсивность изучения региона значительно возросла. В первые годы ЗСОИРГО за свой счет снаряжал научные экспедиции и экскурсии преимущественно в закрепленные за ним районы, в первую очередь подлежащие обследованию [35, с. 23–33].

В 1878 и 1880 году для изучения переселенческого движения и сбора сведений о положении кочевых инородцев на Алтай совершил экспедиции один из активнейших общественных деятелей Сибири, чиновник Главного управления Западной Сибири Н. М. Ядринцев (1842–1894). Обратный маршрут Николая Михайловича проходил через Бийск, Кузнецк и далее в Томск. В путевом отчете первой экспедиции путешественник сожалел, что Кузнецкий бассейн, «не уступающий донецкому и заслуживший описание многих геологов, едва тронут» промышленными разработками. По пути

следования были собраны и привезены образцы «прекрасного антрацита» [47, с. 97].

Н. М. Ядринцевым были разработаны (при участии других членов отдела) краеведческие проекты: «Программа исследования сельской общины в Сибири» (1879), «Программа исследования инородцев Западной Сибири» (1880) и «Программа для исследования переселений». Указанные документы распространялись не только среди членов ЗСОИРГО, но и через губернаторов доставлялись окружным исправникам с предписанием предоставления в отдел затребованных сведений. Кроме того с целью доведения до каждого волостного правления публиковались в «Губернских ведомостях».

Возвращаясь из экспедиции в июле 1878 года, Ядринцев в с. Бачатском встретился с полицейским приставом Салаирского рудника, своим гимназическим другом – Д. А. Поникаровским. В 1880 году Ядринцев уже и перед экспедицией и после нее останавливался у него в с. Салаирском [30, с. 19–21].

Личность надворного советника Дмитрия Алексеевича Поникаровского (1841–1918) весьма примечательна в истории кузнецкого краеведения. Уроженец Томской губернии, 45 лет отдавший служению государству, в том числе на полицейских должностях, и при этом – внимательный исследователь, наблюдательный публицист, активный участник научно-просветительских обществ (ЗСОИРГО, «Общество любителей Алтая», «Общество попечения о начальном образовании»), автор наполненных глубокими чувствами сострадания воспоминаний о Н. М. Ядринцеве. Есть все основания полагать, что Поникаровский стоял у истоков кузнецкой журналистики. В 1882–1892 годах в газетах «Восточное обозрение» и «Томские губернские ведомости» им опубликовано (в том числе и под псевдонимами) не менее 50 корреспонденций из мест прохождения службы (Кузнецк, Мариинск, Салаирский рудник).

Поникаровский по инициативе своего товарища активно включился в работу ЗСОИРГО, в котором на 1 декабря 1880 года в составе членов из Кузнецкого края, кроме него, значились: врач Фердинанд Георгиевич Засс (Салаирский завод) и протоиерей Василий Иванович Вербицкий (Кузнецкий улус) [23].

По просьбе Ядринцева, Дмитрий Алексеевич составил подробное описание пяти сельских обществ Салаирской волости, указав их состав, способы пользования землей, устройство хозяйственных дел, статистические сведения. Данное описание, как наиболее полное, единственное из присланных ответов (около 150) на «Программу исследования сельской общины», было опубликовано [31]. В региональной историографии биография и творчество Д. А. Поникаровского долгое время не находили должного освещения, в связи с чем современная публикация его трудов без сомнения является своевременной и актуальной [32].

В 1881 и 1883 году по заданию ЗСОИРГО два путешествия на Алтай и за Саяны совершил этнограф, публицист и общественный деятель А. В. Адрианов (1854–1920). Целью первой экспедиции являлось всестороннее изучение геологии и сбора минералогических, ботанических (в том числе растительных остатков, сохранившихся в виде включений угольных пластов) и энтомологических коллекций. По пути в начальный пункт путешествия – улус Кузедеевский, Адрианов осмотрел угольные месторождения у д. Ново-Бачатской и Афониной, побывал в поселке закрытого Томского железодельного завода, поднялся по р. Кондоме, минуя инородческие деревни Осинники и Калтан и обратил внимание на местные выходы каменноугольных пластов. Далее путь пролегал к Телецкому озеру, вверх по р. Чулышман, через пограничный хребет Шаншал (ныне хребет Чихачева) – в верховья Енисея к конечному пункту путешествия – г. Минусинску.

Собранные Адриановым отпечатки растений у д. Афониной и Ново-Бачатской послужили, по заключению проф. Киевского университета И. Ф. Шмальгаузена (1883), новым доказательством того, что Кузнецкий бассейн принадлежит к юрской формации [2, с. 443].

Через два года А. В. Адрианов осуществил еще одно путешествие – по долинам рек Абакана и Томи. На этот раз маршрут был намечен от г. Минусинска, до которого Адрианов добирался вначале по земскому тракту «Томск – Мариинск», а далее по проселочной дороге, минуя деревни Серты, Пичугину с пересечением границы Красноярского уезда. Опубликованные путевые

дневники обеих экспедиций и этнографические заметки о шорцах (точнее о родах, живущих на реках Кондоме и Лебеди) и сойотах [2; 3] весьма информативны и остаются востребованными современной наукой.

А. В. Адрианов фактически закрепил в научном обороте понятие «Кузнецкий край», имея в виду «часть Томской губернии, по левую сторону верхнего течения р. Томи, орошаемый системой двух больших ее притоков – Мрассы и Кондомы» [1, с. 273], то есть район современной Горной Шории.

Путешествуя по Алтаю, Адрианов собирал сведения о разнообразных исторических памятниках древности («курганные насыпи, каменные бабы, рисунки и рунические письмена на скалах и курганных камнях»). При этом, по замечанию путешественника, «в Кузнецкой черни – по Кондоме, Лебеди и верхнему течению Бии, я не встречал никаких памятников и на расспросы о них получал отрицательные ответы» [2, с. 405]. Еще столетием ранее Кузнецкая воеводская канцелярия констатировала, что «в Кузнецке оставших развалин и городищ и о таковых древностях известий никаких не имеется» [28, с. 115].

Интерес русского населения к памятникам прошлого, оставленным древними обитателями Сибири, с самого начала освоения региона во многом был определен утилитарными потребностями повседневной жизни и нуждами кустарного производства. Разведчики богатств земных недр нередко по следам «чуждских» копей открывали жилы с высоким содержанием драгоценных металлов. К середине XVIII века стали очевидны отрицательные последствия деятельности бугровщиков. По сведениям Кузнецкой воеводской канцелярии, приведенным И. И. Шишковым в описании уезда (1742–1743), «в здешних местах в древних могилах старинные вещи дивные и ко изъяснению гистории весьма полезные находились, а ныне таких вещей не находится для того, что те древние могилы уже в прошедших годах все разрыты»; «горшков и кувшинов прежде находилось довольно, которые от незнания утрачены, а ныне не находится» [13, с. 190].

Между тем, земля Кузнецкая еще немало сохраняла в себе материальных остатков прежней жизнедеятельности населения. Так, отставным рядовым П. Е. Копыловым 30 марта 1882 года

в склоне горы близ городской черты был обнаружен клад серебряных монет. 1½ фунта серебра (1450 монет) он продал городскому голове А. К. Медникову, ¼ фунта – купцу Васильеву, оставшиеся у него еще 10 штук по требованию полицейского надзирателя представил в полицию [14, с. 56–57].

В октябре 1883 года кузнецким окружным исправником Поршенниковым были отправлены в Томск обнаруженные в округе различные древние предметы: 1) железная кольчуга, найденная крестьянином д. Чащинской Тарминской волости М. Некрасовым при распашке земли под посев, в 12 верстах от деревни, на мысу у речки Листвянки; 2) два медных сосуда, с тремя обломками от таких же сосудов, найденные крестьянином д. Колотовкиной Тарминской волости В. Асановым при распахивании земли, и перепроданные им за 2 рубля крестьянину д. Бархатовой той же волости Т.; 3) клык мамонта около 2 аршин длиной, найденный отставным рядовым Кузнецкой местной команды И. Соловьевым в обвале песчаной горы в русле реки Кондомы в 15 верстах от впадения в реку Томь; 4) 12 языческих кумиров, 3 тарелочки и 2 колеска, найденные в 1 версте от д. Егозовой Касьминской волости в берегу р. Ини, на 2 четверти от поверхности (при раскопке эти вещи найдены в стоячем положении, обращенными лицевой стороной на север) и приобретенные неизвестно от кого священником с. Кольчугинского Гурьевым за 2 рубля [14, с. 66–68; 72]. Указанные монеты и предметы древности поступили в музей Томского университета – первого в Сибири высшего учебного заведения.

Музейное строительство имеет большое значение для развития краеведческого движения, так как содействует трансформации процесса познания родного края из новации в традицию, обеспечивает сохранение и передачу накопленного исследовательского опыта [17, с. 47]. Своим основанием в 1882 году музей Томского университета обязан попечителю Западно-Сибирского учебного округа В. М. Флоринскому. В течение нескольких лет до учебного заведения (1888), исключительно путем частных пожертвований, Василием Марковичем было собрано и приведено в порядок более 4500 предметов, составлен каталог археологического и этнографического отделов [21, с. 261].

Кроме указанных выше предметов, в 1880-х годах в Кузнецком округе были обнаружены и доставлены в музей около 30 медных, бронзовых и железных археологических предметов (ножи, топоры, удила, кольчуги). К ним можно отнести и определенную часть тех изделий из железа (111 наименований), которые собраны «на пашнях и при земляных работах в Кузнецком, Барнаульском и Бийском округах» [43, с. 60–85].

Помимо археологической и этнографической, шло формирование ботанической, зоологической и минералогической коллекций музея, которые также пополнялись материалами из Кузнецкого округа. В январе 1885 года кузнецкий городской голова С. Е. Попов пожертвовал редкостные шкурки зверей: заячью черного цвета и белчью белого цвета; в мае того же года – обрубок окаменелого дерева. В феврале того же года от управляющего Салаирскими рудниками был получен ящик с коллекцией серебряных руд и пород из Салаирских рудников с образцами каменных углей и руд железных (всего 75 наименований) [14, с. 77–82].

Таким образом, в 1830–1880-х годах процесс осмысления истории города Кузнецка и его округа представителями местного сообщества сопровождался дальнейшим выявлением и накоплением фактических данных о древностях, полученных преимущественно путем полевого сбора материала (в результате научных экспедиций или при выполнении служебных обязанностей) и в меньшей степени – при обращении к архивным источникам. В социальном отношении лица, занимавшиеся в то время краеведческими изысканиями, относились в большинстве своем к местному чиновничеству. В опубликованных ими работах представлены многие свидетельства о прошлом Кузнецкого края, в том числе: присоединении к Российскому государству, организации воеводского управления, этнографии коренных жителей, повседневной жизни горожан и др. Практически одновременно краеведение в регионе конституируется в двух формах: в виде общественного («Томские губернские ведомости», И. С. Конюхов, ЗСОИРГО) и государственного (губернский статистический комитет, музей университета).

С открытием Императорского Томского университета (1888) расширились возможности проведения комплексных научных экспедиций

по обширным территориям Сибири, в том числе в Кузнецкий округ. На рубеже XIX–XX веков в Западной Сибири активизируется деятельность различных культурно-просветительных обществ, которые создавались, в том числе, и с целью удовлетворения формирующихся в среде местной ин-

теллигенции потребностей в историко-культурном знании. Краеведческие изыскания в регионе становятся систематическими и для современных социогуманитарных наук их результаты представляют ценность не только как источник, но и предмет историографических исследований.

Литература

1. Адрианов А. В. Кузнецкий край // Живописная Россия. – СПб.; М., 1884. – Т. 11. – С. 273–302.
2. Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году // Зап. Император. рус. географ. о-ва. – СПб., 1886. – Т. 11, вып. 2.
3. Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное летом 1883 года // Зап. Зап.-Сибир. отд. Император. рус. географ. о-ва. – Омск, 1888. – Кн. 8, вып. 2.
4. Ананьин Н. Копия с грамоты Михаила Федоровича // Том. губерн. вед. – 1860. – № 46, ч. неофиц.
5. Вербицкий В. Народные легенды кузнецких телеут о подданстве их России // Том. губерн. вед. – 1858. – № 29, ч. неофиц. – С. 230–232.
6. Головачев П. Ближайшие задачи исторического изучения Сибири // Журн. М-ва народ. просвещения. – 1902. – № 9. – С. 49–68.
7. Дмитриенко Н. М. Локальный метод и его использование в истории Сибири // Сибирь в составе России: сб. истор.-стат. мат.-лов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. – С. 54–62.
8. Добренский С. И. Рефлексия исторического краеведения и региональная история в российской историографии конца XX – начала XXI века // Краевед. исслед. (краеведение и местные сообщества). – Рязань, 2004. – Вып. 2. – С. 19–28.
9. Ермалаев А. Кузнецк: истор. очерк // Том. губерн. вед. – 1858. – № 34–36, ч. неофиц.
10. За-Ангарский Сибиряк. Кузнецкие инородцы // Том. губерн. вед. – 1858. – № 9, ч. неофиц. – С. 68–70.
11. За-Ангарский Сибиряк. Статейка для немногих // Том. губерн. вед. – 1858. – № 13, ч. неофиц.
12. Зап. Зап.-Сибир. отд. Император. рус. географ. о-ва. – Омск, 1882. – Кн. IV.
13. Историко-географические описания Верхнего Приобья и Прииртышья 1730–1740-х годов (по анкетам В. Н. Татищева): сб. док. / авт. вступ. ст. и археограф. справ. В. Б. Бородаев, А. В. Контев. – СПб.: Европ. дом, 2010. – 260 с.
14. История комплектования музейных коллекций Сибирского (Томского) университета в документах // Том. музеи: сб. док. и ст. / под ред. С. Ф. Фоминых, Э. И. Черняка. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010.
15. Кабанов К. А. Краеведческие общества Западной Сибири (с XIX века до 1930-х годов). – Кемерово: [б. и.], 2001. – 308 с.
16. Каменецкий И. П. Легенды и сказания о защитниках и покровителях Кузнецкой земли: к вопросу о возникновении, идентификации и достоверности локальных летописных источников // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX веков: сб. науч. тр. – Новосибирск, 2004. – С. 261–268.
17. Киселев А. В. Из истории российского и сибирского краеведения // Культуролог. исслед. в Сибири. – 2005. – № 1. – С. 41–50.
18. Конюхов И. С. Кузнецкая летопись / публ. М. М. Кушникова, В. В. Тогулев. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1995. – 184 с.
19. Костров Н. А. Город Кузнецк // Том. губерн. вед. – 1866. – № 45–47, ч. неофиц.
20. Костров Н. А. Город Кузнецк (Истор.-стат. очерк) // Том. губерн. вед. – 1879. – № 39–43, 45, 51; 1880. – № 3, ч. неофиц.
21. Крат. истор. очерк Том. ун-та за первые 25 лет его существования (1888–1913). – Томск: Тип. Сибир. т-ва печат. дела, 1917. – 544 с.
22. Кушникова М. М., Тогулев В. В. Загадки провинции. «Кузнецкая орбита» Федора Достоевского в документах сибирских архивов. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1996. – 472 с.
23. Личный состав членов Зап.-Сибир. отд. Император. рус. географ. о-ва к 1 дек. 1880 года // Зап. Зап.-Сибир. отд. Император. рус. географ. о-ва. – Омск, 1880. – Кн. 11. – С. 1–4.
24. Мат.-лы для истории Сибири. Сбор. кн. ясаку 1692 года // Том. губерн. вед. – 1864. – № 13–14, ч. неофиц.
25. Мирзоев В. Г. Историография Сибири: 1-я пол. XIX века. – Кемерово: Кемеров. книж. изд-во, 1965. – 290 с.

26. Науч. б-ка Том. гос. ун-та. Отд. рукоп. и книж. пам. В. 784. Выписки из старин. стб. (свитков) Кузнецкого арх. при окруж. и зем. суде находившиеся и впоследствии отосланные в Археограф. комис.
27. О. П. Дополнение к истор. очерку города Кузнецка // Том. губерн. вед. – 1858. – № 39–40, ч. неофиц.
28. Ответы Кузнецкой воеводской канцелярии на анкету Г. Ф. Миллера 1760 года // Кузнецкая старина. – Новокузнецк, 2006. – Вып. 8. – С. 112–115.
29. Положение о губернских и областных статистических комитетах // Том. губерн. вед. – 1861. – № 46, ч. неофиц. – С. 347–350.
30. Поникаровский Д. А. Воспоминания о Николае Михайловиче Ядринцеве. – Иркутск, 1896. – 26 с.
31. Поникаровский Д. А. Сельские общества Салаирской волости (в Кузнецком округе Томской губернии) // Зап. Зап.-Сибир. отд. Император. рус. географ. о-ва. – Омск, 1882. – Кн. IV. – С. 1–58.
32. Поникаровский Д. А. Соч. по истории земли Кузнецкой / сост., авт. вст. ст. и коммент. А. Н. Ермолаев. – Кемерово: ИНТ, 2007. – 272 с.
33. Протоколы заседаний археограф. комис. – СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1885. – Вып. 1: (1835–1840). – 636 с.
34. Сб. кн. Хилкова. – СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1879. – 629 с.
35. Сколобан И. А. Из истории краеведения Западной Сибири. Зап. Зап.-Сибир. отд. Император. рус. географ. о-ва (ЗСОИРГО) // Отечество: Краевед. альм. – М.: Отечество, 1995. – С. 14–33.
36. Скопа В. А. Вклад Томского губернского статистического комитета в развитие исторического краеведения в губернии во второй половине XIX века // Пятые науч. чтения памяти Ю. С. Булыгина: сб. науч. тр. – Барнаул: Аз Бука, 2009. – С. 163–164.
37. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. – М.: Тип. Л. Семена, 1838. – Кн. 1. – XXX, 589 с.
38. Спаский Г. И. О чудских копиях Сибири // Сибир. вестн. – 1819. – Ч. 7. – С. 1–20, 123–161.
39. Список с кузнецких окладных книг 1655 года // Том. губерн. вед. – 1863. – № 26, ч. неофиц.
40. Том. губерн. вед. – 1869. – № 30–33, 35, 37–42, 44–47, 49–51; 1870. – № 1–5, 7–13, 16–19, ч. неофиц.
41. Том. губерн. вед. – 1889. – № 42, ч. неофиц.
42. Фадеев К. В. Складывание исторического краеведения в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX века // III Науч. чтения памяти Ю. С. Булыгина: сб. науч. тр. – Барнаул: Аз Бука, 2005. – С. 167–174.
43. [Флоринский В. М.] Археолог. музей Том. ун-та. – Томск: Тип. Михайлова и Макушина, 1888. – XVI, 155 с.
44. Шаблин А. А. Краеведение и провинциальная историография в изучении русской провинции // Краеведение в России: История. Современное состояние. Перспективы развития. – М.: Московское общество краеведов, 2004. – С. 178–184.
45. Юрченко Ав. Об иероглифах по реке Томи // Том. губерн. вед. – 1858. – № 18, ч. неофиц. – С. 142–143.
46. Юрченков В. А. Региональная историография: российский опыт // Регионология. – 1993. – № 1. – С. 96–106.
47. Ядринцев Н. М. Поездка по Западной Сибири и в Горный Алтайский округ // Зап. Зап.-Сибир. отд. Император. рус. географ. о-ва. – Омск, 1880. – Кн. 11.

References

1. Adrianov A.V. Kuznetskii kraj [Kuznetsk region]. *Zhivopisnaia Rossiia [Picturesque Russia]*. Saint-Petersburg, Moscow, 1884, vol. 11, pp. 273–302. (In Russ.)
2. Adrianov A.V. Puteshestvie na Altai i za Saiany, sovershennoe v 1881 godu [Journey to the Altai and Sayan committed in 1881]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva [Notes of the Imperial Russian Geographical Society]*. Saint-Petersburg, 1886, vol. 11, iss. 2. (In Russ.)
3. Adrianov A.V. Puteshestvie na Altai i za Saiany, sovershennoe letom 1883 goda [Journey to the Altai and Sayan committed in 1883]. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva [Notes West Siberian division of the Imperial Russian Geographical Society]*. Omsk, 1888, vol. 8, iss. 2. (In Russ.)
4. Anan'in N. Kopia s gramoty Mikhaila Fedorovicha [A copy of the letters of Mikhail Fedorovich]. *Tomskie gubernskie vedomosti [Tomsk Provincial Gazette]*, 1860, no 46, ch. neofits. (In Russ.)
5. Verbitskii V. Narodnye legendy kuznetskikh teleut o poddanstve ikh Rossii [Folk legends Kuznetsk Teleut of their Russian citizenship]. *Tomskie gubernskie vedomosti [Tomsk Provincial Gazette]*, 1858, no 29, ch. neofits., pp. 230–232. (In Russ.)
6. Golovachev P. Blizhaishie zadachi istoricheskogo izucheniia Sibiri [The next task of the historical study of Siberia]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia [Journal of the Ministry of Public Education]*, 1902, no 9, pp. 49–68. (In Russ.)
7. Dmitrienko N.M. Lokal'nyi metod i ego ispol'zovanie v istorii Sibiri [Local method and its use in the history of Siberia]. *Sibir' v sostave Rossii [Siberia with Russia]*. Tomsk, Tomsk State University Publ., 1999, pp. 54–62. (In Russ.)

8. Dobren'kii S.I. Refleksii istoricheskogo kraevedeniia i regional'naia istoriia v rossiiskoi istoriografii kontsa XX – nachala XXI veka [Reflection local history and regional history in the Russian historiography of the late XX – early XXI century]. *Kraevedcheskie issledovaniia (kraevedenie i mestnye soobshchestva) [Study of Local Lore (study of local lore and the local communities)]*. Riazan', 2004, iss. 2, pp. 19–28. (In Russ.).
9. Ermalaev A. Kuznetsk. Istoricheskii ocherk [Kuznetsk. historical Sketch]. *Tomskie gubernskie vedomosti [Tomsk Provincial Gazette]*, 1858, no 34–36, ch. neofits. (In Russ.).
10. Za-Angarskii Sibiriak. Kuznetskie inorodtsy [Kuznetsk inorodtsy]. *Tomskie gubernskie vedomosti [Tomsk Provincial Gazette]*, 1858, no 9, ch. neofits., pp. 68–70. (In Russ.).
11. Za-Angarskii Sibiriak. Stateika dlia nemnogikh [Article for the few]. *Tomskie gubernskie vedomosti [Tomsk Provincial Gazette]*, 1858, no 13, ch. neofits. (In Russ.).
12. Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva [Notes West Siberian division of the Imperial Russian Geographical Society]. Omsk, 1882, vol. IV. (In Russ.).
13. Istoriko-geograficheskie opisaniia Verkhnego Priob'ia i Priirtysh'ia 1730–1740-kh godov (po anketam V.N. Tatishcheva) [Historical and geographical descriptions of the Upper Ob and Irtysh 1730–1740-ies (for profiles V.N. Tatishchev)]. Avtor vstupitel'noi stat'i i arkhograficheskoi spravki V.B. Borodaev, A.V. Kontev. Saint-Petersburg, Evropeiskii dom Publ., 2010. 260 p. (In Russ.).
14. Istoriia komplektovaniia muzeinykh kollekt sii Sibirskogo (Tomskogo) universiteta v dokumentakh [History of acquisition of museum collections Siberian (Tomsk) University in documents]. *Tomskie muzei [Tomsk museums]*. Editors S.F. Fominykh, E.I. Cherniak. Tomsk, 2010. (In Russ.).
15. Kabanov K.A. Kraevedcheskie obshchestva Zapadnoi Sibiri (s XIX veka do 1930-kh godov) [Local history society in Western Siberia (from the XIX century to the 1930s.)]. Kemerovo, 2001. 308 p. (In Russ.).
16. Kamenetskii I.P. Legendy i skazaniia o zashchitnikakh i pokroviteliakh Kuznetskoi zemli: k voprosu o vozniknovenii, identifikatsii i dostovernosti lokal'nykh letopisnykh istochnikov [Legends and stories about the defender and protector of the Kuznetsk land: the question of the origin, identification and authenticity of the local chronicle sources]. *Problemy social'no-ekonomicheskogo i kul'turnogo razvitiia Sibiri XVII–XX vekov [Problems of socio-economic and cultural development of Siberia XVII–XX centuries]*. Novosibirsk, 2004, pp. 261–268. (In Russ.).
17. Kiselev A.V. Iz istorii rossiiskogo i sibirskogo kraevedeniia [From the history of the Russian and Siberian Local History]. *Kul'turologicheskie issledovaniia v Sibiri [Cultural studies in Siberia]*, 2005, no 1, pp. 41–50. (In Russ.).
18. Koniukhov I.S. Kuznetskaia letopis' [Kuznetsk chronicle]. Publ. M.M. Kushnikova, V.V. Togulev. Novokuznetsk, Kuznetskaia krepost' Publ., 1995. 184 p. (In Russ.).
19. Kostrov N.A. Gorod Kuznetsk [City Kuznetsk]. *Tomskie gubernskie vedomosti [Tomsk Provincial Gazette]*, 1866, no 45–47, ch. neofits. (In Russ.).
20. Kostrov N.A. Gorod Kuznetsk (Istoriko-statisticheskii ocherk) [City Kuznetsk (Historical and statistical essay)]. *Tomskie gubernskie vedomosti [Tomsk Provincial Gazette]*, 1879, no 39–43, 45, 51; 1880, no 3, ch. neofits. (In Russ.).
21. Kratkii istoricheskii ocherk Tomskogo universiteta za pervye 25 let ego sushchestvovaniia (1888–1913 gody) [A brief historical sketch of Tomsk State University for the first 25 years of its existence]. Tomsk, 1917. 544 p. (In Russ.).
22. Kushnikova M.M., Togulev V.V. Zagadki provintsii. "Kuznetskaia orbita" Fedora Dostoevskogo v dokumentakh sibirskikh arkhivov [Mysteries of the province. "Kuznetsk orbit" by Fyodor Dostoevsky in documents Siberian archives]. Novokuznetsk, Kuznetskaia krepost' Publ., 1996. 472 p. (In Russ.).
23. Lichniy sostav chlenov Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva k 1-mu dekabria 1880 goda [The personnel of the members of the Legislative Council of West Siberian division of the Imperial Russian Geographical Society to the 1st December 1880]. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva [Notes of West Siberian division of the Imperial Russian Geographical Society]*. Omsk, 1880, vol. 11, pp. 1–4. (In Russ.).
24. Materialy dlia istorii Sibiri. Sbornaia kniga iasaku 1692 goda [Materials for the History of Siberia. National team book jasaku 1692]. *Tomskie gubernskie vedomosti [Tomsk Provincial Gazette]*, 1864, no 13–14, ch. neofits. (In Russ.).
25. Mirzoev V.G. Istoriografiia Sibiri: 1-ia polovina XIX veka [Historiography Siberia: 1st half of the XIX century]. Kemerovo, 1965. 290 p. (In Russ.).
26. Nauchnaia biblioteka Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Otdel rukopisei i kniznykh pamiatnikov. V. 784. Vypiski iz starinnykh stolbtsov (svitkov) Kuznetskogo arkhiva pri okruzhnom i zemskom sude nakhodivshiesia i vposledstvii otoslannye v Arkheograficheskuiu komissiiu". (In Russ.).

27. O. P. Dopolnenie k istoricheskomu ocherku goroda Kuznetska [Addition to historical sketches of Kuznetsk]. *Tomskie gubernskie vedomosti [Tomsk Provincial Gazette]*, 1858, no 39–40, ch. neofits. (In Russ.).
28. Otvety Kuznetskoi voevodskoi kantseliarii na anketu G.F. Millera 1760 goda [Answers Kuznetsk Provincial Office of the questionnaire GF Miller 1760]. *Kuznetskaia starina [Kuznetsk old]*. Novokuznetsk, 2006, iss. 8, pp. 112–115. (In Russ.).
29. Polozhenie o gubernskikh i oblastnykh statisticheskikh komitetakh [Regulations on the provincial and regional statistical committees]. *Tomskie gubernskie vedomosti [Tomsk Provincial Gazette]*, 1861, no 46, ch. neofits., pp. 347–350. (In Russ.).
30. Ponikarovskii D.A. Vospominaniia o Nikolae Mikhailoviche Iadrintseve [Memories of Nikolai Mikhailovich Yadrintseva]. Irkutsk, 1896. 26 p.
31. Ponikarovskii D.A. Sel'skie obshchestva Salairskoi volosti (v Kuznetskom okruge Tomskoi gubernii) [Rural society Salair parish (in the Kuznetsk district of Tomsk province)]. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva [Notes of West Siberian division of the Imperial Russian Geographical Society]*. Omsk, 1882, kn. IV, pp. 1–58. (In Russ.).
32. Ponikarovskii D.A. Sochineniia po istorii zemli Kuznetskoi [Works on the history of Kuznetsk land]. Sostavitel', avtor vstupil'noi stat'i i kommentariiev A.N. Ermolaev. Kemerovo, INT Publ., 2007. 272 p. (In Russ.).
33. Protokoly zasedanii arkhograficheskoi komissii [Minutes of meetings of the Archaeological Commission]. Saint-Petersburg, 1885, vyp. 1 (1835–1840). 636 p. (In Russ.).
34. Sbornik kniazia Khilkova [Collection of Prince Khilkov]. Saint-Petersburg, 1879. 629 p. (In Russ.).
35. Skoloban I.A. Iz istorii kraevedeniia Zapadnoi Sibiri. Zapadno-sibirskii otdel Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva [History of Local History of Western Siberia. Western Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society]. *Otechestvo: Kraevedcheskii al'manakh [Fatherland: the Local Lore Almanac]*. Moscow, Otechestvo Publ., 1995, pp. 14–33. (In Russ.).
36. Skopa V.A. Vklad Tomskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta v razvitie istoricheskogo kraevedeniia v gubernii vo vtoroi polovine XIX veka [The contribution of Tomsk Regional Committee in the development of local history in the province in the second half of the XIX century]. *Piatye nauchnye chteniia pamiati Iu.S. Bulygina [Fifth scientific readings memory Y.S. Bulygina]*. Barnaul, 2009, pp. 163–164. (In Russ.).
37. Slovtsov P.A. Istoricheskoe obozrenie Sibiri [Historical review of Siberia]. Moscow, 1838, vol. 1, XXX, 589 p. (In Russ.).
38. Spasskii G.I. O chudskikh kopiakh Sibiri [About Chud mines of Siberia]. *Sibirskii vestnik [Siberian Vestnik]*, 1819, ch. 7, pp. 1–20, 123–161. (In Russ.).
39. Spisok s kuznetskikh okladnykh knig 1655 goda [List of Kuznetsk with the accountant books 1655]. *Tomskie gubernskie vedomosti [Tomsk Provincial Gazette]*, 1863, no 26, ch. neofits. (In Russ.).
40. Tomskie gubernskie vedomosti [Tomsk Provincial Gazette], 1869, no 30–33, 35, 37–42, 44–47, 49–51; 1870, no 1–5, 7–13, 16–19, ch. neofits. (In Russ.).
41. Tomskie gubernskie vedomosti [Tomsk Provincial Gazette], 1889, no 42, ch. neofits. (In Russ.).
42. Fadeev K.V. Skladyvanie istoricheskogo kraevedeniia v Tomskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [Folding of local history in the Tomsk province in second half XIX – early XX century]. *III Nauchnye chteniia pamiati Iu.S. Bulygina [III Scientific Readings memory Y.S. Bulygina]*. Barnaul, Az Buka Publ., 2005, pp. 167–174. (In Russ.).
43. Florinskii V.M. Arkheologicheskii muzei Tomskogo universiteta [Archaeological Museum of Tomsk State University]. Tomsk, 1888, XVI, 155 p. (In Russ.).
44. Shablin A.A. Kraevedenie i provintsial'naia istoriografiia v izuchenii russkoi provintsii [Local history and historiography in the study of provincial Russian province]. *Kraevedenie v Rossii: Istoriia. Sovremennoe sostoianie. Perspektivy razvitiia [Local studies in Russian History. Modern state. prospects of development]*. Moscow, Moskvovedenie Publ., 2004, pp. 178–184. (In Russ.).
45. Iurchenko Av. Ob ieroglifakh po reke Tomi [On the hieroglyphs on the river Tom]. *Tomskie gubernskie vedomosti [Tomsk Provincial Gazette]*, 1858, no 18, ch. neofits., pp. 142–143. (In Russ.).
46. Iurchenkov V.A. Regional'naia istoriografiia: rossiiskii opyt [Regional historiography: Russian Experience]. *Regionologiya [Regionology]*, 1993, no 1, pp. 96–106. (In Russ.).
47. Iadrintsev N.M. Poezdka po Zapadnoi Sibiri i v Gornyi Altaiskii okrug [A trip to Western Siberia and Altai Mountain District]. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva [Notes of West Siberian division of the Imperial Russian Geographical Society]*. Omsk, 1880, vol. 11. (In Russ.).

УДК 316.7:379.822

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ИНВАЛИДОВ В МУЗЕЙНОЙ СРЕДЕ

Булгакова Виолетта Владимировна, соискатель, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (Кемерово, РФ). E-mail: violet-bul@yandex.ru

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме доступности историко-культурного наследия для людей с ограниченными возможностями здоровья. Одним из практических направлений работы любого учреждения социального и культурного назначения должно быть оказание услуг по организации досуга для лиц, нуждающихся в социокультурной реабилитации и адаптации в обществе. Целью данной статьи является изучение российского и зарубежного опыта использования средств музейной коммуникации в работе с людьми, имеющими инвалидность. Автором предложен комплекс рекомендаций по обеспечению доступа к основным музейным экспозициям, по проведению культурно-образовательной работы с учетом физических, сенсорных и ментальных ограничений посетителей музея. Особого внимания, по мнению автора, в работе с посетителями с различными отклонениями здоровья требует вопрос переосмысления традиционных представлений о способах презентации музейной информации, выработки новых форм интерпретации экспозиционного материала. Совершенствование системы социально-культурной интеграции инвалидов средствами музеев предполагает углубленное изучение проблем различных категорий инвалидов и их потребностей в тех или иных видах музейной деятельности; разработку системы показателей эффективности их реализации; актуализирует задачу подготовки соответствующих кадров.

Ключевые слова: музейная коммуникация, социализация лиц с ограниченными возможностями, безбарьерная среда, доступность музейных объектов.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF SOCIOCULTURAL INTEGRATION OF DISABLED PEOPLE IN THE MUSEUM ENVIRONMENT

Bulgakova Violetta Vladimirovna, Competitor, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: violet-bul@yandex.ru

The article examines the experience of Russian and foreign museums, addressed to visitors with disabilities. This article contains the author's recommendations on the inclusion of persons with disabilities in the process of museum communication. Adaptation of this group of visitors to the conditions of modern life through a variety of cultural practices is increasingly understood by museums as one of the important activities to create a barrier-free environment.

Social specificity of disability is in spatially environmental, informational, psychological, communicative and other barriers that prevent people with various health disabilities to be actively involved in society and participate fully in it. Currently, there is no deep scientific research on the practical implementation of the sociocultural, recreational and rehabilitation technologies in the museum for people with different types of disability. This perspective is relevant, the question of availability of basic expositions of Russian museums for visitors with disabilities remains controversial to this day.

Dealing with organizational and methodological problems for the successful inclusion of people with disabilities in social and cultural environment of a museum, the author devotes considerable importance to the following issues: the availability of spatial environment of the museum, museum specialists with professional readiness to interact with disabled people, social partnership of a museum with social security authorities, public

and charitable organizations. Special attention, according to the author, the work with the visitors with various health disabilities requires rethinking the traditional ideas about the presentation of museum information and development of new forms of interpretation of the material exposure.

To achieve these goals, the museum can choose from the following course of action on the sociocultural rehabilitation. Firstly, the cognitive effect, which is focused on the acquisition by persons with disabilities of knowledge, concepts of historical and cultural heritage. Secondly, such direction as the organization and provision of meaningful leisure time at the museum needs special attention.

And thirdly, one of the components of museum communication may make a remedial developmental impact, which is aimed at compensation or correction of problems in development.

Keywords: museum communication, socialization of persons with disabilities, barrier-free environment, the availability of museum objects.

В настоящее время в российском обществе все большую актуальность приобретает решение проблем социокультурной интеграции граждан с ограниченными возможностями здоровья. В 2008 году вступил в силу важнейший международный документ – Конвенция ООН о правах инвалидов, одобренная Генеральной Ассамблеей ООН. Конвенция призывает страны к решению задач безбарьерной среды – системы физической доступности для инвалидов общественных зданий, культурных мест отдыха, спортивных сооружений, транспорта. Российская Федерация ратифицировала этот документ в 2009 году. Это послужило стимулом к совершенствованию законодательства России в названной сфере, была принята государственная программа «Доступная среда». Задачами данной программы являются разработка нормативно-правовых документов, обеспечение условий доступности объектов социальной инфраструктуры, создание благоприятных условий для интеграции инвалидов в общество, повышение качества и уровня их жизни.

В Российской Федерации инвалиды, составляющие одну из многочисленных социально незащищенных групп насчитывают 13,2 млн человек, что составляет более 9 % населения страны. Вследствие целого ряда экологических, экономических, социально-политических и других причин, усиления социальной напряженности в обществе приведенные цифры имеют устойчивую тенденцию к росту [17, с. 5].

На сегодняшний день лишь в некоторых центральных регионах России реализуются комплексные городские программы, которые направлены на улучшение качества разных сфер жизни людей с ограниченными возможностями путем развития устойчиво функционирующей систе-

мы услуг. Тем не менее принципы полноценной жизни и равных возможностей для инвалидов медленно, но неуклонно начинают утверждаться в сознании людей. Мы убеждены, что одним из практических направлений работы любого учреждения социального и культурного назначения должно быть оказание услуг по организации досуга для лиц, нуждающихся в социокультурной реабилитации и адаптации в обществе. К сожалению, до недавнего времени сфера социально-культурной реабилитации инвалидов в кругах специалистов музейного дела не считалась самоценной и самодостаточной. Поэтому сегодня мы имеем дело с барьером, который стал серьезным тормозом для развития социально-культурного потенциала музея. Понимание актуальности проблемы определило цель данной статьи – изучить культурные практики, реализуемые в некоторых российских музеях для посетителей с различными типами инвалидности и разработать комплекс рекомендаций по эффективному включению данной категории в процесс музейной коммуникации.

Анализ научных публикаций по проблеме инвалидности в исторической ретроспективе дает нам основания выявить ряд противоречивых этапов в отношении к проблеме инвалидности – начиная от физического уничтожения, отторжения и изоляции «неполноценных членов» до признания необходимости интеграции лиц с различными физическими дефектами, патофизиологическими синдромами и психосоциальными нарушениями в общество, создания для них безбарьерной среды [15; 18].

Особенности интеграции, реабилитации и адаптации инвалидов применительно к социокультурной среде и культурно-досуговой деятельности исследовали Н. Н. Галкин, О. Г. Злобина,

М. П. Коновалова, Ю. С. Моздокова, Л. Ю. Савина, Л. В. Усова и др. исследователи [7; 9; 13]. В современной практике ученые выделяют разные подходы к вопросу социокультурной реабилитации и адаптации инвалидов в современном обществе. По мнению Ю. С. Моздоковой, существующая сегодня в России система различного вида реабилитаций, в том числе и социально-культурной, сводится к проведению некоторыми учреждениями культуры отдельных мероприятий. Идеи интеграции в общество людей с ограниченными возможностями не стали действительной концепцией реабилитации. Одним из концептуальных инновационных положений социально-культурного развития личности является так называемая философия независимого образа жизни, являющаяся более совершенным направлением, чем реабилитация. Основной системообразующий фактор в ней – понятие «социальной независимости» инвалида, под которой подразумевается не столько приспособление или компенсация тех или иных видов имеющейся у человека социальной недостаточности, сколько активное, творческое ее преодоление. Данная концепция отражает назревшие потребности в новом теоретическом осмыслении проблемы реабилитации инвалидов, в разработке более эффективных методов и технологий деятельности учреждений и специалистов [16, с. 6].

В ходе исследования нами был изучен зарубежный опыт использования музейных средств в целях социокультурной реабилитации и адаптации инвалидов. Во многих европейских странах в соответствии с законодательством и в значительной мере на практике, инвалиды – та категория, которая имеет доступ к основным культурным ценностям, что и здоровые люди [15]. Одно из первых упоминаний о социокультурной реабилитации инвалидов в европейских музеях связано с именем Мориса Сизерана (Франция, на рубеже XIX–XX веков). Стараниями М. Сизерана в одном из престижных районов Парижа был открыт Дом слепых. В здании разместилась специализированная библиотека, типография и музей им. Л. Брайля, обладавший богатым собранием разноязычной художественной литературы, учебных и методических пособий, различных технических устройств (см. [15]). В 1845 году был создан Музей искусств для слепых в Ганновере

(Германия). В настоящее время в музее насчитывается более 6000 экспонатов, каждый из которых доступен для тактильного осмотра.

В России давние традиции работы музея с посетителями с особыми потребностями связаны с Государственной Третьяковской галереей. В период 1913–1925 годов директор музея И. Э. Грабарь дает разрешение профессору, невропатологу и психиатру Г. И. Россолимо для проведения занятий со своими пациентами в залах музея. Россолимо приходил с небольшой группой детей незадолго до открытия галереи. Во время пребывания в музее профессор вел наблюдения, к каким картинам испытывает интерес тот или иной ребенок. Для профессора было важно поддержать и развить этот интерес. Известный московский педиатр Николай Алексеевич Скворцов, практиковавший в Софийской больнице, утверждал, что «результаты, спустя годы после музейного курса Г. И. Россолимо были явственно ощутимы» (см. [14, с. 19]). Следовательно, Г. И. Россолимо был одним из родоначальников метода применения художественной деятельности для психокоррекции детей с нарушениями развития, который впоследствии получил название «арт-терапия». Наряду с Г. И. Россолимо у истоков социокультурной интеграции и адаптации музейными средствами стоял В. П. Кащенко, советский дефектолог, один из первых организаторов высшего дефектологического образования и научно-исследовательской работы в области дефектологии. В. П. Кащенко пропагандировал идею объединения усилий различных наук в помощь детям с ограниченными возможностями здоровья [11].

Изучая российский опыт практической деятельности по включению людей, имеющих ограниченные возможности здоровья в социокультурную среду музея в начале XX века, можно сделать следующие выводы. Данное направление работы не носило в музеях целенаправленного характера. Этим занимались в основном специалисты в области дефектологии и лечебной педагогики. Опираясь на свои профессиональные знания и интуицию, учитывая идеи известных русских педагогов того времени, они вводили в коррекционную программу обязательное посещение музеев, тем самым делая шаги по преодолению социальной изоляции, по включению детей с особыми

потребностями в культурную жизнь общества. Занятия в музейной среде были направлены на формирование визуального мышления, эмоциональной сферы, тактильной чувствительности. В используемых методах прослеживаются элементы различных подходов работы с музейной аудиторией – просветительский, досуговый, психотерапевтический.

Анализ современных источников показал, что в музееведческой литературе не раз затрагивались вопросы культурно-образовательной деятельности музея. В конце XX века в музейную практику прочно вошло такое понятие как «музейная педагогика». Это нашло отражение в работах Б. А. Столярова, М. Ю. Билалова, М. Ю. Юхневич, В. М. Ахунова [1, 2, 23, 27]. Совсем недавно стали появляться исследования, посвященные отдельным категориям музейных посетителей. Например, в диссертации Ю. Г. Дерябиной рассматривается социально-культурная деятельность музея как фактор формирования духовно-нравственных качеств молодежи [8]. Развитию ценностных ориентаций подростков в условиях музейной среды посвящена работа В. А. Веденкиной [5]. Взаимодействие с семейной аудиторией в музеях Западной Сибири в конце XX – начале XXI века стало предметом изучения диссертации О. В. Сидоровой [21].

По существу до сих пор отсутствуют достаточно глубокие научные разработки по практическому внедрению культурно-образовательных и социально ориентированных методик и технологий для детей, подростков и взрослых с различными типами инвалидности в музейную среду. В связи с этим необходима развернутая практическая разработка социально-культурных, досуговых и реабилитационных технологий в музее, которые помогали бы инвалидам активно и полноценно осваивать микро- и макросреду, включаться в те или иные виды социально-культурной деятельности музея. По мнению Е. А. Богатырева, «современный музей призван транслировать культурную информацию в максимально востребованном посетителями виде, позволяя различным социальным группам овладевать разнообразными способами получения и творческого использования информации» [3, с. 6].

В аспекте нашего исследования особенно важна мысль О. В. Платоновой и Н. Ю. Жвити-

ашвили о том, что «именно музеи, как социокультурные институты вносят значимый вклад в дело адаптации людей с ограниченными возможностями в современной среде путем приобщения к историко-культурному опыту человечества. Появление новых форм работы с посетителями обогащает диапазон интерпретаций классического наследия, что порождает, в свою очередь, и проблему выбираемого «музейной языка», генеалогия которого восходит к «праязыкам» (визуальному и акустическому способам передачи информации). Совокупность самых разнообразных переживаний, размышлений, ассоциаций, которые человек получает в эстетической атмосфере музея, делает искусство уникальным средством экзистенциальной поддержки человека. Встречаясь с иным опытом, отраженным в художественных произведениях, откликаясь на него, человек открывает для себя не только внутренний мир другого индивида, но и узнает свои чувства, эмоции, возникающие при непосредственном восприятии музейных объектов» [19, с. 35].

Теме социокультурной реабилитации инвалидов в музейной среде за последние десятилетия было посвящено лишь несколько работ. В 2000 году было издано учебное пособие О. В. Платоновой, Н. Ю. Жвитиашвили «Арттерапия в художественном музее». Оно адресовано студентам гуманитарно-художественных вузов, школьным психологам и музейным сотрудникам, специализирующимся в работе с дезадаптированными детьми. Акцент в данной работе делается лишь на одном из методов психологической работы – арттерапии, использующий возможности искусства для личностного развития человека с ограничениями и без них. В пособии представлены реализованные проекты, направленные на социальную адаптацию детей с психическими нарушениями, слабовидящими и слабослышащими в условиях Государственного Русского музея. Обязательным условием проведения представленных арттерапевтических программ является активное участие психолога или психотерапевта в работе с группой [19].

Сотрудники Государственного Дарвиновского музея совместно со специалистами института профессиональной реабилитации и подготовки персонала Всероссийского общества слепых «Реакомп» разработали и внедрили методику социо-

культурной реабилитации инвалидов музейными средствами. В виде методического пособия она вышла в свет в 2005 году. В пособие вошли рекомендации по обеспечению доступа к основным экспозициям, по проведению экскурсий с учетом тех или иных физических, сенсорных и ментальных ограничений посетителей, по обучению персонала грамотному и тактичному взаимодействию с инвалидами [4]. Сотрудники музея «Огни Москвы» разработали методическое пособие «К вам в музей пришли особые дети». Но данное пособие также включает лишь методику проведения экскурсий для детей, имеющих интеллектуальные нарушения [10, с. 36].

Здесь важно отметить, что для успешного включения детей и взрослых с различными типами инвалидности в социокультурную среду музея, необходимо решение комплекса организационных и методологических задач. На основании изученной литературы и практической деятельности музеев разных профилей для решения вышеназванных задач нами были разработаны следующие рекомендации. Во-первых, привлечение данной категории посетителей в музей. Во-вторых, мониторинг музейной площади на предмет готовности принять ту или иную категорию инвалидов в музее. В-третьих, психологическая и профессиональная переподготовка музейных кадров для работы с посетителями с особыми возможностями. И, в-четвертых, выбор социокультурных реабилитационных технологий для работы с инвалидами на музейных экспозициях. Рассмотрим подробнее основные этапы их реализации.

На этапе подготовки по привлечению потенциальных посетителей с ограниченными возможностями, нужно определить, какие в городе, где находится музей, существуют коррекционные образовательные учреждения для них (всего их восемь видов). В России много лет действует система специальных образовательных учреждений, созданных для обучения детей с нарушением слуха, зрения, опорно-двигательного аппарата, тяжелыми нарушениями речи, эмоционально-волевой сферы и поведения, с умственной отсталостью. Примером такого сотрудничества можно назвать музей Мирового океана и школу-интернат для слабовидящих детей (г. Калининград). В Эрмитаже эта работа строится на тесном взаимодействии со специальными коррекционными

школами [26, с. 92]. Необходимо также иметь в виду, что есть часть детей-инвалидов, которая исключена из системы образования, поскольку им отказывают в приеме в коррекционные школы по причине невозможности освоения программ этих школ. Как правило, это дети с нарушением умственного развития, находящиеся в домах-интернатах системы социальной защиты населения. Они лишены каких-либо образовательных услуг и фактически изолированы от общества. Если музеем запланирована организация работы со взрослыми людьми, имеющими инвалидность, здесь будет полезной информация об учреждениях стационарного социального обслуживания. К ним относятся: дома-интернаты, психоневрологические интернаты, реабилитационные центры, социально-оздоровительные центры. Например, в Российском этнографическом музее в рамках фестиваля, посвященного культурам еврейского и финского народов, принимали участие пациенты психоневрологического диспансера. Они были вовлечены в театральную-сценическую деятельность музея [22, с. 67].

Организационную помощь музеям в ходе подготовки к работе с посетителями, имеющими какие-либо нарушения здоровья, могут оказать учреждения социального обслуживания. Центры социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов ведут учет граждан, нуждающихся в социальной поддержке, осуществляют практическую и координационную деятельность по оказанию социальных услуг гражданам пожилого возраста и инвалидам. Здесь показателен пример Дарвиновского музея, у которого налажена тесная связь с Центрами социального обслуживания разных районов г. Санкт-Петербурга [22]. Положительные результаты в организации данного направления может дать сотрудничество музеев с различными общественными и благотворительными организациями, в цели которых входит защита прав и интересов инвалидов. Интересный опыт накоплен Егорьевским историко-художественным музеем в сотрудничестве с обществом слепых (Московская область), Саратовским государственным художественным музеем имени А. Н. Радищева и районным отделением Саратовской областной общественной организацией «Всероссийское общество инвали-

дов» [6]. Различные целевые программы реализуются в Государственном музее А. С. Пушкина при поддержке фонда «Культура и дети».

Один из самых важных подготовительных этапов музея для работы с посетителями с ограниченными возможностями является организация мониторинга музейной площади и прилегающей к музею территории на предмет их соответствия требованиям к зданиям и сооружениям, которые посещают инвалиды. Важно предварительно изучить потенциал музея, чтобы можно было объективно оценить его готовность принять ту или иную категорию инвалидов, определить насколько музейная среда является «безбарьерной средой» для посетителей с особыми потребностями и отличающимися возможностями.

Министерством труда и социальной защиты РФ в 2012 году была разработана и внедрена «Методика паспортизации и классификации объектов и услуг с целью их объективной оценки для разработки мер, обеспечивающих их доступность». Оценке подлежат и музеи. Для определения степени доступности того или иного музея экспертной группой заполняется «паспорт доступности объекта социальной инфраструктуры для инвалидов и других маломобильных групп населения». После обработки полученная информация о музее заносится в карту доступности объектов и услуг на региональном и федеральном уровне, а также в соответствующие информационно-справочные материалы для специалистов и граждан.

К сожалению, многим музеям до сих пор недостает оборудования и приспособлений для бытовых процессов, самообслуживания, свободного передвижения посетителей с инвалидностью. Люди с сенсорными нарушениями испытывают дефицит специальных информационных средств. Для лиц с интеллектуально-психическими ограничениями отсутствуют возможности безопасно передвигаться и действовать в музейном пространстве. Даже в тех случаях, когда посетитель с физическими ограничениями имеет средства передвижения (протез, кресло-коляска и др.), сама организация музейной среды не всегда является дружественной к инвалиду. Тем не менее, если пространственная среда лишена специального оборудования для инвалидов, каждому музею требуется выработать специальные подходы для обеспечения реализации их права на доступ

к культурным ценностям. Сотрудникам музея необходимо определить, с какой категорией инвалидов можно начать данный вид деятельности. Если музей принимает колясочников, нужно обратить внимание на следующие элементы организации пространства: ширина между витринами, пандусы, подъемники и многое другое. Если музей готовится к работе с глухими и слабослышащими посетителями, то нужно учесть, что для проведения экскурсии понадобятся услуги сурдопереводчика. Обслуживание посетителей с проблемами зрения требует особого подхода, так как любая экспозиция рассчитана на зрительное восприятие. Также действует федеральное правило: «руками экспонаты не трогать» [4]. В таком случае можно использовать макеты, реплики, реконструкции и материал научно-вспомогательного фонда. На каждый раздел экспозиции, иллюстрирующий его основное содержание, достаточно иметь по 3–4 экспоната для тактильного показа.

Помимо пространственно-средового барьера, с которым сталкиваются люди с особыми потребностями в музее, большие трудности вызывает коммуникативный и информационный барьер. Людям с ограниченными возможностями здоровья бывает не просто озвучить свои взгляды и позиции, выразить пожелания и эмоции публично. Поэтому формируется ошибочное мнение об интересах и потребностях инвалидов, что усложняет процесс коммуникации между инвалидом и социумом. Музей же – это особое коммуникативное пространство и требует специального подхода в работе с различными категориями посетителей. Здесь стоит затронуть тему готовности взаимодействовать сотрудников музея с инвалидами. Важно, чтобы сотрудники музея были психологически готовы работать с этой категорией посетителей. Основная задача, которая должна ставиться перед музеем в данном направлении – помощь по восстановлению ресурсов и жизненных сил, облегчение вхождения индивида в культурную систему посредством исторического наследия.

В социальной работе в самом общем виде выделяют две формы взаимодействия с инвалидами: непосредственная работа с инвалидом, работа с его социальным окружением. Сотрудничество, включение, участие, обучение, партнерство – такие понятия обычно используют, чтобы

определить характер взаимодействия. Опираясь на эти формы, музей может успешно осуществлять социокультурную реабилитацию и адаптацию людей с ограниченными возможностями. Необходимо также учесть, что планирование работы специалиста музея должно осуществляться совместно с педагогами, реабилитологами, социальными работниками, психологами и непосредственно с инвалидами. Ведь девиз Конвенции о правах инвалидов говорит: «Для нас – ничего без нас» [4]. Понимание особенностей той или иной категории инвалидов, уважительное отношение к ним и желание развивать и совершенствовать работу по их обслуживанию являются залогом успеха музея как социокультурного института.

Рассмотрим тему выбора социокультурных реабилитационных технологий для работы с посетителями с различными типами инвалидности на музейных экспозициях. При выборе форм и методов работы необходимо учитывать особенности восприятия и познания той или иной аудитории. В восприятии и познании окружающего материального мира у слепых и слабовидящих людей приоритет имеет осязание. Благодаря тактильному восприятию происходит получение комплекса разнообразных ощущений, определение размера, формы предмета. Помимо осязания у слепых и слабовидящих в различных видах деятельности одну из главных ролей играет речь и слуховое восприятие. Слепые могут свободно определять с помощью звуков предметные и пространственные свойства окружающей среды. Поэтому принципиально важно в работе с данной группой посетителей использовать предметы для тактильного осмотра, звуковой ряд. Программа «Светлый мир» для слабовидящих детей младшего и среднего школьного возраста реализуется в Государственном музее истории религии с использованием методик универсального дизайна и инклюзии, рекомендованных как наиболее перспективные специалистами-реабилитологами. Программа осуществляется при поддержке экспертного совета, в состав которого входят арт-психотерапевт, тифлопедагог, музейный педагог, сотрудник библиотеки для слепых и слабовидящих. Для тактильного доступа на занятиях используются копии музейных предметов из аутентичных материалов. Предметный минимализм пространства обеспечивает безопасность для

передвижения ребенка-инвалида и позволяет ему сосредоточить внимание на наиболее важных предметах, не отвлекаясь на второстепенные [22].

Следует отметить, что у людей с нарушением слуха развитие познавательной деятельности имеют свои особенности. Это тоже необходимо учитывать при выборе средств и форм музейной коммуникации. Наглядно-зрительные формы познания у данной категории преобладают над словесно-логическими. Потребность в общении реализуется с помощью предметов, действий, рисунков и жестовой речи.

Общение с посетителями с особенностями развития интеллекта должно строиться на принципе доступности информации, наглядности и практической деятельности с реальными предметами. Учитывая относительную сохранность эмоциональной сферы этих посетителей по сравнению с познавательной сферой, работа с ними должна нести эмоционально-эстетический характер. Для достижения поставленных целей музей может выбрать следующие направления работы по социокультурной реабилитации инвалидов. Во-первых, познавательное воздействие, которое ориентировано на приобретение инвалидами знаний, понятий о историко-культурном наследии. Такое воздействие должно осуществляться посредством музейной экспозиции и музейного предмета. Музейным сотрудникам необходимо разработать специальные маршруты знакомства с экспозицией и адаптировать тексты экскурсий для различных категорий инвалидов. Так, сотрудники отдела музейной педагогики музея-заповедника «Царицыно» переработали имеющиеся сценарии, создав специализированные занятия для инвалидов [25, с. 13].

Во вторых, особого внимания требует такое направление, как организация и обеспечение содержательного досуга в музее. Проблема свободного времени остро стоит перед инвалидами, которые ограничены в выборе досуговых программ из-за физических недостатков. В музейной среде возможно создание условий для отдыха и общения инвалидов и их семей. Основной приоритет в настоящее время принадлежит развивающим технологиям, связанным с включением инвалидов в различные виды художественного, технического и прикладного творчества, в музейные анимационные программы. Эти программы должны спо-

собствовать сплочению людей, удовлетворению их потребностей в широком социальном общении, развитию творческой инициативы, самореализации, обретению уверенности в собственных силах. Отдельным направлением можно выделить экспонирование в музее работ одаренных художников-инвалидов. В Государственном мемориальном музее им. Н. А. Островского в цикле выставок «Через преодоление – к творчеству» с 1994 года представлены произведения людей с ограниченными возможностями здоровья, которые на протяжении многих лет сотрудничают с музеем [22, с. 44].

И в-третьих, одной из составляющей музейной коммуникации может выступить коррекционно-развивающее воздействие, которое направлено на компенсацию или коррекцию проблем в развитии. Для этого могут быть использованы различные социально-культурные реабилитационные технологии. Например, метод арт-терапии активно используется в деятельности психологов, педагогов, социальных работников. В музее применение этого метода может носить преимущественно социализирующий и развивающий характер. Метод библиотерапии и сказкотерапии направлен на развитие воображения, памяти, художественного вкуса, творческого сопереживания своей личности с художественным образом. Большим потенциалом обладают ролевые игры, которые могут быть организованы в музее. В ролевых играх участники творчески воспроизводят социальные отношения и материальные объекты. В силу подлинно творческого характера ролевой игры участникам нужен материал для творчества, то есть глубокое эмоциональное понимание, знание тех людей, роли которых они на себя берут. Таким материалом может служить историческое событие или исторический персонаж. В игровом процессе возможно также использование реплик музейных предметов. Именно музейный предмет

дает возможность обратиться к универсальным архетипическим темам (архетип – от греч. первообраз), вызывающим глубокие ассоциации.

Подводя итоги, хотелось бы отметить следующее. Несмотря на объективные трудности, российскими музеями осуществляется работа по обеспечению равных возможностей, создается «безбарьерное» музейное пространство и внедряются адресные программы и проекты для посетителей с ограниченными возможностями здоровья. Учитывая профильное разнообразие музеев, для большинства из них это новая форма работы. Отсюда следует, что для повышения качества деятельности в данном направлении, музеи должны налаживать социальное партнерство с органами местной власти, органами социальной защиты населения, волонтерами и различными учреждениями, ставящими своей целью решение вопросов интеграции и адаптации в обществе людей с ограниченными возможностями здоровья. Установление и развитие разнообразных партнерских отношений специалистов музейного дела и других учреждений культуры позволит осуществлять совместные социально-ориентированные сетевые проекты, как в музейном, так и во внемузейном пространстве. Безусловно, работа с посетителями с ограниченными возможностями требует переосмысления традиционных представлений о способах презентации музейной информации, выработки новых форм интерпретации экспозиционного материала. Совершенствование системы социально-культурной интеграции инвалидов средствами музеев предполагает углубленное изучение проблем различных категорий инвалидов (по возрасту, полу, патологии, ограничениям жизнедеятельности) и их потребностей в тех или иных видах музейной деятельности; разработку системы показателей эффективности их реализации; актуализирует задачу подготовки соответствующих кадров.

Литература

1. Ахунов В. М. Современные формы культурно-образовательной деятельности в художественном музее: опыт Государственного Русского музея: автореф. дис. ... канд. истор. наук. – СПб., 2006. – 30 с.
2. Билалов М. Ю. Социализация личности средствами музейной педагогики: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Казань, 2003. – 17 с.
3. Богатырев Е. А. Музей как социокультурный феномен современного российского мегаполиса: автореф. дис. ... канд. культурологии. – СПб., 2011. – 24 с.
4. Ваньшин С. Н., Ваньшина О. П. Социокультурная реабилитация инвалидов музейными средствами: метод. пособие. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ГДМ, 2009. – 76 с.

5. Веденкина В. А. Психологическое сопровождение развития ценностных ориентаций подростков в условиях музейной среды: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Н. Новгород, 2009. – 24 с.
6. Галактионова Е. В. «Прикосновение к Радуге». Программа реабилитации искусством детей и подростков с нарушениями здоровья в Радищевском музее // Справочник руководителя учреждения культуры. – 2011. – № 11. – С. 42–51.
7. Галкин Н. Н. Социокультурная реабилитация детей-инвалидов средствами изобразительного искусства: автореф. дис. ... канд. культурологии. – Краснодар, 2004. – 26 с.
8. Дерябина Ю. Г. Социально-культурная деятельность музея как фактор формирования духовно-нравственных качеств молодежи: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Тамбов, 2008. – 26 с.
9. Злобина О. Г. Социокультурная интеграция лиц с ограниченными возможностями: социологический анализ групп взаимопомощи: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Хабаровск, 2002. – 22 с.
10. Калинин И. В. К вам в музей пришли особые дети: методическое пособие для работы с детьми, имеющими интеллектуальные нарушения // Мир музея. – 2009. – № 9. – С. 36–41.
11. Кислинская Т. И. Исключительная школа для «исключительных» детей (лечебно-воспитательное учреждение В. П. Кашенко) // Гуманистические воспитательные системы вчера и сегодня (в описаниях их авторов и исследователей) / под общ. ред. Н. Л. Селивановой. – М.: Пед. об-во России, 1998. – 336 с.
12. Клюкина А. И. Государственный Дарвиновский музей – музей для всех // Воспитание и обучение детей с нарушением развития. – 2011. – № 8. – С. 32–40.
13. Коновалова М. П. Социокультурная реабилитация инвалидов по зрению в региональной библиотеке: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 2003. – 20 с.
14. Лужецкая А. Обездоленные и просветленные // Мир музея. – 2009. – № 11. – С. 19–20.
15. Малофеев Н. Н. Специальное образование в меняющемся мире. Европа: учеб. пособие для студентов пед. вузов. – М.: Просвещение, 2009. – 319 с.
16. Моздокова Ю. С. Некоторые подходы к проблемам социально-культурной реабилитации // Новые пути решения проблем детской инвалидности средствами культуры и искусства: метод. пособие. – М.: [б. и.], 2001. – 216 с.
17. Моздокова Ю. С. Социально-культурная реабилитация инвалидов и их семей в процессе досуговой деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 1996. – 18 с.
18. Петросян В. А. Интеграция инвалидов в Российское общество: автореф. дис. ... д-ра соц. наук. – М., 2011. – 42 с.
19. Платонова О. В., Жвितिашвили Н. Ю. Арттерапия в художественном музее: учеб. пособие для студентов гуманитар.-худож. вузов. – СПб.: СпецЛит, 2000. – 142 с.
20. Савина Л. Ю. Социализация детей с ограниченными возможностями в процессе социокультурной реабилитации: автореф. дис. ... канд. соц. наук. – М., 2002. – 21 с.
21. Сидорова О. В. Работа с семейной аудиторией в музеях Западной Сибири в конце XX – начале XXI века: автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Барнаул, 2012. – 27 с.
22. Творчество инвалидов – неограниченные возможности. Организация в музеях выставок инвалидов и адаптация выставок для восприятия людьми с ограничениями здоровья: мат-лы обучающего семина. 18 окт. 2011 года, Москва. – М.: Изд-во ГДМ, 2011. – 83 с.
23. Столяров Б. А. Педагогика художественного музея: от истоков до современности: учеб. пособие для студентов гуманитар.-худож. фак. – СПб.: Спец. лит., 2002. – 222 с.
24. Усова Л. Ф. Социокультурные технологии адаптации детей-инвалидов // Современные исследования социальных проблем. – 2011. – Вып. 3. – С. 3–13.
25. Фролова И. Безбарьерная среда в музее : начать с начала // Музей. – 2012. – № 2. – С. 12–15.
26. Шостак Л. Я. Система воспитания детей с ограниченными возможностями в Эрмитаже // Новые пути решения проблем детской инвалидности средствами культуры и искусства: метод. пособие. – М., 2001. – С. 92–108.
27. Юхневич М. Ю. Я поведу тебя в музей: учеб. пособие по музейной педагогике. – М.: [б. и.], 2001. – 165 с.

References

1. Akhunov V.M. Sovremennye formy kul'turno-obrazovatel'noi deiatel'nosti v khudozhestvennom muzee: opyt Gosudarstvennogo Russkogo muzeia. Avtoref. dis. kand. istor. nauk [Modern forms of cultural and educational activity in the art museum: experience of the State Russian Museum. Abstract diss. cand. hist. sci.]. Saint-Petersburg, 2006. 30 p. (In Russ.).

2. Bilalov M.Iu. Sotsializatsiia lichnosti sredstvami muzeinoi pedagogiki. Avtoref. dis. kand. ped. nauk [Socialization of the personality means of museum pedagogics. Abstract dis. cand. ped. sci.]. Kazan, 2003. 17 p. (In Russ.).
3. Bogatyrev E.A. Muzei kak sotsiokul'turnyi fenomen sovremennogo rossiiskogo megalopolisa. Avtoref. dis. kand. kul'turologii [Muzei as sociocultural phenomenon of the modern Russian megalopolis. Abstract dis. cand. cultural sci.]. Saint-Petersburg, 2011. 24 p. (In Russ.).
4. Van'shin S.N., Van'shina O.P. Sotsiokul'turnaia reabilitatsiia invalidov muzeinymi sredstvami. Metod. posobie [Sociocultural rehabilitation of disabled people museum means: method. grant]. Moscow, GDM Publ., 2009. 76 p. (In Russ.).
5. Vedenkina V.A. Psikhologicheskoe soprovozhdenie razvitiia tsennostnykh orientatsii podrostkov v usloviakh muzeinoi sredy. Avtoref. dis. kand. psikh. nauk [Psychological maintenance of development of valuable orientations of teenagers in the conditions of the museum environment. Abstract diss. cand. psych. sci.]. Nizhnii Novgorod, 2009. 24 p. (In Russ.).
6. Galaktionova E.V. «Prikosnovenie k Raduge». Programma reabilitatsii iskusstvom detei i podrostkov s narusheniami zdorov'ia v Radishchevskom muzee [“A touch to the Rainbow”. The program of rehabilitation by art of children and teenagers with violations of health in Radishchev Museum]. *Spravochnik rukovoditel'ia uchrezhdeniia kul'tury [The Reference book of the head of cultural institution]*, 2011, no 11, pp. 42–51. (In Russ.).
7. Galkin N.N. Sotsiokul'turnaia reabilitatsiia detei-invalidov sredstvami izobrazitel'nogo iskusstva. Avtoref. dis. kand. kul'turologii [Sociocultural rehabilitation of disabled children means of the fine arts. Abstract diss. cand. cultural sci.]. Krasnodar, 2004. 26 p. (In Russ.).
8. Deriabina Iu.G. Sotsial'no-kul'turnaia deiatel'nost' muzeia kak faktor formirovaniia dukhovno-nravstvennykh kachestv molodezhi. Avtoref. dis. kand. ped. nauk [Welfare activity of the museum as factor of formation of spiritual and moral qualities of youth. Abstract diss. cand. ped. sci.]. Tambov, 2008. 26 p. (In Russ.).
9. Zlobina O.G. Sotsiokul'turnaia integratsiia lits s ogranichennymi vozmozhnostiami. Sotsiologicheskii analiz grupp vzaimopomoshchi. Avtoref. dis. kand. sotsiol. nauk [Sociocultural integration of persons with limited opportunities: sociological analysis of groups of mutual aid. Abstract diss. cand. sociolog. sci.]. Khabarovsk, 2002. 22 p. (In Russ.).
10. Kalinina I.V. K vam v muzei prishli osoby deti: metod. posobie dlia raboty s det'mi, imeiushchimi intellektual'nye narusheniia [To you special children came to the museum. Method. grant for work with children, the having intellectual violations]. *Mir muzeia [The museum World]*, 2009, no 9, pp. 36–41. (In Russ.).
11. Kislińskaia T.I. Iskliuchitel'naia shkola dlia “iskliuchitel'nykh” detei (lechebno-vospitatel'noe uchrezhdenie V.P. Kashchenko) [Exclusive school for “exclusive” children (medical and educational establishment of V.P. Kashchenko)]. *Gumaniticheskie vospitatel'nye sistemy vchera i segodnya (v opisaniakh ikh avtorov i issledovatelei) [Humanistic educational systems yesterday and today (in descriptions of their authors and researchers)]*. Moscow, Pedagogical society of Russia Publ., 1998. 336 p. (In Russ.).
12. Kliukina A.I. Gosudarstvennyi Darvinovskii muzei – muzei dlia vsekh [State Darwin Museum – the museum for all]. *Vospitanie i obuchenie detei s narusheniem razvitiia [Education and training of children with development violation]*, 2011, no. 8, pp. 32–40. (In Russ.).
13. Konovalova M.P. Sotsiokul'turnaia reabilitatsiia invalidov po zreniiu v regional'noi biblioteke. Avtoref. dis. kand. ped. nauk [Sociocultural rehabilitation of visually impaired persons in regional library. Abstract diss. cand. ped. sci.]. Moscow, 2003. 20 p. (In Russ.).
14. Luzhetskaia A. Obezdoletnyye i prosvetlenyye [Destitute and brightened up]. *Mir muzeia [The museum World]*, 2009, no 11, pp. 19–20. (In Russ.).
15. Malofeev N.N. *Spetsial'noe obrazovanie v meniaiushchemsia mire. Evropa. Uchebnoe posobie dlia studentov pedagogicheskikh vuzov [Vocational education in the changing world. Europe: studies. a grant for students ped. higher education institutions]*. Moscow, Education Publ., 2009. 319 p. (In Russ.).
16. Mozdokova Iu.S. Nekotorye podkhody k problemam sotsial'no-kul'turnoi reabilitatsii [Some approaches to problems of welfare rehabilitation]. *Novye puti resheniia problem detskoj invalidnosti sredstvami kul'tury i iskusstva. Metodicheskoe posobie [New solutions of problems of children's disability means of culture and art. Method. grant]*. Moscow, 2001. 216 p. (In Russ.).
17. Mozdokova Iu.S. Sotsial'no-kul'turnaia reabilitatsiia invalidov i ikh semei v protsesse dosugovoi deiatel'nosti. Avtoref. dis. kand. ped. nauk [Welfare rehabilitation of disabled people and their families in the course of leisure activity. Abstract diss. cand. ped. sci.]. Moscow, 1996. 18 p. (In Russ.).
18. Petrosian V.A. Integratsiia invalidov v Rossiiskoe obshchestvo. Avtoref. dis. dokt. sotsiol. nauk [Integration of disabled people into the Russian society. Abstract diss. Dr. sociolog. sci.]. Moscow, 2011. 42 p. (In Russ.).

19. Platonova O.V. Artterapiya v khudozhestvennom muzee. Uchebnoe posobie [Artterapiya in the art museum. Study guide]. Saint-Petersburg, Spetslit Publ., 2000. 142 p.
20. Savina L.Iu. Sotsializatsiia detei s ogranichennymi vozmozhnostiami v protsesse sotsiokul'turnoi reabilitatsii. Avtoref. dis. kand. sotsiol. nauk [Socialization of children with limited opportunities in the course of sociocultural rehabilitation. Abstract diss. cand. sociolog. sci.]. Moscow, 2002. 21 p. (In Russ.).
21. Sidorova O.V. Rabota s semeinoi auditoriei v muzeiakh Zapadnoi Sibiri v kontse XX – nachale XXI veka. Avtoref. dis. kand. ist. nauk [Work with family audience in the museums of Western Siberia at the end of 20 – the beginning of 21 centuries. Abstract diss. cand. hist. sci.]. Barnaul, 2012. 27 p. (In Russ.).
22. Tvorchestvo invalidov – neogranichennye vozmozhnosti. Organizatsiia v muzeiakh vystavok invalidov i adaptatsiia vystavok dlia vospriiatiiia liud'mi s ogranicheniiami zdorov'ia [Creativity of disabled people – unlimited opportunities. The organization in the museums of exhibitions of disabled people and adaptation of exhibitions for perception people with restrictions of health]. *Materialy obuchaiushchego seminara 18 oktiabria 2011 goda, Moskva [Materials of the training seminar on October 18, 2011, Moscow]*. Moscow, GDM Publ., 2011. 83 p. (In Russ.).
23. Stoliarov B.A. Pedagogika khudozhestvennogo muzeia: ot istokov do sovremennosti. Ucheb. posobie [Pedagogik of the art museum: from sources to the present. Study guide]. Saint-Petersburg, Spetslit Publ, 2002. 222 p.
24. Usova L.F. Sotsiokul'turnye tekhnologii adaptatsii detei-invalidov [Sociocultural technologies of adaptation of disabled children]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem [Modern researches of social problems]*, 2011, vol. 3, pp. 3–13. (In Russ.).
25. Frolova I. Bezbar'ernaia sreda v muzee: nachat's nachala [The barrier-free environment in the museum: to begin with the beginning]. *Muzei [The Museum]*, 2012, no. 2, pp. 12–15. (In Russ.).
26. Shostak L.Ia. Sistema vospitaniia detei s ogranichennymi vozmozhnostiami v Ermitazhe [An educational system of children with limited opportunities in the Hermitage]. *Novye puti resheniia problem detskoj invalidnosti sredstvami kul'tury i iskusstva. Metod. posobie [New solutions of problems of children's disability means of culture and art. Method. grant]*. Moscow, 2001, pp. 92–108. (In Russ.).
27. Iukhnevich M.Iu. Ia povedu tebia v muzei. Uchebnoe posobie po muzeinoi pedagogike [I will lead you in the museum. Studies. grant on museum pedagogics]. Moscow, 2001. 165 p. (In Russ.).

УДК069.6

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ МУЗЕЙНЫХ ДЕСТИНАЦИЙ В ГОРОДЕ КЕМЕРОВЕ

Клюев Юрий Владимирович, кандидат культурологии, доцент кафедры экономики социальной сферы, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: klujev@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению вопросов включения музейных учреждений не только в культурный, но и в туристский рынки. Утверждается, что за последние 5 лет Кемеровские областные и муниципальные музеи значительно преобразились. Смена руководства, переход в автономию, поддержка учредителей вдохнули новую жизнь в их деятельность. Музейные учреждения по-настоящему становятся активными участниками не только культурного, но и туристского рынков. Утверждается, что благодаря включению музеев в туристский рынок музеи становятся центрами времяпрепровождения туристов: возникает новое явление – музейная дестинация.

Автором статьи в мае 2014 года было проведено исследование четырех музеев г. Кемерово: Кемеровский областной краеведческий музей, Кемеровский областной музей изобразительных искусств, музей-заповедники «Красная Горка» и «Томская Писаница». Целью исследования было выяснить, насколько музеи г. Кемерово соответствуют понятию «музейная дестинация», а также подтвердить или опровергнуть высказывания А. В. Вавиловой и А. В. Романчук о том, что привлекательность Западной Сибири для туристов прежде всего определяется естественно-научными музеями, потенциал привлекательности определен на уровне 50,6 %.

Исследование показало, что полностью сформированной музейной дестинации на территории г. Кемерово нет. Наиболее приближены к такому понятию музеи-заповедники «Томская Писаница» (90 %) и «Красная Горка» (78 %). Больше половины условий музейной дестинации (64 %) соблюдены Кемеровским областным краеведческим музеем и Кемеровским областным музеем изобразительных искусств. Таким образом, музеи города Кемерово соблюдают условия дестинации, а именно:

- наличие на своей территории мест размещения, питания, развлечений и высокоразвитой транспортной системы;
- наличие достопримечательностей, интересующих туристов;
- наличие информационных и коммуникационных систем.

Проведенное исследование также подтвердило тезис о том, что Западная Сибирь в музейном туризме в большей степени представлена естественно-научными музеями, однако доля, приходящаяся в среднем на туристский потенциал музейных дестинаций г. Кемерово (74 %), гораздо выше заявленных А. В. Вавиловой и А. В. Романчук.

Ключевые слова: музеи, экономика, туризм, музейная дестинация, музейный туризм.

THE DEVELOPMENT FEATURES OF MUSEUM DESTINATIONS IN KEMEROVO

Klyuyev Yuriy Vladimirovich, Candidate of Culturology, Docent of Department of Economics of Social Sphere, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: klyuyev@yandex.ru

The article is devoted to the inclusion of museum institutions not only in cultural but also in tourist markets. It is alleged that over the last 5 years Kemerovo regional and municipal museums have changed dramatically. Change in management, transition to autonomy, founders' support breathed new life into their activities. Museum establishment truly become active participants not only in cultural, but also tourist markets. It is argued that due to the inclusion of museums in the tourist market museums become centers for tourists' pastime as there is a new phenomenon, a Museum destination.

In May 2014, the author conducted a study in the four museums of Kemerovo: Kemerovo regional Museum, regional Museum of fine arts, Museum-reserve "Krasnaya Gorka" and the Museum-reserve "Tomskaya Pisanitsa." The aim of the study was to find out how consistent museums of Kemerovo with the concept of "Museum destination," as well as to confirm or refute statements of A.V. Vavilov and A.V. Romanchuk that the attractiveness of Western Siberia for tourists is primarily determined by the natural science museums, the potential attractiveness is defined at the level of 50,6 %.

The study showed, there is no fully formed Museum destination in Kemerovo territory yet. The closest to this concept are Museum-reserve "Tomskaya Pisanitsa" (90 %) and Museum-reserve "Red hill" (78 %). More than a half of the conditions of the Museum destination (64 %) have Kemerovo regional Museum and Kemerovo regional Museum of fine arts. Thus, the museums of Kemerovo comply with the terms of destinations, namely:

- the presence on its territory of accommodation, food, entertainment and a highly developed transport system;
- availability of attractions of interest to tourists;
- availability of information and communication systems.

The study also confirmed the thesis that Western Siberia in the Museum tourism mostly represented natural history museums, however, share, coming in the middle on the tourist potential of the Museum destinations, Kemerovo (74 %) is much higher than stated by A.V. Vavilov and A.V. Romanchuk.

Keywords: museums, economy, tourist sphere, museum destination, museum tourism.

Музейный туризм, будучи новой развивающейся дисциплиной, прикладной по отношению к всеобъемлющей науке музеологии, использует различные методы гуманитарных, общественных и экономических наук, в зависимости от решения конкретных задач. Музейный туризм активно пользуется методами маркетинга и менеджмента, в то же время на более высоком уровне обращается к методам дисциплин, общим срезом которых является культурология – междисциплинарное знание, использующее парадигмы исторической, социологической, психологической и других наук.

Среди главных задач музейного туризма А. В. Романчук условно выделяет «общетеоретические» и «прикладные» [10, с. 7]. К общетеоретическим задачам могут быть отнесены:

1) изучение музея как социокультурного феномена, общественного предназначения и роли музея в зависимости от исторических условий;

2) изучение институциональной основы музея, организационной структуры, функций;

3) разработка теории музейной коммуникации и методов ее применения в музейном туризме;

4) создание и развитие научного языка музейного туризма, специальной терминологии и понятийного аппарата;

К прикладным задачам относятся:

1) изучение коллекций музеев и «выведение» их в современное культурное пространство;

2) интерпретация музейных коллекций как специфической формы интеллектуального и художественного наследия;

3) интеграция музейного туризма в международную туристическую деятельность;

4) разумное сочетание просветительской ориентации музея и развлекательной составляющей туризма;

5) привлечение при подготовке специальных туристических программ разнообразных форм художественной деятельности и различных видов искусства, позволяющих с новой точки зрения показать музейную коллекцию.

Однако реализация на практике задач музейного туризма возможно лишь в том случае, если музей включает в себя все элементы туристской дестинации. Только тогда мы можем говорить о музейной дестинации как основе музейного туризма.

Понятие дестинация – многогранно. Его можно понимать как в широком смысле – географическое место пребывания туриста [1, с. 124], так и в узком смысле – как локальное место (музей), удовлетворяющее весь спектр потребностей туриста [5, с. 60].

Для того чтобы территория музея была дестинацией, необходимо выполнение следующих условий:

- наличие на этой территории мест размещения, питания, развлечений (должен быть определенный уровень качества услуг) и высоко развитой транспортной системы;

- наличие достопримечательностей, интересующих туристов (наличие фактора привлекательности является одним из главных факторов конкуренции между дестинациями, следовательно, должна быть определенная изюминка для привлечения туриста на территорию дестинации);

- наличие информационных и коммуникационных систем, так как это необходимый инструмент информирования туристского рынка о дестинации.

Эксперты, на которых ссылается А. В. Романчук [2, с. 16; 9; 10], исследующие количественные и качественные параметры развития туризма, разбили карту России на туристские регионы, для каждого из которых выделили приоритетные типы и направления туризма. С помощью специальных методик и шкал оценены основные параметры региона, характеризующие его туристскую привлекательность, а также факторы, влияющие на уровень сложности посещения туристами: климатическую и экологическую ситуацию, развитие гостиничного бизнеса и состояние инфраструктуры, территориальный фактор (площадь территории, доступность для массового туриста), наличие объектов культурно-исторического значения, рекреационных комплексов. В результате интегрирования всех параметров получен *туристский потенциал района* – условная величина, иллюстрирующая, в какой степени, при условии вложения необходимых инвестиций, он может быть востребован туристами с учетом их комплексных потребностей в туристских продуктах различного типа. В современной России к крупнейшим туристским дестинациям, обладающим большим рекреационным потенциалом, относятся: Центральная Россия, северо-запад и север европейской части России, Север-

ный Кавказ, Поволжье и Урал, Сибирь и Дальний Восток. Все они характеризуются неравномерным развитием транспортной инфраструктуры, разным уровнем развития туристской и гостиничной индустрии и, как следствие, разным положением в туризме. Усредненный показатель туристского потенциала России весьма высок – 55,8 %. Это значит, что более половины ландшафтно-географических и климатических ресурсов страны могут быть использованы для развития самых различных туристских направлений. Для сравнения: туристский потенциал Турции составляет 38,4 %, Греции – 35 %, Италии – 49 %, Франции, Германии и Испании – чуть более 50 % (потенциалы отдельных районов и областей могут быть значительно выше).

Наиболее привлекательной для массового туризма в ближайшие годы, при прочих равных условиях, по-прежнему, останется Южная курортная область (79,2 %), инвестиции в которую оцениваются в объеме, не меньшем 2,5 млрд долларов. Высоким потенциалом обладают Центральная область (73,5 %) – Подмосковье, старинные города Золотого кольца; Северная область (71,9 %) – Валаам, Кижы, Соловецкие острова, поморские города; поселки Архангельской области и Поволжье (60,7 %) – Самара, Саратов (театральный туризм), Волга, Кама; территория Урала (56 %) – Свердловская, Челябинская области, Башкортостан; Западно-Сибирская область (50,6 %) – естественно-научные музеи; Черноземье (45,3 %) – Воронеж, Белгород; Северо-Западный (44 %) – Новгород, Псков, Ладога, Ильмень, Онега; Восточно-Сибирская область (40,3 %) – Енисей, Ангара, заповедные зоны, естественно-научные музеи; Дальневосточная область (36,9 %). Дальний Восток и Сибирь в туристском отношении освоены недостаточно. Их историко-культурные туристские ресурсы в значительной степени уступают Европейскому региону [2, с. 133].

В качестве подтверждения или опровержения вышеизложенного тезиса автором в мае 2014 года было проведено исследование четырех музеев г. Кемерово: Кемеровский областной краеведческий музей [3], Кемеровский областной музей изобразительных искусств [4], музеи-заповедники «Красная Горка» [7] и «Томская Писаница» [8]. Целью исследования было выяснить, насколько музеи города Кемерово соответствуют понятию «музейная дестинация».

Сегодня музеи и туризм неразрывно связаны друг с другом. Эту мысль подтверждает в своей статье Е. А. Ковешникова, подчеркивая, что «Кузбасс как новый туристический регион и перспективная дестинация обладает огромным потенциалом туристских ресурсов <...> ... в связке “туризм – музей” изначально заложен высокий потенциал взаимного сотрудничества, основанный, с одной стороны, на стремлении туриста получить впечатления и, с другой стороны, на возможности музея такие впечатления предоставить. Развитие туризма в Кузбасском регионе является важной экономической и социокультурной составляющей региональной политики...» [6, с. 75]. Включение туризма в сферу интересов музейного учреждения – необходимое условие развития музея и формирования имиджа региона. В этой связи данное исследование является актуальным.

В своем исследовании мы использовали методы включенного наблюдения и контент-анализ документов музейных учреждений, а также их сайтов.

Каждой дестинации свойственны свои собственные черты, но все же можно выделить четыре общие, которые и стали критериями, определяющими наше исследование [11, с. 56].

1. Дестинация представляет собой сервис, то есть совокупность следующих компонентов: достопримечательность (природные богатства или созданные человеком, то есть то, что побуждает туриста совершать путешествие); удобства (размещение, питание, развлечения, а также розничная торговля и другие предприятия сферы услуг, такие как банки, обменные пункты, парикмахерские, медицинские предприятия, то есть все то, что не только обеспечивает приют и пищу, но и создает общее ощущение радушного приема туристов данной дестинацией); доступность (удаленность дестинации от туристских рынков делает их уязвимыми – снижает спрос, так как до подобной дестинации можно добраться только путем длительных поездок. Следовательно, развитие и поддержание эффективных транспортных связей с туристскими рынками необходимо для успеха дестинации. Но для туристов важна не только физическая доступность дестинации, то есть внешние транспортные связи с ней, но и наличие развитых внутренних транспортных связей. Другими словами, для них важны такие

услуги, как прокат автомобилей, предоставление местного транспорта для проведения обзорных экскурсий и трансферов до мест размещения в дестинации); вспомогательные службы, которые предоставляют такие услуги, как реклама дестинации, координация и управление ее развитием, предоставление населению и организациям необходимой информации и услуги по резервированию, обеспечению оборудованием (предприятия питания, спорта и т. д.), обеспечение дестинации руководящим персоналом.

2. Дестинация представляет собой культурную ценность: посетители должны считать дестинацию привлекательной и заслуживающей времени и денег, потраченных на путешествие. Таким образом, важно поддерживать отличие условий дестинации от обычных «домашних» условий с помощью хорошего дизайна и управления, чтобы избежать разработки «унифицированного туристского ландшафта».

3. Дестинация неразделима, то есть туристский продукт потребляется там, где он непосредственно производится, и, чтобы его испытать, туристы должны физически присутствовать в дестинации. Следует отметить, что процессы производства и потребления туристского продукта совпадают не только в пространстве, но и во времени, то есть дестинации не могут быть запасены впрок (номера в гостиницах, театральные билеты и т. д. не могут быть отложены в «межсезонье» для последующей их продажи во время, например, театрального сезона). Таким образом, сезонность дестинации является наиболее важной проблемой, так как снижает их доходность и делает неэффективными с точки зрения использования основных средств дестинации. Для сезонной дестинации пик сезона (3–4 месяца) должен принести основной вклад в покрытие постоянных издержек, которые подлежат оплате в течение года.

4. Услугами и удобствами дестинации пользуются не только туристы, но и другие люди: местные жители и работники данной дестинации. Таким образом, предприятия дестинации не могут быть ориентированы только на местных жителей или только на туристов, они должны ориентироваться на тех и других.

Сводная таблица соответствия исследуемых музеев г. Кемерово критериям музейной дестинации представлена в таблице 1.

Анализ музеев на наличие первого критерия показывает, что музеи г. Кемерово обладают той достопримечательностью, ради которой можно совершить путешествие, как туристу, так и местному жителю. Рейтинговая оценка музеев распределена следующим образом:

1 место (10 баллов) – музей-заповедник «Томская Писаница».

2 место (9 баллов) музей-заповедник «Красная Горка».

3 место (4 балла) краеведческий музей и музей изобразительных искусств.

Несомненно, природные достопримечательности вызывают наибольший интерес среди туристов и местных жителей, по сравнению с предметами, хранящимися в краеведческом музее и музее изобразительных искусств.

Таблица 1

Анализ соответствия музеев г. Кемерово критериям музейной дестинации, в баллах (max 10)

Критерии	Музеи города Кемерово			
	Краеведческий музей	Музей ИЗО	Красная горка	Томская Писаница
1. Сервис:	19	19	21	25
- достопримечательность	4	4	9	10
- удобство	6	6	4	8
- доступность	9	9	8	7
2. Культурная ценность	5	5	8	10
3. Сезонность и неразделимость услуг ⁷	5	5	4	3
4. Всеобщая ориентация услуг	8	8	10	10
Итого	32	32	39	45
Итого (max)	50	50	50	50

Музей-заповедник «Томская Писаница» как никто другой обладает удобством питания (кафе, чайная). Ни один из других музеев в таком объеме услуги не предлагает. Однако отсутствуют банковские, парикмахерские и гостиничные услуги.

⁷ Чем меньше балл, тем лучше критериальный показатель, то есть получившееся значение уменьшает итоговый результат.

Краеведческий музей и музей изобразительных искусств располагаясь в центре города, находятся в непосредственной близости с магазинами, кафе, торговыми центрами, гостиницей и общественным транспортом. Однако последнее не столь существенный фактор в сегодняшних условиях развития общества, так как в городе 8 компаний, которые предлагают взять в прокат автомобиль, развитая служба такси, и большая часть населения имеет свой транспорт. Все это способствует посещению музеев.

Общей проблемой музеев является отсутствие информационной поддержки туристскими организациями севера региона, их совместного сотрудничества.

Рассматривая второй критерий мы убеждаемся, что культурная составляющая наиболее интересна посетителю. Поэтому первое место занимает также «Томская Писаница» (10 баллов). Наскальные изображения, которым много тысяч лет, привлекают внимание туристов как из-за рубежа, так и отечественных; местные жители также не остаются равнодушными активно посещают «Томскую Писаницу». В музее проводятся массовые гуляния на природе, имеется свой зоопарк, аттракционы и пр. Не отстает от них музей-заповедник «Красная горка», использующий интерактивные и виртуальные технологии в экспозиции (8 баллов). Краеведческий музей и музей изобразительных искусств уступают по наличию рекреационной и информатизационной составляющей культурного процесса (4 балла).

Сезонность музейных услуг, их колебание на туристском рынке имеет место быть, однако не оказывает существенного влияния на доходность музеев. Лето и зима – наиболее чувствительные сезоны для музеев. Летом многие жители уезжают из города, а зимой потенциальных посетителей отпугивают холода. Музей функционирует на основе действующей выставки, актуальные экспозиции позволяют его посещать круглый год. Теплые, отапливаемые помещения этому способствуют. Данными помещениями обеспечены три музея из четырех, только «Томская Писаница» не имеет таких условий. Однако там есть теплое кафе, помещение для матери и ребенка, возможность лыжного катания и массовых гуляний на Рождество, Масленицу и пр. в зимний период, – все это привлекает туристов в «Томскую Писаницу».

Рассматривая четвертый критерий в исследовании, мы видим, что все музеи ориентируются в своей работе как на местных жителей, так и на туристов. Отсутствие больших потоков туристов предопределяет музейную работу в пользу местных жителей города и области.

Рейтинг музеев по включению в музейную дестинацию представлен в таблице 2.

Таблица 2

Рейтинг музейной дестинации г. Кемерово

Музей	Рейтинг	Балл	%
«Томская Писаница»	1	45	90
«Красная Горка»	2	39	78
Краеведческий музей	3	32	64
Музей изобразительных искусств	3	32	64
результат (max)		50	100

Представленные результаты в таблице 2 показывают, что полностью сформированной музейной дестинации на территории г. Кемерово нет. Наиболее приближены к такому понятию музеи-заповедники «Томская Писаница» и «Красная Горка». Больше половины условий музейной дестинации соблюдены Кемеровским областным краеведческим музеем и Кемеровским областным музеем изобразительных искусств.

Таким образом, музеи города Кемерово соблюдают условия дестинации, а именно:

- наличие на своей территории мест размещения, питания, развлечений и высокоразвитой транспортной системы;
- наличие достопримечательностей, интересующих туристов;
- наличие информационных и коммуникационных систем.

Проведенное исследование также подтвердило тезис о том, что Западная Сибирь в музейном туризме в большей степени представлена естественно-научными музеями, однако доля, приходящаяся в среднем на туристский потенциал музейных дестинаций г. Кемерово, гораздо выше заявленных А. В. Вавиловой и А. В. Романчук. Музеи-заповедники «Томская Писаница» и «Красная горка» становятся визитными карточками г. Кемерово и всей Кемеровской области на туристском рынке севера региона.

Литература

1. Боголюбов В. С. Экономика туризма. – М.: Академия, 2013. – 192 с.
2. Вавилова А. В. Основы международного туризма. – М.: Гардарики, 2005. – 160 с.
3. Кемеровский областной краеведческий музей [Электронный ресурс]: официальный сайт. – URL: <http://www.kuzbasskray.ru/>. – Загл. с экрана.
4. Кемеровский областной музей изобразительных искусств [Электронный ресурс]: официальный сайт. – URL: <http://www.kuzbassizo.ru/>. – Загл. с экрана.
5. Ключев Ю. В. Музейные учреждения как инструмент продвижения туристских услуг (музейная дестинация) // XVIII Международная конференция, посвященная проблемам общественных и гуманитарных наук. Часть 2 (исторические науки, культурология, религиоведение, искусствоведение, социологические науки). Международная научно-практическая конференция, г. Москва, 29.03.2014 года. – М.: Центр гуманитар. исслед. «Социум». – С. 60–63.
6. Ковешникова Е. А. Музеи и развитие регионального культурного туризма в Кузбассе // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2014. – № 28. – С. 70–75.
7. Музей-заповедник «Красная горка» [Электронный ресурс]: официальный сайт. – URL: <http://www.redhill-kemerovo.ru/>. – Загл. с экрана.
8. Музей-заповедник «Томская Писаница» [Электронный ресурс]: официальный сайт. – URL: <http://www.gukmztp.ru/>. – Загл. с экрана.
9. Музей и проблемы «Культурного туризма»: мат-лы одиннадцатого круглого стола, 11–12 апреля 2013 года / ред. Л. А. Зорина. – СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2013.
10. Романчук А. В. Музейный туризм: учеб.-метод. пособие. – СПб., 2010. – 46 с.
11. Саак А. Э., Пшеничных Ю. А. Маркетинг в социально-культурном сервисе и туризме. – СПб.: Питер, 2007. – 480 с.

References

1. Bogoliubov V.S. Ekonomika turizma [The Economics of tourism]. Moscow, Akademiya Publ., 2013. 192 p. (In Russ.).
2. Vavilova A.V. Osnovy mezhdunarodnogo turizma [Fundamentals of international tourism]. Moscow, Gardariki Publ., 2005. 160 p. (In Russ.).
3. Kemerovskii oblastnoi kraevedcheskii muzei [Kemerovo Regional Museum]. Available at: <http://www.kuzbasskray.ru/>.
4. Kemerovskii oblastnoi muzei izobrazitel'nykh iskusstv [Kemerovo Regional Museum]. Available at: <http://www.kuzbassizo.ru/>.
5. Kliuev Iu.V. Muzeinye uchrezhdeniya kak instrument prodvzheniia turistских uslug (muzeynaya destinatsiya) [The Museum institution as an instrument of promotion of tourist services (museums destination)]. XVIII mezhdunarodnaia konferentsiia posvyashchennaia problemam obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk. Chast' 2 (istoricheskie nauki, kul'turologiia, religievvedenie, isskustvovedenie, sotsiologicheskie nauki). Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaiia konferentsiia, g. Moskva, 29 marta 2014 goda [XVIII international conference devoted to the problems of social and humanitarian Sciences]. Moscow, Tsentr gumanitarnykh issledovaniia "Sotsium" Publ., pp. 60–63. (In Russ.).
6. Koveshnikova E.A. Muzei i razvitie regional'nogo kul'turnogo turizma v Kuzbasse [Museums and the development of regional cultural tourism in Kuzbass]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2014, no 28, pp. 70–75. (In Russ.).
7. Muzei-zapovednik "Krasnaia gorka" [Kemerovo Regional Museum]. Available at: <http://www.redhill-kemerovo.ru/>.
8. Muzei-zapovednik "Tomskaia pisanitsa" [Kemerovo Regional Museum]. Available at: <http://www.gukmztp.ru/>.
9. Muzey i problemy "Kul'turnogo turizma" [The Museum and the problem of "Cultural tourism"]. Materialy odinnadtsatogo kruglogo stola, 11–12 apreliia 2013 goda. Otvetstvennyi redaktor L.A. Zorina. Saint-Petersburg, Ermitazh Publ., 2013.
10. Romanchuk A.V. Muzeinyi turizm: uchebno-metodicheskoe posobie [Museum tourism: educational-methodical manual]. Saint-Petersburg, 2010. 46 p. (In Russ.).
11. Saak A.E., Pshenichnykh Iu.A. Marketing v sotsial'no-kul'turnom servise i turizme [Marketing in the social-cultural service and tourism]. Saint-Petersburg, Piter Publ., 2007. 480 p. (In Russ.).

УДК 069.51: 394.262.5

ОВЕЩЕСТВЛЕННЫЕ КОМПОНЕНТЫ СВЯТОЧНОГО КАЛЕНДАРНОГО ОБРЯДА РУССКИХ КАК ОБЪЕКТ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Кимеева Татьяна Ивановна, кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: tat-kimeeva@mail.ru

Глушкова Полина Валерьевна, аспирант, преподаватель кафедры музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: polina-glushkova@mail.ru

Статья посвящена проблемам актуализации святочной обрядности русских Сибири посредством раскрытия информационного потенциала музейных предметов. Музейный предмет рассматривается как овеществленный компонент традиции. Выявлено, что предметы, связанные с традицией и наделенные свойствами сакральности, содержат в себе информацию о ней, необходимо лишь раскрыть их информационный потенциал. Выделяются два типа предметов, связанных с календарным обрядом: ключевые и второстепенные. В собраниях музеев Кемеровской области хранятся музейные предметы, наделяемые сакральной семантикой и используемые в святочной обрядности, в гаданиях, ряженье, славлении и колядовании. Разработаны рекомендации по изготовлению воспроизведений ключевых ритуальных атрибутов методами реконструкции и аналогии.

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие, календарная обрядность, актуализация культурного наследия, предмет этнографической коллекции, сакральная семантика.

THE EMBODIMENTS OF COMPONENTS OF THE CHRISTMAS CALENDAR RITE OF RUSSIANS AS THE OBJECT OF THE INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE

Kimeeva Tatyana Ivanovna, Candidate of Culturology, Docent, Docent of Department of Museology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: tat-kimeeva@mail.ru

Glushkova Polina Valerievna, Post-Graduate Student, Lecturer, Department of Museology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: polina-glushkova@mail.ru

The intangible heritage is not detached from the material heritage. The calendar rite in accordance with the classification of museology in the national intangible heritage belongs to the category expressed in physical form aspects of culture and tradition. These objects are a tangible expression of the results: the objects associated with them. Despite the fact that these items are not a subject to the intangible heritage, they are materialized as components of the tradition. Items related to tradition and endowed with the properties of sacredness, contain information about it, you need only open their information potential. Under the sacred in this paper, it refers to a particular semantics, reflecting the ceremonial ritual traditions of Russian Siberia. The Yuletide is a key holiday winter cycle. It belongs to the big holidays, that is, to those who walked a few days or a week. The Christmas time period is rife with ritual actions. As part of the Christmas festivities, it identified such major acts as caroling, glorification, posevanie, mummers, fortune telling, Vecherki, rasstaschikha, horseback riding. Each act is characterized by the use of certain material objects. For divination, they used mirrors, belts, keys, tongs, Pima. For the glorification, they manufacture a special star. When mummers used coats, sewn on clothes bells, armed with iron pots and other metal objects. During the horse riding, they used littered sled embroidered towels. Objects that are used can be divided in dark and minor key. Key items are native ritual semantics. This attribute was created specifically for the rite, and after holding, it is destroyed. Objects of the second group –

minor – do not contain the actual value of the ritual, but endowed with sacred significance committed during ceremonies and built their values. Since the core subjects are practically not represented in museum collections, in the framework of updating, it is necessary to make them play. It identified the two methods of manufacturing plays: reconstruction and analogy. Minor items are well represented in museum collections, but it is necessary to disclose their information potential within actualization.

Keywords: intangible cultural heritage, calendar rites, actualization of cultural heritage, subject of ethnographic collections, sacred semantics.

На сегодняшний день остро стоит проблема сохранения и актуализации нематериального культурного наследия в условиях глобализации и информатизации современного общества. Ведущая роль в области включения нематериального наследия в актуальную среду принадлежит музеям. Современные музеи активно работают в данном направлении: проводятся театрализованные мероприятия, приуроченные к праздникам народного календаря, устраиваются тематические выставки [6]. Актуализация осуществляется двумя способами: воссоздание собственно объектов нематериального наследия и раскрытие семантического потенциала связанных с ними музейных предметов. Объекты нематериального наследия не оторваны от наследия материального. Календарная обрядность в соответствии с принятой в отечественном музееведении классификацией объектов нематериального наследия относится к категории выраженных в физической форме аспектов культуры и традиции [11]. То есть данные объекты имеют материально выраженные результаты: предметы, с ними связанные. Несмотря на то, что данные предметы не являются объектами нематериального наследия, они представляют собой овеществленные компоненты традиции [5, с. 75–76]. Предметы, связанные с традицией и наделенные свойствами сакральности, содержат в себе информацию о ней, необходимо лишь раскрыть их информационный потенциал. Под сакральностью в данной работе понимается особая семантика, отражающая обрядовые ритуальные традиции русских Сибири.

Можно выделить два типа предметов, связанных с календарным обрядом. Предметы-носители ритуальной семантики, то есть собственно ритуальная атрибутика, создаваемая специально для совершения обряда. По окончании же обряда чаще всего такие предметы уничтожались. Соответственно, в музейных собраниях они практически не представлены.

Предметы второй группы – второстепенные – не содержат собственно ритуального значения, но наделяются сакральным значением во время совершаемых обрядов и способствуют раскрытию их значения. Особенностью этих предметов является использование их как ритуалах, так и в быту. Именно предметы второй группы наиболее часто включены в музейные собрания, однако их семантический потенциал остается нераскрытым полностью. Раскрытие области информационного поля музейного предмета, связанной с календарной обрядностью, позволяет использовать их в тематических выставках, посредством которых возможно эффективно осуществлять актуализацию нематериального наследия. На примере святочной обрядности имеется возможность выявления материальных предметов, относящихся к области календарной обрядности русских. Охарактеризовав данные предметы из собраний музеев Кемеровской области, можно наметить новый вектор в области актуализации нематериального культурного наследия в регионе.

Святки – ключевой праздник зимнего цикла. Он относится к большим праздникам, то есть к тем, которые гуляли несколько дней или неделю. Период Святки изобилует обрядовыми действиями. В рамках святочных гуляний выявлены такие основные акты, как колядование, славление, посевание, ряженье, гадание, вечерки, расстасиха, катание на лошадях. Каждый акт характеризуется использованием определенных материальных предметов.

Одним из ключевых актов на Святки являются гадания. Суть гаданий связывается с желанием узнать свою судьбу, что восходит к представлению о периоде Святки как переходном, соответственно, способным оказывать влияние на будущее. Самыми благоприятными для гадания считались Новогодняя ночь и Крещенский сочельник, то есть период так называемых «страшных вечеров» [9, с. 85]. Оптимальным временем были

полночь и временной отрезок после полуночи [8, с. 173]. Места для гаданий также выбирались по определенному принципу: переходные локусы, к которым можно отнести перекрестки, пороги, конец двора и деревни, дороги [9, с. 85]; «нечистые» места: баня, овин [3, с. 21], места у воды: проруби и колодцы; кладбища. Основными участниками гаданий были девушки, в редких случаях – парни [9, с. 85]. Предметы, используемые при гаданиях можно условно разделить на две группы: те, что использовались как средство для установления контакта с потусторонним миром и те, что непосредственно применялись для ворожбы. При гаданиях совершали ряд действий, способствующих разрушению границ между реальным и потусторонним мирами: садились на порог, открывали дверь и печную трубу, снимали пояса, крест и другие обереги [8, с. 173].

Пояс не случайно включался в семантический ряд оберегов. Так, пояса из коллекций музеев Кемеровской области зафиксированы под названием «опояска», что подчеркивает факт окружения им тела человека по линии талии. Круг же, как известно, отражает символику солярного знака – одного из самых сильных оберегов в традиционной культуре многих народов. Кроме того, значение оберегательной символики заключалось в орнаментах тканых поясов русских Сибири. Так, опояска из коллекции Музея истории крестьянского быта с. Красное Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области декорирована орнаментом в виде семи горизонтальных полос-«елочек» разного цвета, чередующихся вершинами в разных направлениях и расположенных по всей длине пояса. Изображение символа дерева восходит к представлениям о «мировом древе» – знаке плодородия и стабильности. Поэтому для презентации календарных обрядов может быть реконструирована подобная опояска в технике тканья, характерной для данного региона. Семантика православного креста не нуждается в комментариях.

Ряд действий должен был оградить от возможного вреда нечистой силы: в порог втыкали топор, чтобы черт дорогу не перешел [3, с. 21]. О том, что топор в традиционной культуре русских наделялся особым сакральным значением свидетельствует предмет из коллекции музея «Археология, этнография и экология Сибири», обна-

руженный кемеровским археологом А. С. Васютиным в окрестностях Сосновского острога. Лезвие топора с двух сторон декорировано изображением дерева (о семантике которого уже упоминалось в связи с орнаментом опояски) с опущенными вниз ветвями – по три с каждой стороны.

Предметы, непосредственно используемые в гаданиях, зависят от его типа. Способы гадания сильно разнятся даже в соседних селеньях. Однако можно выделить такие, которые бытовали практически повсеместно. Таковыми являются:

- подслушивание, то есть определение на основании услышанного своей будущей судьбы;
- определение различными способами той стороны, откуда явится жених;
- гадание с животными;
- гадания, в рамках которых можно увидеть образ будущего жениха;
- гадания, в которых суженый является во сне.

Во время подслушивания на перекрестке чертили круг, чаще всего используя сковородник [10, с. 40], клюку или кочергу [9, с. 88]. В рамках иной разновидности на снегу расстилался пояс, девушка, стоя на нем, связкой ключей царапала по снегу [9, с. 88]. Могли слушать, стуча ложкой или поварешкой в паз новой избы [1, с. 58]. На основе услышанного определяли свою судьбу. Применяемые в гаданиях предметы тесно связаны с женской домашней деятельностью и с очагом: кочергой помешивали угли в печи, сковородник и ухват использовали для вынимания из печи приготовленных блюд, ложка и поварешка служили для вычерпывания и разливания вынутой из печи жидкой пищи, ключами запирали сундуки с добром, которое было частью приданого женщины. Выделяется в этом ряду клюка, но можно предположить, что этот предмет, напоминающий по форме кочергу, появился в обрядах гаданий позднее. Такого типа музейные предметы имеются в коллекциях большинства музеев Кемеровской области, так как период их бытования в среде русских крестьян Сибири датируется с конца XIX до первой половины XX века.

Определить сторону, откуда ждать жениха, можно было различными способами. Одним из самых распространенных было бросание пима через забор [8, с. 173]. Можно высказать предположение, что обувь наделялась особой семантикой, что нашло отражение в сказках народов

мира. Один валенок в этих гаданиях оставался у его владелицы без пары, а второй она бросала за ворота, и это определенным образом символизировало поиск пары для нее самой. Выбор валенка обусловлен тем, что для условий сибирской зимы именно валенки были самым распространенным типом обуви и в некоторых регионах Сибири назывались пимами по аналогии с меховой обувью отдельных автохтонных народов Сибири. Форма валяной обуви, используемой русскими крестьянами в начале XX века сохранилась и в настоящее время и может быть применима при проведении в музее святочных обрядов гадания.

Среди переселенцев был распространен такой способ гадания, как подблюдные песни [4, с. 67–71], исполняемые в горнице за столом. В гадании принимали участие незамужние девушки. За стол усаживалось не более десяти человек, выбиралось соответствующее количество песен. На каждого человека должно было прийти по одной песне. Стол покрывался белой скатертью, каждый из участников подкладывал под скатерть свой кусок хлеба [10, с. 41]. На тарелку складывали 10 колец и закрывали ее наглухо платком. Неучаствующий в обряде вытаскивал кольцо, встряхнув тарелку. Та песня, которая звучала в данный момент, предсказывала судьбу обладательнице кольца [10, 37]. Для подобного вида гадания могут быть использованы атрибуты из реальной действительности, однако необходимо, чтобы они не диссонировали с эпохой, к которой относится бытование календарного обряда. Желательно, чтобы белая скатерть была полотняной или льняной, а кольца – в виде обруча и без щитка.

Определить характер будущего жениха можно было посредством гадания с петухом, перед которым раскладывали различные предметы, имеющие символическое значение, какой петух выберет, такое пророчество и ожидает девушку [14, с. 26]. Инструмент всегда семантически восходил к труду и пророчил работающего супруга, монеты – богача [8, с. 173].

Образ будущего жениха можно увидеть в кольце, в зеркале, а также во сне, предварительно положив под подушку определенный предмет. В Новогоднюю ночь девушки высматривали будущего суженого через кольцо в стакане с водой или в зеркалах [3, с. 23]. Чтобы увидеть суженого во сне, нужно было уложить гребень под

подушку или надеть чулок на ногу и, укладываясь спать, адресовать будущему жениху связанную с этими предметами просьбу [14, с. 26–27]. Зеркало применялось и в другом виде гадания: глядели в него на отражение месяца на небе: сколько месяцев отразится, столько и детей будет. Иногда роль зеркала выполняла икона: смотрели, сколько отблесков будет на иконе при зажжении свечи [4, с. 69]. Зеркала в деревянных резных рамах, которые могут быть использованы в обряде при условии осторожного с ними обращения, имеются во многих музеях Кемеровской области, где есть этнографические коллекции – в Кемеровском областном краеведческом музее, Музее истории крестьянского быта с. Красное, музее «Археология, этнография и экология Сибири» и др. Остальные предметы могут быть изъяты из современной действительности и включены в обряд при условии, что они не диссонировают с отраженным в действе временем. Манипуляция гадающей с чулком без пары, так же как и в случае с валенком, наводит на мысль об обретении пары.

На Крещение и Новый год бытовали такие способы гадания, как пророчество по ложкам. Ложки, налитые водой, ставили на порог и наблюдали: у кого вода замерзла бугром – тому жить, у кого впадиной – тому умереть [14, с. 27]. При использовании в обряде ложек необходимо учитывать тот факт, что традиционно ложка в русской народной культуре имела полусферическую черпательную часть, верхний срез которой имел форму круга, отражающего семантику солярного знака.

Судьбу определяли по количественным характеристикам пророчеств. Кольцом, привязанным к волоску, ударяли по стенкам стакана: сколько ударят, столько лет будет, когда выйдешь замуж [4, с. 69]. В данном виде гадания не только использовано кольцо, наделенное семантикой солярного знака, но и волос гадающей. Волосы, как известно из материалов этнографических исследований, являются вместилищем души человека, что обеспечивало верность предсказания для конкретного лица.

К гаданиям по жребию можно отнести выбор с закрытыми глазами ленты или повойника, вытягивание кольца из чаши с зерном [3, с. 23], вытягивание из-под платка с закрытыми глазами семантически наполненных предметов. Например,

стакан был связан с пьянством, рабочий инструмент – с трудом [14, с. 27]. Выбор ленты при гадании можно объяснить тем, что она повязывается вокруг головы, то есть замыкается в круг, символизирующий солярный знак. Повойник ассоциируется с замужеством – окручиванием девушки во время одного из этапов свадебного обряда. Опыт реконструкции повойника апробирован авторами статьи при презентации обрядовых традиций русских Сибири в работе Всероссийской научно-практической музееологической школы с международным участием [6].

Другим значимым обрядовым актом на Святки является ряжение. Стремление изменить облик восходит к представлению о данном периоде, как о времени, наиболее благоприятном для разгула нечистой силы. Одним из основных свойств персонажей низшей демонологии является способность изменять свой облик. Поэтому желание стать неузнаваемым напрямую связано с суеверными народными представлениями. Наименования ряженных различно в зависимости от региона. Чаще всего их называли «ряжеными», «машкарадниками», «машкированными», «шуликанами», «шулюкинами».

В основном, ряжение приходилось на Новый год [7]. Рядилась обычно женатая молодежь, но бывали и исключения. Однако девушки старались не рядиться [8, с. 174]. «Шуликаны» ходили по домам, разыгрывали шуточные представления, устраивали потехи, могли плясать, петь песни [1, с. 48]. Популярны были забавы с покойником. Покойники ходили по селам в одиночку, в отличие от групп других ряженных, и пугали людей.

Ритуальные костюмы в данном случае являются основой обрядового действия. Способы ряженья отличались в различных селах, но все же можно выделить общие и наиболее употребительные. В. А. Липинская выделяет такие способы, как травести, медведь в вывороченной шубе, коза с рогами, старуха и горбатый старик, цыгане, нищий [8, с. 174]. Е. Ф. Фурсова в качестве основных приемов ряженных отмечает выворачивание шубы наизнанку, использование старой одежды, травести, распускание волос и приделывание искусственных, облачение в белые одежды [15, с. 96]. Т. Н. Золотова выделяет следующие типы ряженных: зооморфные, антропоморфные, нечистая сила и покойники. К зооморфным можно

отнести ряжение гусем, коровой. Широко распространен был способ рядиться конем [4, с. 61–65]. Рядились русалками и чертями с рогами и хвостом [15, с. 100]. Среди антропоморфных костюмов бытовали наряды старика и старухи, цыган, региональной особенностью было ряжение татарками [4, с. 61–65]. Г. В. Любимова также отмечает, что довольно часто рядились теми народами, в непосредственной близости с которыми проживали, популярным нарядом также был костюм шамана и ряжение в представителей различных автохтонных народов [9, с. 117]. В XX веке появляется традиция рядиться цыганами, приделывая горб и используя бадожок, облачаться в костюмы других национальностей: паньей, украинкой [15, с. 103].

Таким образом, можно выделить такие типы ряженных, как зооморфные, антропоморфные, нечистая сила, травести. Перевоплощение в новые образы было направлено на отведение внимания нечистой силы, разгулявшейся в период святок, от человека, переключения их внимания на иные почти мифические существа.

Характерными атрибутами зооморфных ряженных являются шкура или тулуп, вывернутый наизнанку, а также изготовленные из подручных средств (предметов быта или непосредственно частей тела животного) рогов, хвоста, гривы, вымени, клюва и т. д. Для создания зооморфного образа ряженных при актуализации календарного обряда может использоваться целенаправленно составленный для этих целей научно-вспомогательный фонд музея, в котором сосредоточены собираемые во время экспедиций и приобретенные в результате случайных находок вышеперечисленные предметы. Либо элементы для перевоплощения в животное или птицу могут быть специально изготовленными реквизитами, но не диссонирующими с исторической эпохой, к которой относится презентуемый обряд.

Антропоморфный тип костюмов ряженных представлен такими разновидностями, как представители других национальностей и старики. При ряжении в другие национальности используются различные элементы одежды и аксессуары, при ряжении в стариков применяется ветхая одежда, также используются горб и бадожок. Элементы ряженья в нечистую силу включают шубу или шкуру, волосы из кудели, тряпочки, пришитые на одежду [15, с. 100], белый цвет в одежде

(при ряженье в покойника). Рядились русалками – распускали волосы и/или ходили в одежде, расшитой полосками ткани. Также ряженные в нечисть традиционно надевали маски, изготовленные из бересты, картона, бумаги, тыквы, чулок, кожи. В масках, разрисованных сажей, делались прорезы для глаз, рта, носа [4, с. 64]. Реконструкция берестяных и тыквенных масок для презентации календарных обрядов в музее зарекомендовала себя в деятельности экомuzeя-заповедника «Тюльберский городок» и музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета.

На костюмы ряженных подвешивали колокольчики, ботала [15, с. 96]. Отмечается хождение ряженных на ходулях [4, с. 64]. Атрибутикой ряженных являлись музыкальные инструменты (гармоники, балалайки), а также доски, чугуны и т. д. [15, с. 109], ухваты, сковородники, тазики, чашки, ведра. Все эти атрибуты имеют одно общее свойство – металлические детали, с помощью которых производился шум, отвлекающий нечистую силу. Металлические атрибуты были либо медные или латунные (колокольчики, ботала, тазы), либо железные (рабочие части ухватов, сковородников и пр.). По древним воззрениям народов Сибири медь ассоциировалась с землей и ее обитателями, а железо являлось символом подземного мира и одновременно мыслилось маркером небесного громового божества, причастного к небесному огню.

Особую роль играли костюмы коня и покойника, так как ряженные подобным образом принимали участие в отдельных обрядах: вождение коня, вариации игр в покойника. Костюм коня представляет собой следующее: один или несколько человек надевают на себя конскую шкуру, простыню или холст, накрывать коня могли также шубой [15, с. 100]. Из тряпок делается голова, набитая соломой, уши изготавливаются из ухвата или палочек, борода – из льна. На коня надевают хомут, к голове прикрепляют колокольчики и цветные ленты, сажей рисуют глаза и рот, пришивается хвост из конского волоса [4, с. 61]. Вместо ушей могли использоваться вилы, в рукав просовывалась голова, сверху двое накрывались еще одной шубой, вся конструкция подвизывалась опоясками [15, с. 99–100]. Костюм покойника состоял из белой одежды с ног до головы: рубахи,

штанов, носков, холщовой маски с прорезями для глаз и рта. Также в дополнение к данному костюму использовалась тыква, в которой вырезали глаза, рот, зубы, а внутрь ставили горящую свечу [15, с. 104–106], вырезали глаза, куда вставляли бусины [14, с. 15]. Атрибутами покойника были горящая тыква, искусственные зубы. В зубы вставлялась лучина с огнем [3, с. 27]. Покойника шуточно отпевали, а он должен был выскокить в самый неожиданный момент [15, с. 104]. Кроме этого, ряженные с тыквой пели щедровки [14, с. 15]. Часть элементов костюма этих образов в музейных коллекциях не зафиксирована (набитая соломой голова коня, белые одежды покойника, тыква), поэтому при подготовке к обряду может быть подготовлен реквизит, отвечающий требованиям времени, к которому относится реконструируемый обряд. Другие предметы – ухват, льняная кудель, хомут, колокольчики, вилы составляют часть этнографических коллекций и нередко имеются в наличии в дублетном фонде, который может быть использован при презентации календарных обрядов.

Маски ряженных также не сохранялись. Е. Ф. Фурсова отмечает, что маски шеликунов по завершении ряженья обязательно нужно было сжечь [15, с. 110]. Бытовые же предметы, используемые ряженными, сохранялись и являлись потенциальными предметами музейного значения, впоследствии имевшими возможность быть включенными в музейные собрания.

Семантически связан с представлениями о нечистой силе такой обрядовый акт как «рассташшиха». Считалось, что участники ее олицетворяют нечистую силу. «Рассташшиху» устраивали на Новый год и принимали в ней участие холостые и недавно женатые парни. Они раскидывали дрова, замораживали двери, подпирали ворота саними, закрывали дымоход [9, с. 90–91]. *«Могли даже часть забора перенести что его не найдешь потом... Утром встанешь и пойдешь искать его. Но утаскивали недалеко его быстро находили: найдешь и повешаешь»* (Мирошкина Н. Т. с. Красное, Ленинск-Кузнецкого района КО) [12]. Музеи под открытым небом в своих коллекциях или предметах научно-вспомогательного фонда вполне могут иметь такие атрибуты для проведения обряда, как дрова, сани или снятые с петель двери.

Традиция посеваний была характерна, в основном, для переселенческих сел. Данный акт имел продуцирующее аграрное значение. Сеятели воспринимались как предвестники урожая. Подсевания совершались утром Нового года. Группа посевальщиков ходила по домам, где бросала зерно из холщового мешка, из карманов, рукавиц в красный угол [15, с. 114]. Часть предметов для презентации обряда может быть реконструирована (мешки, рукавицы), одежда посевальщиков при этом не должна диссонировать с тем временем, для которого посевание было обыденным явлением.

Другой вариацией хождения по домам является славление, совершаемое утром Рождества. Славельщики заходили в дом, становились у двери и исполняли отрывки из священного писания [8, с. 174]. Их угощали сырчиками, семечками, шаньгами, пирогами. Отмечается традиция усаживать первого славельщика на тулуп, чтоб овцы водились, под шубу – для богатства или на порог, чтоб куры неслись [4, с. 53]. Участниками славлений были дети [8, с. 174]. Процессия славельщиков ходила по дворам с самодельной звездой из бумаги [9, с. 97]. Звезду могли изготавливать из дерева: она представляла собой узкие дощечки в форме двойного креста с прикрепленными на концах бумажными цветами. Бытовали бумажные или деревянные звезды с зажженной внутри свечой. В некоторых местностях вместо звезды носили колесо с красной лентой. Могли изготавливать звезду из фольги [14, с. 15]. Славление обычно начиналось со слов: «Дозвольте прославить Христа», после чего пели отрывки из священного писания [8, с. 174]. Опыт реконструкции звезды славельщиков известен в деятельности Историко-архитектурного музея под открытым небом СО РАН.

К святочной обрядности относится также традиция вечерочных посиделок. Основной целью таких вечеров был выбор пары, для того чтобы в зимний мясоед сыграть свадьбу, поэтому вечерочные игры и танцы были основаны на принципе парности [13, с. 27]. Таким образом, вечерки, призванные ускорить вступление в брак, имели продуцирующее значение, так как молодожены должны были, по народным представлениям, усилить плодородность земли. На вечерки собирались в конце дня [8, с. 174–176].

В вечерках принимала участие молодежь обоего пола: холостые девушки и юноши. Парни выкупали за деньги вскладчину избу у какой-нибудь пожилой одинокой женщины, приносили угощения (конфеты, пряники, орехи). Девушки же давали хозяйке что-нибудь изстряпни. На вечерках играли в круговые игры, сопровождаемые песнями с поцелуями и направленными на выбор пары [8, с. 172]. Среди традиционных игр наиболее распространены были игры «в соседей», «в свадьбу», «в номера», «колечко», «сосед соседку любит», «в стенки» [4, с. 66]. Девушки на вечерки старались наряжаться, соответственно выбирался традиционный праздничный костюм и украшения. В рамках воспроизведения костюмов участников мероприятия также важно прибегнуть к методу реконструкции. Использование подлинных предметов из музейных коллекций исключается, так как присутствует большой риск повредить их. Использование реконструированных костюмов позволяет усилить зрелищность воспроизводимого обряда и презентовать материальное наследие в комплексе с нематериальным. Костюмный комплекс должен отражать культуру русского населения того хронологического периода, к которому относится реконструируемый обряд. Календарный обряд представлял собой праздничное мероприятие, поэтому и одежда должна быть сшита только из покупного текстиля [15, с. 12]. У русских Сибири это были кашемир, шелковые ткани, атлас. Декорировалась одежда кружевом и вышивкой, а женский праздничный костюм дополнялся различными украшениями бусами, серьгами, кольцами. Мужские праздничные рубахи, надетые на выпуск, подпоясывались. Реконструкция одежды может базироваться на фотоматериалах, этнографических описаниях, графических зарисовках, наиболее удачным вариантом является использование всех источников в совокупности. После этого при участии специалиста разрабатывается выкройка, подбирается ткань. Допустимо использование метода аналогии при изготовлении костюма. Юноши могли рядиться в характерных для маскирования персонажей. На вечерках исполняли круговые песни, частушки, устраивали танцы [8, с. 173].

Среди переселенцев из северорусских регионов было распространено катание на лошадях [3, с. 25]. Катание вокруг деревни восходит, ско-

рее всего, к продуцирующему значению. Катания и конные бега совершались на Рождество [4, с. 57], в день Нового года [10, с. 41]. Катались вокруг деревни на конях, украшенных колокольчиками [4, с. 57], высланных коврами и полотенцами. *«Полотенца вышьют и скатерти, ковры какие настелят. Телеги, кошевки, а в кошевках стелятся ковры, на этих коврах сидят девушки, а на коней скатерти одевают, на груди скатерка и под хвост скатерку – это значит рукодельница, у ней и скатерть, и полотенце, и дорожки. И можно замуж выдавать»* (Белова Н. Е., с. Красное, Лениск-Кузнецкого района) [12]. Во время конных бегов делали ставки, а после оспаривали заклад [10, с. 41]. Катались на лошадях все слои населения, в конных бегах же принимали участие, в основном, мужчины. В данном случае атрибутика также может быть изъята из реальной действительности (ковры, колокольчики), но максимально отражать эпоху, к которой относится обряд. Полотенца могут быть реконструированы с вышивкой, отражающей семантику, характерную для русских обрядовых полотенец.

Другим обрядовым актом являлся обычай жечь костры. Их разжигали как на Новый год, так и в остальные дни Святка. Данное действие значило жечь старый год [4, с. 66] или сжигать зиму. *«Зиму сжигали, зиму провожали: костры собирают и зиму жгут. Не жгли снопы, просто жгли костры в любое время, хоть на первое января»* (Белова Н. Е., с. Красное, Лениск-Кузнецкого района) [12]. К святочным актам относится также традиция умываться с серебра, имеющая продуцирующее значение [4, с. 66]. Девушки утром Нового года умывались водой, куда заранее был положен серебряный предмет, что должно было обеспечить им красивый цвет лица и здоровье на будущий год. Другим актом было ставить сноп в красный угол и не убирать его до Крещения [4, с. 66]. Что, скорее всего, также восходит к прогнозирующим действиям. Серебряным предметом может быть опущенная в воду во время презентации обряда монета. А о таком атрибуте, как сноп следует позаботиться в период уборки зерновых с полей и заготовить заранее, включив его в состав научно-вспомогательного фонда музея.

К обрядовым актам Крещения относятся изображение крестов, окуривание домов вере-

ском, традиция смотреть домового. Данные обрядовые элементы тесно связаны с представлениями о нечистой силе. Во время «страшных вечеров» и на Крещение [10, с. 40] принято было рисовать крестики на дверях, окнах, потолке, на входе в хозяйственные помещения [8, с. 176], что способствовало защите жилища и скотины. Кресты изображали мелом или углем в доме и в хлеву [10, с. 37]. Могли также выжигать кресты свечой или рисовать их воском [15, с. 124]. Бытовала традиция влезать на чердак, смотреть, куда будет прятаться домовый [8, с. 176].

Другим актом было сооружение Иорданей – прорубей на реках и озерах в форме креста. Очистительное значение основывалось на соединении христианской и народной интерпретации. Вода из этой проруби считалась священной. Ряженные должны были обязательно искупаться в этой воде, чтобы смыть с себя грехи, а больных вода могла исцелить от недуга [8, с. 176]. По дороге к Иордани расстилалась солома, по бокам втыкались вершинки молодых елочек, потом это растаскивалось по скотным дворам [10, с. 43]. После опускания креста и совершения молитвы вода считалась целебной: ее несли домой и омывали скот, лечили больных в течение года [8, с. 175]. Второстепенным крещенским актом было выпекание крестов (тесто заводили с медом) и разбрасывание их по амбарам до первых посевных [16].

Таким образом, святки считались значимым периодом в народном календаре, прежде всего они были связаны с переходом от одного года к другому. Данный временной отрезок считался рубежом, отсюда представление о Святках как о времени активизации нечистой силы и избытие продуцирующих обрядов, христианские воззрения на данный праздник придали ему очистительное значение. Все данные семантические пласты способны раскрыть музейные предметы и их реконструкция. Реконструкция музейного предмета представляет собой максимально точное воспроизведение с сохранением его формальных, функциональных, технических характеристик, основанное на методе научно-обоснованной реконструкции. Другим вариантом воспроизведения предмета является аналогия. В данном случае предмет моделируется на основании сходства с подлинником, но с определенным процентом отступлений и авторских интерпретаций. При

создании аналогий возможно незначительное изменение характеристик, присущих подлинному предмету. Ключевые же материальные носители должны выполняться только посредством метода реконструкции. В основу реконструкции ложатся этнографические описания, и графические, фото-материалы и подлинные предметы из коллекций музея. Реконструкция может выполняться как специалистом, так и музейным сотрудником (в случае простоты исполнения). При реконструкции важно обратить внимание на материал, форму, технику исполнения, размеры. При невозможности использования традиционных материалов, необходимо найти современные аналоги. Мате-

риал должен копировать подлинный предмет по цветовым и качественным характеристикам. Например, при реконструкции костюмов ряженных допускается использование искусственного меха, но по фактуре и цвету он должен имитировать натуральный, недопустимо использование крашеного меха, особенно в неоновые оттенки. Техника исполнения допускает в данном случае наибольшие вольности, однако, данная вариативность не должна сказаться ни на форме, ни на технических характеристиках. Таким образом, изготовление традиционной атрибутики должно базироваться на совокупности методов научно-обоснованной реконструкции с приемом адаптации.

Литература

1. Болонев Ф. Ф. Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX – начало XX века). – Новосибирск: Наука, Сибир. отд-е, 1978. – 159 с.
2. Глушкова П. В., Кимеева Т. И. Актуализация календарной обрядности в музеях Кемеровской области // Вестн. КемГУ. – 2014. – № 3 (59). – Т. 3. – С. 78–87.
3. Дмитриева С. И. Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. – М.: Наука, 1988. – 240 с.
4. Золотова Т. Н. Русские календарные праздники в Западной Сибири (конец XIX–XX век). – Омск: Издатель-Полиграфист, 2002. – 234 с.
5. Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. – М.: Этерна, 2012. – 432 с.
6. Глушкова П. В., Кимеева Т. И., Мелкова С. В. К проблеме реконструкции элементов традиционного головного убора русских Сибири // Малочисленные этносы в пространстве доминирующего общества: практика прикладных исследований и эффективные инструменты этнической политики. – Кемерово: Практика, 2014. – С. 477–481.
7. Громыко М. М. Мир русской деревни. – М.: Молодая Гвардия, 1991. – 446 с. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.chzr.ru/uploadedfiles/site/file/biblioteka/books/2012/mir_russ_derevni.pdf. – Загл. с экрана.
8. Липинская В. А. Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае XVIII – начало XX века. – М.: Наука, 1996. – 269 с.
9. Любимова Г. В. Возрастной символизм в культуре календарного праздника русского населения Сибири. XIX – начало XX века. – Новосибирск: Изд-во ИА и Э СО РАН, 2004. – 240 с.
10. Макаренко А. А. Сибирский народный календарь. – Новосибирск: Наука, Сибир. издат. фирма, 1993. – 167 с.
11. Российская музейная энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp>. – Загл. с экрана.
12. Традиционная обрядность русских Кемеровской области // Архив П. В. Глушковой.
13. Ты игра наша веселая... (игры, записанные в Алтайском крае). – Барнаул: Аз-Бука, 2004. – 66 с.
14. Фольклор Кемеровской области [Текст] / сост. Е. И. Лутовинова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – 197 с.
15. Фурсова Е. Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX–XX век). Обычаи и обряды зимне-весеннего периода. – Новосибирск: АГРО, 2002. – Ч. 1. – 285 с.
16. Фурсова, Е. Ф. Календарные обряды [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/library/fursova/calendar.html>. – Загл. с экрана.

References

1. Bolonev F.F. Narodnyi kalendar' semeiskikh Zabaikal'ia (vtoiaia polovina XIX–nachalo XX veka) [Folk calendar Semei Transbaikalia (second half of XIX–beginning of XX century)]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie Publ., 1978. 159 p. (In Russ.).
2. Glushkova P.V., Kimeeva T.I. Aktualizatsiia kalendarsnoi obriadnosti v muzeyakh Kemerovskoi oblasti [Updating calendar rites in the museums of the Kemerovo region]. *Vestnik KemGU [Bulletin of Kemerovo State University]*, 2014, no 3 (59), vol. 3, pp. 78–87 (In Russ.).

3. Dmitrieva S.I. Fol'klor i narodnoe iskusstvo russkikh Evropeiskogo Severa [Folklore and folk art of the Russian European North]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 240 p. (In Russ.).
4. Zolotova T.N. Russkie kalendarnye prazdniki v Zapadnoi Sibiri (konets XIX–XX vek) [Russian calendar holidays in Western Siberia (the end of XIX–XX centuries)]. Omsk, Izdatel'-Poligrafist Publ., 2002. 234 p. (In Russ.).
5. Kaulen M.E. Muzeefikatsiia istoriko-kul'turnogo nasledii Rossii [The Museum of historical and cultural heritage of Russia]. Moscow, Eterna Publ., 2012. 432 p. (In Russ.).
6. Glushkova P.V., Kimeeva T.I., Melkova S.V. K probleme rekonstruktsii elementov traditsionnogo golovnogo ubora russkikh Sibiri [To the problem of reconstruction of the elements of the traditional headdress of Russian Siberia]/ *Malochislennye etnosy v prostranstve dominiruiushchego obshchestva: praktika prikladnykh issledovaniy i effektivnye instrumenty etnicheskoi politiki* [Minority ethnic groups in the space of the dominant society: practice, applied research and effective tools of ethnic policy]. Kemerovo, Praktika Publ., 2014, pp. 477–481. (In Russ.).
7. Gromyko M.M. Mir russkoi derevni [World of a Russian village]. Moscow, Molodaia Gvardiia Publ., 1991. 446 p. Available at: http://www.chzr.ru/uploadedfiles/site/file/biblioteka/books/2012/mir_russ_derevni.pdf (In Russ.).
8. Lipinskaia V.A. Starozhily i pereselentsy. Russkie na Altae XVIII – nachalo XX veka [Old-timers and settlers. Russian Altai XVIII – beginning of XX century]. Moscow, Nauka Publ., 1996. 269 p. (In Russ.).
9. Liubimova G. V. Vozrastnoi simvolizm v kul'ture kalendarnogo prazdnika russkogo naseleniia Sibiri. XIX – nachalo XX veka [Age symbolism in culture calendar feast of the Russian population of Siberia. XIX – beginning of XX century]. Novosibirsk, SO RAN Publ., 2004. 240 p. (In Russ.).
10. Makarenko A.A. Sibirskii narodnyi kalendar' [Siberian folk calendar]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskaiia izdatel'skaia firma Publ., 1993. 167 p. (In Russ.).
11. Rossiiskaia muzeinaia entsiklopediia [The Russian Museum encyclopedia]. Available at: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp> (In Russ.).
12. Traditsionnaia obriadnost' russkikh Kemerovskoi oblasti [Traditional culture of Russian Kemerovo region]. *Arkhiv P.V. Glushkovo*. (In Russ.).
13. Ty igra nasha veselaia... (igry, zapisannye v Altaiskom krae) [You play our fun... (games, recorded in the Altai region)]. Barnaul, Az-Buka Publ., 2004. 66 p. (In Russ.).
14. Fol'klor Kemerovskoi oblasti [The folklore of the Kemerovo region]. Author-composer E.I. Lutovinova. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 1997. 197 p. (In Russ.).
15. Fursova E.F. Kalendarnye obychai i obriady vostochnoslavianskikh narodov Novosibirskoi oblasti kak rezul'tat mezhetnicheskogo vzaimodeistviia (XIX – XXth. Obychai i obriady zimne-vesennego perioda) [Calendar customs and traditions of the East Slavic peoples of the Novosibirsk region as a result of interethnic interaction (XIX–XX century). The customs and ceremonies of the winter-spring period]. Novosibirsk, AGRO Publ., 2002, vol. 1. 285 p. (In Russ.).
16. Fursova E.F. Kalendarnye obriady [Calendar rites]. Available at: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/library/fursova/calendar.html> (In Russ.).

УДК 069.02

ПРОБЛЕМЫ ФОНДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ МУЗЕЯХ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Кимеева Татьяна Ивановна, кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: tat-kimeeva@mail.ru.

Пронина Светлана Андреевна, аспирант, преподаватель кафедры музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: swetlanapro@yandex.ru

Статья посвящена исследованию проблем фондовой деятельности музеев под открытым небом Западной Сибири. Приведена систематизация музеев под открытым небом по доминантному признаку.

Впервые выполнен анализ нормативных документов на наличие в них данных по фондовой деятельности музеев под открытым небом и выявлены проблемы фондовой деятельности музеев под открытым небом различного типа.

Выполненный анализ показал, что существующие сегодня нормативные документы, регламентирующие деятельность по организации фондов различных типов музеев в России, это: «Инструкция по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР» (1985) и «Инструкция о порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры» (1986). Исходя из содержания данных инструкций видно, что в них описаны основы и правила ведения фондовой деятельности в традиционных формах музея, а фондовая деятельность музеев под открытым небом остается неохваченной. По мнению авторов, это порождает ряд проблем, которые требуют решения для полноценной работы музеев под открытым небом в области фондовой деятельности.

Ключевые слова: музеи под открытым небом, фондовая деятельность, музейный предмет, музейный объект, нормативные документы.

THE STOCK ACTIVITY PROBLEMS IN ETHNOGRAPHIC OPEN-AIR MUSEUMS OF WESTERN SIBERIA

Kimeeva Tatyana Ivanovna, Candidate of Culturology, Docent, Docent of Department of Museology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: tat-kimeeva@mail.ru

Pronina Svetlana Andreevna, Post-Graduate Student, Lecturer, Department of Museology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: swetlanapro@yandex.ru

The article investigates the problems of open-air museums' stock activity in Western Siberia. As the urgent tasks of cultural policy of modern Russian society puts forward the efforts to establish museums that researchers define a general notion of open-air museums. The number of museums in the country is growing, and before the curator problems of their classification on the basis of which is determined by the specificity of the different kinds of activities, including the research and stock. Focusing on existing in museology classification on the basis of the dominant symptoms, historical and cultural heritage among the open-air museums are:

- Environmental preserving the immovable objects "in-site";
- Open-air museums;
- Ecomuseums, where the environment is preserved in the development efforts of local people and objects of historical and cultural heritage used for its original purpose.

In this paper, we first analyzed the regulations for the presence of data on open-air museums' stock activity. It should be noted that the coverage of the various forms of museum activities in the works of Russian and foreign scientists, museologists practically did not affect the stock of museums in the open air and implemented in the framework of its research. Regulations of the funds for the organization of different types of museums in Russia, hitherto considered "Instructions for accounting and storage of museum property located in the state museums of the USSR" (1985) and "Instruction on the procedure of accounting, preservation, maintenance, use and restoration immovable monuments of history and culture" (1986). Their analysis showed that none of the above instructions reflect the activities of the stock open-air museums that raise a number of issues that need to be resolved to complete the work in the open-air museums' stock activity.

The above leads to the conclusion that there are problems in the open-air museums' stock activity:

- The problem of the availability of legally approved documents that are designated types of museum objects that form the basis of open-air museums' funds;
- Problem of including the real estate and translocated objects in the museum fund;
- The problem of creating the interactive funds included in the structure held in the museum of folk ceremonies and holidays.

We analyzed the “Instructions for accounting and storage of museum property located in the state museums of the USSR № 290 dated July 17, 1985” and “Regulations on the procedure of accounting, preservation, maintenance, use and restoration of immovable monuments of history and culture № 203 from 13/05/1986.” It is clear that they describe the basics and rules of stock activity in the traditional forms of the museum, and stock activity of open-air museums is not covered there. It causes a number of problems in the formation of museum collections. The structure of funds of open-air museums include not only movable museum objects, but also real estate and translocated monuments whose inclusion in the stock composition of open-air museums, was not spelled out in any normative documents regulating securities activities on the territory of the Russian Federation. Museums are free to decide on accounting the translocated authentic objects and remakes, using authentic movable and immovable objects in interactive activities, guidance on this aspect absent.

Keywords: open-air museums, stock activity, museum object, regulatory documents.

В качестве актуальных задач культурной политики современного российского общества выдвигается деятельность по созданию музеев, которые исследователи определяют под общим понятием музеев под открытым небом. Численность таких музеев в стране растет, и перед музейными специалистами возникают проблемы их классификации, на основе которой определяется специфика различных видов их деятельности, в том числе и фондово-исследовательской. Ориентируясь на существующие в музейном деле классификации [4, с. 432], на основе доминантного признака сохраняемого историко-культурного наследия среди музеев под открытым небом можно выделить:

- средовые, сохраняющие недвижимые объекты «in situ»;
- скансены;
- экомузеи, где среда сохраняется в развитии усилиями местных жителей и объекты историко-культурного наследия используются по первоначальному назначению.

Средовый музей – музей, деятельность которого направлена на музейфикацию историко-культурной и природной среды со всеми движимыми, недвижимыми и нематериальными объектами, а также людьми, населяющими территорию и осуществляющими на ней виды деятельности [4, с. 87]. Средовые этнографические музеи, сохраняющие недвижимые объекты «in situ», или сайт-музеи (от англ. site – месторасположение, местонахождение), располагаются на месте прошлого или настоящего обитания человеческого сообщества и музейфицируют свидетельства его образа жизни и традиций [10]. Примером такого

типа музеев в Западной Сибири может считаться Историко-культурный музей-заповедник «Шушенское».

Скансен – музей, созданный на основе свезенных из разных мест памятников. Его специфика заключается в том, что среда моделируется искусственно. К такому типу музеев, как скансен относятся Архитектурно-этнографический музей «Тальцы», этнографический комплекс «Кезек» музея-заповедника «Томская Писаница».

Экомузей – это музей, «созданный для комплексного обеспечения сохранности, восстановления, изучения и публичного представления целостных территориальных комплексов культурного и природного наследия, материальных и духовных ценностей в их традиционной исторической среде» [1, с. 5]. Данной характеристике отвечает экомузей «Тазгол», расположенный на территории традиционного проживания шорцев в естественной исторической среде.

Существование разных типов музеев под открытым небом и реализуемые ими виды музейной деятельности предполагают различную организацию музейных фондов. Так, еще М. Керьен отмечал, что для экомузея характерно специфическое отношение к предмету: предмет изымается из естественной среды для изучения, после же вновь возвращается в нее. То есть предметы продолжают функционировать, использоваться по первоначальному назначению. Главная задача экомузея – обеспечить не столько сохранность предмета, сколько сохранность традиции его изготовления. Экомузей также может иметь коллекции традиционного типа, которые выставляются в постоянной экспозиции [5, с. 18–19].

В настоящее время отмечается определенная лакуна в освещении вопросов, связанных с фондовой деятельностью музеев под открытым небом:

- проблема наличия законодательно утвержденных документов, в которых обозначены типы музейных предметов, составляющих основу фондов музеев под открытым небом;
- проблема включения недвижимых и транслированных объектов в музейный фонд;
- проблема создания интерактивного фонда, включаемого в структуру проводимых в музее народных обрядов и праздников;

Следует отметить, что освещение различных форм музейной деятельности в трудах зарубежных и российских ученых-музееведов практически не затрагивало фондовой работы музеев под открытым небом и осуществляемых в ее рамках научных исследований. Документами, регламентирующими деятельность по организации фондов различных типов музеев в России, до настоящего времени считаются «Инструкция по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР» (1985) [7] и «Инструкция о порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры» (1986) [8].

Анализ «Инструкции по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР № 290 от 17 июля 1985 года» показал, что состав музейных коллекций в этом документе определен исключительно для естественно-научных музеев, исторических музеев или отделов, литературных, театральных, музыкальных музеев или отделов, технических музеев, художественных и мемориальных музеев. Особенности формирования коллекционного фонда музеев под открытым небом внимания в данной инструкции не уделено.

Причиной отсутствия каких-либо нормативных документов по фондовой деятельности музеев под открытым небом является тот факт, что музеи России до настоящего времени вынуждены строить свою фондовую деятельность в соответствии с документом 1985 года, при создании которого не учитывался факт зарождения музеев нового типа. Хотя до утверждения приказа об инструкции

1985 года, в начале 1970-х годов, появляются работы А. В. Ополовникова, в которых музей под открытым небом рассматривается как один из методов сохранения памятников деревянного зодчества [6, с. 102–103]. В этом же 1985 году в период утверждения приказа о функционировании инструкции на страницах журнала «Музей» **обсуждаются проблемы такого типа музеев под открытым небом, как экомузей.** В статьях Ж. А. Ривьера [9, с. 2–3], Ю. Варина [1, с. 5] и др. о его создании говорят как о глобальном эксперименте. Спустя два года Б. В. Гнедовский предлагает типологию музеев под открытым небом [2].

В связи с тем, что документа, регламентирующего фондовую деятельность музеев под открытым небом, не появилось до настоящего времени, эти учреждения сами вынуждены решать вопросы организации своих фондов и проводимую в их рамках научно-исследовательскую деятельность, ориентируясь на имеющиеся в их распоряжении нормативные документы.

В результате анализа «Инструкции о порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры № 203 от 13.05.1986» выявлено, что государственный учет недвижимых памятников истории и культуры осуществляют государственные органы охраны памятников. Деятельность по охране недвижимых памятников реализуется по ряду компетенций, одной из которых является установление режима содержания и использования памятников истории и культуры, их территорий, историко-культурных заповедников, историко-культурных заповедных территорий (мест) и зон охраны памятников. В инструкции говорится и о том, что недвижимые памятники разделяются на 4 группы, на основании которых и осуществляются условия их содержания. Согласно этим группам, лишь памятники, которые имеют историко-художественное значение должны быть использованы в музейных целях. К таким памятникам относятся дворцовые, усадебные, культовые здания и сооружения, памятники садово-паркового искусства и т. д. По всей вероятности, имеется в виду, что они могут быть использованы «под музей» и «как музей». При этом не принимается во внимание возможность музеефикации памятника и форми-

рования коллекционного фонда созданного в результате музеефикации объекта. В целом в данной инструкции рассмотрены условия использования памятников и их сохранности. Не приводится никаких данных относительно транслоцированных памятников, хотя свозить их начали с конца 1920-х годов. В Коломенское в 1927 году были перевезены: медоварня из подмосковного села Преображенское, с 1928 по 1934 год преревезли башню Николо-Карельского монастыря, датированную 1630 годом, башню Сумского острога, дом Петра I из Архангельска [12, с. 64]. В Кижии с 1951 по 1961 год свозились памятники деревянного зодчества, которые также являются транслоцированными. В музее-заповеднике «Томская Писаница» и Архитектурно-этнографическом музее «Тальцы» транслоцированные памятники учитываются как музейные предметы: на них заводится такая же документация, что и на музейные предметы.

В этом плане необходимо разобраться в понятиях «музейный предмет» и «музейный объект». В современном музееведении музейный предмет трактуется как «движимый объект культурного или природного наследия, первоисточник знаний и эмоций, изъятый из среды бытования или музеефицированный вместе с фрагментом среды и включенный в собрание музейное. Обладает значимым для социума информационным потенциалом, музейной ценностью, которая складывается из научной, исторической, мемориальной, художественной ценности, и свойствами музейного предмета» [11]. Музейный объект – объект культурного и природного наследия, источник знаний и эмоций, музеефицированный и актуализируемый в процессе музейной деятельности. Музейными объектами, в отличие от музейных предметов, принято называть недвижимые, средовые, нематериальные объекты [11, с. 56]. В данном случае также остается дискуссионным вопрос о транслоцированных памятниках, являются они музейными предметами или объектами. Отнести его к недвижимым объектам невозможно по той причине, что это перемещенный памятник. Возможно, его включение в фондовое собрание как музейного предмета в Архитектурно-этнографическом музее «Тальцы» и музее-заповеднике «Томская Писаница» является верно выбранным вариантом.

Транслоцированными памятниками в музее-заповеднике «Томская писаница» являются свезенные в 1990-е годы из улуса Кезек Усть-Анзасского сельсовета Таштагольского района постройки начала XX века, отражающие материальную культуру шорцев в данный период времени. Созданию этого этнографического комплекса предшествовали многочисленные научно-этнографические экспедиции по поиску, выявлению, исследованию и паспортизации сохранившихся памятников архитектуры этого народа, анализ характерных черт шорской архитектуры, сбор подлинных историко-этнографических бытовых и культовых предметов, разработка научно-проектной документации по реставрации и сохранению памятников или их воссозданию, выявление особенностей формирования соответствующей историко-культурной среды. На основе собранного материала в 1992 году началось строительство экспозиционного комплекса «Шорский улус Кезек».

«Шорский улус Кезек» – это комплекс подлинных жилых и хозяйственных построек шорцев конца XIX – начала XX века, состоящий из жилого дома «эм», летней кухни «сенек», хозяйственного амбара «аиморок», кузницы, бани «мыльча» и построек для скота [3].

Архитектурно-этнографический музей «Тальцы» в своем составе имеет наибольшее количество транслоцированных памятников на территории Сибири. К недвижимым объектам относятся жилые и хозяйственные постройки, культовые сооружения. Недвижимые объекты составляют такие экспозиционные комплексы, как «Деревня-малодворка», «Илимский острог», «Волостное село», «Каскад водяных мельниц».

«Деревня-малодворка» – типичная деревня Среднего Приангарья с однорядной застройкой. В состав экспозиции вошли крестьянские усадьбы – усадьба Непомилуева конца XVIII века, усадьба Серышева середины XIX века и усадьба Прокопьева конца XIX века. Все усадьбы представляют собой дома типа «связь». Фрагменты илимского волостного села, сформированные из памятников XVII – начала XX века. – Спасской проезжей башни, Казанской привратной церкви Илимского острога (XVII век), жилых домов и административных зданий XVIII – начала XX ве-

ка, – все вместе образуют площадь, переходящую в двухсторонней застройке улицу. Планировка усадеб типичная для волостного села – смешанного типа. В состав экспозиции «Волостное село» входит Казанская привратная часовня Илимского острога. Казанская привратная часовня – это единственное культовое здание православного характера, сохранившееся в сибирском регионе с XVII века. Экспозиция «Каскад водяных мельниц». Время строительства мельниц – середина XIX века, экспозиция «Сенокосная заимка Среднего Приангарья конца XIX века».

Все вышеперечисленные памятники Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» были вывезены из среды своего бытования на территорию музея и являются подлинными транслацированными памятниками, данные объекты не включаются в состав фондов, а состоят на бухгалтерском балансе. Из вышесказанного следует, что транслацированные памятники могут учитываться как музейный предмет или не включаться в состав фондов.

Наряду с подлинными транслацированными памятниками в музеях под открытым небом имеются новоделы. В этноэкологическом музее-заповеднике «Тюльберский городок» реконструированные памятники составляют основу экспозиционных комплексов. В историко-культурном и природном музее-заповеднике «Томская писаница» новоделы, входящие в состав экспозиции «Шорский улус Кезек», включаются в научно-вспомогательный фонд, как и воспроизведения музейных предметов. В Архитектурно-этнографическом музее «Тальцы» реконструкции не включаются в состав фондов, а поставлены на бухгалтерский баланс.

В этноэкологическом музее-заповеднике «Тюльберский городок» вопрос об учете реконструированных недвижимых объектов однозначного решения не получил: они не включаются ни в основной, ни в научно-вспомогательный фонд. Ставится вопрос об отнесении их к памятникам историко-культурного наследия. Новodelьные объекты могут войти в научно-вспомогательный фонд или, как и транслацированные объекты, не включаться в фонды музея, а находится на бухгалтерском балансе.

Наряду с транслацированными памятниками, которые согласно определению «музейного

предмета» могут считаться таковыми, в музеях под открытым небом сосредоточены и движимые объекты историко-культурного наследия. Нормативным документом по сохранению и учету музейных предметов является инструкция 1985 года, где в разделе о том, каким должен быть состав музейных фондов не выделены не только музеи под открытым небом, но и этнографические музеи или отделы. При определении состава фондов эти музеи должны ориентироваться на 75–76 пункты инструкции, из которых следует, что собрания всех музеев состоят из основного и научно-вспомогательного фондов. Выделение типов предметов основного фонда музеев этнографического профиля в целом и музеев под открытым небом этнографической направленности могут опираться на положение инструкции о естественно-исторических музеях или отделах. Это, согласно инструкции, музейные предметы, документирующие историю и развитие человеческого общества. Из их числа для этнографических музеев под открытым небом могут быть выделены следующие группы памятников:

- вещественные памятники;
- археологические материалы, добытые в результате раскопок, а также случайных находок;
- музейные предметы, характеризующие культуру (орудия труда, образцы продукции, оружие, предметы быта и одежды, в том числе произведения народного творчества);
- фотографические материалы, имеющие документальное значение;
- киноматериалы – документальные и художественные;
- фонозаписи – речевые и музыкальные, имеющие документальное значение.

Учет подлинных памятников в музеях под открытым небом решается так же, как и в музеях коллекционного типа. В музеях под открытым небом Сибири они включены в состав основного фонда, деятельность по их учету базируется на Инструкции 1985 года [7].

Воспроизведения музейных предметов относятся к научно-вспомогательному фонду. В словаре актуальных музейных терминов воспроизведение определяется как «предмет, создаваемый с целью максимально точной передачи внешнего облика и основных характеристик музейного предмета, важных для цели данного воспроизве-

дения» [11]. Кроме перечисленных в инструкции, среди воспроизведений музейного предмета (объекта) отмечаются научные реконструкции. Воспроизведенные музейные предметы (объекты), относящиеся к группе научно-вспомогательных материалов, могут в исключительных случаях переходить в разряд музейных предметов (при недоступности или утрате подлинника; с течением времени). К процессу воспроизведения музейных предметов (объектов) необходимо подходить лишь с научной точки зрения, соблюдая все правила научной реконструкции и актуализации [11, с. 49]. В музеях под открытым небом Сибири реконструкции движимых объектов относятся к научно-вспомогательному фонду.

В музеях под открытым небом остро стоит проблема использования предметов из коллекций музея, так как данные музеи в большинстве случаев относятся к средовым, существует тенденция к сохранению традиции в развитии. В музеях под открытым небом Сибири проводятся праздники, интерактивные программы, в которых задействуются движимые историко-культурные объекты. В большинстве случаев на подобных мероприятиях используются предметы из научно-вспомогательного фонда, ограничено используются предметы из основного фонда. Например, в этноэкологическом музее-заповеднике «Тюльберский городок» при проведении праздника Ильин день задействуется плуг. Такой вариант возможен только при условии того, что предмет не изымается из экспозиции и нет риска нанести ему вред. Эффективно данная проблема решена в музее-заповеднике «Сибирская старина». В данном музее создан интерактивный фонд, куда вошли предметы из дуплетного фонда. Интерактивный фонд дает возможность для тактильного восприятия музейных предметов и активизации познавательной мотивации музейными средствами. Это довольно новое и перспективное направление в фондовой и научно-исследовательской деятельности в музеях под открытым небом.

Таким образом, численность музеев под открытым небом в стране растет, и перед музеями возникают проблемы фондово-исследовательской деятельности. Данный тип музеев является оптимальной формой для хранения всех

типов наследия, однако необходима разработка и принятие нормативных документов относительно фондовой деятельности.

Фондовая деятельность музеев под открытым небом будет обусловлена их типовой принадлежностью. Нами была выделена типологизация музеев под открытым небом на основании доминантного признака сохраняемого историко-культурного наследия. При разработке методических рекомендаций по фондовой деятельности необходимо учитывать типологическую характеристику музея.

Проблема интерактивности в деятельности музеев под открытым небом также не получила однозначного решения. Ни в одной из проанализированных нами выше инструкциях не отражена возможность использования музейных предметов и объектов в интерактивной деятельности. В большинстве своем музеи под открытым небом сами регламентируют процесс включения или невключения музейных предметов в интерактивную деятельность, который отражен в их внутренних нормативных документах, в ряде музеев ими являются уставы.

Из проанализированных нами «Инструкции по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР № 290 от 17.06.1985» и «Инструкции о порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры № 203 от 13.05.1986» видно, что в них описаны основы и правила ведения фондовой деятельности в традиционных формах музея, а фондовая деятельность музеев под открытым небом остается не охваченной. Что порождает ряд проблем в формировании музейных коллекций. В состав фондов музеев под открытым небом входят не только движимые музейные предметы, но и недвижимые и транслоцированные памятники, включение которых в фондовый состав музеев под открытым небом не прописано ни в одном нормативном документе, регламентирующем фондовую деятельность на территории РФ. Музеи самостоятельно принимают решение об учете транслоцированных подлинных объектов и новоделов, использовании подлинных движимых и недвижимых объектов в интерактивной деятельности, методические рекомендации по данному аспекту отсутствуют.

Литература

1. Варин Ю. Термин и его значение // *Museum*. – 1985. – № 148. – С. 5.
2. Гнедовский Б. В., Добровольская Э. М. Музеи под открытым небом в СССР: развитие принципов формирования структуры. – М., 1987. – 21 с.
3. Историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская Писаница» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gukmztp.ru/index2.html>. – Загл. с экрана.
4. Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. – М.: Этерна, 2012. – 432 с.
5. Керъен М. О природе феномена // *Museum*. – 1985. – № 148. – С. 18–19.
6. Ополовников А. В. Какой он, музей под открытым небом? // *Наука и жизнь*. – 1973. – № 25. – С. 102–103.
7. Приказ Минкультуры СССР об утверждении «Инструкции по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР № 290 от 17 июля 1985 года» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_33809.html. – Загл. с экрана.
8. Приказ Минкультуры СССР от 13.05.1986 № 203 об утверждении «Инструкции о порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры» [Электронный ресурс]: информационно-правовой портал. – URL: <http://www.bestpravo.ru/federalnoje/hj-normy/y6k.htm>. – Загл. с экрана.
9. Ривьер Ж. А. Эволюционное определение экомuzeя // *Museum*. – 1985. – № 148. – С. 2–3.
10. Российская музейная энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp>. – Загл. с экрана.
11. Словарь актуальных музейных терминов / авт.-сост.: М. Е. Каулен, А. А. Сундиева, Н. В. Чувилова и др. // *Музей*. – М., 2009. – № 5. – С. 47–68.
12. Шмелев В. Г. Музеи под открытым небом: очерки истории, возникновения и развитие. – Киев, 1983. – С. 119.

References

1. Varin Iu. Termin i ego znachenie [Term and its significance]. *Museum [Museum]*, 1985, no. 148, p. 5. (In Russ.).
2. Gnedovskii B.V., Dobvol'skaia E.M. Muzei pod otkryтым небом v SSSR: razvitie printsipov formirovaniia struktury [Open-air museums in the USSR: the development of the principles of structure formation]. Moscow, 1987. 21 p. (In Russ.).
3. Istoriko-kul'turnyi i prirodnyi muzei-zapovednik "Tomskaiia Pisanitsa" [Historical-cultural and natural museum-reserve "Tomsk pisanitsa"]. Available at: <http://www.gukmztp.ru/index2.html/> (accessed 10.12.2014). (In Russ.).
4. Kaulen M.E. Muzeifikatsiia istoriko-kul'turnogo naslediia Rossii [Museification historical and cultural heritage of Russia]. Moscow, Eterna Publ., 2012. 432 p. (In Russ.).
5. Ker' en M. O prirode fenomena [On the nature of the phenomenon]. *Museum [Museum]*, 1985, no. 148, pp. 18–19. (In Russ.).
6. Opolovnikov A.V. Kakoi on, muzei pod otkryтым небом? [What is it, open-air museum?]. *Nauka i zhizn [Science and Life]*, 1973, no. 25, pp. 102–103. (In Russ.).
7. Prikaz Minkul'tury SSSR ob utverzhdenii "Instruktsii po uchetu i khraneniui muzeinykh tsennostei, nakhodiaschchikhsia v gosudarstvennykh muzeiakh SSSR № 290 ot 17 ijulja 1985 goda" [Order of the Ministry of Culture of the USSR on the approval of "Instruction on accounting and storage of museum property located in the state museums of the USSR № 290 dated July 17, 1985"]. Available at: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_33809.html/ (accessed 09.12.2014). (In Russ.).
8. Prikaz Minkul'tury SSSR ot 13.05.1986 № 203 ob utverzhdenii "Instruktsii o poriadke ucheta, obespecheniia sokhrannosti, sodержaniia, ispol'zovaniia i restavratsii nedvizhimykh pamiatnikov istorii i kul'tury" [Order of the Ministry of Culture of the USSR from 13.05.1986 № 203 "On adopting the instructions on the registration, conservation, maintenance, use and restoration of immovable monuments of history and culture"]. Available at: <http://www.bestpravo.ru/federalnoje/hj-normy/y6k.htm/> (accessed 10.12.2014). (In Russ.).
9. Riv'er Zh.A. Evoliutsionnoe opredelenie ekomuzeia [Evolutionary definition ecomuseum]. *Museum [Museum]*, 1985, no. 148, pp. 2–3. (In Russ.).
10. Rossiiskaia muzeinaia entsiklopediia [The Russian museum encyclopedia]. Available at: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp/> (accessed 10.12.2014). (In Russ.).
11. Slovar' aktual'nykh muzeinykh terminov [Glossary of terms relevant museum]. Moscow, Muzei Publ., 2009, no 5, pp. 47–68. (In Russ.).
12. Shmelev V.G. Muzei pod otkryтым небом: ocherki istorii, vzniknovenie i razvitie [Open-air museums: Essays on the history of the emergence and development]. Kiev, 1983, p. 119. (In Russ.).

УДК 069: 394.21

МОДЕЛЬ АКТУАЛИЗАЦИИ КАЛЕНДАРНОЙ ОБРЯДНОСТИ РУССКИХ СИБИРИ В МУЗЕЕ (НА ПРИМЕРЕ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Глушкова Полина Валерьевна, аспирант, преподаватель кафедры музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: polina-glushkova@mail.ru

Головач Денис Владимирович, магистрант кафедры музейного дела, преподаватель кафедры экономики социальной сферы, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: 89131206666@mail.ru

В статье разрабатывается модель актуализации календарного обряда в аспекте создания уникального торгового предложения. Противоречие между практической деятельностью музеев, презентующих традиционный календарь и слабой теоретической разработанностью данного направления, ведет не только к трансформации подлинной традиции, но и позволяет создать конкурентноспособный продукт на рынке подобных услуг. В статье разрабатываются методы, принципы и компоненты актуализации календарного обряда, которые соответствуют характеристикам уникального торгового предложения. Модель содержит конкретное предложение: возможность погрузиться в прошлое и принять участие в максимально приближенном к аутентичному обряду. Предлагаемая модель ориентирована на воспроизведение аутентичных форм, что кардинально отличает ее от конкурентных стилизованных. Сильная сторона разрабатываемой модели заключается в возможности приобщения посетителя к подлинной традиционной культуре. Внедрение предлагаемой модели в музейную деятельность обеспечит сохранение подлинных объектов нематериального культурного наследия и повысит спрос на услуги, предлагаемые музеем.

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие, календарный обряд, актуализация, музейная деятельность, уникальное торговое предложение.

THE MODEL OF UPDATING THE CALENDAR RITUALS OF RUSSIANS IN SIBERIA IN THE MUSEUM (ON THE EXAMPLE OF KEMEROVO REGION)

Glushkova Polina Valerievna, Post-Graduate Student, Lecturer, Department of Museology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: polina-glushkova@mail.ru

Golovach Denis Vladimirovich, Undergraduate Student, Department of Museology, Lecturer, Department of Social Sphere Economy, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: 89131206666@mail.ru

The museum is looking for new forms of work with the visitor. It expands the range of cultural and educational activities, present intangible cultural heritage. Events for updating these objects help to attract visitors to the museum, therefore, they act as a source of income. But the desire to strengthen the economic component of this area leads to a deformation of the self-activity of the museum. The lack of a uniform methodology for updating leads to the transformation of tradition and unlikely it would create a competitive product on the market of such services. Development of model updating the calendar ceremonies at the museum will balance recreational, scientific and educational component measures to ensure the preservation of authentic objects of intangible cultural heritage and create a unique selling proposition. Model updating the calendar rite as a conditional sample is an interactive program based on the method of complex science-based reconstruction using the methods and techniques of staging and local adaptation of temporal correlation, the inclusion of reproducing such presentational elements of ritual acts as ceremonial, ritual paraphernalia, traditional costume, ritual kitchen. Using the model involves the passage of such stages as the preservation

of the calendar rites by its fixation and inclusion in the museum collection, identification of structural ritual elements and their relationships, adapting to the shape of the elements of cultural and educational activities, the choice of methods and techniques, script writing activities, identification and reproduction related items rite. In implementation of this model, you need to focus on principles such as scientific, focus on authenticity, complexity, attractiveness, interactivity. By means of the developed model, it is reproduced as close to the authentic rite, the visitor has an opportunity to immerse himself in the recreated traditional atmosphere, the event will have characteristics of a unique selling proposition.

Keywords: intangible cultural heritage, calendar ritual actualization, museum activities, unique selling proposition.

На сегодняшний день музей активно ищет новые формы работы с посетителем. Кроме того, сегодня остро стоит проблема сохранения и презентации объектов нематериального культурного наследия, подверженных в условиях глобализации и информатизации современного общества разрушению [4]. Выходом из сложившейся ситуации стало расширение спектра культурно-образовательных мероприятий, презентующих различные объекты нематериального наследия. В 1970-е годы в музеях-заповедниках начинают воспроизводиться традиционные ремесла, фольклорные формы. Календарные обряды стали презентоваться в музеях позже, ближе к 90-м годам XX века. Большая роль в этом принадлежит музеям под открытым небом. Первые праздники, приуроченные к народному календарю, стали проводить музеи Русского Севера [9, с. 69–76]. В Кемеровской области тенденция актуализации народного календаря зародилась уже в XXI веке, а многие музеи начали работать в данном направлении лишь в последние несколько лет. На сегодняшний день практически в каждом музее проводятся мероприятия, актуализирующие народный календарь. Это вызвано не только острой необходимостью сохранения пласта историко-культурного наследия. Презентация объектов нематериального наследия в музее в рамках различных форм культурно-образовательной деятельности осознается как значимый фактор экономического развития. Мероприятия по актуализации данных объектов способствуют привлечению посетителей в музей, следовательно, выступают в качестве источника доходов. Однако, наряду с этим можно проследить тенденцию: стремление усилить экономическую составляющую данного направления ведет к деформации собственно музейной деятельности. Происходит смещение акцента с научно-образовательной функции на

рекреационную, причем реализация рекреационной составляющей мыслится как отход от непосредственного сохранения наследия и ориентация на включение современных элементов в деятельность музея. Итогом является создание однотипных стилизованных немuseumных мероприятий. Отметим, что на сегодняшний день отсутствует единая методика по работе музея с таким объектом нематериального наследия, как календарная обрядность, что ведет не только к нарушению принципов собственно музейной работы, но и не позволяет создать конкурентноспособный продукт на рынке подобных услуг. Разработка модели актуализации календарной обрядности в музее, таким образом, позволит решить сразу несколько проблем: сбалансировать рекреационную и научно-образовательную составляющую мероприятия, презентующего календарную обрядность, обеспечить сохранение подлинных объектов нематериального культурного наследия, создать уникальное торговое предложение.

Термин «уникальное торговое предложение» был введен Р. Ривсом по отношению к эффективной стратегии рекламирования. Он впервые заговорил о необходимости выделить продукт из ряда подобных на основе конкретных характеристик. Р. Ривс выявил три условия, которые необходимы для создания уникального торгового предложения:

1. Предложение должно быть предельно конкретным, то есть должно сообщать о выгоде для потребителя.
2. Предложение должно быть уникальным: то есть либо должно предлагать уникальный товар, либо содержать уникальное утверждение о товаре.
3. Предложение должно быть сильным, способным привлечь потребителя. То есть способным его заинтересовать [7].

Актуализация, деятельность по сохранению и включению объектов нематериального наследия в современное культурное пространство [8], происходит в музее посредством создания и воспроизведения моделей. Актуализация календарных обрядов в музее осуществляется через воспроизведение элементов комплексной структуры обряда в рамках форм культурно-образовательной деятельности посредством специфических методов, приемов, на основе принципов, обуславливающих специфику отбора элементов и их презентации, охарактеризовав которые с точки зрения потенциальной возможности создания уникального торгового предложения, можно создать оптимальную модель. Модель актуализации календарного обряда будет представлять собой условный образец, основанный на комбинации данных форм, элементов, методов, приемов и принципов.

В современном обществе можно проследить тенденцию усиления внимания к традиционной культуре, соответственно, уровень требований современного потребителя значительно вырос. Мы имеем дело с искушенным потребителем, следовательно, необходимо разработать уникальное предложение, способное удовлетворить его потребности. Уникальной особенностью разрабатываемой модели станет ориентация на аутентичность. Данное предложение обеспечит комплексное воспроизведение подлинных объектов нематериального культурного наследия, а также будет способствовать воссозданию региональной специфики. При формировании модели актуализации будет учитываться как экономический, так и научно-образовательный потенциал музея, что позволяет рассматривать современный музейный менеджмент не в отрыве и не в противоречии по отношению к пониманию музея в традиционном ключе. Именно такой взгляд на музейную деятельность способствует развитию регионального культурного потенциала. Применяв стратегию Р. Ривса к предлагаемой модели, можно выявить следующие ее свойства:

1. Предлагаемая модель будет содержать конкретное предложение: возможность погрузиться в прошлое и принять участие в максимально приближенном к аутентичному обряду. То есть музей предлагает знакомство с подлинным воссозданным объектом нематериального культурного наследия.

2. Наряду с разнообразием форм презентации календарной обрядности, все они, в основном, носят стилизованный характер. Предлагаемая модель ориентирована на воспроизведение аутентичных форм, что кардинально отличает ее от конкурентных.

3. Сильная сторона разрабатываемой модели заключается в возможности приобщения посетителя к подлинной традиционной культуре. Погружение потребителя в атмосферу аутентичности будет способствовать увеличению туристического потока не только на региональном, но и на федеральном уровне, увеличению спроса у потребителя.

Рассмотрим составные элементы предлагаемой модели. Традиционный календарный обряд – сложная комплексная структура [1, с. 100]. Его презентация в музее строится на воспроизведении обрядовых актов, элементарных элементов обрядовых действий, сопутствующей ритуальной атрибутики, вербальных форм, исполнительских искусств, традиционной кухни, ритуальных костюмов. Можно выделить презентативные элементы календарной обрядности с точки зрения возможности создания уникального торгового предложения.

1. Презентация комплекса обрядовых актов. Воспроизведение в музейной деятельности календарных обрядов способствует привлечению огромного потока посетителей. Организация праздников формирует у участников чувство сопричастности действия, соответственно обладает такими свойствами, как аттрактивность, эмоциональность и экспрессивность. В рамках практической деятельности музеев Кемеровской области презентуется ограниченный спектр обрядовых актов, не воспроизводятся уникальные регионально специфичные акты. Кроме того, акты воспроизводятся как отдельные элементы, а не как единый обряд. Отличительной чертой разрабатываемой модели является воспроизведение традиционного обряда во всей полноте.

2. Воспроизведение ритуальной атрибутики и традиционных костюмов. Воссоздание ритуальных предметов способствует привлечению посетителей сразу в двух аспектах. Специально изготовленные реконструкции подлинных предметов дают возможность использования их в рамках презентации обрядовых актов. Такие воспроизведе-

дения позволяют увеличить интерактивность действия, следствием становится их аттрактивность и востребованность у посетителей. Ритуальная атрибутика может продаваться, что является дополнительным доходом. На сегодняшний день музеи Кемеровской области осуществляют торговлю в рамках проведения мероприятий, однако производится продажа стилизованных типичных изделий мастеров. Реконструированные костюмы, а не использование стилизаций, способствуют увеличению аттрактивности презентуемого действия. Стилизованные образцы народного костюма распространены повсеместно, а точную копию, реконструкцию, возможно увидеть только в музее, соответственно музей таким образом отвоевывает позиции у конкурирующих в данном аспекте предприятий. Возможно использование костюмов различными способами, способными обеспечить экономические вливания: фотографирование в традиционном костюме (реконструкция) или с моделью в традиционном костюме, продажа элементов традиционных костюмов (например, ритуальных масок или других составных элементов костюмов ряженных, традиционных поясов, которые могут использоваться при гадаании, головных уборов и т. д.) Уникальность разрабатываемой модели будет заключаться в создании реконструкций, точных копий подлинных предметов. В музеях Кемеровской области для изготовления ритуальной атрибутики применяются методы аналогии (предмет воспроизводится на основании сходства с подлинником, но с определенным процентом отступлений и авторских интерпретаций) или стилизации (воспроизведение предмета с низким процентом достоверности) [2, с. 473].

3. Включение в структуру мероприятия воспроизведений подлинных образцов исполнительских искусств также способствует формированию аутентичного образа. Музеи Кемеровской области практикуют привлечение к проведению мероприятий фольклорных коллективов, репертуар которых зачастую включает стилизации. Презентация аутентичных песен и танцев, характерных для региона, станет преимуществом по отношению к конкурентам.

4. Актуализация традиционной кухни может выступить как значимый фактор в создании уникального торгового предложения, так как способствует не только актуализации данного пласта

нематериального наследия, но и способна обеспечить стойкий интерес у посетителя. Эффективной формой презентации обрядовой кухни является организация мастер-классов по приготовлению традиционных блюд, однако, практики по их проведению единичны [3, с. 54]. Воссоздание традиционных рецептов дает возможность создать уникальное блюдо, попробовать которое у посетителя не представится возможности нигде, кроме данного музея.

Обрядовые элементы презентуются в музее на базе различных форм культурно-образовательной деятельности. Наиболее предпочтительной формой в музеях Кемеровской области является праздник. Это обусловлено такими его характеристиками, как комплексность (возможность включения разнообразных форм культурно-образовательной деятельности), зрелищность, способность формировать чувство сопричастности действию и отвечать требованиям современного посетителя, нацеленного на рекреацию. Однако, потенциал такой формы, как интерактивная программа, не используется в полной мере. В рамках программы возможен индивидуальный подход, следовательно, можно учитывать индивидуальные требования посетителя. Интерактивная программа позволяет включать посетителя в действие, что также способно повысить ее конкурентноспособность. Кроме того, соблюсти ориентацию на аутентичность в рамках музейной программы значительно проще, чем в рамках праздника. Уникальность будет заключаться в предложении индивидуально-ориентированной, интерактивной, направленной на воспроизведение аутентичности программы, представленной только в музее.

Интерактивная программа может включить такие внутренние формы, как экскурсия, мастер-класс, конкурс, театрализованное представление. Мастер-класс обладает высокой степенью эффективности с точки зрения создания уникального торгового предложения, так в рамках данной формы не только происходит демонстрация объектов нематериального культурного наследия, но и возможность посетителя изготовить свой собственный продукт или приобрести продукт, изготовленный профессионалом.

Презентация элементов календарного обряда в музее в рамках различных форм культурно-образовательной деятельности происходит по-

средством применения определенных методов. **Методы** по актуализации народного календаря условно можно разделить на вербальные и акционные. Вербальные методы представляют собой устное сообщение о традициях, присущих тому или иному празднику. Основным вербальным методом является метод интерпретации календарной обрядности посредством материальных предметов, ее иллюстрирующих. Метод интерпретации основан на раскрытии семантической составляющей музейного предмета. Вербальные методы широко применяются в музейной практике, и посредством их невозможно создать уникальное торговое предложение.

К акциональным методам можно отнести метод фиксации, трансляции, ревалоризации, реконструкции, моделирования, театрализации, стилизации. Под трансляцией понимается механизм передачи традиции ее носителем последующим поколениям. Метод трансляции тесно связан с методом фиксации. Под фиксацией понимается выявление обряда в естественной среде и презентация его в неизменном виде. Метод фиксации подразумевает актуализацию календарного обряда самими носителями традиции, а значит, может способствовать передаче ее от поколения к поколению, то есть трансляции как обеспечению ее непрерывного существования. Методы фиксации и трансляции наиболее продуктивны с точки зрения создания уникального торгового предложения, но в рамках актуализации календарной обрядности русских Сибири не применимы, так как на сегодняшний день носители традиции, способные презентовать данный объект нематериального наследия, отсутствуют. Вернуть первоначальное значение календарному обряду на данном этапе развития культуры также не представляется возможным. Данная традиция сегодня не воспроизводится и может быть только восстановлена на базе имеющихся материалов. В данном случае необходимо прибегнуть к такому методу актуализации нематериального культурного наследия, как реконструкция.

Метод научно-обоснованной реконструкции представляет собой моделирование нематериальных объектов с целью получения информации об их функционировании [8]. Реконструкция способствует комплексной актуализации обряда, посетитель получает исчерпывающие сведения

о его функционировании. Источниковой базой для реконструкции могут являться музейные собрания, архивные источники, научная литература. В музеях Кемеровской области метод реконструкции не применяется ни в одном музее, соответственно использование модели актуализации календарного обряда, основанной на данном методе, позволит музеям занять пустующую нишу. Уникальным торговым предложением будет реконструированный традиционный обряд.

Возможно создание уникального предложения на основе метода моделирования с высокой степенью достоверности, то есть воспроизведение обряда в приближенной к аутентичной форме. Интерактивное моделирование, то есть воспроизведение обряда при участии посетителей, также видится эффективным. Конкретное предложение в данном случае заключается в возможности принять участие в воссозданном подлинном обряде.

Усилить зрелищность мероприятия, презентующего народный календарь, можно посредством метода **театрализации**, подразумевающего использование приемов, характерных для других видов искусств. Под театрализацией понимают художественное осмысление какого-либо реального события или факта [5, с. 13]. Театрализация основана на сочетании двух видов зрелищности – музейной и театральной и включает три взаимосвязанных направления. Первое – построение экспозиционного пространства по законам драматургического произведения, где экспонаты предстают актерами, посетитель – режиссером, а экспозиция – спектаклем. Второе – направлено на привнесение в практику экспонирования выразительных элементов из области театрального действия и других видов зрелищности: костюмированных персонажей, применение ролевых и обучающих игр (музеи ремесел, например), представление ритуалов (этнографические музеи), музыкальное, звуковое и сенсорное сопровождение музейной деятельности. Третье направление – внедрение в музейную деятельность театрализованных мероприятий [10]. В первом случае, театрализация способствует прочтению заложенных в музейных предметах смыслов, но не является собственно методом актуализации. Во втором случае театрализация также имеет сопутствующее значение, усиливая эффективность

других методов. Методом актуализации, соответственно, театрализация может являться при организации в музее театрализованных представлений. Посредством театрализованных форм возможно воспроизвести объект нематериального наследия, но важно использовать данный метод в органичном единстве с музейной экспозицией [6, с. 33–34]. Сегодня театрализация применяется музеями повсеместно, но театрализация с ориентацией на музейную экспозицию, базирующаяся на методе реконструкции, – явление уникальное.

В практиках музеев Кемеровской области наиболее распространенным методом является метод стилизации. Под стилизацией понимается трансформация традиционных обрядовых элементов с целью вписать их в современный контекст или придать объектам современной действительности формальное сходство с традиционными элементами. В том случае, когда акцент с научной и образовательной составляющей праздника смещен в сторону ее рекреационной составляющей, стилизация становится доминирующим методом. Основная задача стилизации – привлечь внимание к культурному наследию, вызвать интерес, не окунаясь в глубинные семантические слои. Стилизация строится на соединении традиционных элементов с современной основой. Наряду с тем, что посредством метода стилизации невозможно презентовать и сохранять подлинные объекты нематериального культурного наследия, данный метод ведет к тому, что организованное на его основе музейное мероприятие не обладает преимуществами по отношению к конкурентным. Таким образом, посредством метода стилизации невозможно создать уникальное торговое предложение.

При создании УТП может быть использован прием **адаптации**, который также подразумевает преобразование традиционных элементов в современные формы. Использование данного приема возможно только при применении метода моделирования. Однако целью адаптации является приспособление традиционных элементов к реалиям современной действительности и особенностям работы музея, в то время как основной целью стилизации является привлечение внимания посетителя. Метод адаптации применяется в двух случаях: при сложности воспроизведения тради-

ционных элементов, при сложности восприятия обрядового элемента посетителем. Использование приема адаптации обусловлено необходимостью, соответственно, обоснованное применение данного метода при актуализации народного календаря не влияет на конкурентноспособность такого мероприятия. С точки зрения привлечения посетителя метод адаптации призван сделать традиционный элемент максимально привлекательным: то есть вносить интерактивные элементы, способствовать созданию образности.

Модель актуализации календарного обряда, способствующая созданию уникального торгового предложения, представляет собой интерактивную программу, построенную на методе комплексной научно-обоснованной реконструкции с применением методов театрализации и адаптации, приемов темпоральной и локальной соотношенности и включенности, воспроизводящую такие презентативные обрядовые элементы, как обрядовые акты, ритуальная атрибутика, традиционный костюм, ритуальная кухня. Воспроизведение всех элементов стоит выполнять на основе метода реконструкции.

Реализация данной модели возможна лишь при прохождении таких этапов, как сохранение календарного обряда посредством его фиксации и включения в музейное собрание, выявление структурных обрядовых элементов и их взаимосвязей, адаптация элементов к форме культурно-образовательной деятельности, выбор методов и приемов, написание сценария мероприятия, определение и воспроизведение сопутствующих элементов обряда.

Кроме того, при реализации данной модели необходимо ориентироваться на такие принципы, как научность, подлинность, комплексность, аттрактивность, интерактивность. Принцип научности подразумевает обращение к научной литературе, музейным архивам, использование тщательно выверенной информации. Научная основа актуализации календарного обряда необходима в рамках деятельности музея как специфического института по сохранению культурного наследия. Кроме того, научная основа не только не препятствует, но и способствует формированию уникального торгового предложения. Принцип научности позволяет воссоздавать аутентичные уникальные формы.

Принцип ориентации на подлинность не позволяет использовать инородные, современные элементы, ярко отражающие свое время. Нарушение данного принципа ведет к искажению восприятия традиционной культуры, у посетителя теряется ощущение подлинности и ценности происходящего.

Принцип комплексности (целостности) предполагает воспроизведение не только непосредственно структуры обряда, но и дополнение его соответствующими словесными формами, реконструкциями атрибутики, то есть необходимо учитывать все факторы, воспроизводить все элементы. Реконструкция атрибутов производится по этнографическим описаниям, на основе анализа музейных коллекций, фотоархивов и пополняет научно-вспомогательный фонд музея. Принцип комплексности предполагает также всестороннее рассмотрение обряда. Посредством ориентации на принцип комплексности возможно создание конкурентноспособного продукта, так как воссозданный во всей полноте обряд позволяет погрузиться в атмосферу прошлого, создает чувство сопричастности.

Не менее важным является принцип интерактивности, предполагающий активное участие посетителей. Следование данному принципу способствует превращению посетителя в участника события. Во время реконструкции зритель сопричастен действию, в какой-то момент перестает быть наблюдателем и оказывается включенными в процесс. Принцип аттрактивности предусматривает подачу календарного обряда в увлекательной форме. Принципы интерактивности и аттрактивности позволяют обеспечить спрос на данный продукт у посетителя, сформировать устойчивый интерес к происходящему, повысить аттрактив-

ность презентуемого объекта нематериального наследия и, как следствие, создать уникальное торговое предложение, занять соответствующую экономическую нишу.

Таким образом, актуализация календарного обряда в музее – сложный, многоступенчатый процесс. Однако лишь при соблюдении всех вышеперечисленных условий актуализация будет не только способствовать привлечению посетителей, но и отвечать принципам музейной работы. Зачастую при попытке привлечь посетителя музей отходит от концепции научности и начинает работать исключительно в направлении развлечения, что вызывает противоречие между увлекательностью и научностью. Разработанная модель способствует не только ориентации на принципы музейной работы, но и рассматривает деятельность по актуализации календарной обрядности как уникальное торговое предложение, что позволит обеспечить потребительский спрос и повысить экономическую эффективность музейной деятельности. В рамках актуализации создается уникальный продукт, который за счет своей уникальности и неповторимости способен конкурировать на рынке услуг. И в то же время создание данного продукта обеспечивает сохранение исчезающего пласта нематериального культурного наследия. Воспроизведение стилизованных типичных модификаций не только неконкурентноспособно, но и ведет к трансформации, а следовательно, способствует разрушению традиционной культуры. Разработанная модель является уникальным торговым предложением, так как характеризуется свойствами, не дублируемыми конкурентами: посредством нее воспроизводится максимально приближенный к аутентичному обряд и посетитель имеет возможность погрузиться в воссозданную традиционную атмосферу.

Литература

1. Виноградова Л. Н., Толстая С. М. Мотив «уничтожения – проводов нечистой силы» в восточнославянском купальском обряде [Электронный ресурс] // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: (Погребальный обряд). – М.: Наука, 1990. – С. 99–118. – URL: http://www.inslav.ru/images/stories/pdf/1990_Pogrebal'nyj_obr'ad.pdf. – Загл. с экрана.
2. Глушкова П. В. Воспроизведение ритуальной атрибутики в рамках презентации календарной обрядности русских в музеях под открытым небом Сибири // Малочисленные этносы в пространстве доминирующего общества: практика прикладных исследований и эффективные инструменты этнической политики: сб. науч. ст. по итогам Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. – Кемерово: Практика, 2014. – С. 472–477.
3. Глушкова П. В. Кимеева Т. И. Актуализация традиционной обрядовой кухни в деятельности музеев Кемеровской области // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 2014. – № 28. – С. 49–55.

4. Кирюшина Ю. В. Нематериальное культурное наследие – актуальное понятие современности [Электронный ресурс] // Извест. Алт. гос. ун-та. – 2011. – № 2. – URL: <http://izvestia.asu.ru/2011/2-1/cult/TheNewsOfASU-2011-2-1-cult-01.pdf>. – Загл. с экрана.
5. Конович А. А. Театрализованные праздники и обряды в СССР. – М.: Высш. шк., 1990. – 208 с.
6. Краснова, Е. М. Музейная театрализация как одно из направлений современных коммуникативных тенденций: на примере музеев республики Беларусь [Электронный ресурс] // Вопр. музеологии. – 2012. – № 1 (5). – С. 31–35. – URL: <http://history.spbu.ru/userfiles/5.pdf>. – Загл. с экрана.
7. Ривс Р. Реальность в рекламе [Электронный ресурс]. – URL: <http://profilib.com/chtenie/79411/rosser-rivz-realnost-v-reklame-7.php>. – Загл. с экрана.
8. Российская музейная энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp>. – Загл. с экрана.
9. Шулепова Э. А., Каулен М. Е., Чувилова И. В., Черкаева О. Е., Губина М. В., Чернявская Н. Е., Хаханова Л. П. Культурное наследие в контексте инновационных гуманитарных технологий // Музееведение и историко-культурное наследие: сб. ст. – Кемерово: Изд-во КемГУКИ, 2009. – С. 5–90.
10. Шляхтина Л. М. Современный музей: идеи и реалии [Электронный ресурс] // Вопр. музеологии. – 2011. – № 2 (4). – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremenny-muzei-idei-i-realii>. – Загл. с экрана.

References

1. Vinogradova L.N., Tolstaia S.M. Motiv “unichtozheniia – provodov nechistoi sily” v vostochnoslavianskom kupal’skom obriade [The motif of the “destruction of wires evil forces” in Eastern Slavic Midsummer rite]. *Issledovaniia v oblasti balto-slavianskoi dukhovnoi kul’tury: (Pogrebal’nyi obriad)* [Research in the field of Balto-Slavic spiritual culture: (Funeral ceremony)]. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 99–118. Available at: http://www.inslav.ru/images/stories/pdf/1990_Pogrebal'nyj_obr'ad.pdf / the title screen. (In Russ.).
2. Glushkova P.V. Vosproizvedenie ritual’noi atributiki v ramkakh prezentatsii kalendarnoi obriadnosti russkikh v muzeiakh pod otkrytym nebom Sibiri [The motif of the destruction of wires evil forces in Eastern Slavic Midsummer rite]. *Malochislennye etnosy v prostranstve dominiruiushchego obshchestva: praktika prikladnykh issledovanii i effektivnye instrumenty etnicheskoi politiki: sbornik nauchnykh statei po itogam vserossiiskoi s mezhdunarodnym uchastiem nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Minority ethnic groups in the space of the dominant society: practice, applied research and effective tools of ethnic policy]. Kemerovo, Praktika Publ., 2014, pp. 472–477. (In Russ.).
3. Glushkova P.V., Kimeeva T.I. Aktualizatsiia traditsionnoi obriadovoi kukhni v deiatel’nosti muzeev Kemerovskoi oblasti [Updating traditional ritual food in museums Kemerovo region]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul’tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]. Kemerovo, KemGUKI Publ., 2014, no 28, pp. 49–55. (In Russ.).
4. Kiriushina Iu.V. Nematerial’noe kul’turnoe nasledie– aktual’noe poniatie sovremennosti [Intangible cultural heritage – actual concept of modernity]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Altay state University], 2011, no 2. Available at: <http://izvestia.asu.ru/2011/2-1/cult/TheNewsOfASU-2011-2-1-cult-01.pdf> / the title screen (In Russ.).
5. Konovich A.A. Teatralizovannye prazdniki i obriady v SSSR [Theatrical festivals and rituals in the USSR]. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1990. 208 p. (In Russ.).
6. Krasnova E.M. Muzeinaia teatralizatsiia kak odno iz napravlenii sovremennykh kommunikativnykh tendentsii: na primere muzeev respubliki Belarus’ [Museum theatricality as one of modern communication trends: the case of museums of the Republic of Belarus]. *Voprosy muzeologii* [Issues of museology], 2012, no 1 (5), pp. 31–35. Available at: <http://history.spbu.ru/userfiles/5.pdf> (In Russ.).
7. Rivs R. Real’nost’ v reklame [Reality in advertising]. Available at: <http://profilib.com/chtenie/79411/rosser-rivz-realnost-v-reklame-7.php> (In Russ.)
8. Rossiiskaia muzeinaia entsiklopediia [The Russian Museum encyclopedia]. Available at: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp> (In Russ.).
9. Shulepova E.A., Kaulen M.E., Chuvilova I.V., Cherkaeva O.E., Gubina M.V., Cherniavskaia N.E., Khakhanova L.P. Kul’turnoe nasledie v kontekste innovatsionnykh gumanitarnykh tekhnologii [Cultural heritage in the context of innovative humanitarian technologies]. *Muzevedenie i istoriko-kul’turnoe nasledie: sbornik statei* [Museumology and cultural heritage: a collection of articles]. Kemerovo, KemGUKI Publ., 2009, pp. 5–90. (In Russ.).
10. Shliakhtina L.M. Sovremennyi muzei: idei i realii [The contemporary Museum: ideas and realities]. *Voprosy muzeologii* [Issues of museology], 2011, no 2 (4). Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremenny-muzei-idei-i-realii> (In Russ.).

УДК 069.6

РОЛЬ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА» В СОЦИОПРОСТРАНСТВЕ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Каплунов Валерий Александрович, директор ГАУК КО Музей-заповедник «Томская Писаница», соискатель, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: mztp@bk.ru

Данная статья освещает опыт создания первого в Сибири музея-заповедника на базе археологического памятника Томская писаница. Представлен анализ различных сторон деятельности музея-заповедника. Исследуется роль основного музейного объекта – недвижимого памятника археологического наследия – Томская писаница. В статье раскрываются сущность, содержание и социокультурная направленность работы каждого из десяти музейных комплексов, анализируется роль музейных праздников, раскрываются новые музейные технологии. В статье продемонстрировано, что музейные комплексы являются основой для других направлений в работе музея-заповедника: обрядовых языческих и православных праздников, тематических выставок и большого количества различных музейных мероприятий. Отмечается, что в период начавшихся в конце прошлого века в России поисков новых форм и типов музейной деятельности музей-заповедник «Томская Писаница» стал первым в стране комплексным музеем, показав себя как музей нового типа, наиболее полно отвечающий интересам современного общества, о чем свидетельствует его растущая популярность. Сформулированы следующие основные принципы успешного функционирования комплексных музеев-заповедников: наличие исторически ценного памятника или достаточно известного исторического ландшафта; значительная территория, достаточная для функционального зонирования.

Ключевые слова: музей-заповедник, Томская писаница, музейный комплекс, музейное пространство.

THE ROLE OF THE MUSEUM-RESERVE “TOMSKAYA PISANITSA” IN THE SOCIAL SPACE OF KEMEROVO REGION AND WESTERN SIBERIA

Kaplunov Valeriy Aleksandrovich, Director of the Museum-reserve “Tomskaya Pisanitsa,” Applicant, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: mztp@bk.ru

This article illustrates the experience of creating the first in Siberia museum-preserve on the basis of archaeological monument Tomskaya Pisanitsa.

The article analyzes the various aspects of the activities of the open air museum. The role of the main museum object as an immovable monument of archaeological heritage – Tomskaya Pisanitsa – is examined.

The essence, content and sociocultural orientation of each of the ten museum complexes, role of museum festivals, new technologies of the museum are analyzed. The article demonstrates that the museum complexes are the basis for other areas of activity in the museum-preserve: ritual pagan and Orthodox holidays, thematic exhibitions and a lot of various museum activities.

It is noted that at the end of the last century when the search of new forms and types of Museum activities began in Russia, the Museum-reserve “Tomskaya Pisanitsa” became the first in the country comprehensive Museum, showing itself as a Museum of a new type that best meets the interests of modern society, as evidenced by its growing popularity. The following basic principles for a successful functioning of a complex of museums are formulated: the presence of historically valuable monument, well-known landscape, large area for functional zoning.

Keywords: Museum-reserve, Tomskaya Pisanitsa, museum complex, museum space.

Основанный Постановлением Правительства РСФСР в феврале 1988 года «Историко-культурный и природный музей-заповедник “Томская Писаница”» отметил в 2013 году свое 25-летие. Эта дата позволяет в научном плане проследить опыт создания, особенности развития и место данного музея в социокультурном пространстве региона, а также его вклад в практику и теорию музейного дела в Сибири и в стране.

Основой музея-заповедника стал широко известный в России и за рубежом археологический памятник – Томская писаница [7]. В 1970-е годы научному сообществу, общественности и административным органам Кузбасса стало очевидным, что древнее святилище с петроглифами нуждается в охране. Памятник катастрофически разрушался в результате мощного антропогенного воздействия. Этому способствовали юридическая и фактическая незащищенность объекта историко-культурного наследия, близость областного центра, судоходная в то время река, дорожная сеть, доступность памятника и археологическая безграмотность населения, а также отсутствие представления о ценности уникального памятника историко-культурного наследия [3, с. 36–38; 4; 6, с. 114–116].

Принципиальным был вопрос о том, какой музей создавать: археологический, музей одного памятника или же создать на базе недвижимого памятника археологии, используя пространство вокруг Томской писаницы, комплексный музей истории, культуры и природы.

Идея комплексного музея-заповедника была заложена его основателями в саму концепцию музея [4; 5, с. 189–192]. Она была одобрена Министерством культуры и закреплена Постановлением Правительства РСФСР «О создании историко-культурного и природного музея-заповедника “Томская Писаница” в Кемеровской области». Создание музея-заповедника совпало с довольно сложным и трудным начальным периодом рестройки в стране. Несмотря на это, именно тогда в России оживился интерес к новым музейным формам, с одной стороны, с другой – в стране не было достаточного опыта создания разного типа музеев, в том числе музеев-заповедников. Хотя с 1960-х годов в стране началось движение по созданию музеев-заповедников деревянного зодчества в целях сохранения памятников деревянной архитектуры.

Прошедшие годы развития музея-заповедника «Томская Писаница» показали, что комплексный музей, созданный на базе археологического памятника с наскальными изображениями наиболее полно и всесторонне отвечает современным потребностям общества [8, с. 23–29; 12, с. 109–123].

Уже на первом этапе своего развития, в середине 1990-х годов, музей состоял из музеефицированной Томской писаницы, музея наскального искусства, этнографического комплекса «Улус Кезек», археологического музейного комплекса – «Археодром» и комплексов дохристианской культуры – «Славянский мифологический лес» и «Мифология и эпос». Позже, в 2000 году, была открыта музейная зона – «Время и календари», приуроченная к событию смены тысячелетий. Были заложены основы музеефикации природной среды: животного и растительного мира Томской писаницы и региона. При музее заработала «Поляна праздников» и стали проводиться первые праздничные мероприятия: Масленица – проводы зимы, ночь Ивана Купала, Спас – праздник урожая и другие. Музей-заповедник постепенно обретал свои особенности работы с населением, становился комплексным, что, в сущности, было новым в музееведении и практике отечественного музейного дела. В какой-то мере он был похож на музей-скансен. Музейные комплексы были разными по содержанию и своей культурной направленности, но их объединяло одно – исторический ландшафт музейной территории вокруг древнего природного святилища – Томской писаницы. Культурно-исторический ландшафт хорошо просматривался по береговой линии Томи от устья р. Писаная вниз до последнего распадка с тропой лосиных сезонных перекочёвок и выходом на Поляну праздников. Эта территория в древности, несомненно, была зоной природно-исторического святилища, окружала его. На ней в природной среде трудом коллектива музея-заповедника были созданы экспозиционные комплексы современного музея-заповедника «Томская Писаница». В результате ценный археологический памятник не только стал объектом охраны, каким он был в XX веке на основании закона, но и стал активно служить интересам современного общества как своеобразный научный, культурный и образовательный ресурс [9, с. 180–188].

Более чем двадцатилетний опыт развития и функционирования «Историко-культурного и природного музея-заповедника «Томская Писаница» показал всю приоритетность комплексного музея, созданного на базе археологического памятника в природной среде.

О популярности комплексного музея, о возрастающем интересе к нему свидетельствует постоянно ежегодно увеличивающийся рост посещаемости, начиная с 2000 года: 2000 год – 15,1 тыс. чел.; 2005 год – 42,8 тыс. чел.; 2010 год – 82,8 тыс. чел.; 2013 год – 155,6 тыс. чел. (см. рис. 1).

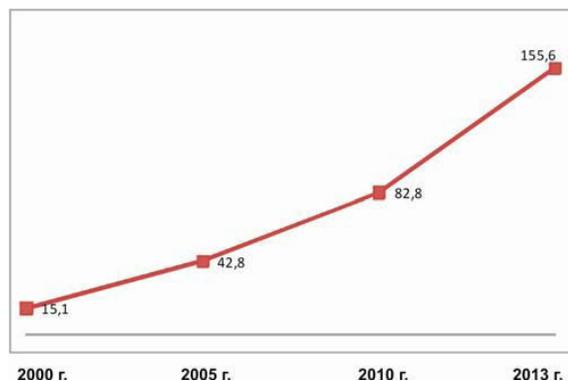

Рисунок 1. Диаграмма роста посещаемости музея-заповедника «Томская Писаница» за 2000–2013 годы

Привлекательность музея-заповедника «Томская Писаница» объясняется многими факторами. Разнообразие музейных комплексов в природной среде обеспечивает удовлетворение познавательного интереса различных групп населения [12, с. 109–123; 14]. Например, школьники и студенты могут не только приобрести новые знания по истории родного края и Сибири в целом, но и актуализировать имеющиеся.

Этому способствует и широкая программа экскурсионного обслуживания. Музей предлагает целый комплекс обзорных и тематических экскурсий. Так, в «Томской Писанице» действует система большого и малого экскурсионного колец. Большое экскурсионное кольцо включает в себя посещение всех экспозиционных комплексов, малое – три экспозиции на выбор посетителя. Чаще всего выбирают «Шорский улус Кезек», «Древнее святилище Томская писаница», «Мифология и эпос народов Сибири» или «Археодром», так как

именно эти комплексы позволяют сформировать у посетителей целостное представление о культуре, истории и быте многих народов, проживавших в разные эпохи на территории Кемеровской области и всей Сибири.

Возможности научно-просветительной и культурно-просветительной работы музея-заповедника «Томская Писаница» обеспечиваются разнообразными музейными комплексами, которыми располагает в настоящее время музей-заповедник.

«Древнее святилище Томская писаница» – недвижимый памятник археологического наследия – центральный экспонат музея на природе и главная экспозиция. Это первый в Сибири музеефицированный памятник наскального искусства. Он обладает рядом особенностей, способствующих его музеефикации. В их числе близость к городу, зрелищность, доступность для осмотра и известность. Первые сведения о «писаных» камнях в Томском уезде относятся к рубежу XVI и XVII веков. Памятник в период первоначального освоения Сибири не обошла ни одна крупная научная экспедиция [10]. Описания памятника содержатся в трудах известных ученых и путешественников XVIII – начала XX веков. В конце 60-х годов XX века изучение петроглифов Томской писаницы продолжили советские ученые Алексей Павлович Окладников и Анатолий Иванович Мартынов, результатом исследований стал монографический труд, посвященный Томской писанице [11]. Писанице на Томи посвящено большое количество научной литературы как в России, так и за рубежом [10], что само по себе делает памятник известным и привлекательным. Сегодня музей-заповедник «Томская Писаница» – это динамично развивающийся современный многопрофильный историко-культурный комплекс. Он успешно сочетает в себе музейную специфику и культурно-просветительскую деятельность. На 156 га уникального исторического ландшафта Притомья расположен ряд экспозиционных комплексов для посетителей, сочетающих в себе как подлинные объекты историко-культурного наследия, так и научно разработанные новоделы. Схема культурно-исторического ландшафта комплексного историко-культурного и природного музея-заповедника «Томская Писаница» представлена на рис. 2.

Рисунок 2. Схема: Культурно-исторический ландшафт комплексного историко-культурного и природного музея-заповедника «Томская Писаница»

1. Музейные комплексы:

- Музей петроглифов Азии;
- Археодром;
- Славянский мифологический лес;
- Шорский улус Кезек;
- Мифология и эпос народов Сибири;
- Музей естественной истории.

5. Научные экспедиции МЗТП:

- Петроглифическая;
- Археологическая;
- Этнографическая.

2. Музейные комплексы:

- Природный комплекс: растения и животные (мини-зоопарк);
- Часовня святых равноапостольных Кирилла и Мефодия;
- «Живая археология»;
- Резиденция Кузбасского Деда Мороза (детский комплекс).

6. Ежегодные тематические выставки за пределами МЗТП:

- 2010 год – 78;
- 2011 год – 129;
- 2012 год – 158;
- 2013 год – 140.

3. Научные связи МЗТП

- Академические учреждения:
- СО РАН, ИИМК РАН;
- Высшие учебные заведения г. Кемерово и СФО;
- Музеи России;
- Общественные организации:
- ИКОМ, САИПИ.

7. Конференции

- МЗТП – учредитель и соучредитель ежегодных научных и научно-практических конференций;
- Участие научных сотрудников в конференциях различного уровня.

4. Фондовые коллекции:

- Живопись, графика, скульптура, предметы прикладного искусства, быта и этнографии, нумизматика, археология, микалентные копии наскальных рисунков, редкие книги, документы, естественно-научная коллекция, предметы истории и техники, печатная продукция.

8. Научные и популярные издания

- За годы деятельности музея более 120 публикаций.

9. Экскурсии:

- Тематические экскурсии по 12 экспозициям;
- Экскурсионное кольцо;
- Учебные;
- Интерактивные;
- Благотворительные.

10. Ежегодные массовые мероприятия:

- Крещение;
- Масленица;
- Чыл-Пажи;
- День птиц;
- Пасха;
- Сабантуй;
- Звоны над Томью;
- Троица;
- Иван Купала;
- Праздник сибирского самовара;
- День Рождения Деда Мороза.

11. Сувенирная продукция

- Сувениры народного промысла: берестяные туеса, медали, подвески, изделия из дерева;
- Керамические подвески, амулеты, подсвечники, идола, плакетки;
- Футболки, зажигалки, брелоки, посуда, ручки, рисунки по коже с символикой музея;
- Микалентные копии, пейзажный уголь;
- Мультимедийная и печатная продукция о музее и другое.

12. Музейные услуги:

Лекции, консультации научных сотрудников музея; автостоянка, кафе; фотографирование в исторических и театральных костюмах; чеканка монет на металле (аттракцион «Кузница счастья»); стрельба из лука, лепка изделий из глины; отдых в деревне (аренда домика в деревне); отдых в этнографическом жилище «Монгольская юрта»; конный маршрут (верхом).

В зимний период:

- Катание на лошадях (в санях, верхом, в фэртоне);
- Катание на снегоходах;
- Катание с ледяной горки.

В летний период:

Катания: на лошадях (верховая езда, в фэртоне), автопоезде, мотовездеходе (аттракцион «Баги-кросс»), квадроцикле (аттракцион «Квадроцикл»); аттракционы: «Таёжные тропы»; «Катание на зорбе»; «Тарзанка»; планетарий.

Музей наскального искусства Азии является первым в Сибири и России музеем, посвященным только наскальному искусству. На сегодняшний день он располагает большой коллекцией петроглифического материала по Сибири. Экспозиция музея дает общее представление о памятниках наскального искусства Сибири и раскрывает значение и роль наскального искусства как части общечеловеческой культуры.

Комплекс «Археодром» состоит из научных реконструкций древних жилищ эпохи бронзы и раннего железного века, выстроенных по материалам археологических раскопок, и павильона древних погребений от неолита до Средневековья. На конкретном материале, адресованном для всех групп посетителей, раскрываются развитие материальной и духовной культуры, процессы исторического развития на территории Южной Сибири, этнические процессы и их связь с современностью. Музейный комплекс имеет определенную образовательную направленность, доступен для понимания всех слоёв населения.

ную образовательную направленность, доступен для понимания всех слоёв населения.

«Шорский улус Кезек» состоит из комплекса подлинных жилых и хозяйственных построек этого малочисленного тюркоязычного народа, проживающего на юге Кемеровской области: жилой усадьбы, амбаров, также в открытом доступе представлены внутреннее убранство и хозяйственный инвентарь шорцев конца XIX–XX века. Шорцы верили в различных богов и духов, населяющих Вселенную, поэтому для ознакомления посетителей музея с духовной культурой шорского народа, его обычаями и верованиями в рамках экспозиции был создан целый ряд макетов – дом шамана, свадебный шалаш (одаг), кладбище.

«Мифология и эпос народов Сибири» – это экспозиция исторических реконструкций культовых мест двух основных культурно-исторических и этнических зон Сибири, связанных с природными условиями традиционного обитания в Север-

ной Азии: лесная зона Сибири и горно-степная Южная Сибирь. Данный экспозиционный комплекс включает в себя макеты каменных стел, относящихся к окуневской археологической культуре, оленных камней из сибирских и монгольских степей, тюркских надгробных памятников, а также культовых мест обских угров.

«Славянский мифологический лес» – открытая музейная территория, представляющая собой реконструкцию древнеславянского дохристианского языческого капища. В центре – копия Збручского идола, окружённая круглой площадкой, по краям которой расположены полукруглые выступы для зажигания священных костров. Вокруг копии Збручского идола установлены макеты идолов основных славянских богов: Рода – прародителя вселенной, Рожаниц – небесных хозяек мира, Сварога – отца бога солнца, Ярилы – божества солнца и плодородия, Святовита – бога плодородия, Рувита – божества войны и судьбы душ в загробном мире, Велеса – «скотьего бога», Чура – охранителя границ.

Встает вопрос, – почему это сделано здесь, в Сибири, где не было древних славян? Определенную роль в этом вопросе сыграло то, что любой музей действует в поле современности, а современное население Кузбасса и Сибири в целом до 90 % состоит из русских и групп украинцев, белорусов. Уже поэтому мы обязаны показать дохристианские корни современного наследия и тем самым подчеркнуть великую цивилизаторскую культурную, историческую роль православного христианства.

Музей естественной истории возник вместе с музейфикацией Томской писаницы. Он посвящен исторической геологии Земли, недрам Кузбасса и его природным богатствам. Центром круговой экспозиции является стела, на которой изображена геологическая история Земли, хронология геологических периодов, раскрываются особенности каждого периода как времени образования полезных ископаемых, добываемых современной цивилизацией. По кругу экспозиции размещены крупные баннеры с типичными изображениями Земли в тот или иной геологический период. Вся площадь этой круговой экспозиции на природе, на холме рядом с Томской писаницей, справа от спуска на основной объект музея – Томскую писаницу, занимают крупнога-

баритные образцы природных полезных ископаемых Кузбасса: основные марки углей, железные руды, мраморы, различные минералы. Экспозиция в известной степени новаторская, если учесть, что большинство музеев геологического профиля в мире демонстрируют образцы полезных ископаемых и минералов в виде небольших фрагментов в витринах.

Храм-Часовня святых равноапостольных Кирилла и Мефодия построен в 2008 году по инициативе губернатора Кемеровской области А. Г. Тулеева как дар музею-заповеднику. Площадка возле часовни с великолепным видом на реку Томь служит местом проведения православных праздников.

Два объекта музея-заповедника – «Славянский мифологический лес» и Часовня в честь святых равноапостольных Кирилла и Мефодия находятся в разных частях музея-заповедника, разделённые центральной дорогой, ведущей от входа к Томской писанице. Это не случайно, их расположение символизирует два мощных культурно-исторических комплекса России и значительной части современной Евразии. Сам храм как крупный центр духовной культуры на территории музея-заповедника планируется снабдить открытой стендовой экспозицией «Христианство в Сибири» из стендов: «Православие в Сибири», «Православие в Кузбассе», «Святые равноапостольные Кирилл и Мефодий» и др.

На площади перед часовней проводятся пасхальные гуляния, основные христианские праздники, фестивали звонарей «Звоны над Томью» и «Дни славянской письменности и культуры».

Экспозиция «Животный и растительный мир Кузбасса». Это необычная музейная экспозиция обозначена в самом названии музея-заповедника – «историко-культурный и природный». Фактически она занимает все природно-ландшафтное пространство музея-заповедника. К ней относятся: разработанные биологами КемГУ «тропы познания» растительного мира музея-заповедника, пояснительные тексты перед отдельными деревьями и кустарниками, расположенными вдоль основных дорог на территории музея; единственный в Кемеровской области стационарный мини-зоопарк, где представлены различные виды животных и птиц, обитающих в Кузбассе (лоси, маралы, медведи, волки, лисицы, коршуны и т. д.).

Знакомство с музеем не ограничивается осмотром экспозиций, экскурсиями по объектам показа. В настоящее время очень популярны интерактивные мероприятия, во время которых посетители музея могут принять участие в следующих обрядах: поклонения мировому дереву, посвящения в воины Перуна, обрядовых действиях на Троицу, Спас и многих других.

В музее-заповеднике успешно работает интерактивная экспозиция «Живая археология», которая позволяет «погрузить» посетителя в историю, посредством реконструкции древних технологий: стрельба из лука, участие в изготовлении материи на древнем ткацком стане. Кроме того, можно изготовить вручную копию лепного древнего сосуда, поработать на гончарном круге, добыть огонь с помощью трения, поучаствовать в обрядах охотничьей магии. Все это позволяет посетителям музея почувствовать себя на месте «древнего человека».

Неизгладимое впечатление оставляет традиционный «Час лакомства». Он проходит в заповеднике каждое воскресенье. В это время можно покормить диких животных из своих рук. Не меньший интерес, особенно для детей, представляет общение с домашними животными. Такую возможность предоставляет контактный зоопарк «Сельский дворик». Возможность для городских детей пообщаться с домашними животными и покормить их – это новая функция музея открытого типа.

Большое внимание уделяется в музее-заповеднике семейному культурно-познавательному отдыху. Для детей работает музейный комплекс «Сказка», где представлены главные персонажи русских сказок.

В 2013 году исполнилось 10 лет проекту «Резиденция Кузбасского Деда Мороза». С начала декабря до начала марта дети и их родители имеют возможность побывать «В гостях у Сказочного старца», пообщаться с ним, послать письмо Деду Морозу. Ежегодно в Резиденции проходят традиционные Новогодние елки и отмечается Рождество.

За многие годы **праздничная культура** стала неотъемлемой частью работы музея-заповедника с посетителями. К проводимым на «Томской Писанице» праздникам относятся: Масленица, Новый год народов Саяно-Алтая – «Чыл-Пажи», татарско-башкирский праздник

«Сабантуй». Праздничные мероприятия, как правило, проходят на музейных территориях отдельных комплексов показа или охватывают всю территорию музея-заповедника и, кроме тематической программы, включают экскурсии и знакомство с экспозициями. Отдельные мероприятия проходят на Поляне праздников, где ежегодно проводятся фестивали авторской песни «Спас на Томи»; выставка ретроавтомобилей; фольклорное шоу «Ночь на Ивана Купала» и много других праздников. Это новое **чрезвычайно важное направление** в работе музея-заповедника «Томская Писаница». Оно сочетает в себе знакомство с музеем, традиционный опыт и личное участие в зрелищных мероприятиях. Кроме праздников, в выходные дни в музее проходят развлекательные конкурсно-игровые программы – «Дни семейного отдыха». Зимой большой популярностью пользуются катания: на снегоходах, на санях с ледяных горок. Летом в музее-заповеднике можно совершить увлекательные прогулки на свежем воздухе: на катере по реке, на детском поезде по территории музея-заповедника, на велосипеде, в конной повозке и прокатиться верхом на лошади, а также на взрослых и детских мотовездеходах: багги и квадрациклах. Большой популярностью пользуется спортивно-оздоровительный аттракцион – веревочный парк «Таежные тропы». Все это стало возможным при наличии достаточно большой территории культурного ландшафта, которым обладает музей-заповедник «Томская Писаница».

Трудности в работе музеев-заповедников связаны с зимними праздниками в природной среде, поэтому **одной из насущных задач музея-заповедника «Томская Писаница» стало развитие инфраструктуры, рассчитанной на работу музея круглый год**. Для комфортного пребывания в музее была улучшена дорожно-тропиночная сеть, ее протяженность сейчас более трех километров. На территории музея работает теплое кафе «Монгольская юрта», сеть летних кафе, для семей и небольших групп посетителей в музее имеются рекреационные места с беседками и мангалами. Круглый год работает Губернаторская чайная. Есть помещение для проведения круглых столов, конференций и корпоративов. Фактически, такая инфраструктура призвана круглогодично обеспечивать культурные потребности населения.

Таким образом, за 25 лет коллектив музея-заповедника «Томская Писаница» создал необычные экспозиции в среде исторического ландшафта, сочетая на основе подлинных экспонатов и новоделов традиционные и инновационные методы работы с посетителями и изучая их спрос. Всё это позволило создать музей-заповедник нового типа – комплексный музей, как наиболее полно отвечающий потребностям современного общества [8, с. 23–29; 13].

Поиск новых направлений в работе – это естественный и постоянный процесс для коллектива музея-заповедника. Без стремления к новому не смогла бы возникнуть в конце прошлого века идея создания комплексного музея-заповедника «Томская Писаница» на базе археологического памятника [13]. Так началась и успешно развивается новая, современная «жизнь» памятника археологии, который стал основой, стержнем комплексного «Историко-культурного и природного музея-заповедника “Томская Писаница”» [2, с. 114–123]. Его особенность заключается в том, что на территории историко-культурного ландшафта развернуты и функционируют совершенно разные историко-культурные комплексы, которые дополняются большим количеством временных передвижных или стационарных тематических выставок, интерактивных площадок, тематических музейных праздников и комплекса культурных и культурно-исторических услуг, предоставляемых различным группам посетителей. Современный комплексный музей-заповедник под открытым небом в природной среде – это принципиально новое, современное учреждение культуры музейного профиля, созданное на базе исторически ценного памятника археологического наследия, соединяющее в себе функции сохранения памятника археологии и его активного использования в современных образовательных, культурно-просветительных и научных целях.

Сейчас, анализируя опыт создания и годы успешного функционирования комплексного

музея-заповедника, интерес к нему населения Кемеровской области и соседних регионов Сибири, научного сообщества в области музеологии и музейного дела, можно сделать некоторые выводы.

Прежде всего, необходимо отметить, что в период начавшихся в конце прошлого века в России поисков новых форм и типов музейной деятельности музей-заповедник «Томская Писаница» стал первым в стране комплексным музеем, показав себя как музей нового типа, наиболее полно отвечающий интересам современного общества, о чем свидетельствует его растущая популярность.

Изучая опыт музея-заповедника «Томская Писаница», можно попытаться сформулировать основные принципы успешного функционирования комплексных музеев-заповедников. Это наличие исторически ценного памятника или достаточно известного исторического ландшафта. Важно, чтобы будущий комплексный музей был обеспечен значительной территорией, достаточной для функционального зонирования: территория памятника (если он есть), территория для создания музейных комплексов и пространство для интерактивных действий, административно-хозяйственного блока.

Очень важно с самого начала, даже до создания комплексного музея-заповедника, провести комплекс мероприятий, связанных с пропагандой самой идеи, концепции будущего музея: брошюры, материалы научных исследований и известные факты и события, связанные с памятным местом, идея необходимости создания музея в средствах массовой информации, выпуск буклетов, значков и сувенирной продукции, проведение на месте будущего музея-заповедника мероприятий с привлечением общественных и молодежных организаций.

Необходимо понять, что памятники и памятные места отечественной истории, культуры есть на каждой территории в каждом регионе страны и задача их музеефикации – местная.

Литература

1. Гнедовский М. Б. Современные тенденции развития музейной коммуникации // Музееведение: проблемы культурной коммуникации в музейной деятельности. – М., 1989. – С. 199–222.
2. Мартынов А. И., Ковешникова Е. А. Новая концепция российских музеев XX века // Культурология в теоретическом и прикладном измерении. – Кемерово; М., 2001. – С. 114–123.
3. Мартынов А. И. Что ждет Томскую писаницу? // Советский музей. – 1989 – № 1. – С. 36–38.
4. Мартынов А. И. Нужен такой музей // Кузбасс. – 1987. – 13 июня.

5. Мартынов А. И. О концепции современного отношения к природно-археологическим ландшафтам Южной Сибири // Мониторинг археологического наследия. – М., 2000. – С. 190–192.
6. Мартынов А. И. О проблемах музеефикации археологических памятников // Хранители наследия. – Барнаул, 2003. – С. 114–117.
7. Мартынов А. И. Томская писаница и музейно-туристический бизнес Кузбасса // Журнал «ТЭК». – 2002. – № 2 (6). – С. 132–136.
8. Мартынов, А. И., Ковешникова Е. А. Функции музея в основе взаимоотношений музея в обществе // Museums and etnoculturas tourism. III Simposium ICOFOMSIB. – Shangai; Novosibirsk, 2010. – P. 23–29.
9. Мартынова Г. С., Мартынов А. И. Три «жизни» Томской писаницы // Музеи и наука: к 35-летию музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеров. гос. ун-та: мат-лы Междунар. науч. конф. (10–12 нояб. 2011 года Кемерово). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – С. 181–188.
10. Мартынова Г. С., Покровская А. Ф. Исследователи Томской писаницы. – Кемерово, 2000. – 68 с.
11. Окладников А. П., Мартынов А. И. Сокровища Томских писаниц. – М.: Искусство, 1972. – 294 с.
12. Сотникова С. И. Музеология. – М.: Дрофа, 2004. – С. 109–123.
13. Троицкая Т. Н. Музей глазами археолога. – Новосибирск. 2013. – 68 с.
14. Федоров Н. Ф. Музей, его смысл и назначение. – М., 1995.

References

1. Gnedovskii M.B. Sovremennye tendentsii razvitiia muzeinoi kommunikatsii [Modern trends in the development of Museum communication]. *Muzevedenie: problem kul'turnoi kommunikatsii v muzeinoi deiatel'nosti [Museology: the problems of cultural communication in museum activities]*. Moscow, 1989, pp. 199–222. (In Russ.).
2. Martynov A.I., Koveshnikova E.A. Novaia kontsepsiia rossiiskikh muzeev XX veka [The new concept of the Russian museums in the twentieth century]. *Kul'turologiia v teoreticheskom i prikladnom izmereniiakh. [Cultural science in theoretical and applied dimensions]*. Kemerovo, Moscow, 2001, pp.114–123. (In Russ.).
3. Martynov A.I. Chto zhdet Tomskuiu pisanitsu? [What awaits the TomskayaPisanitsa]. *Sovetskii muzei [Soviet Museum]*, 1989, vol. 1, pp. 36–38. (In Russ.).
4. Martynov A.I. Nuzhen takoi muzei [Such museum is necessary]. *Gazeta «Kuzbass» [newspaper «Kuzbass»]*, 1987, 13 June. (In Russ.).
5. Martynov A.I. O kontsepsii sovremennogo otnosheniia k prirodno-arkheologicheskim landshaftam Iuzhnoi Sibiri [About the concept of the modern relation to natural and archaeological landscapes of Southern Siberia]. *Monitoring arkheologicheskogo nasledia [Monitoring of archaeological heritage]*. Moscow, 2000, pp. 190–192. (In Russ.).
6. Martynov A.I. O problemakh muzeifikatsii arkheologicheskikh pamiatnikov [About problems of a muzeefikation of archaeological monuments]. *Khraniteli nasledia [Keepers of heritage]*. Barnaul, 2003, pp. 114–117. (In Russ.).
7. Martynov A.I. Tomskaia pisanitsa i muzeino-turisticheskii biznes Kuzbassa [Tomskayapisanitsa and museum and tourist business of Kuzbass]. *Zhurnal “TEK” [Journal “TEK”]*, 2002, vol. 2 (6), pp. 132–136. (In Russ.).
8. Martynov A.I., Koveshnikova E.A. Funktsii muzeia v osnove vzaimootnosheniia muzeia v obshchestve [Functions of the museum in the basis of relationship of the museum in society]. *Museums and etnoculturas tourism. III Simposium ICOFOMSIB*. Shangai; Novosibirsk, 2010, pp. 23–29. (In English).
9. Martynova G.S., Martynov A.I. Tri “zhizni” Tomskoi pisanitsy [Three “lives” of the Tomskayapisanitsa]. *Muzei i nauka: k 35-letiiu muzeia “Arkheologiia, etnografiia i ekologiia Sibiri” Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (10–12 noiabria 2011 goda Kemerovo) [Museums and science: to the 35 anniversary of the museum “Archeology, ethnography and ecology of Siberia of the Kemerovo state university. Materials of the International scientific conference (on November 10–12, 2011 goda Kemerovo)]*. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 2011, pp. 181–188. (In Russ.).
10. Martynova G.S., Pokrovskaja A.F. Issledovateli Tomskoi pisanitsy. [Researchers of the Tomskayapisanitsa]. Kemerovo, 2000. 68 p. (In Russ.).
11. Okladnikov A.P., Martynov A.I. Sokrovishcha Tomskikh pisanits [Treasures of Tomskaya pisanitsa]. Moscow, Art Publ., 1972. 294 p. (In Russ.).
12. Sotnikova S.I. Muzeologiia. [Museology]. Moscow, Drofa Publ., 2004, pp. 109–123. (In Russ.).
13. Troitskaia T.N. Muzei glazami arkheologa [The Museum through the eyes of an archaeologist]. Novosibirsk, 2013, 68 p. (In Russ.).
14. Fedorov N.F. Muzei, ego smysl i naznachenie [Museum, its meaning and purpose]. Moscow, 1995. (In Russ.).

УДК 7

КОНЦЕПТ «БЕЗДОМНЫЕ» НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ПРЕССЫ

Пазьо-Влазловская Дорота, кандидат гуманитарных наук, научный сотрудник, заместитель директора Института славистики, Польская академия наук (г. Варшава, Польша). E-mail: d.pazio@ispan.waw.pl

В статье предпринимается попытка сформулировать когнитивную дефиницию понятия «бездомные» на основе текстов 2010–2014 годов, почерпнутых из шести доступных многотиражных онлайн-газет. Внимание автора сосредоточено на бездомности людей, вне его интереса остаются материалы, посвященные бездомности животных, а также все тексты, в которых словоформа «бездомный» употребляется в переносном метафорическом значении. В статье обращено внимание на тесную связь концепта *бездомные* с другими концептами в рамках аксиосферы, прежде всего с концептом *дом*. Материал подвергся анализу согласно методологии люблинской этнолингвистической школы, отобранные тексты рассматриваются как ответы на «скрытые» вопросы: кто такой бездомный, какой у него внешний вид, какой у него характер, как он себя ведет, как к бездомным относятся жители городов – благодаря чему возможным стала попытка сформулировать когнитивную дефиницию понятия, согласно которой бездомный – это член общины, руководствующейся нормами поведения, резко отличающимися от норм поведения, господствующих в «нормальном» обществе, часто он больной, нередко это алкоголик или преступник, человек глубоко травмированный, который привык к своей жизни и не хочет ее менять. Бездомному нужно помогать выжить (особенно зимой), хотя он не всегда хочет пользоваться предлагаемой ему помощью.

Ключевые слова: языковая картина мира, бездомные, пресса, когнитивная дефиниция, реконструкция значения.

THE CONCEPT OF “THE HOMELESS” IN THE CONTEMPORARY RUSSIAN PRESS

Pazio-Wlazłowska Dorota, Candidate Humanities, Researcher, Deputy Director of the Institute of Slavic Studies, Polish Academy of Sciences (Warsaw, Poland). E-mail: d.pazio@ispan.waw.pl

This paper is an attempt to form a cognitive definition of the concept of *the homeless* based on the 2010–2014 excerpts from the articles selected from six big-circulation Russian daily newspapers available on-line. The author’s attention is directed towards the articles focusing on the homelessness of people, rather than the homelessness of animals. She also excludes from her analysis all the articles where the word “homeless” is used in a metaphorical sense. The paper discusses the tight connection existing between the concept of *the homeless* and other concepts within the same axiological sphere, in particular the concept of *home*. The data analysis is carried out based on the principles of the Lublin school of ethnolinguistics, where the selected texts are perceived as the answers provided to the “hidden questions,” such as, who is a homeless person, what they look like, what their characters are like, how they behave, and what attitude towards the homeless the other town dwellers seem to take. By using such an approach, it was possible to create a cognitive definition of the concept, where a homeless person is a member of a community in which norms of behavior considerably differ from the norms functioning in the “regular” society. A homeless person is very often a sick person, quite often an alcoholic or an offender, traumatized, used to the life they live with no intention of changing it in any way. The society should help the homeless survive (especially during the winter time), although very often they are not willing to accept the help that they receive.

Keywords: linguistic model of the world, homelessness, the press, cognitive definition, concept reconstruction.

*Бездомный, как правило, не знает,
как долго продлится его бездомность
и окончится ли она раньше,
чем его жизнь [7, с. 9].*

Целью данной статьи является попытка реконструировать концепт *бездомные* на материале текстов современной прессы, то есть попытка выявить его языковой образ и сформулировать когнитивную дефиницию, главной целью которой, согласно Ежи Бартминьскому, считается представление способа восприятия явления носителями языка [14, с. 42].

Внимание в данной статье сосредоточено на бездомности людей, вне нашего интереса остаются многочисленные материалы, посвященные бездомности животных⁸, а также все тексты, в которых словоформа «бездомный» употребляется в метафорическом переносном значении.

Необходимо подчеркнуть, что бездомность неразрывно связана в рамках аксиосферы с концептом *дом*, принадлежащим к словам-ключам русской культуры и представляющим собой одну из основных ценностей. Но, в противовес концепту *дом*, вызывающему интерес многих ученых и являющемуся предметом многих лингвистических исследований⁹, интересующий нас в настоящей статье концепт *бездомный*, к сожалению, не привлекает внимания лингвистов. Посвященная ему лингвистическая литература скудна, хотя сама проблема бездомности как многоаспектное явление стала в последнее время предметом исследований многих дисциплин, в частности, социологии, экономики и психологии. Понимаемая в буквальном смысле как «отсутствие крова над головой» она является одной из самых существенных проблем современности, считается, что в России бездомными является от 1,5 до 4,2 млн человек [13]; ср. [10], [5]. Поэтому целесообразным и небезынтесным кажется предлагаемая нами в настоящей статье попытка проведения ее этнолингвистического анализа.

⁸ Интересные замечания о поиске в Интернете и прессе текстов о бездомных (см. [7, с. 10; 9, с. 28]).

⁹ Ср. напр.: работы Валеевой Д. Р., Глозмана Б. Г., Казаковой Н. Ю., Козыревой О. А., Ланской О. В., Лассан Э., Литовченко М., Мамедгасановой А. А., Медведевой А. В., Никитины С. Е., Кукушкины Е. Ю., Пеньковского А. Б., Плотниковой А. А., Усачевой В. В., Пономаревой Т. А., Потураевой Е. А., Слепцовой Е. В., Фещенко О. А., Цивьян Т. В.

Основой для реконструкции дефиниции послужили тексты¹⁰, помещенные в ежедневных многотиражных газетах. Материал был отобран из доступных онлайн изданий: «Российской газет» (далее – РГ), «Независимой газеты» (далее – НГ), «Комсомольской правды»: (далее – КП), «Труда», «Московского комсомольца»: (далее – МК) и «Известий»¹¹. Хронологически анализируемый материал охватывает период с 2010 по 2014 год. Из указанных источников было отобрано 150 текстов, в которых употребляются словоформы «бездомный», «бомж» или «бродяга»¹².

Материал был подвергнут анализу согласно методологии люблинской этнолингвистической школы, он рассматривался как ответы на «скрытые» вопросы – кто такой бездомный, какой

¹⁰ При отборе не принимались никакие формальные критерии, исследованию были подвергнуты тексты самого разного типа: комментарии, статьи, интервью, заметки и др.

¹¹ Материалы были почерпнуты с сайтов: «Российская газета» www.rg.ru, «Независимая газета» www.ng.ru, «Комсомольская правда» www.kp.ru, «Труд» www.trud.ru, «Московский комсомолец» www.mk.ru, «Известия» www.izvestia.ru.

¹² Ср. замечания Н. Гладких: *Уже многие говорили о негативном оценочном признаке слова бомж, даже в тех случаях, когда во всем остальном текст по содержанию и стилистике нейтрален. Добавлю мелкий филологический нюанс. «Бездомный» – это субстантивированное прилагательное. «Без определенного места жительства» – развернутое определение при слове «человек» или «лицо». Когда мы вместо этих выражений употребляем существительное «бомж», мы переводим признак, атрибут, динамическую характеристику человека в сам субъект или объект, в сущностную, постоянную характеристику человека. Это тоже форма уничтожения [4, с. 50].* Используя в качестве анализируемого материала тексты, почерпнутые из прессы, целесообразным кажется упомянуть о их специфике. Следует помнить о стремлении СМИ вызвать интерес читателей, привлечь их внимание. Исследователи подчеркивают, что образ действительности, представляемый прессой, не является непосредственным полным и прямым отражением общественного мнения, поскольку материалы СМИ содержат некую долю авторской креации, в которой находят свое отражение точка зрения и мнения журналистов. Поэтому представляемый прессой образ есть результат некоторой симплификации – одни элементы действительности могут в нем подчеркиваться, другие уменьшаться [15, с. 123; 18, с. 331; 28; 27; 17; 25; 23; 20; 16, с. 124].

у него внешний вид, какой у него характер, как он себя ведет, как к бездомным относятся жители города – благодаря чему возможным стала попытка сформулировать когнитивную дефиницию интересующего нас концепта.

Кто такой бездомный?

Бездомный – это человек, проживающий на улице или на вокзале (отобранный материал ограничивается «уличной» бездомностью)¹³, это представитель общины, руководствующейся нормами поведения, резко отличающимися от норм так называемой нормальной жизни. Существовать в общине бездомных можно лишь за счет одобрения господствующих в ней законов, что равнозначно с полной деконструкцией «домной» жизни.

Местом ночлега для Светланы сегодня служит один из московских дворов, который она делит еще с двумя бездомными. У нее отличные отношения со всеми местными нищими, ведь только они по-настоящему ее понимают: «...мы как большая семья, где каждый друг другу помогает выжить» (РГ, 9.10.2013).

<...> уличные неписанные законы жестоки. Чтобы начать нормальную жизнь, бомжу нужно отказаться их соблюдать, то есть перестать быть «своим», стать чужаком (КП, 17.12.2012).

Община бездомных довольно большая, она насчитывает десятки тысяч людей, проживающих прежде всего в мегаполисах.

По разным оценкам, сегодня в России от 1,5 до 4,2 млн бездомных. Наибольшая их концентрация наблюдается в мегаполисах, прежде всего в Москве (около 75 тыс. человек) и Санкт-Петербурге (примерно 50 тыс.) (РГ, 30.05.2014).

Бездомные стали неотъемлемой частью мегаполиса. В Москве их сегодня насчитывается от 10 до 30 тыс., а некоторые эксперты полагают, что гораздо больше – до 70–100 тыс. человек (НГ, 29.04.2014).

¹³ Существенной проблемой при попытке исследования бездомности кажется отсутствие ее общепринятого определения, ср.: [12, с. 26; 3; 21, с. 24–27]. Исследователями обычно выделяются два ее типа: бездомность по выбору, которая присуща индивидам, отвергнувшим социальные нормы поведения, и вынужденную бездомность, являющуюся результатом процессов, проходящих независимо от воли и пожеланий индивида, ср.: [26, с. 60].

На улицах Москвы живет, по разным данным, от 12 до 50 тыс. бездомных (МК, 24.07.2014).

<...> сейчас на улицах Москвы проживают около 40 тыс. бродяг (МК, 24.04.2014).

Как выглядит бездомный?

Характеристики внешнего вида бездомных очень скудные, коротенькие. Пресса не уделяет им внимания. Подчеркивается лишь неопрятность и запущенность.

<...> внешний вид бродяг действительно неприятный (КП, 10.08.2011).

У людей, которые недолго на улице, потерянный взгляд.

«Человек вернется к нормальной жизни, если ему успеть помочь в первые четыре дня нахождения на улице, – говорит женщина. – Я специально хожу по вокзалам и ищу таких людей, их легко узнать среди бомжей со стажем, взгляд потерянный <...>» (РГ, 9.10.2013).

Какой у бездомных характер?

Бездомные – это глубоко травмированные люди, беспомощные, потерявшиеся. Бродяги часто неспособны соблюдать правила общественной жизни и из-за этого они не в силах отыскать свое место в окружающем их мире. Иногда поведение бездомных и их неспособность социализироваться является результатом травм, нанесенных им в детстве. Из-за осознания безвыходности своего положения бездомные иногда пытаются заглушить свои проблемы алкоголем.

Свои копейки бездомный и правда скорее потратит на выпивку, а не на еду. Но не потому, что сыт, а потому, что холод и сознание своей отверженности – невыносимы (КП, 17.12.2012).

Закоренелые бездомные – это так и не повзрослевшие дети. На мир они смотрят через свой инфантилизм. Застрав в нем когда-то, они не способны воспринять те жесткие правила, которые предъявляет нам взрослая жизнь. Многие – жертвы детских психотравм, воспитывавшиеся в социально неблагополучных семьях или в детских домах, недолюбленные, недохваленные... (МК, 24.07.2014).

Как бездомные себя ведут?

Пресса указывает на два момента:

<...> большинство из них – пьяницы и тушеядцы <...> (КП, 10.08.2011).

Среди бездомных есть преступники, воры и убийцы.

Четвертого августа под Тверью был задержан за кражу Дмитрий Семенов, 30-летний бездомный из Читы, в 2010 году освободившийся из колонии после восьмилетнего срока за убийство (РГ, 1.11.2012).

Бездомная убила приятеля каблуком за оскорбительное замечание (МК, 25.04.2014).

Пресса подчеркивает, что большинство бездомных не хочет менять свой образ жизни, к которому они привыкли и который их устраивает. Для бомжей предпочтительнее жить на улице, чем вернуться к нормальной жизни. Покончить с бродяжничеством готовы лишь единицы. Это прежде всего те, кто недавно потерял кров над головой.

Трудоустроиваться люди с улицы хотят все меньше. <...> большинство бездомных не желают менять свой образ жизни (РГ, 8.10.2013).

К жизни на улице Юрий привык и говорит, что вряд ли бы смог вернуться обратно в обычный мир (РГ, 9.10.2013).

Людям, которые пытаются «вытащить себя за уши», вдвойне приятнее оказывать помощь. Но их, к сожалению, очень мало. И в основном это те, кто только что стал вести бродячий образ жизни и не успел опуститься на «дно» (РГ, 24.03.2010).

Столичные власти с грустью констатируют – лишь 5–7 % бродяг возвращаются к нормальной жизни. Остальные предпочитают пить сивуху и ночевать на улице (КП, 16.09.2013).

К чему стремятся бездомные?

Целью бездомных является обеспечение основных человеческих нужд, самым важным кажется добыча пищи и забота о теплом месте для ночлега. Бездомные не заботятся о будущем, они полностью сосредоточены на заботах о повседневности. Даже если у них появляются мечты и планы, они также ограничиваются обеспечением элементарных потребностей.

Для нее есть только здесь и сейчас, однако, все же иногда она думает о холодах: пережить эту зиму – главная задача (РГ, 9.10.2013).

Система ценностей этих людей сужается до минимальных – поесть, поспать, выпить... (КП, 10.08.2011).

Как общество относится к бездомным?

Бездомные воспринимаются как группа, находящаяся вне общества, как чужие [8], находя-

щиеся за пределами нормальной жизни. В текстах резко проводится дихотомическое деление «мы – они», «свой – чужой»¹⁴.

Многие, даже работающие в социальной сфере, не считают бомжей за людей <...> (КП, 17.12.2012).

Хотя бездомные беззащитные и беспомощные как дети и старики и хотя они нуждаются в помощи, горожане относятся к ним строго и недоброжелательно, не скрывают своей неприязни и страха, сопротивляются организации ночлежек для бездомных на территории, где сами живут, высказываются против установления пунктов обогрева. Жители городов пытаются вытеснить бездомных из территории, где сами живут.

<...> жители центральной части города сопротивились установке мобильного ангара для обогрева бездомных <...> (РГ, 20.01.2014).

Жители пермского микрорайона Крохалева высказались против ночлежки для бомжей <...> Жильцы ближайших домов опасаются, что лица без определенного места жительства могут плохо повлиять на детей (МК, 21.08.2014).

Многие, даже добрые, люди равнодушно проходят мимо замерзающих бродяг, потому что: «Пить надо меньше», «Работать надо», «Сами виноваты» (КП, 17.12.2012).

Бездомные портят вид города, искажают его эстетику, нарушают общепринятые нормы поведения.

<...> местные жители и жаловались властям, что бездомные портят внешний вид города, моют ноги в фонтане, доедают обеды в подъездах (КП, 10.08.2011).

Жители боятся болезней, в частности туберкулеза, которым страдают бездомные. Горожане боятся, что могут им заразиться.

Мест, где можно подхватить туберкулез или другую заразу, источником которой являются бомжи, немало (МК, 24.04.2014).

¹⁴ Следует подчеркнуть, что противопоставление «свой – чужой» является существенным также для концепта *дом*. Дом – это место, куда индивид возвращается после скитаний, после пребывания в чужой ему среде. Поэтому положение бездомного можно воспринимать как постоянное пребывание вне дома, состояние постоянного отчуждения по сравнению с «домной» доминирующей действительностью. О восприятии СМИ бездомных как чужих см. также [6].

Еще одной проблемой является распространённость туберкулеза у бездомных (НГ, 05.04.2013).

Бывает, что бездомные ездят в метро, боля открытой формой туберкулеза <...> (КП, 16.09.2013).

Особое внимание мы уделяем обследованию на туберкулез бездомных, заболеваемость у которых достаточно высокая <...> (Труд, 4.04.2014).

Пресса акцентирует внимание читателей на том, что главной целью помощи, оказываемой бездомным, является их возвращение к нормальной жизни. Помощь важна прежде всего зимой, когда она становится злободневным вопросом и когда ее целью является сохранение жизни бродяг в экстренных условиях холода.

Главная задача помощи бездомным – вернуть их к полноценной жизни в обществе (НГ, 9.10.2013).

На улице около 15 градусов мороза, а перед пунктом обогрева бездомных во дворе 55-го дома по Николаямской 30 человек. Этот теплый дом, спасающий озябшие души от стужи <...> (РГ, 03.02.2014).

Из-за морозов в Волгограде переполнены ночлежки для бездомных (КП, 30.01.2014).

На Николаямской улице с 21 января заработала специальная теплая палатка для бездомных. Бродяги смогут там бесплатно греться и мыться (КП, 20.01.2014).

Власти мегаполисов предоставляют бездомным разные формы помощи.

<...> в Москве есть все условия для реабилитации бомжей. Им готовы предоставить временное жилье, помочь с восстановлением документов. Даже деньги на билет домой дают, если бродяга серьезно думает завязать (КП, 16.09.2013).

На помощь бездомным выделяются значительные финансовые средства. Пресса называет суммы, потраченные властями городов на строительство центров социальной реабилитации и на обеспечение проживания в них бездомных.

Впервые о необходимости строительства в регионе «загородного» центра социальной реабилитации для лиц без определенного места жительства власти заговорили в начале двухтысячных. Но реализовать проект удалось только спустя десятилетие. Бюджету он обошелся более чем в 50 млн рублей, еще 90 млн – спонсорские и иные внебюджетные средства (РГ, 18.03.2011).

За 2013 год в московских центрах социальной адаптации услуги различного рода получили примерно 13 тыс. человек. 7 территориальных центров, в которых принимают бездомных, работают в круглосуточном режиме. Ежегодно городской бюджет тратит порядка 125–130 млн рублей в год на содержание этих учреждений и мероприятия <...> (НГ, 30.10.2013).

Как бездомные пользуются предлагаемой им помощью?

Пресса подчеркивает, что бездомные лишь в ограниченном размере пользуются предоставляемой им помощью. Бомжи не заинтересованы в социализации. В анализируемых текстах подчеркивается неблагодарность бездомных, не ценящих предоставляемой им помощи и пренебрегающих ею.

На обед у них рисовый суп, пиенная каша на молоке и сладкий чай. Готовят на 100 человек, приходит от 30 до 40 (РГ, 07.02.2012).

<...> большинство бродяг их образ жизни устраивает, поэтому приюты пустуют <...> (Труд, 28.03.2014).

В отобранном материале подчеркивается, что лишь зимой бездомные заинтересованы в помощи, лишь тогда не хватает приготовленных для них мест в пунктах обогрева.

<...> пункт обогрева для Владимира – большое благо. Ежедневно сюда приходят от 40 до 50 человек. Но небольшой вагончик не в состоянии принять всех нуждающихся в тепле. В нем очень тесно, и, чтобы не замерзнуть, люди готовы даже стоять (РГ, 7.02.2012).

Попытка сформулировать когнитивную дефиницию понятия

На основе отобранного материала можно попытаться сформулировать когнитивную дефиницию интересующего нас концепта, согласно которой *бездомный* – это член общины, руководствующейся нормами поведения, резко отличающимися от господствующих в «нормальном» обществе. Иногда это преступник и алкоголик, человек травмированный, который привык к своей бродяжнической жизни и не хочет ее менять, но которому необходимо помогать выжить в буквальном смысле этого слова (особенно зимой нужно предоставить ему теплое место для ночлега и теплую еду), несмотря на то, что он не всегда хочет пользоваться предлагаемой ему помощью в рамках, предусмотренных обществом.

Литература

1. Варсопко А. Вопросы освещения проблемы бездомности в средствах массовой информации [Электронный ресурс] // *Бездомность и язык вражды в средствах массовой информации: сб. мат-лов.* – СПб.: Межрегион. сеть «За преодоление социальной исключенности», 2009. – С. 54–61. – URL: http://www.pravonadom.ru/files/documents/jazyk_vrazhdy.pdf (дата обращения: 31.08.2014).
2. Вместо предисловия [Электронный ресурс] // *Бездомность и язык вражды в средствах массовой информации: сб. мат-лов.* – СПб.: Межрегион. сеть «За преодоление социальной исключенности», 2009. – С. 3–6. – URL: http://www.pravonadom.ru/files/documents/jazyk_vrazhdy.pdf (дата обращения: 31.08.2014).
3. Волков В. В. Проблема определения понятий «бездомность» и «бездомный» в современной России [Электронный ресурс] // *Социальные проблемы.* – СПб., 2009. – № 1. – URL: http://www.socprob.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=96:---qq--q-----&catid=35:-q-q-2009-1 (дата обращения: 31.08.2014).
4. Гладких Н. Бездомность и язык вражды в региональных СМИ [Электронный ресурс] // *Бездомность и язык вражды в средствах массовой информации: сб. мат-лов.* – СПб.: Межрегион. сеть «За преодоление социальной исключенности», 2009. – С. 46–54. – URL: http://www.pravonadom.ru/files/documents/jazyk_vrazhdy.pdf (дата обращения: 31.08.2014).
5. Ермилова А. В. Лица без определенного места жительства как маргинальная группа современного российского общества [Электронный ресурс], 2003. – URL: <http://www.dissercat.com/content/litsa-bez-opredelenного-mesta-zhitelstva-kak-marginalnaya-gruppa-sovremennogo-rossiiskogo-ob> (дата обращения: 31.08.2014).
6. Зеликова Ю. Бездомные и язык вражды. Анализ федеральных СМИ [Электронный ресурс] // *Бездомность и язык вражды в средствах массовой информации: сб. мат-лов.* – СПб.: Межрегион. сеть «За преодоление социальной исключенности», 2009. – С. 16–22. – URL: http://www.pravonadom.ru/files/documents/jazyk_vrazhdy.pdf (дата обращения: 31.08.2014).
7. Карлинский И. Бездомные в зеркале российских СМИ [Электронный ресурс] // *Бездомность и язык вражды в средствах массовой информации: сб. мат-лов.* – СПб.: Межрегион. сеть «За преодоление социальной исключенности», 2009. – С. 7–15. – URL: http://www.pravonadom.ru/files/documents/jazyk_vrazhdy.pdf (дата обращения: 31.08.2014).
8. Кастанье М. Осмысление бездомности в постсоветской России. Ненужные и незаменимые [Электронный ресурс], 2009. – URL: <http://www.pravonadom.ru/main.php?g=articles&c=110&v=i&i=2096> (дата обращения: 31.08.2014).
9. Кольцова О. Освещение бездомности в региональной прессе [Электронный ресурс] // *Бездомность и язык вражды в средствах массовой информации: сб. мат-лов.* – СПб.: Межрегион. сеть «За преодоление социальной исключенности», 2009. – С. 23–46. – URL: http://www.pravonadom.ru/files/documents/jazyk_vrazhdy.pdf (дата обращения: 31.08.2014).
10. Котрелев Ф. Бездомные. Бомж или бездомный: социальный портрет современного странника. Как становятся бездомными [Электронный ресурс] // *Нескучный сад.* – 2003. – № 7. – URL: <http://www.nsad.ru/articles/bomzhi-li-bezdomnyj-socialnyj-portret-sovremennogo-strannika> (дата обращения: 31.08.2014).
11. Пазио-Влазловская Д. Бездомность как антиценность на материале лексикографических данных // *Славянский мир в третьем тысячелетии. Человек, общество, народ в истории, языке и культуре* / ред. Е. С. Узенева. – М.: ИСЛ РАН, 2014. – С. 295–301.
12. Стивенсон С. А. О феномене бездомности [Электронный ресурс] // *Соц. исслед.* – 1996. – № 8. – URL: http://ecsocman.hse.ru/data/216/391/1217/4_Stivenson.pdf (дата обращения: 31.08.2014).
13. Шильдяева В. В. Подходы к определению бездомности [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.teoriapRACTICA.ru/-7-2012/sociology/shildyaeva.pdf> (дата обращения: 31.08.2014).
14. Bartmiński J. Definicja kognitywna jako narzędzie opisu konotacji // Bartmiński J. *Językowe podstawy obrazu świata.* – Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2007. – С. 42–51.
15. Bartmiński J. Jak rekonstruować językowo-kulturowy obraz Europy? // *Etnolingwistyka.* – 2010. – Т. 22. – С. 121–127.
16. Bertrand C.-J. *Deontologia mediów* / пер. Т. Сzymański. – Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax, 2007. – 270 с.
17. Bralczyk J., Majkowska G. *Язык медиów – перспективы аксиологична* // *Язык в медиах масовых* / ред. J. Bralczyk, К. Мосіолек-Клосиńska. – Warszawa: Upowszechnianie Nauki – Oświata “UN-O”, 2000. – С. 43–50.
18. Browarczyk Ł. *Образ бездомности в przekazie medialnym – szkic* [Электронный ресурс] // *Forum. O bezdomności bez lęku* / ред. Ł. Browarczyk. – Gdańsk: Pomorskie Forum na rzecz Wychodzenia z Bezdомności, 2008. – URL: <http://www.pfwb.org.pl/wp-content/uploads/2009/08/20091.pdf> (дата обращения: 31.08.2014).

19. Burek A. Narracja jako sposób autoprezentacji osób bezdomnych // Rozprawy Komisji Językowej / ред. J. Miodek, W. Wysoczański. – Wrocław, 2013. – Т. XL. – С. 203–221.
20. Drożdż M. Medialna produkcja i dekonstrukcja sensu [Электронный ресурс] // Media i Społeczeństwo. – 2012. – № 2. – С. 15–28. – URL: http://www.mediaispoleczenstwo.ath.bielsko.pl/art/015_drozdz.pdf (дата обращения: 29.10.2014).
21. Duracz-Walczak A. Bezdomność w Polsce. O ujednoczenie pojęć // Polityka Społeczna. – 1998. – № 5–6. – С. 24–27.
22. Кера-Figura D., Nowak P. Językowy obraz świata a medialny obraz świata // Zeszyty Prasoznawcze. – 2006. – Т. 1–2. – С. 51–62.
23. Nowak P., Tokarski R. Medialna wizja świata a kreatywność językowa // Kreowanie światów w języku mediów / ред. P. Nowak, R. Tokarski. – Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2007. – С. 9–35.
24. Piekot T. Dyskurs polskich wiadomości prasowych. – Kraków: Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych Universitas, 2006. – 335 с.
25. Pisarek W. Język w mediach, media w języku // Język w mediach masowych / ред. J. Bralczyk, K. Mosiołek-Kłosińska. – Warszawa: Upowszechnianie Nauki Oświata “UN-O”, 2000. – С. 9–18.
26. Porowski M. Bezdomność // Encyklopedia socjologii / ред. Z. Bokszański. – Warszawa: Oficyna Naukowa, 1998. – Т. 1: A–J. – С. 60.
27. Przywara P. News a fakt – wokół relacji między medialnym obrazem świata a rzeczywistością, [Электронный ресурс]. – URL: <http://pawelprzywara.wordpress.com/2011/11/06/news-a-fakt-%E2%80%93-wokol-relacji-miedzy-medialnym-obrazem-swiata-a-rzeczywistoscia/> (дата обращения: 22.10.2014).
28. Szmyd J. Zniewoleni medialnym obrazem rzeczywistości [Электронный ресурс]. – URL: www.kulturawswiecka.pl/node/612 (дата обращения: 22.10.2014).

References

1. Varsopko A. Voprosy osveshcheniia problemy bezdomnosti v sredstvakh massovoi informatsii [Lighting the problem of homelessness in the media]. *Bezdomnost' i iazyk vrazhdy v sredstvakh massovoi informatsii: sbornik materialov [Homelessness and hate speech in the media: collection of materials]*. St. Petersburg, Mezhhregional'naia set' "Za preodolenie sotsial'noi iskliuchennosti" Publ., 2009, pp. 54–61. Available at: http://www.pravonadom.ru/files/documents/jazyk_vrazhdy.pdf (accessed 31.08.2014). (In Russ.).
2. Vmesto predisloviia [Instead of a Preface]. *Bezdomnost' i iazyk vrazhdy v sredstvakh massovoi informatsii: sbornik materialov [Homelessness and hate speech in the media: collection of materials]*. St. Petersburg, Mezhhregional'naia set' "Za preodolenie sotsial'noi iskliuchennosti" Publ., 2009, pp. 3–6. Available at: http://www.pravonadom.ru/files/documents/jazyk_vrazhdy.pdf (accessed: 31.08.2014). (In Russ.).
3. Volkov V.V. Problema opredeleniia poniatii "bezdomnost'" i "bezdomnyi" v sovremennoi Rossii [Problem definitions of "homelessness" and "homeless" in modern Russia]. *Sotsial'nye problemy [The social problems]*. St. Petersburg, 2009, no 1. Available at: http://www.socprob.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=96:---qq--qq----&catid=35:-q-q-2009-1 (accessed 31.08.2014). (In Russ.).
4. Gladkikh N. Bezdomnost' i iazyk vrazhdy v regional'nykh SMI [Homelessness and hate speech in the regional media]. *Bezdomnost' i iazyk vrazhdy v sredstvakh massovoi informatsii: sbornik materialov [Homelessness and hate speech in the media: collection of materials]*. St. Petersburg, Mezhhregional'naia set' "Za preodolenie sotsial'noi iskliuchennosti" Publ., 2009, pp. 46–54. Available at: http://www.pravonadom.ru/files/documents/jazyk_vrazhdy.pdf (accessed 31.08.2014). (In Russ.).
5. Ermilova A.V. Litsa bez opredelennogo mesta zhitel'stva kak marginal'naya gruppya sovremennogo rossiiskogo obshchestva [Persons of no fixed abode as a marginal group of modern Russian society], 2003. Available at: <http://www.dissercat.com/content/litsa-bez-opredelennogo-mesta-zhitelstva-kak-marginalnaya-gruppya-sovremennogo-rossiiskogo-ob> (accessed 31.08.2014). (In Russ.).
6. Zelikova Iu. Bezdomnye i iazyk irazhdy. Analiz federal'nykh SMI [Homeless and hate speech. Analysis of federal media]. *Bezdomnost' i iazyk vrazhdy v sredstvakh massovoi informatsii: sbornik materialov [Homelessness and hate speech in the media: collection of materials]*. St. Petersburg, Mezhhregional'naia set' "Za preodolenie sotsial'noi iskliuchennosti" Publ., 2009, pp. 16–22. Available at: http://www.pravonadom.ru/files/documents/jazyk_vrazhdy.pdf (accessed 31.08.2014). (In Russ.).
7. Karlinskiĭ I. Bezdomnye v zerkale rossiiskikh SMI [Homeless in the mirror of Russian media]. *Bezdomnost' i iazyk vrazhdy v sredstvakh massovoi informatsii: sbornik materialov [Homelessness and hate speech in the media:*

- collection of materials], St. Petersburg, Mezhrregional'naia set' "Za preodolenie sotsial'noi iskluchennosti" Publ., 2009, pp. 7–15. Available at: http://www.pravonadom.ru/files/documents/jazyk_vrazhdy.pdf (accessed 31.08.2014). (In Russ.).
8. Kastan'e M. Osmyslenie bezdomnosti v postsovetskoj Rossii. Nenuzhnye i nezamenimye [Understanding homelessness in post-Soviet Russia. Unnecessary and irreplaceable], 2009. Available at: <http://www.pravonadom.ru/main.php?g=articles&c=110&v=i&i=2096> (accessed 31.08.2014). (In Russ.).
 9. Kol'tsova O. Osveshchenie bezdomnosti v regional'noi presse [Lighting homelessness in the regional press]. *Bezdomnost' i iazyk vrazhdy v sredstvakh massovoi informatsii: sbornik materialov [Homelessness and hate speech in the media: collection of materials]*. St. Petersburg, Mezhrregional'naia set' "Za preodolenie sotsial'noi iskluchennosti" Publ., 2009, pp. 23–46. Available at: http://www.pravonadom.ru/files/documents/jazyk_vrazhdy.pdf (accessed 31.08.2014). (In Russ.).
 10. Kotrelev F. Bezdomnye. Bomzh ili bezdomnyi: sotsial'nyi portret sovremennogo strannika. Kak stanoviat sia bezdomnymi [Homeless. Bum or homeless: a social portrait of the modern pilgrim. How to become homeless]. *Neskuchnyi sad [Boring garden]*, 2003. no 7. Available at: <http://www.nsad.ru/articles/bomzh-ili-bezdomnyj-socialnyj-portret-sovremennogo-strannika> (accessed 31.08.2014). (In Russ.).
 11. Pazio-Vlazlovskaja D. Bezdomnost' kak antitsennost' na materiale leksikograficheskikh dannykh [Homeless antivalue on the material lexicographical data]. *Slavianskii mir v tret'em tysiacheletii. Chelovek, obshchestvo, narod v istorii, iazyke i kul'ture [Slavic world in the third millennium. People, society, the people in the history, language and culture]*. ed. E.S. Uzeneva. Moscow, ISI RAN Publ., 2014, pp. 295–301. (In Russ.).
 12. Stivenson S.A. O fenomene bezdomnosti [On the phenomenon of homelessness]. *Sotsiologicheskie issledovaniia [Sociological Research]*, 1996, no 8. Available at: http://ecsocman.hse.ru/data/216/391/1217/4_Stivenson.pdf (accessed 31.08.2014). (In Russ.).
 13. Shil'diaeva V.V. Podkhody k opredeleniiu bezdomnosti [Approaches to the definition of homelessness]. Available at: <http://www.teoria-practica.ru/-7-2012/sociology/shildyaeva.pdf> (accessed 31.08.2014). (In Russ.).
 14. Bartmiński J. Definicja kognitywna jako narzędzie opisu konotacji. *Bartmiński J. Językowe podstawy obrazu świata*. Lublin, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej Publ., 2007, pp. 42–51.
 15. Bartmiński J. Jak rekonstruować językowo-kulturowy obraz Europy? *Etnolingwistyka*, 2010, vol. 22, pp. 121–127.
 16. Bertrand C.-J. Deontologia mediów, translated by T. Szymański. Warszawa, Instytut Wydawniczy Pax Publ., 2007, 270 p.
 17. Bralczyk J., Majkowska G. Język mediów – perspektywa aksjologiczna. Język w mediach masowych, Ed. J. Bralczyk, K. Mosiołek-Kłosińska. Warszawa, Upowszechnianie Nauki – Oświata "UN-O" Publ., 2000, pp. 43–50.
 18. Browarczyk Ł. Obraz bezdomności w przekazie medialnym – szkic. *Forum. O bezdomności bez lęku*. Ed. Ł. Browarczyk. Gdańsk, Pomorskie Forum na rzecz Wychodzenia z Bezdomności Publ., 2008. Available at: www.pfwb.org.pl/wp-content/uploads/2009/08/20091.pdf (accessed: 31.08.2014).
 19. Burek A. Narracja jako sposób autoprezentacji osób bezdomnych. *Rozprawy Komisji Językowej*, Ed. J. Miodek, W. Wysoczański. Wrocław, 2013, vol. XL, pp. 203–221.
 20. Drożdż M. Medialna produkcja i dekonstrukcja sensu. *Media i Społeczeństwo*, 2012, no 2, pp. 15–28. Available at: http://www.mediaispoleczenstwo.ath.bielsko.pl/art/015_drozd.pdf (accessed: 29.10.2014).
 21. Duracz-Walczak A. Bezdomność w Polsce. O ujednoczenie pojęć. *Polityka Społeczna*, 1998, no 5–6, pp. 24–27.
 22. Kępa-Figura D., Nowak P. Językowy obraz świata a medialny obraz świata. *Zeszyty Prasoznawcze*, 2006, vol. 1–2, pp. 51–62.
 23. Nowak P., Tokarski R. Medialna wizja świata a kreatywność językowa. *Kreowanie światów w języku mediów*, Ed. P. Nowak, R. Tokarski. Lublin, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej Publ., 2007, pp. 9–35.
 24. Piekot T. Dyskurs polskich wiadomości prasowych. Kraków, Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych Universitas Publ., 2006, 335 p.
 25. Pisarek W. Język w mediach, media w języku. *Język w mediach masowych*, Ed. J. Bralczyk, K. Mosiołek-Kłosińska. Warszawa, Upowszechnianie Nauki Oświata "UN-O" Publ., 2000, pp. 9–18.
 26. Porowski M. Bezdomność. *Encyklopedia socjologii*, Ed. Z. Bokszański. Warszawa, Oficyna Naukowa Publ., 1998, vol. 1: A–J, pp. 60.
 27. Przywara P. News a fakt – wokół relacji między medialnym obrazem świata a rzeczywistością. Available at: <http://pawelprzywara.wordpress.com/2011/11/06/news-a-fakt-%E2%80%93-wokol-relacji-miedzy-medialnym-obrazem-swiata-a-rzeczywistoscia/> (accessed 22.10.2014).
 28. Szmyd J. Zniwoleni medialnym obrazem rzeczywistości. Available at: www.kulturaswiecka.pl/node/612 (accessed 22.10.2014).

УДК 111

**ФЕНОМЕН «ДУХОВНОСТИ» КАК ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР
«УНИВЕРСАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ»**

Ковалева Галина Петровна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и политологии, Кемеровский технологический институт пищевой промышленности (Кемерово, РФ). E-mail: galinakov3012@rambler.ru

Актуальность поднятой в статье темы определяется особенностями современного этапа развития науки и философии. Ускорение глобального развития человечества в эпоху постиндустриализма и постмодернизма ставит перед мировым сообществом множество вопросов в научной, философской, общественно-политической, культурной, социальной, материально-производственной, технологической, экономической, этической и др. сферах. В частности, существенно усложнились в процессе развития постиндустриальной цивилизации естественно-научные и философские представления о мировой реальности, о перспективах развития человечества. Под воздействием НТР постнеклассическая наука стала формировать новую технологическую реальность, которой должно соответствовать новое интегрированное знание, дающее возможность связать воедино расходящиеся и дробящиеся отрасли человеческой деятельности. Проблема состоит в том, чтобы осознать взаимосвязь «духовности» как онтологического фактора универсальной эволюции с путями выживания человеческого рода, выхода из глобальных проблем с целью дальнейшей эволюции, созидательной деятельности на пути перехода в «ноосферное» общество. В рамках постнеклассицизма важное значение для науки приобретает понимание феномена «духовности» как онтологического фактора «универсальной эволюции», выработка стратегии глобального развития как «духовно-ориентированного». Поэтому в процессе овладения системным и холистичным (целостным) видением мира, разработки на этой основе новой научной парадигмы (включающей современные концепции «глобального эволюционизма», «глобальной экологии», «экологии человека», «самоорганизации», «ноосферного знания» и др.), необходимы интегрированные исследования феномена «духовности» в союзе философии, науки и культуры.

Ключевые слова: духовность, глобальные проблемы, универсальная эволюция.

**PHENOMEN OF “SPIRITUALITY” AS AN ONTOLOGICAL
FACTOR OF UNIVERSAL EVOLUTION**

Kovaleva Galina Petrovna, Candidate of Philosophical Sciences, Docent of Department of Philosophy and Political Science, Kemerovo Technological Institute of Food Industry (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: galinakov3012@rambler.ru

This article is devoted to the investigation of processes proceeding in post-nonclassical science. These processes are characterized by integration tendencies of natural science, philosophy and culture. Their aim is to form the united theory of evolution in which the phenomenon of “spirituality” must be studied as the factor of “universal evolution.” It promotes solving the global problems and working out the strategy of “spiritually oriented” development.

We believe that “spirituality” is a philosophical category revealing not only metaphysical and ontogeneological but also anthropological and archaeological aspect of the global human evolution. That’s why, it becomes very actual for the present to imagine adequately the whole potential in the system of the scientific investigation which contains the phenomenon of “spirituality” in itself. It’s very important to use this potential both theoretically and practically. Theoretically it should be used in the integration of natural science and philosophy. Practically the “universal evolution” should be used for solving the global problems, harmonization of macrosocial and microsocal processes and providing nature and men’s co-evolution.

So, within post-nonclassicism the understanding the phenomenon “spirituality” as the ontological factor of the “universal evolution” acquires a very important meaning for science. The same can be said about working out the strategy of the global development as “spirituality-oriented.” In the article, it’s found out that spiritualism is a philosophical category that is used to characterise the principles and to make the qualified specification of cosmos and man. For the first time, spirituality is shown as philosophical category for marking metaphysical side of being, reflecting the cosmos and man’s energy and the unity of Macrocosm and Microcosm.

Keywords: spirituality, global problems, universal evolution.

Развитие постиндустриальной цивилизации начала XXI века сопровождается сложными глобальными процессами и многоплановыми тенденциями, обусловленными предшествующим общественно-историческим, научным и философским развитием. Можно выделить следующие специфические черты постиндустриального мира: 1) современный антропогенез сопровождается процессом глобализации мировых сообществ; 2) глобализация мира происходит на фоне бурного научно-технического прогресса, с одной стороны, хищническим потреблением природных ресурсов, ведущим к деградации биосферы, с другой; 3) глобальные процессы, усиливающие неравномерность развития стран, порождают дальнейшую социальную и политическую поляризацию; 4) глобализм сопровождается кризисом не только в экологической, экономической или политической сферах, но и в «духовной» сфере. Кризис «духовности» обнаруживается в ряде экзистенциальных проблем, таких как проблема «потерянного поколения», разрушение системы ценностей общества и нравственных ориентиров поведения человека и др.

Осмысление влияния глобальных проблем, вызванных развитием «техногенной цивилизации», на существование и дальнейшую эволюцию человечества породило еще в XX веке множество противоречивых концепций: «столкновения цивилизаций» (С. Хантингтон), «конца истории» (Ф. Фукуяма), «постиндустриализма» (Д. Белл, О. Тоффлер, У. Ростоу) и др.), «ноосфера» (Тейяр де Шарден, В. И. Вернадский, Н. Н. Моисеев и др.), «устойчивого развития» (А. Д. Урсул и др.) «учения космизма», теории «организмизма» (Дж. Лавлок и др.), «самоорганизации» (Г. Хакен, И. Пригожин и др.), «глобального эволюционизма» (Э. Янч) и др.

В качестве альтернативы современной «техногенной цивилизации» выдвигается идея так называемой «ноосферной» цивилизации, переход к которой ряд исследователей оценивает как но-

вый виток человеческой эволюции. Среди порожденных человеком глобальных проблем первостепенное значение имеют экологические проблемы. В современной экологии выделяют две взаимосвязанные темы: «опустошение Земли» и «опустошение Человека» (Ф. И. Гиренок). А поскольку проблема «опустошения человека» тесно связана с феноменом «духовности», то тем самым в современной науке и философии актуализируется тема представлений о «духовности» как факторе «универсальной эволюции». Это подводит постнеклассическую науку к проблеме «экологизации духовности» (И. В. Черникова, В. Е. Ермолаева), обретению «духовного разума» (Т. Роззак). То есть тема «духовности» становится актуальной для естественно-научного познания в связи с новым постнеклассическим пониманием изучаемого мира, и прежде всего в связи с постановкой проблемы выживания человечества в условиях угрозы глобальной экологической катастрофы. С точки зрения ряда ученых и философов, причиной экологических кризисов является односторонность развития европейского человека, характеризующаяся разрывом между «духовным» развитием и материальным потреблением (Б. Дивол, Дж. Сешенс, А. Нейс, У. Фокс, В. Е. Ермолаева и др.).

Актуальность поднятой в статье темы определяется особенностями современного этапа развития науки и философии. Ускорение глобального развития человечества в эпоху постиндустриализма и постмодернизма ставит перед мировым сообществом множество вопросов в научной, философской, общественно-политической, культурной, социальной, материально-производственной, технологической, экономической, этической и др. сферах. Многие процессы, которые прежде растягивались на столетия, в XX веке происходили на протяжении десятков лет, а в XXI веке возможно будут происходить за считанные годы. Существенно усложнились в процессе развития постиндустриальной цивилизации естественно-

научные и философские представления о мировой реальности, о перспективах развития человечества. Под воздействием НТР постнеклассическая наука стала формировать новую технологическую реальность, которой должно соответствовать новое интегрированное знание, дающее возможность связать воедино расходящиеся и дробящиеся отрасли человеческой деятельности.

Проблема состоит в том, чтобы осознать взаимосвязь «духовности» как онтологического фактора универсальной эволюции с путями выживания человеческого рода, выхода из глобальных проблем с целью дальнейшей эволюции, созидательной деятельности на пути перехода в «ноосферное» общество. Для успешной реализации этой цели человечество должно осознать «онтологическую заповедь» (Г. Йонас): 1) надо, чтобы жили люди; 2) люди должны жить хорошо; 3) чтобы люди были и дальше [3, с. 130–131]. Речь идет об ответственности (коллективной и индивидуальной) за жизнь человечества в целом и каждого человека в отдельности, которая выходит за рамки настоящего в будущее.

На наш взгляд, решающим фактором в осознании и реализации этой «онтологической заповеди» является уровень «духовного» развития человеческого общества в целом и развитие отдельного индивида в качестве «духовно-нравственной» личности. Поэтому «ответственность вообще есть не что иное, как нравственное дополнение к онтологической конституции нашего бытия во времени» (Г. Йонас) [3, с. 131]. В этом аспекте представления о феномене «духовности», реконструированные в исторической перспективе от Античности до современности, могут дать ориентиры для выживания человечества через понимание того, что «духовность» нужно рассматривать в качестве онтологического фактора универсальной эволюции. Это значит, что «духовно-ориентированное», «духовно-нравственное» развитие каждого индивида и человечества в целом должно стать приоритетным в стратегии выживания и сохранения человеческого рода. Поэтому на путях формирования ответственности за будущее человечества важным аспектом является онтологическое понимание феномена «духовности», основанное на представлениях о единстве и взаимосвязи человека и природы-космоса, необходимости утверждения интеграции взаимосвязи науки и философии, перехода к созданию «духовной философии».

В истории XX и начала XXI века обнаруживаются тенденции, способствующие перестройке общественного сознания, научного знания и философского мировоззрения, в плане понимания ответственности человечества за сохранение жизни на Земле и дальнейшее созидательное развитие. Ведь еще в первой половине XX века В. И. Вернадский характеризовал развитие науки как «планетное явление». С развитием НТР и переходом в постиндустриальную цивилизацию осуществляется интеграция частных наук между собой, в силу чего возникают сложносоставные (биогеохимия и др.), пограничные (социальная экология и др.), проблемные науки (онкология и др.).

В связи с проблемой выживания и дальнейшего существования человечества в условиях глобалистики в ученом сообществе заговорили о «метафизическом голоде», то есть потребности размышления над «последними вопросами» (А. Арсеньев) [1, с. 152], о плюрализме способов возрождения «духовности» через религию, искусство, философию и экологию, так как «проблема выживания задает новый ракурс понимания духовности как средства собственного спасения» (И. В. Черникова) [7, с. 315], как фактора эволюции человечества (Т. Роззак), миропонимания, в котором Универсум и Человек предстают как целостность, как единый мировой процесс (Н. Н. Моисеев, М. К. Мамардашвили и др.).

В постиндустриальную эпоху ставятся вопросы об «антропологии науки» (В. А. Беляев) [2, с. 277], ее «человекообразности» (В. С. Степин) (см. [5]), об автономии философского дискурса по отношению к научному знанию и необходимости нового образа философии как философской антропологии (Ю. В. Петров) [6], гуманизации науки, нового типа связи науки и общества (Б. Латур [4] и др.), акцентируется внимание на том, что философия играет эвристическую роль по отношению к науке (Е. А. Мамчур) (см. [5]).

Можно выделить факторы, способствующие интеграции естествознания и философии, отражающие процесс перехода к единому знанию, формированию на этой основе концепции «универсальной эволюции», пониманию «духовности» как онтологического фактора «универсальной эволюции».

1) Прежде всего, и в философии, и в естествознании происходит усиленное осмысление

глобального эволюционного процесса. В процессе коэволюции философии и науки общими усилиями предпринимаются попытки создания модели «универсальной эволюции». Анализируя глобальные процессы, современные исследователи расширяют представления о научной картине мира через выход за пределы материалистического детерминизма и включение в ее когнитивную архитектуру коммуникативно-смысловых междисциплинарных характеристик. В науке ставится вопрос о единстве знания, то есть речь идет об интеграции фундаментального, технологического и философского знания.

2) Философская идея «всеобщего универсального развития» стала находить свое подтверждение в естествознании. Например, универсальность механизмов эволюции обосновывается в «общей теории систем» – ОТС (Ю. А. Урманцев, А. А. Любищев, И. В. Круть, Э. Н. Елисеев и др.). На принципах ОТС господствующая прежде «проблема отбора» трансформировалась в «проблему полиморфизма» как проблему многообразия форм, не зависящую от спецификации той или иной системы. Было выявлено, что «отбор» имеет не только специфико-биологическую, но универсальную тенденцию к образованию устойчивых структур и систем, оптимально использующих энергию (Э. Янч). Универсальность эволюции подтверждается рядом идей и открытий в естествознании: это идея образования «устойчивых полиморфов» Ю. А. Урманцева; учение об «онтогении» минералов как генезисе минеральных индивидов и их «парагенезисе» Д. П. Григорьева; установление параллели между процессами «онтогенеза – филогенеза» в биологии и «онтогении – филогении» в геологии Д. В. Рудквистом; «номогенетическое» толкование эволюции Л. С. Бергом и А. А. Любищевым (онтогения может и повторять, и предвещать филогению). Подобная закономерность замечена и в развитии космических объектов, повторяющих историю развития Метагалактики (С. К. Всехсвятский). Г. С. Франтов пришел к идее «единства живого и неживого» через исследование параллелизма в живых организмах и неживой природе, которая нашла подтверждение в опытах на основе применения принципа матричного воспроизведения для расшифровки строения и редупликации ДНК, синтеза белка, то есть на основе молекуляр-

ного объяснения фундаментальных жизненных процессов. Достижения в различных областях естествознания подвели к пониманию Космоса как «гигантской лаборатории органического синтеза» (то есть как живой органической системе).

3) Научные достижения последних десятилетий с неизбежностью подводят к коэволюции различных направлений в естествознании, использовании при создании различных теорий богатого философского материала. Эта коэволюционная тенденция определяется следующими научными достижениями: 1) пониманием многоаспектности эволюционных процессов; 2) изучением изменчивости законов эволюции и процессов самоорганизации (Г. Хакен, И. Пригожин, И. Стингерс и др.); 3) исследованием метастабильности на основе флуктуации (Э. Янч); 4) обнаружением антиномии «трансформизма и постоянства» (А. А. Любищев); 5) идеей самовоспроизводимости живых систем; 6) распространением генетических представлений с организменного уровня на популяционный; 7) представлением об эволюции как о «стохастическом процессе», течение которого определяется выбором эволюционного материала (Кимур, Ота), и одновременно как о закономерном процессе (Ю. А. Урманцев); 8) обнаружением «номогенетического компонента» эволюции (Л. С. Берг, Д. Н. Соболев, А. А. Любищев) и др.

4) Философские принципы: телеологизма (целесообразность подчинения частей целому), способность субъекта мыслить объект как целое), историзма (рассмотрение объекта в развитии от прошлого к будущему), детерминизма (рассмотрение объекта и явлений действительности с позиций закономерности, всеобщей связи и причинности), каузальности (не одностороннее и однозначное объяснение, а циклическое причинно-следственное, следственно-причинное объяснение), системности (рассмотрение объекта как целого, разрешающего свои актуальные противоречия в заданных условиях среды), структурности (любой объект не только внутренне структурирован, но является элементом внешней суперсистемы), гомоморфизма (структурного сходства), диалектические принципы противоречивости, всеобщей связи, развития, другие принципы, – являются необходимым инструментом при создании научной теории «универсальной эволюции».

Таким образом, обнаруженное в современном естествознании сходство механизмов эволюции, включенность в комплексный круг исследований проблемы зарождения жизни и др. подводят к пониманию эволюции через призму глобально-универсального процесса, к необходимости конструирования «универсальной модели эволюции» природы-космоса. А поскольку такая модель неизбежно будет иметь метафизический характер, то ее можно создать только в коэволюции философии и естествознания.

В этом ракурсе представление о феномене «духовности», реконструкция его онтологического содержания позволяет обнаружить многие креативные для современности идеи, которые могут помочь в построении модели «универсальной эволюции».

По определению И. В. Черниковой, суть новой эволюционной парадигмы заключается в понимании реальности как совокупности взаимосвязанных эволюционных процессов, которые характеризуются такими чертами, как специфически системная макродинамика, непрерывный метаболизм в результате коэволюции со средой, самотрансценденция (то есть эволюция самих эволюционных процессов) [7, с. 281]. Особенностью «универсальной модели эволюции», формируемой современным естествознанием в союзе с философией, является то, что процесс развития рассматривается не только с позиций естествознания, но через призму понимания характеристик феномена «жизни», деятельности человека, антропного космологического принципа, взаимосвязи человека и природы-космоса, расширения представлений о феномене «духовности», стирания границ между «духовным» и «материальным». Таким образом, эволюция понимается многоаспектно: 1) как коэволюция, рассматриваемая через процессы самоорганизации; 2) как целостный феномен всеобщего развертывания порядка через материю и энергию, информацию и сложность, сознание и саморефлексию (Э. Янч); 3) как развертывание «жизненной энергии» в единстве «духовно-материальных» процессов в органической системе природы-космоса через «самотрансценденцию» человека и космоса.

5) Но в процессах глобализующегося мира обнаруживается феномен, о котором достаточно много говорят – «духовная деградация» челове-

чества. На мой взгляд, кризис «духовности» является тем фактором, который определяет все негативные процессы в глобальной эволюции человечества, так как является их причиной, а сами негативно-регрессивные процессы – его следствием. Этим объясняется в XXI веке интерес к изучению феномена «духовности», так как с «развитием духовности» многие связывают выход человечества из глобальных проблем, дальнейший научно-технический прогресс, переход к «ноосферной цивилизации». Понимание того, что создавая «техносферу» и «ноосферу», человек должен осознавать свою ответственность за эволюционный процесс, вплотную подводит постнеклассическую науку и философию к изучению феномена «духовности» как фактора «универсальной эволюции».

Поэтому в концепции «глобального эволюционизма» утверждается необходимость диалога человека с природой-космосом, поднимаются этические вопросы под названием: «экологическая этика», «нравственная этика», «экология человека» во взаимосвязи с «духовными» проблемами («экология духа», «духовная этика»). Исследователи полагают, что формирование «экологического мышления» будет способствовать развитию понимания природы как живой, спонтанно-самоорганизующейся «системы организмического типа» («не как сущности, а как существа» – И. В. Черникова). Коэволюционные подходы к проблеме взаимоотношения человека и природы трансформируют целевые установки, рассматривая в качестве самоцели эволюции самого человека, его «духовное» развитие, а не только «теорию прогресса». В связи с этим в рамках осмысления «глобального эволюционизма» в работах Ф. И. Гиренка, В. А. Кутырева, Б. Колликота, Т. Роззака, И. В. Черниковой, Н. И. Шевченко и др. обсуждается проблема взаимосвязи «экологии природы» и «экологии духа».

В истории философии и культуры накоплен большой разноплановый теоретический и эмпирический материал, касающийся феномена «духовности», который требует изучения, осмысления, обобщения, систематизации с позиций соотношения истории и современности, философии и науки, категорий сущности и явления. Исследователями эксплицировано, что феномен

«духовности» отражает в себе многоплановые аспекты не только человеческой, но и всей мировой универсальной эволюции, с ним связывают движение к гармоничному, «ноосферному» бытию.

На наш взгляд, «духовность» – это философская категория, раскрывающая не только метафизические и онтолого-гносеологические, но также антропологические и аксиологические аспекты глобальной человеческой эволюции. Поэтому для современности становится актуальным адекватно представить в системе научного познания весь потенциал, который содержит в себе феномен «духовности», чтобы использовать его: в теоретическом плане – в интеграции естествознания и философии, в практическом плане – в решении глобальных проблем, гармонизации макро- и микросоциальных процессов, обеспечении коэволюции человека и природы.

Таким образом, в рамках постнеклассицизма важное значение для науки приобретает понимание феномена «духовности» как онтологического фактора «универсальной эволюции», выработка стратегии глобального развития как «духовно-ориентированного». Поэтому в процессе овладения системным и холистичным (целостным) видением мира, разработки на этой основе новой научной парадигмы (включающей современные концепции «глобального эволюционизма», «глобальной экологии», «экологии человека», «самоорганизации», «ноосферного знания» и др.) необходимы интегрированные исследования феномена «духовности» в союзе философии, науки и культуры.

Литература

1. Арсеньев А. Глобальный кризис современности и Россия // *Континент*. – 1992. – № 3.
2. Беляев В. А. Антропология техногенной цивилизации на перекрестке позиций. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 415 с.
3. Йонас Г. Теория ответственности. Наука как персональный опыт (Лекция, прочитанная 15 окт. 1986 года по случаю празднования 600-летия Университета Рупрехта-Карла [Электронный ресурс]. – URL: <http://dissercat.com>...otvetstvennosti...tekhnoennoi...gansa...
4. Латур Б. Когда вещи дают сдачи: возможный вклад «Исследований науки» в общественные науки // *Вестн. МГУ. Сер. «Философия»*. – 2003. – № 3.
5. Пирожков В. В. Обсуждение книги В. С. Степина «Цивилизация и культура»: мат-лы круглого стола // *Вопр. философии*. – 2013. – № 12. – С. 3–47.
6. Петров Ю. В. Антропологический образ философии. – Томск: Изд-во НТЛ, 1998. – 448 с.
7. Черникова И. В. Философия и история науки. – Томск: Изд-во НТЛ, 2011. – 388 с.

References

1. Arsen'ev A. Global'nyi krizis sovremennosti i Rossiia [The global crisis of the present and Russia]. *Kontinent [Continent]*, 1992, no 3. (In Russ.).
2. Beliaev V.A. Antropologiya tekhnogennoi tsivilizatsii na perekrestke pozitsii [The antropology of positions]. Moscow, LKI Publ., 2007. 415 p. (In Russ.).
3. Ionas G. Teoriia otvetstvennosti. Nauka kak personal'nyi opyt (Lektsiia, pročitannaia 15 oktiabria 1986 goda po sluchaiu prazdnovaniia 600 letiia Universiteta Ruprekhta-Karla [The theory of responsibility. Science as the personal experience. The Internet resource]. Available at: <http://dissercat.com>...otvetstvennosti...tekhnoennoi...gansa... (In Russ.).
4. Latur B. Kogda veshchi daiut sdachi: vozmozhnyi vklad "Issledovaniia nauki" v obshchestvennye nauki [When things hit back: a possible contridution of "Science reecearehes" into public science]. *Vestnik MGU [Vestnic MGU]. Ser. "Filosofia" [Philosophy]*, 2003, no 3. (In Russ.).
5. Pirozhkov V.V. Obsuzhdenie knigi V.S. Stepina "Tsvilivatsiia i kul'tura". Materialy kruglogo stola [The discussion of V.S. Stepin's book "Civilization and Culture", Materials of the round table discussions]. *Voprosy filosofii [Philosofic questions]*, 2013, no 12, pp. 3–47. (In Russ.).
6. Petrov Iu.V. Antropologicheskii obraz filosofii [Antropological image of philosophy]. Tomsk, NTL Publ., 1998. 448 p. (In Russ.).
7. Chernikova I.V. Filosofii i istoriia nauki [Philosophy and the history of sciens]. Tomsk, NTL Publ., 2011. 388 p. (In Russ.).

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ HISTORY OF ART

УДК 398.8+784.4+781.7 (1-925.1)

ПРИНЦИПЫ МНОГОУРОВНЕВОГО ОПИСАНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ ПЕСЕННЫХ ТРАДИЦИЙ¹⁵

Леонова Наталья Владимировна, кандидат искусствоведения, доцент, профессор кафедры этномузыкознания, Новосибирская государственная консерватория им. М. И. Глинки (Новосибирск, РФ). E-mail: nleonova53@mail.ru

Сыченко Галина Борисовна, кандидат искусствоведения, доцент, доцент кафедры этномузыкознания, Новосибирская государственная консерватория им. М. И. Глинки (Новосибирск, РФ). E-mail: sytchenko@mail.ru

Юша Жанна Монгеевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклора, Институт филологии Сибирского отделения Российской Академии наук (Новосибирск, РФ). E-mail: zhanna-yusha@yandex.ru

Актуальность описываемого в статье подхода к изучению песенных традиций определяется необходимостью создания новых теоретических разработок, осмысливающих закономерности устройства песенных традиций коренных и переселенческих этносов Сибири. Цель статьи заключается в изложении основных итогов начального этапа работы по научному проекту, инициированному коллективом авторов. Научная значимость решения комплекса вопросов, связанных с проблемой сравнительно-типологического изучения песенных традиций, усиливается в связи с подготовкой целого ряда песенных томов академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

Материалом исследования в данном проекте впервые избраны песенные традиции двух групп неродственных народов, принадлежащих к разным языковым семьям и разным историко-культурным слоям сибирского населения. Вырабатывается новая методология сравнительно-типологического изучения песенных традиций разных народов. Это позволит создать универсальный язык описания для подобных исследований.

Основным результатом является создание единой программы исследований, основанной на комплексном филолого-музыковедческом подходе и на синтезе научных принципов и достижений различных школ отечественной и зарубежной фольклористики, связанных с изучением восточнославянских традиций и сибирских музыкальных культур. Разрабатывается новая методика описания песенных традиций разных народов, на основе которой будут выявляться жанровая классификация и грамматическое устройство, а затем проводится сравнение различных песенных систем, что позволит определить универсальные и специфические принципы их организации.

Ключевые слова: карта описания локальных песенных традиций, жанр, семантика, поэтика, грамматика, страга.

PRINCIPLES OF A MULTILEVEL DESCRIPTION OF LOCAL SONG TRADITIONS¹⁶

Leonova Natalia Vladimirovna, Candidate of Art History, Docent, Professor of Department of Ethnomusicology, Glinka Novosibirsk State Conservatoire (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: nleonova53@mail.ru

¹⁵ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант 14-04-00171а.

¹⁶ Russian Foundation of Humanities, grant 14-04-00171a.

Sychenko Galina Borisovna, Candidate of Art History, Docent, Docent of Department of Ethnomusicology, Novosibirsk State Glinka Conservatoire (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: sytchenko@mail.ru

Yusha Zhanna Mongeevna, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Sector of Folklore, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: zhanna-yusha@yandex.ru

The article describes a new research project aimed on the problem of comparative and typological research of the local song traditions of two groups of peoples belonged to different families of languages (Slavic and Turkic) and to different historical cultural strata of Siberia. Relevance of the problem is determined by a necessity of a new methodological approach to comprehend essential features of the song traditions of the indigenous ethnic groups and migrants.

A particular research program based on an interdisciplinary (philological and musicological) approach and on a synthetic paradigm is proposed. Scientific methods used for studying the Eastern-Slavic and Siberian musical cultures are integrated for the research purposes.

Relevance of a comparative and typological research of local song traditions is determined by a necessity of developing a new methodological approach in order to comprehend essential features of the song traditions of the indigenous ethnic groups and migrants of Siberia. Scientific importance of the objectives of the project increases because of a necessity of preparing for publication several volumes of songs in the network of the academic series "Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and Far-East" (Altai, Belorussian, Khakas, Tuva and others).

On the basis of previous studies of different song traditions of the Siberian peoples as well as of different research approaches used in both philology and musicology, and in different scientific schools, the collective of participants of the project created a particular program of the research based on an interdisciplinary approach and on a synthetic scientific paradigm.

Several essential problems were discussed during two seminars. First of all, the terms "song," "sung" and so on were examined: which phenomena could be defined as "song," essential features of the song, etc. Then, very important problem of which ethno-taxonomic level could be appropriate for choosing its song tradition as "local" was discussed. The conclusion about individual criteria for this purpose was made: it could be song tradition of sub-ethnic group or separate part of it, song tradition of one village and even one performer or group, if they represent such tradition. A card of description of local song tradition was elaborated. It consists of 74 positions organized in three main blocks. First two positions describe full genre system of the tradition. Each genre is described following the algorithm: I. General characteristic. II. Verbal characteristic. III. Musical-poetical characteristic or grammatics. Here the number and type of grammatics relevant for the genre are examined, and then each of them is described successively. In a case of several historical recording or audio fixation of the tradition several cards should be made. The card prepared then will serve for the comparison and typology.

Keywords: local song traditions complex multilevel description, genre, semantics, poetics, grammatics, stratum.

Новый научный проект, получивший поддержку Российского гуманитарного фонда в 2014 году¹⁷, возник в результате тесного сотрудничества этномузыкологов Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки и сектора фольклора народов Сибири Института

филологии СО РАН и филологов-фольклористов этого же сектора. Данное сотрудничество, охватывая различные жанровые сферы традиционного фольклора в рамках многолетней работы по подготовке томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», в последние годы активно развивается вокруг разноэтнических томов песенной лирики. К настоящему времени вышли следующие тома, целиком или частично посвященные песенным традициям: «Русский календарно-обрядовый фольклор Сиби-

¹⁷ Проект 14-04-00171а, «Теоретические проблемы жанрово-стилевой классификации и типологии песенных традиций народов Сибири», руководитель проекта Г. Б. Сыченко, участники проекта Т. В. Дайнеко, Н. В. Леонова, Е. Л. Тирон, Ж. М. Юша.

ри и Дальнего Востока. Песни. Заговоры» (Т. 13), «Русские лирические песни Сибири и Дальнего Востока» (Т. 14), «Фольклор удэгейцев: ниманку, тэлунгу, ехэ» (Т. 18), «Фольклор долган» (Т. 19), «Русский семейно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока. Свадебная поэзия. Похоронная причеть» (Т. 22), «Фольклор ненцев» (Т. 23), «Обрядовая поэзия саха (якутов)» (Т. 24), «Фольклор юкагиров» (Т. 25), «Фольклор шорцев: в записях 1911, 1925–30, 1959–60, 1974, 1990–2007 годов» (Т. 29), «Фольклор белорусов Сибири и Дальнего Востока. Часть 1: Семейно-обрядовые песни и причитания» (Т. 31). Продолжается работа над рядом других песенных томов (алтайским, белорусским, тоджинским, тувинским, хакасским и другими).

Специалистам, изучающим песенные традиции разных народов, взаимодействующим в ходе рабочих совещаний, заседаний редколлегий, выступающим в качестве авторов и редакторов различных томов, приходится сталкиваться не только с разными принципами организации даже близко родственных традиций, но и с разными методологическими подходами, сформировавшимися в отечественных фольклористических и этномузикологических школах. Данная проблема не нова, она неоднократно поднималась в статьях различных ученых, в частности, в работах И. И. Земцовского [1]. Однако до сих пор большинство исследователей ведет свои изыскания изолированно, оставляя сравнительно-типологический аспект на отдаленную перспективу.

Кроме того, песенные традиции до сих пор чаще становятся объектом анализа этномузиковедов, а не филологов, и это приводит к недостаточному теоретическому осмыслению вербальной стороны песенных жанров. Подобные «биения» требуют теоретического осмысления, которое имеет и практическое значение при унификации принципов подготовки песенных томов серии. Все это предопределило актуальность исследования.

Задачей проекта стала разработка нового теоретического подхода к изучению песенных традиций коренных и переселенческих народов Сибири. На данном этапе исследования в качестве объектов изучения были отобраны некоторые славянские (белорусская и русская) и тюркские (алтайская, тувинская, тукинско-тоджинская, ха-

касская, шорская) песенные традиции. В ходе реализации проекта будут получены новые данные о закономерностях устройства и функционирования этих традиций и выработан новый подход, который в дальнейшем может быть распространен на исследование других традиций.

Новизна поставленной задачи состоит в том, что предлагается единая программа исследований для неродственных традиций. В ней учтен комплексный филолого-музыковедческий подход и проведен синтез научных принципов и достижений различных школ отечественной и зарубежной фольклористики. Исследовательская база проекта задействует широкий круг собственно филологических и этномузиковедческих методов. При анализе содержания и организации вербальных текстов учитываются методы структурно-семантического анализа, анализа стихосложения и поэтики. Особое внимание исследователей проекта обращено на локальные традиции песенной культуры.

При проведении классификации локальной песенной традиции традиционные подходы обогащаются новыми положениями теории интонационной культуры этноса [2]. Некоторые ключевые категории данной теории получают дальнейшее осмысление, в частности, категория страты, которая станет дополнительным инструментом описания состава той или иной жанровой традиции или интонационной культуры в целом.

На двух научных семинарах, проведенных участниками проекта в 2014 году, были рассмотрены основополагающие вопросы, связанные с изучением песенных традиций. Прежде всего, было необходимо из интонационной культуры каждого этноса (или локальной группы) выделить собственно песенную традицию. Рассматривалось, каким образом, по каким признакам (семантическим, структурным, терминологическим), насколько естественно она выделяется, чему противопоставлена, каково соотношение обрядовой и необрядовой песни, каковы различия между ними и т. д.

Немаловажным стал вопрос о том, какой этнотаксономический уровень целесообразно выделять в качестве единицы описания. Иными словами, какого уровня локальные традиции существуют в музыкальной культуре различных этносов, как они связаны с этнографическими

группами, языковыми диалектами, какие из них могут считаться самостоятельными, каковы критерии их выделения в качестве отдельных единиц описания (самосознание, административная обособленность, языковые, конфессиональные, хозяйственные отличия). В одних случаях это может быть этническая традиция в целом, в других случаях локальные традиции могут совпадать с выделяемыми в этнографии субэтносами (например, качинцы, сагайцы, кызыльцы, бельгиры в составе хакасов), в других случаях локальные традиции проявляются в границах административных образований (например, эрзинские, тере-хольские, овюрские, монгун-тайгинские тувинцы). Однако в большинстве случаев выделяются еще более дробные локальные единицы. Так, например, уже обнаружены существенные различия в песенных традициях тейских и есинских сагайцев, улаганских и кош-агачских теленгитов. Локальная традиция может охватывать одно село или совпадать с репрезентирующим ее творчеством одного исполнителя или коллектива. Последнее в большей степени характерно для переселенцев, образующих обособленные села в анклав местного населения [4].

Рассматривался вопрос о хронологии и наличии разновременных фиксаций одной и той же локальной традиции. Если записи вербальных текстов сибирских песен делались еще в XIX веке, то наиболее ранние фонозаписи относятся только к началу XX века. Позже эта работа велась с разной интенсивностью на протяжении всего столетия, однако целенаправленный сбор фольклорных фонозаписей был организован не ранее 80-х годов. К тому времени многие песенные традиции весьма сильно изменились, иногда до неузнаваемости. В результате было решено при наличии разновременных записей в заметном объеме составлять несколько отдельных описаний одной и той же локальной традиции. Заметим, что для некоторых традиций будет необходимо создание четырех-пяти описаний, демонстрирующих изменчивость традиции во времени, динамику и характер происходящих изменений.

Первоначальным этапом описания каждой из избранных песенных традиций является определение ее внутреннего устройства, в связи с чем возник ряд вопросов, связанных с проблемой жанра, в частности: что считать жанром, как соотносится жанр, страта, форма, стиль, может ли

народная терминология служить ориентиром для деления на жанры и можно ли целиком полагаться на принятое внутри самой традиции жанровое членение. Участники проекта пришли к выводу, что при выделении жанров внутри каждой конкретной локальной традиции необходимо учитывать народную терминологию и, соответственно, включать все жанры, определяемые как «песня», при этом некоторые из них целесообразно выделять и при отсутствии специального термина. Это связано с тем, что в некоторых случаях носители традиции использовали русскоязычную терминологию (например, тейские сагайцы исполняли детские песни, но не называли их *паланы сарын*), специальный термин может вообще отсутствовать для некоторых жанров либо быть утрачен. В каждом конкретном случае полная песенная жанровая система выявляется индивидуально.

Содержанием второго методологического семинара стало обсуждение разработанной участниками проекта карты комплексного описания песенной традиции. Данная методика была предложена В. В. Мазепусом для описания интонационной культуры этноса и последующих ареальных исследований сибирских культур [3]. Для целей настоящего проекта карта была существенно переработана и дополнена. В настоящий момент она состоит из трех крупных разделов, включающих 74 позиции описания. Первые 2 позиции – это жанровый состав традиции в целом, последующие позиции относятся к каждому из выделенных жанров («Общая характеристика жанра», «Вербально-поэтическая характеристика жанра», «Музыкально-поэтическое устройство (грамматика) жанра», см. Приложение).

Общая характеристика жанра предполагает выявление и аккумуляцию сведений, с одной стороны, о связанных с ним смысловых категориях (семантика, содержание), номинациях (терминология), особенностях функционирования (формы приуроченности и исполнения). С другой стороны, фиксируется информация о типичных для жанра формах бытования и трансмиссии (способах передачи произведений данного жанра от исполнителя к исполнителю, от поколения к поколению), категориях профессионализма и авторства.

Вербально-поэтический аспект жанровой характеристики включает сюжетно-тематический

состав песенных текстов, их происхождение и распространение. Центральное место принадлежит описанию лексико-стилистических, поэтических (художественные тропы) и композиционных свойств вербальных текстов, стилевой характеристике языка песен. Выделение структурных единиц разных уровней дает возможность охарактеризовать типологические и специфические качества синтаксической организации песенных текстов. Отдельную задачу представляет характеристика песенного стихосложения, особенности которого продолжают оставаться недостаточными изученными.

Раздел «Грамматика жанра», в первую очередь, выявляет, в каких грамматических стратах реализуется данный жанр, затем каждая из них описывается по отдельности. Если один и тот же жанр может реализоваться в разных грамматиках, то целый ряд жанров может иметь единые принципы грамматического выражения. Категории жанра и страты дополняют друг друга, что позволяет избежать противоречий в описании песенной традиции. Позиции описания грамматического устройства включают характеристику

страты по однородности (гомоморфная / гетероморфная) и типу (простая / комбинационная / моделирующая). Затем выявляется состав страты – типы встречающихся напевов; разновидности типовых напевов [5]. Основное место занимает описание грамматических признаков страты. Эти признаки группируются в 9 блоков: композиция поэтическая (от уровня организации строки до уровня песни в целом), композиция музыкальная (аналогично), ритмика (слогоритм, ритм распевов), темп (абсолютный, внутренний, плотность), ладовзвукорядная организация (тип, виды звукорядов, строй, функциональность и частотность ступеней), мелодика (тип мелодического движения, виды скачков, распевы, рельефы), орнаментика (типы, частотность, позиции), фактура (тип, темброрегистровая характеристика), тембр (маркеры страты, сегментные и суперсегментные признаки).

Таким образом, описание отдельной локальной традиции представляет собой подробную и разветвленную таблицу иерархических признаков, характеризующих ее в направлении от плана содержания к плану выражения.

Литература

1. Земцовский И. И. Песня как исторический феномен // Народная песня. Проблемы изучения. – Л.: ЛГИТМИК, 1983. – С. 4–21.
2. Кондратьева Н. М., Мазепус В. В., Сыченко Г. Б. К теории интонационных культур: интонационная культура теленгитов // Вопр. музыковедения. – Новосибирск: НГК им. М. И. Глинки, 1999. – С. 212–225.
3. Кондратьева Н. М., Мазепус В. В., Скворцова Н. М. К ареальному описанию музыкальных культур Сибири // 175 лет Финскому литературному обществу и история российско-финских фольклористических связей. – М.: ИМЛИ РАН, 2006. – С. 77–95.
4. Леонова Н. В. Проблемы изучения фольклорных традиций вторичного формирования. На сибирском материале // Первый Всерос. конгресс фольклористов. – М.: Гос. республ. центр рус. фольклора, 2006. – Т. 2. – С. 450–463.
5. Сыченко Г. Б., Тирон Е. Л., Пинжина О. С. Типовые напевы в интонационных культурах тюрков Южной Сибири: проблемы изучения // Народная культура Сибири: мат-лы XV науч. семин. Сибир. регион. вузов. центра по фольклору. – Омск: ОмГПУ, 2006. – С. 36–40.

References

1. Zemtsovskii I.I. Pesnia kak istoricheskii fenomen [Song as a Historical Fenomenon]. *Narodnaia pesnia. Problemy izucheniia [Folk Song. Problems of Study]*. Leningrad, 1983, pp. 4–21. (In Russ.).
2. Kondrateva N.M., Mazepus V.V., Sychenko G.B. K teorii intonatsionnikh kul'tur: intonatsionnaia kul'tura telengitov [On the Theory of Intonation Cultures: the Intonation Culture of the Telengits]. *Voprosy muzykovedeniia [Questions of musicology]*. Novosibirsk, 1999, pp. 212–225. (In Russ.).
3. Kondrateva N.M., Mazepus V.V., Sychenko G.B. K areal'nomu opisaniiu muzykal'nykh kul'tur Sibiri [On an Areal Description of the Musical Cultures of Siberia]. *175 let Finskomu literaturnomu obshchestvu i istoriia rossiiskofinskikh fol'kloristicheskikh sviaz'ei [175 Years of the Finnish Literary Society and a History of Russian-Finnish Connections]*. Moscow, 2006, pp. 77–95. (In Russ.).

4. Leonova N.V. Problemy izucheniia fol'klornykh traditsii vtorichnogo formirovaniia. Na sibirskom materiale [Problems of Study of Folk traditions of Derivative Formation. On the Siberian Materials]. *Pervyi Vserossiiskii kongress fol'kloristov [First All-Russian Congress of Folklorists]*. Moscow, 2006, vol. 2, pp. 450–463. (In Russ.).
5. Sychenko G.B., Tiron E.L., Pinzhina O.S. Tipovye napevy v intonatsionnykh kul'turakh tiurkov Iuzhnoi Sibiri: problemy izucheniia [Model Tunes in Intonation Cultures of the Turks of Southern Siberia: Problems of Study]. *Narodnaia kul'tura Sibiri: materialy XV nauchnogo seminara Sibirskogo regional'nogo vuzovskogo tsentra po fol'kloru [Folk Culture of Siberia: Materials of the XVth Scientific Seminar of the Siberian Regional High School Centre of Folklore]*. Omsk, 2006, pp. 36–40. (In Russ.).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Карта описания локальной песенной традиции

Жанры

1. Жанровый состав, например: а – *тахнах*; б – *сарын*; с – частушка и т. д.
2. Жанровая иерархия (центральные и периферийные жанры, жанровые доминанты).

I. Общая характеристика жанра

Ia1. Семантика жанра.

Ia1.1. Обобщенная семантика (лирика / эпос / обряд; мифоритуальная / детская / охотничья и т. п. сфера).

Ia1.2. Конкретная семантика – культурные представления, транслируемые в виде нарративов.

Ia2. Содержание.

Ia2.1. Обобщенно-жанровое содержание.

Ia2.2. Функционально-тематические группы.

Ia3. Терминология.

Ia3.1. Имеются ли специальные термины; если да, то какие.

Ia3.2. Культурные представления, отраженные в терминологии.

Ia3.2.1. Народная этимология.

Ia3.2.2. Научная этимология.

Ia4. Приуроченность.

Ia4.1. Ситуативная.

Ia4.2. Временная.

Ia4.3. Социальная (возраст, пол, семья, род).

Ia5. Форма исполнения.

Ia5.1. Количество участников (соло / ансамбль / коллектив).

Ia5.2. Тип совместного пения и / или игры (симультанное / антифонное / респонсорное).

Ia6. Передача жанра (трансмиссия).

Ia6.1. Способ передачи.

Ia6.2. Требования к профессионализму.

Ia6.3. Практика обучения.

Ia7. Авторство.

Ia7.1. Подразумевается или нет.

Ia7.2. Тип авторства (свое, чужое, персонально закрепленное и т. д.).

II. Вербально-поэтическая характеристика жанра

IIa1. Внутренний состав жанра.

IIa1.1. Состав поэтических текстов (народные / авторские, местные / иноэтнические и т. д.).

IIa1.2. Конкретные тематические группы текстов.

Па2. Поэтика жанра.

Па2.1. Художественные тропы.

Па2.1.1. Состав (метафора, сравнение, эпитет, параллелизм, олицетворение, гиперболы и др.).

Па2.1.2. Историко-типологические пласты (традиционный, современный и пр.).

Па2.2. Формульность или композиция.

Па2.2.1. Устойчивые словосочетания, традиционные клише.

Па2.2.2. Типические места.

Па2.2.3. Композиционная формульность (зачины, рефрены, инициальные формулы и др.).

Па2.3. Лексико-стилистические особенности.

Па2.3.1. Стиль изложения (высокий / нейтральный / сниженный).

Па2.3.2. Лексика (архаизмы, историзмы, неологизмы, парные слова, диалектные слова и др.).

Па2.3.3. Монолог / диалог.

Па2.3.4. Лицо, число.

Па2.3.5. Время.

Па3. Сюжетная композиция.

Па3.1. Сюжет.

Па3.2. Мотивы.

Па3.3. Контаминация песенных сюжетов.

Па4. Вариативность песенных текстов.

Па5. Стихосложение.

Па5.1. Тип стихосложения.

Па5.2. Структура стиха.

Па5.3. Рифма (тип и виды).

III. Музыкально-поэтическое устройство (грамматика) жанра

III. Грамматические страты, например: А – песенная; В – мелодические речитации и т. д.

IIIa1. Характеристика страты А.

IIIa1.1. По однородности (гомоморфная / гетероморфная).

IIIa1.2. По типу (простая / комбинационная / моделирующая).

IIIa2. Состав страты.

IIIa2.1. Виды напевов (типовые, индивидуализированные, единичные).

IIIa2.2. Виды типовых напевов (общего применения, группового применения, песенный тип).

IIIa3. Грамматические признаки страты.

IIIa3.1. Композиция поэтическая.

IIIa3.1.1. Выделение строки по немзыкальным признакам.

IIIa3.1.2. Членение строки по немзыкальным признакам.

IIIa3.1.3. Строковые единства первичного уровня, определяемые по немзыкальным признакам.

IIIa3.1.4. Строковые единства второго порядка, определяемые по немзыкальным признакам.

IIIa3.1.5. Строковые единства третьего порядка и т. д.

IIIa3.2. Композиция музыкальная.

IIIa3.2.1. Выделение строки по музыкальным признакам.

IIIa3.2.2. Членение строки по музыкальным признакам.

IIIa3.2.3. Строковые единства первичного уровня, определяемые по музыкальным признакам.

IIIa3.2.4. Строковые единства высшего порядка, определяемые по музыкальным признакам.

IIIa3.3. Ритмика.

IIIa3.3.1. Слогоритмическая организация.

IIIa3.3.1.1. Тип слогоритмической организации.

- ШаА3.3.1.2. Слогоритмические структуры.
- ШаА3.3.2. Ритмика распевов.
- ШаА3.4. Темп.
- ШаА3.4.1. Абсолютный темп.
- ШаА3.4.2. Внутренний темп.
- ШаА3.4.3. Плотность.
- ШаА3.5. Ладозвукорядная организация.
- ШаА3.5.1. Тип ЛЗО (олиготоника, тетра хорды, пентатоника, диатоника и др.).
- ШаА3.5.2. Виды звукорядов.
- ШаА3.5.3. Строй, зонность ступеней.
- ШаА3.5.4. Функциональность ступеней.
- ШаА3.5.5. Частотность ступеней.
- ШаА3.6. Мелодика.
- ШаА3.6.1. Тип мелодического движения.
- ШаА3.6.2. Виды скачков.
- ШаА3.6.3. Мелодические рельефы.
- ШаА3.6.4. Мелодика распевов.
- ШаА3.7. Орнаментика.
- ШаА3.7.1. Типы орнаментики.
- ШаА3.7.2. Частотность орнаментики.
- ШаА3.7.3. Позиции орнаментики.
- ШаА3.8. Фактура.
- ШаА3.8.1. Одноголосие / многоголосие.
- ШаА3.8.2. Темброворегистровая характеристика.
- ШаА3.8.3. Тип многоголосия.
- ШаА3.9. Тембр.
- ШаА3.9.1. Тип интонирования (вокальный / речевой / сигнальный и т. д.).
- ШаА3.9.2. Маркеры страты.
- ШаА3.9.3. Суперсегментные признаки.
- ШаА3.9.4. Сегментные признаки.
- ШаВ1. Характеристика страты В (аналогично страте А).

УДК 7

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ АКАДЕМИЧЕСКОГО ИСПОЛНИТЕЛЬСТВА НА РУССКИХ НАРОДНЫХ ИНСТРУМЕНТАХ В ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ФЕСТИВАЛИ И КОНКУРСЫ БАЯНИСТОВ И АККОРДЕОНИСТОВ

Кочеков Владимир Федорович, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры музыкального образования, Челябинская государственная академия культуры и искусств (г. Челябинск, РФ).
E-mail: v_Kochekov@mail.ru

Актуальность исследования обусловливается потребностью в системном подходе, требующемся для изучения культурного пространства, которое включает в себя многообразные события, явления, процессы, происходившие и происходящие в Челябинской области, в контексте русского народно-инструментального исполнительства, а также необходимостью включения Урала в изучение общей

истории исполнительства России. Эта необходимость соответствует тенденциям значительного повышения интереса к музыкальному краеведению – сравнительно новой дисциплине в системе музыковедения.

Целью работы является научный анализ одной из сфер академического исполнительства на русских народных инструментах в Челябинской области как части народно-инструментальной культуры региона, включающей в себя общероссийские черты и ряд особенностей, присущих только данному художественному ареалу.

Анализ состоявшихся музыкальных мероприятий позволяет сделать вывод, что Челябинские Международные фестивали и конкурсы баянистов-аккордеонистов характеризуют активное совершенствование академического исполнительства в Челябинской области на современном этапе. Уральские фестивали стали настоящей творческой лабораторией, в которой можно увидеть в миниатюре весь мировой музыкальный спектр академического баяно-аккордеонного направления XXI века. Для баянного и аккордеонного академического исполнительства значение данных музыкальных форумов трудно переоценить, так как они являются одной из действенных форм оптимизации всего народно-инструментального исполнительства в регионе.

Ключевые слова: фестиваль, конкурс, баян, аккордеон, репертуар, исполнитель, концерт, искусство.

FROM HISTORY OF DEVELOPMENT OF ACADEMIC PERFORMING ON RUSSIAN FOLK INSTRUMENTS IN CHELYABINSK AREA: INTERNATIONAL FESTIVALS AND COMPETITIONS OF BAYAN-ACCORDION PLAYERS

Kochekov Vladimir Fedorovich, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Docent of Department of Musical Education, Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: v_kochekov@mail.ru

The relevance of the study due to the need for a systemic approach is required to explore the cultural space that includes diverse events, phenomena, processes and developments in Chelyabinsk region, in the context of Russian folk instrumental performance, as well as the need to incorporate the Urals in the study of General history of music in Russia. This need is consistent with the trends of significant interest increase in music studies, a relatively new discipline in the system of musicology.

The aim of this work is the scientific analysis of one of the areas of academic performance on Russian folk in Chelyabinsk region, as part of the folk-instrumental culture of the region, including the Russian traits and the number of features unique to this artistic area.

The analysis of the music events leads to the conclusion that Chelyabinsk International festivals and Bayan-accordion competitions characterize the active improvement of academic performance in Chelyabinsk region at the present stage. The Ural festivals have become a real creative laboratory in which you can see in miniature the whole world musical range of academic Bayano-accordion direction of the XXI century. The data value of the Bayan and accordion academic performance music forums cannot be overestimated, since they are the most effective forms of optimization of the folk instrumental performance in the entire region.

Keywords: festival, competition, bayan, accordion, repertoire, performer, concert, art.

Развитие народного инструментализма во второй половине XX столетия характеризуется «повсеместным распространением конкурсов и фестивалей различного уровня – от региональных до международных, как профессиональных, так и самодеятельных» [3, с. 255–256].

Все имеющиеся в настоящее время достаточно высокие достижения в области баянного искусства десятилетиями готовились всем ходом исторического развития Уральского региона. Предшественниками челябинских международных баяно-аккордеонных фестивалей и конкурсов

можно считать олимпиады и конкурсы гармонистов и баянистов, которые активно начали проходить с 20-х годов прошлого столетия на Урале. Эти конкурсы являлись частью общероссийского стратегического направления развития баянного искусства в сторону профессионализации, они имели огромное значение для всей народно-инструментальной культуры страны. По словам М. И. Имханицкого, «состязание эти выявили множество замечательных музыкантов, составивших впоследствии гордость отечественной баянной культуры» [4, с. 201].

Интенсивное развитие академического баянного искусства в Уральском регионе способствовало появлению целой армии высокопрофессиональных баянистов. Популяризация инструмента проходила на фоне многочисленных конкурсов и фестивалей, активно проводимых в Челябинске с 70-х годов. Значительное число участников подобных мероприятий, все возрастающее мастерство исполнителей, большой общественный резонанс, заинтересованность, появление нового содержания и разнообразие форм музыкального материала для баяна и аккордеона, современные тенденции в плане исполнительства – факторы, которые обусловили организацию международных фестивалей и международных конкурсов баянистов и аккордеонистов, проводимых в Челябинске с 1992 года.

За организацией любого значительного мероприятия стоят конкретные люди, которые являются инициаторами и движущей силой. Идея проведения этих серьезных музыкальных форумов принадлежит настоящим подвижникам, болеющим за свою национальную культуру, искренне преданным народным инструментам: Наталье Петровне и Николаю Прокофьевичу Ищенко. Высокий профессионализм этих музыкантов, доскональное знание всего, что связано с академическим баянным искусством, самым результативным образом соединилось с прекрасными организаторскими способностями, настойчивостью, убежденностью в необходимости, пользе и перспективе организуемых праздников баяна и аккордеона.

Осознание важности предстоящего мероприятия для культуры и искусства Урала объединило усилия множества структур: в организации I Международного фестиваля баянистов и аккордеонистов под названием «Уральские дни гар-

моники» (г. Челябинск, 5–10 апреля 1992 года) приняли участие: Ассоциация баянистов-аккордеонистов Урала (АСБАУ), Музыкальное общество Челябинской области, Челябинский государственный институт искусств и культуры, Челябинский фонд культуры, отделение Российского Международного фонда культуры, Челябинский областной славянский культурный центр.

На фестивале выступили известные музыканты: Р. Шайхутдинов (Уфа), П. Фенюк (Киев), В. Романько (Екатеринбург), Б. Потеряев, Н. Малыгин, (Челябинск), дуэт Виктор и Лариса Герасимовы (Челябинск), Уральский дуэт – Наталья и Николай Ищенко, дуэт Э. Габнис и Г. Савков (Вильнюс), дуэт А. Заикин и Г. Галицкий (Ростов-на-Дону), Уральское трио баянистов, студенты музыкального училища им. П. И. Чайковского и Челябинского государственного института искусства и культуры. Достаточно высокий исполнительский уровень определил стратегическую направленность всех будущих музыкальных форумов.

В рамках фестиваля состоялась научно-практическая конференция, на которой были затронуты многие аспекты, связанные с совершенствованием баянного и аккордеонного искусства. Это стало традицией всех последующих фестивальных мероприятий: обсуждения научно-методических проблем в сфере баянно-аккордеонного исполнительства и педагогики на круглых столах в присутствии именитых педагогов и исполнителей позволяли решать самый широкий спектр задач академического исполнительства.

Об удачном старте и значимости прошедшего фестиваля говорит тот факт, что II Международный фестиваль баянистов и аккордеонистов (г. Челябинск, 2–8 ноября 1999 года) проходил уже под патронажем Министерства культуры Российской Федерации, Управления культуры и искусства администрации Челябинской области, Челябинской областной филармонии. Таким образом, значение и необходимость подобных мероприятий были признаны на высоком административном уровне, что отражает самое заинтересованное отношение областных властей к развитию в регионе русского народно-инструментального исполнительства с академическим содержанием.

В работе фестиваля приняли участие известные исполнители с разнообразными содержательными программами: оркестры «Тагильские

гармоники», «Баянисты Екатеринбурга», дуэт аккордеонистов Э. Габнис и Г. Савков (г. Вильнюс), Уральский дуэт, заслуженные артисты России Нат. и Н. Ищенко, Уральского трио баянистов народные артисты РФ И. Шепельский, А. Хижняк; Д. Кокорин, «Санкт-Петербургский Мюзет Ансамбль»; лауреат международных конкурсов Ф. Болдо (Франция), лауреат Международного конкурса К. Ищенко (Санкт-Петербург), лауреат международных конкурсов профессор Ю. Лехтер (г. Кельн, Германия), лауреат Всероссийского и Международного конкурсов, заслуженный артист России профессор А. Дмитриев (г. Санкт-Петербург), лауреат Всероссийского и Международного конкурсов, заслуженный артист России и Башкортостана Р. Шайхутдинов, заслуженный артист Украины В. Мурза (г. Одесса), заслуженный работник культуры РФ профессор Б. Потеряев (г. Челябинск), заслуженный работник культуры РФ профессор Н. Малыгин (г. Челябинск).

Для проведения концертов были задействованы лучшие концертные площадки города: Челябинский государственный театр оперы и балета, Зал камерной и органной музыки, что служит признанием высокого академического статуса баяна и аккордеона.

Фестиваль имел международный резонанс, к нему проявила заинтересованность зарубежная пресса. Наряду с участием представителей дальнего зарубежья, это также является показателем признания европейского уровня проводимого музыкального мероприятия.

На III Международном фестивале баянистов и аккордеонистов (8–13 ноября 2000 года) расширился международный состав исполнителей, репертуар, разнообразился инструментальный состав, состоялись музыкальные премьеры, в частности, оригинальное сочинение Ю. Лехтер на текст Су Ши «Реакция на то, что я видел и слышу». Исполнители Л. Вейцель (сопрано) и К. Ищенко (баян). А. Валеев отметил: «Непростая для исполнения музыка: автор пытается одновременно рефлексировать на тему экологии с помощью переведенного на немецкий язык стихотворения китайского поэта Су Ши, которое старательно исполнила сопрано Лариса Вейцель» [2].

Особенностью фестиваля стала организация концертов, помимо Челябинска, в Миассе, Златоусте, Карабаше, Южноуральске, Еманжельинске. С высоким академическим искусством,

современной музыкой, исполнителями мирового уровня смогла ознакомиться служительская аудитория периферийных городов. Тем самым фестивальная работа не ограничилась узкими рамками, а имела большое значение в просветительском, пропагандистском аспектах, что отражает замечательные традиции, идущие от истоков народно-инструментального исполнительства: не замыкаться в корпоративных «цеховых» рамках, выходить на широкую демократическую аудиторию. Эта форма сохранилась при проведении всех последующих уральских фестивалей, что существенно отличает его от подобных традиционных мероприятий.

С большим успехом состоялось выступление Государственного русского оркестра «Малахит», под руководством заслуженного деятеля искусств России, профессора В. Лебедева.

Блестяще выступил ростовский баянист, лауреат международных конкурсов Юрий Шишкин. Исполнитель буквально потряс публику арсеналом всех имеющихся в своем распоряжении технических средств и изумительной музыкальностью, интеллигентностью и высочайшей культурой. По словам А. Валеева, «Шишкин вывернул ... публику наизнанку... О нем не зря говорили, что это музыкант не то что XXI века, а даже XXII века» [2]. **Вся программа выступления Ю. Шишкина** отличалась яркой индивидуальностью и глубоким прочувствованием вынесенных на слушательскую аудиторию произведений: премьерное для Челябинска исполнение 12-частной фрески Анатолия Кусякова «Лики уходящего времени», «Блуждающие огни» Ф. Листа, транскрипция «Кармен» Ж. Бизе-В. Горовиц, «Адажио» Родриго.

На IV Фестивале баянно-аккордеонное искусство было представлено, в основном, молодыми исполнителями. В свои 20–25 лет они уже снизили успех и признание на многих российских и международных конкурсах. И. Мельникова пишет: «В. Ушаков и Е. Грехов – классические, высокотехнические узнаваемые образцы мировой музыки. По несколько раз вызывали их слушатели... 26-летний Раймондас Свяцкявичус – сложная для восприятия, авангардная современная музыка: “Одиночество”, пьеса современного финского композитора; “Лес”, пьеса для аккордеона и фонограммы» [10]. Состоялось премьерное исполнение уникального произведения немецкого ком-

позитора Германа Симона «Kreuzweg» (Крестный ход), где органная партия адаптирована для двух баянов и солистки.

История исполнительства на баяне-аккордеоне обогатилась очередным (достаточно редким) сочетанием баяна и камерного оркестра: впервые на Южном Урале прозвучал «Концерт для баяна с камерным оркестром» челябинского композитора ныне живущего в Германии В. Векера в исполнении К. Ищенко (баян) и камерного оркестра «Классика» (дир. А. Абдурахманов). Во втором отделении этого же концерта состоялась уральская премьера «Липс-концерта» московского композитора Е. Подгайца в исполнении музыканта, которому посвящён концерт, и симфонического оркестра челябинского театра оперы и балета (дир. С. Ферулёв).

Все предыдущие музыкальные форумы выявили необходимость расширения рамок мероприятия. Организаторы фестиваля пришли к единодушному решению о проведении I Международного конкурса молодых исполнителей на баяне и аккордеоне, который состоялся, как часть IV фестиваля (в дальнейшем – Международный конкурс «Кубок Фридриха Липса»).

Состав жюри подтверждает всю серьезность и значительность конкурса.

Члены жюри: Председатель – профессор Р. Томич (Югославия).

Сопредседатель – профессор ЧВМУ, заслуженный артист России Н. Ищенко (Россия).

Э. Глаубер (Германия) – президент Баварского отделения немецкой ассоциации аккордеонистов, профессор.

Нат. Ищенко (Россия) – профессор ЧВМУ, заслуженная артистка России;

М. Имханицкий (Россия) – профессор, доктор искусствоведения, академик Международной академии информатизации.

Р. Шайхутдинов (Россия) – профессор, заслуженный артист России и Башкортостана.

Конкурс показал очень высокий уровень молодых музыкантов по всем составляющим: техническая подготовка, владение арсеналом художественной выразительности, мастерство, исполнительская и сценическая культура, нацеленность на победу. Н. Коноплянская пишет: «Международное жюри под председательством народного артиста РФ профессора Фридриха Липса отметило высокий профессиональный уро-

вень соревновавшихся конкурсантов и разнообразие исполнительских манер на баяне и аккордеоне» [7]. Тем самым предопределились содержание и форма будущих конкурсов, и подтвердилась их перспективность. Музыкальные состязания органично вошли в «высшую лигу» российских конкурсов, без всяких скидок на «периферийность». Как отмечает Н. Коноплянская, «конкурсы и фестивали проводятся, чтобы вернуть уважение к себе, избавиться от комплекса провинциала» [6]. Подавляющее большинство лауреатов состоявшегося конкурса впоследствии подтвердили свой уровень на других престижных российских и зарубежных конкурсах.

Позиция властей, высоко оценивших фестиваль как форум, получивший полное право быть традиционным, отметивших серьезность, профессионализм и «несмотря на молодость этого творческого начинания, широкое общественное признание и популярность», получила окончательное подтверждение: фестиваль прошёл под патронажем губернатора, планомерно и ежегодно стал утверждаться бюджет фестиваля.

Популярность и жизнеспособность фестиваля (в том числе и в международных кругах) доказало участие в VI фестивале выдающихся исполнителей нашего времени. Одним из таких музыкантов явилась выступившая с огромным успехом в Челябинске аккордеонистка Э. Мозер (Швейцария). Объехав весь земной шар, выступая с лучшими виолончелистами мира, Мозер преподнесла такой блестящий подарок челябинской публике, как концерт в ансамбле с виолончелистом К. Марксом. Искусство джазовой импровизации на аккордеоне было достойно представлено итальянским музыкантом Р. Руджери, который «на одном дыхании» провёл концерт, а затем лекцию и мастер-класс.

2–6 ноября 2004 года – время проведения на базе Челябинского Института музыки им. Чайковского и Челябинской государственной Академии культуры и искусств VII Международного фестиваля и II Международного конкурса баянистов и аккордеонистов. Продолжилась традиция экспериментаторства в области камерных ансамблей: на суд челябинской публики была представлена концертная программа баварских музыкантов К. Ищенко (баян) – Ш. Блюм (ударные). Интерес к фестивалю был подтверждён полными залами и внимательным отношением публики.

На постоянной фестивальной основе продолжается союз баяна с классическими инструментами: выступление квартета в составе скрипки, виолончели, фортепиано и баяна в сопровождении оркестра русских народных инструментов. Активное привлечение классических инструментов в совместное исполнительство с баяном стало характерной особенностью всего уральского фестивального движения. Подобная «инструментальная конвергенция» убедительно подтверждает академический статус русского баяна.

О том, что фестивали и конкурсы стали значительным явлением в народно-инструментальной культуре России, приобрели очень высокий статус, говорят слова председателя жюри III конкурса (в рамках VIII фестиваля), народного артиста РФ Ф. Липса: «Сегодня выравнивается соотношение между периферией и центром. Яркое подтверждение – ваш фестиваль, который успел стать традиционным и очень авторитетным, и конкурс молодых исполнителей. Я уверен, что ребята, которые заняли здесь призовые места, завтра поедут на любой европейский конкурс и тоже будут лучшими. Не зря на Западе конкуренты боятся российских музыкантов. Нашу школу уважают, потому что мы лидеры и все время даем стабильные результаты. Челябинский конкурс не исключение» (см. [9]).

О расширении рамок IX фестиваля, следовательно, его популярности и авторитете говорит число участников: более ста музыкантов от 7 до 30 лет из разных городов России, а также Казахстана, Украины, Франции, Германии и Китая представили публике музыку академического и эстрадного направлений, сольные номера и ансамблевые выступления. Новым в программе IV конкурса стало введение категории эстрадного исполнительства. Показателем блестящего овладения необычным для Челябинской области жанром стал факт получения первой премии студентом из Магнитогорской консерватории Антоном Бугаевым, который поделил её с маститым французским баянистом Фелисьенном Брютом. В концертной программе выступил Национальный Молодёжный оркестр аккордеонистов Баварии (дир. Ф. Доблер). Прозвучала музыка самых разнообразных национальных культур: от современных европейских интонаций до зажигательных ритмов Африки.

X Международный фестиваль баянистов-аккордеонистов и V Международный конкурс «Кубок Фридриха Липса» состоялся в г. Челябинске с 27 октября по 2 ноября 2011 года. Как и на предыдущем фестивале более ста исполнителей представили разножанровую программу: звучали обработки и переложения песен и танцев народов мира, великих композиторов эпохи барокко: И. С. Баха, А. Вивальди, Д. Скарлатти, Н. Паганини; классической эпохи: В. Моцарта, Л. Бетховена; романтической эпохи: П. Чайковского, М. Глинки, М. Мусоргского, Д. Россини, Ф. Листа, Ф. Шуберта; известных современных композиторов, эстрадная, популярная, «лёгкая» музыка. Недаром Н. Коноплянская отмечает, что «баян и аккордеон хороши и во фраке и без» [8].

Оценивало конкурсантов авторитетное жюри, в числе которого были и российские музыканты, и представители дальнего зарубежья: Штартк Фусснеггер Хедди – президент ассоциации аккордеонистов Германии (Германия), Квакернак Хельмут – профессор Высшей школы музыки и танца, г. Кельн (Германия).

В программе X Международного фестиваля баянистов-аккордеонистов выступили с концертами известные музыканты России и Германии. Молодые, но уже всемирно известные исполнители, лауреаты многочисленных престижных международных конкурсов, представленные «Творческой школой “мастер-класс”»: Э. Аханов (баян), Э. Абдураимов (баян), И. Пуриц (баян), А. Черномордикив (электронный баян) – выступили с разнообразной программой на открытии фестиваля и конкурса в Большом зале Южно-Уральского государственного института искусств. Концерт имел название «Концерт чемпионов». Публика рукоплескала стоя.

В рамках фестиваля прошли мастер-классы, творческие встречи, лекции российских и зарубежных членов жюри: профессоров Ф. Липса (Москва), С. Найко и И. Гербера (Красноярск), Х. Штартк-Фуснеггер и Х. Квакернака (Германия), Р. Жбанова (Франция), Д. Султанова (Казахстан). Мероприятия прошли с большим успехом: многие из слушателей приехали специально на мастер-классы (не принимали участия в конкурсе), в том числе и из-за границы. Была организована выставка уникальных итальянских инструментов: баянов и аккордеонов (Р. Жбанов, Франция); выставка-продажа нотных изданий произведений

разных эпох и стилей в переложении для баяна и аккордеона (В. Брызгалин, Курган). Южно-Уральский государственный институт искусств им. П. И. Чайковского в очередной раз проявил себя как один из основных носителей профессиональных традиций музыкального искусства региона.

Десять международных фестивалей и пять международных конкурсов баянистов-аккордеонистов, прошедшие в Челябинске, обрели известность, стали престижными, заняли свое высокое место в ряду подобных творческих форумов нашего времени. Начиная с первого фестиваля была доказана его жизненность, необходимость, профессиональная направленность, значимость и востребованность. Присутствие самых именитых исполнителей-академистов, педагогов России, известных зарубежных музыкантов, безусловно, подчеркивает популярность и серьезность уральского форума. Постоянно расширяющаяся география участников фестивалей и конкурсов, значительный контингент желающих принять участие в них подтверждает это положение. Огромный диапазон жанров, представленных музыкантами, способствует появлению новых форм академического исполнительства. Музыкальные эксперименты различного направления, продемонстрированные на фестивалях, значительно обогащают сам жанр академического баяно-аккордеонного исполнительства. Обращение исполнителей к современной музыке самого разнообразного направления делает уральские фестивали настоящей творческой лабораторией, в которой можно увидеть в миниатюре весь мировой музыкальный спектр академического баяно-аккордеонного направления XXI века.

Новым и существенным фактором является то, что возможность реализовать себя в творчестве имеют музыканты широкого возрастного диапазона. Соседство со взрослыми исполнителями стимулирует юных конкурсантов, является примером для совершенствования своего исполнительского багажа. Другой особенностью может считаться разножанровость конкурсов (классика, эстрада, джаз).

Стабильность и компетентность конкурсов подчеркивается необыкновенно высоким качеством подготовки участников, равно как и представительностью жюри. Научно-методическая мысль реализуется в обязательных конферен-

циях, мастер-классах, проводимых маститыми музыкантами-народниками. Репертуар фестивальных и конкурсных программ является ярким отражением академического содержания всех состоявшихся фестивалей и конкурсов.

Присутствие на уральских музыкальных форумах представителей академического искусства в совместных проектах – камерного оркестра, симфонического оркестра – подтверждает высокую академическую сущность баяна и аккордеона, единство классического содержания исполнительства.

Постоянное участие уральских музыкантов в концертных программах, совместно с исполнителями мирового класса, свидетельствует о признании высоко профессионального уровня уральских народников, заслуг Челябинской области как художественного ареала с эффективно работающей системой академического исполнительства на русских народных инструментах.

Проведение международных фестивалей и конкурсов баянистов-аккордеонистов в Челябинске оказывает огромное стимулирующее влияние на состояние и развитие академического исполнительства на русских народных инструментах в регионе. Выступления музыкантов высочайшего класса, помимо Челябинска, проходили в областных городах, тем самым позволяя пообщаться к высокому академическому искусству широкой слушательской аудитории. Безграничное исполнительское мастерство конкурсантов, международный статус, стабильно большое число участников, привлечение в состав жюри самых именитых российских и зарубежных музыкантов – ломает все еще существующий (к сожалению) у многих музыкантов-академистов стереотип о баяне и аккордеоне как о второстепенных музыкальных инструментах. Как отмечает В. Д. Биберган, «нужно сказать, что непонимание красоты звучания народных инструментов исходило почти всегда от среднеобразованных музыкантов, полупрофессионалов, что, кстати, мы замечаем, иногда происходит и в наше время» [1]. Для конкурсантов прошедшие музыкальные соревнования являются настоящей школой профессионализма и мастерства (так, обладатель Гран-при V конкурса южноуралец Сергей Лобков в дальнейшем выиграл Кубок мира и Трофей мира среди баянистов и аккордеонистов). Высокий статус уральских музыкальных форумов

повышает рейтинг русских народных инструментов, вырабатывает у всех участников чувство самоуважения и гордости за дело, которым они занимаются.

Уральскую педагогическую баянную и аккордеонную школу с академическим содержанием в полной мере можно отнести к общероссийской, позволившей воспитать исполнителей мирового класса, вывести баян и аккордеон на международную сцену. М. И. Имханицкий пишет: «По-

беждать на международных конкурсах становится все труднее, потому что наши преподаватели учат теперь игре на баяне по всему миру» [4].

Челябинские международные фестивали и конкурсы баянистов-аккордеонистов стали отражением высокой степени развития академического исполнительства в Челябинской области по всем своим составляющим. Данные музыкальные форумы – бесценный вклад и мощный стимул развития академического исполнительства в регионе.

Литература

1. Биберган В. Д. Исторический путь В. В. Андреева и современные проблемы жанра // Творческое наследие В. В. Андреева и практика самодеятельного инструментального исполнительства. – Л., 1988. – С. 126–130.
2. Валеев А. Непридуманное // Челябинский рабочий. – 2010. – 15 ноября.
3. Варламов Д. И. Народные традиции в контексте эволюции национального инструментализма в музыкальном искусстве России XIX–XX веков: дис. ... д-ра искусствоведения: 17.00.09 Теория и история искусства. – Саратов, 2009. – 339 с.
4. Имханицкий М. И. История баянного и аккордеонного искусства. – М., 2006. – 520 с.
5. Коноплянская Н. Мы учим игре на баяне // Уральские ведомости. – 2004. – 10 ноября.
6. Коноплянская Н. Наш баян и в Италии звучит // Уральские ведомости. – 2004. – 2 ноября.
7. Коноплянская Н. Лауреатов не счесть // Челябинский рабочий. – 2004. – 11 ноября.
8. Коноплянская Н. Сегодня в Челябинске начинается фестиваль мастеров игры на баяне и аккордеоне // Челябинский рабочий. – 2004. – 2 ноября.
9. Марьина Т. Кубок Липса вернется в Еманжелинск // Вечерний Челябинск. – 2006. – 3 ноября.
10. Мельникова И. Баянисты избавляются от комплексов // Челябинский рабочий. – 2001. – 14 ноября.

References

1. Bibergan V.D. Istoricheskii put' V.V. Andreeva i sovremennye problemy zhanra [Historical way in. A. Andreev and modern problems of the genre]. *Tvorcheskoe nasledie V.V. Andreeva i praktika samodeiatel'nogo instrumental'nogo ispolnitel'stva* [Creative heritage of centuries Andreev and practice of Amateur instrumental performance]. Leningrad, 1988, pp. 126–130. (In Russ.).
2. Valeev A. Nepridumannoe [Uninvented]. *Cheliabinskii rabochii* [Chelyabinsk worker], 2010, November 15. (In Russ.).
3. Varlamov D.I. Narodnye traditsii v kontekste evoliutsii natsional'nogo instrumentalizma v muzykal'nom iskusstve Rossii XIX–XX vekov: dis. ... d-ra iskusstvovedeniia: 17.00.09 Teoriia i istoriia iskusstva [Folk traditions in the context of the evolution of the national instrumentalism in the musical art of the XIX-XX centuries: diss. ... Dr. art history: 17.00.09 Theory and history of art]. Saratov, 2009. 339 p. (In Russ.).
4. Imkhanitskii M.I. Istoriia baiannogo i akkordeonnogo iskusstva [History of Bayan and accordion art]. Moscow, 2006. 520 p. (In Russ.).
5. Konoplianskaia N. My uchim igre na baiane [We teach playing the accordion]. *Ural'skie vedomosti* [Ural statements], 2004, November 10. (In Russ.).
6. Konoplianskaia N. Nash baiian i v Italii zvuchit [Our Bayan and in Italy sounds]. *Ural'skie vedomosti* [Ural statements], 2004, November 2. (In Russ.).
7. Konoplianskaia N. Laureatov ne schest' [Winners do not find]. *Cheliabinskii rabochii* [Chelyabinsk worker], 2004, November 11. (In Russ.).
8. Konoplianskaia N. Segodnia v Cheliabinske nachinaetsia festival' masterov igry na baiane i akkordeone [Today in Chelyabinsk begins the festival of the masters of the game on the accordion and accordion]. *Cheliabinskii rabochii* [Chelyabinsk worker], 2004, November 2. (In Russ.).
9. Marina T. Kubok Lipsa vernetsia v Emanzhelinsk [Cup lips back in Emanzhelinsk]. *Vecherniy Chelyabinsk* [Vecherniy Chelyabinsk], 2006, November 3. (In Russ.).
10. Mel'nikova I. Baianisty izbavliaiutsia ot kompleksov [Bayanists get rid of complexes]. *Cheliabinskii rabochii* [Chelyabinsk worker], 2001, November 14. (In Russ.).

УДК 783 (571.5)

ЦЕРКОВНЫЕ ПЕВЧЕСКИЕ КУРСЫ УЧИТЕЛЕЙ ХОРОВОГО ПЕНИЯ ЯКУТСКОЙ ДУХОВНОЙ ЕПАРХИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Никулин Владимир Георгиевич, кандидат искусствоведения, доцент, факультет исполнительских искусств, Арктический государственный институт искусств и культуры (г. Якутск, РФ). E-mail: agiki@mail.ru

В статье говорится о том, что в конце XIX – начале XX века учителей церковного пения в Якутской епархии готовили второклассные духовные школы. Обязательным условием этой подготовки являлось умение учащихся (учителей) организовать певческий хор в церковно-приходских духовных школах. Но подготовка этих учащихся была весьма неоднородной и слабой. Подобных учителей, обучающихся церковному пению, подбирали непосредственно из имеющихся лиц на местах.

Население приходов, имевших церковные школы, выражало непереносимое желание иметь такого учителя «с пением», способного организовать при школе хор. Бедственное положение с обучением церковному пению также связывалось с частым отсутствием этого предмета в учебных планах ряда церковно-приходских школ. К тому же надлежащего спроса за преподавание этого предмета не было. Такое существовавшее положение отбивало у учителя желание и охоту заниматься церковным пением.

Но не менее странно, что плачевное состояние с преподаванием церковного пения наблюдалось и в духовном училище, и в семинарии, поэтому якутское духовенство было постоянно озабочено поисками новых форм подготовки учителей, этого весьма важного в духовной жизни предмета.

Решение данной проблемы виделось в замене старого состава учителей пения более молодыми, с назначением им соответствующего жалованья. Синодом Якутскому архиепископу Никанору дается разрешение начать подготовку этих специалистов для духовной епархии непосредственно в Якутске.

Всю работу по организации хоровой деятельности и освещения вопросов методики вокального и хорового дела в 1899 году осуществили опытные учителя пения М. Н. Попов и А. П. Охлопков. На более поздних педагогических курсах – 1911 и 1914 годов эти обязанности поручались регенту архиерейского хора – Николаю Федоровичу Завьялову.

Учебные требования к кандидатам были небольшими, включая определенный курс теоретических и практических знаний – изучение нот и интервалов церковного звукоряда, обучение пению по церковным книгам гласов и малых распевов, изучение стихир и тропарей воскресных праздников, прокимнов утренних и литургийных, величальных песнопений на двенадцатые праздники, неосмогласных песнопений Всенощного Бдения и Божественной Литургии.

Главной особенностью якутских курсов являлось привитие слушателям педагогических навыков в работе с детскими коллективами. Рассмотренные формы подготовки учителей церковного пения в Якутии в определенной степени способствовали решению проблем развития церковного пения и определили дальнейшие педагогические перспективы в Якутской епархии, а впоследствии и в становлении якутской хоровой культуры советского периода.

Ключевые слова: хор, семинария, псаломщик, епархия, стихирь, тропари, курсы, округ, регент, литургия.

CHURCH SINGING COURSES FOR CHOIR TEACHERS AT YAKUTIAN EPARCHY IN LATE XIX – EARLY XX CENTURY

Nikulin Vladimir Georgievich, Candidate of Art History, Docent, Faculty of Performing Arts, Arctic State Institute of Arts and Culture (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: agiki@mail.ru

Church Courses were for Chorus Teachers of the Yakutian Eparchy of late XIX – early XX century; in Yakutian eparchy teachers of church chanting were trained in church teachers' schools. One of the obligatory

requirements for the trainees was their ability to organize chorus in parish schools. But teaching the parish schoolchildren did not have strong background because training the teachers was rather poor. Church chanting teachers were often recruited directly from the locals. Therefore, among teachers of church chanting equally with graduates of the Court Choristers Chapel and Moscow Synod School, who were, as a rule, regents of archbishop's chorus, skilled psalmists and even simply former choristers could be found.

The population of parishes where were church schools expressed their desire to have teachers "with singing," capable to organize a school chorus. Poor church chanting training was also caused by frequent absence of this subject in curricula of some parish schools. Besides, appropriate inspection of teaching this subject was not organized. The situation discouraged teachers from teaching pupils the church chanting.

It seems strange but the same unsatisfactory state of teaching the church chanting existed both, in an eparchy school and in a seminary (theological college). Therefore the Yakutian clergy was always anxious with searching new forms of teachers' training this subject, rather important in church life.

The decision of this problem was seen in replacement of old staff of chanting teachers by younger one with appointment them corresponding salary. The Synod gave the Yakutian archbishop Nikanor the sanction to begin training of chanting experts for the eparchy directly in Yakutsk.

In 1899, the commission under direction of M.N. Dubrovsky was organized. The members of the commission developed a short list of examination requirements for those who were interested in becoming the teachers of church chanting. The commission carried out its work during the courses which were held in summer period in 1899, 1911 and 1914. Representatives of Yakutsk, Olyokminsk, Viliuisk and Kirensk districts were among members of the courses. The total number of persons trained at the courses reached 247. However, judging by results at the end of the training, the certificates of church chanting teachers were given only to 54 choristers.

In 1899, all organizational work and presentation of choral activity and problems of vocal and choral teaching methods were carried out by skilled choral singing masters M.N. Popov and A.P. Okhlopkov. During the following teaching courses in 1911 and 1914, regent of archbishop chorus Nikolay Fyodorovich Zaviyalov was responsible for all the work.

The educational curriculum and requirements to candidates were not very complicated and included certain theoretical and practical knowledge: studying the notes and intervals of church music scale, training the singing according to church books of echos and shortened plainsongs (*rospevy*), learning the canticles and anthems of Sunday holidays, *prokeimena* (canticle refrains) for matins and liturgy, songs of praise on church major festivals, octoechos chanting the Nightlong Vigil and the Divine Liturgy.

The main feature of the Yakutian courses was inculcation in future teachers pedagogical skills of working with children. The considered forms of training the church chanting teachers in Yakutia certainly helped to solve the problems of church chanting development and determined the further pedagogical prospects of development of Russian Orthodox chanting in the Yakutian eparchy and subsequently development of choral culture in Yakutia in the Soviet period.

Keywords: chorus, seminary (theological college), psalmist, eparchy, canticles, anthems, courses, district, regent, liturgy.

Испытывая острую нехватку учителей церковного пения Якутская епархия поддержала сложившуюся практику организации церковнопевческих курсов в Центральной России и стремилась организовать эту форму на своей территории. Такому желанию способствовало довольно слабое состояние певческой школьной подготовки во всех пяти округах Якутии, включая и центральный – Якутский. Это вызывало особую тревогу, учитывая, что назревала проблема необходимости замены старого состава учителей пения более

молодыми, с назначением им соответствующего жалования. И решить эту проблему с подготовкой необходимых специалистов можно было только в самой епархии.

Учитывая отдаленность епархии от крупных культурных центров, якутский архиепископ Никанор обращается в Св. Синод с подобной просьбой и получает разрешение начать подготовку специалистов церковного пения непосредственно в Якутске. По его указанию в 1899 году создается певческая комиссия, руководство которой воз-

лагается на свящ. М. Н. Дубровского. Членами комиссии разрабатываются примерные экзаменационные требования для кандидатов, желающих стать учителями церковного пения. Требования эти по объему учебного материала были небольшими и включали определенный курс теоретических и практических знаний – изучение нот и интервалов церковного звукоряда, обучение пению по церковным книгам гласов и малых распевов [3, л. 7]. Выдержавшим испытание предполагалось выдавать свидетельства, дающие право первоочередного устройства в духовные школы учителями церковного пения.

Основную работу назначенная комиссия провела в период организации и деятельности летних краткосрочных педагогических курсов 1889, 1911 и 1914 годов. Состав курсантов первых курсов дополнили выпускники духовных учебных заведений, духовные лица и представители других сословий, желавшие получить место учителя пения. Главной особенностью якутских курсов являлось обучение курсантов начальным навыкам хорового пения и педагогическим основам работы в детских хоровых коллективах.

Состоявшиеся с 1 июля по 15 августа 1899 года, курсы насчитывали в своем составе 53 курсанта (25 учителей и 28 вольнослушателей) из Якутского и Олекминского округов. Программа включала курс теоретического обучения и занятия по хоровому пению в объеме 72 часов. Отдельным участникам предоставлялась возможность начального обучения на скрипке с объемом 12-часового курса, проводимого вольнонаемным учителем Д. П. Решетниковым. К работе с хоровым коллективом привлекались известные в Якутске учителя пения М. Н. Попов и А. П. Охлопков.

Из общего числа слушателей на присвоение звания учителя церковного пения претендовали 20 курсантов старшей (15 учителей и 5 учительниц) и 22 вольнослушателя младшей групп. Однако в процессе обучения никто из старшей группы не смог справиться с экзаменационными испытаниями на это звание и оно никому не было присвоено. Вместе с тем отмечалось, что в младшей группе с ними справились лишь семь учителей-священников и трое вольнослушателей, коим и были вручены первые удостоверения учителей пения [4, с. 224–225; 5, с. 254; 6, с. 397–398; 7, с. 29].

На очередных курсах 1911 года состав слушателей пополнили курсанты уже трех округов – Якутского, Олекминского и Вилюйского. На обучение 80 курсантов и проведение запланированных мероприятий епархиальный Училищный совет выделил 3198 рублей. В период с 1 по 31 июля курсанты изучали стихиры и тропари воскресных праздников, Греческий, Киевский и обычный распевы, прокимны воскресные, утренние и литургийные, величальные песнопения на двенадцатые праздники, неосмогласные песнопения всеобщего бдения и Божественной литургии.

На занятиях хора курсантов, проходивших в послеобеденное время, изучалась утвержденная концертная программа. Но, итоговое заключение певческой комиссии вновь оказалось малоутешительным, а успехи признавались незначительными. С экзаменационными требованиями по пению из общего числа слушателей (35 учителей и 45 вольнослушателей) справились лишь 20 человек, которые и были удостоены звания учителей церковного хорового пения. Всю работу по организации учебной хоровой деятельности и освещению вопросов методики вокального дела курсов проводил регент архиерейского хора Н. Ф. Завьялов [8, с. 220–222; 9, с. 268–272, 10, с. 135].

Ему же поручалась разработка этих вопросов на последующих (последних) курсах Якутской епархии в 1914 году. Для обучения церковному пению на этих курсах, как и на предыдущих, создавалась временная образцовая школа из 21 учащегося, на занятиях которой проходили практическую подготовку 114 курсантов-слушателей. По итогам работы курсов певческой комиссией принимается решение о присвоении лишь 27 лучшим курсантам звания учителя церковного пения [11, с. 372–373].

Следует уточнить, что приведенные выше факты по организации певческих курсов и деятельности певческой комиссии в Якутской епархии явились лишь некоторым достижением определенной работы в организации певческой деятельности в учебных заведениях епархии. Но требовалась более тщательная работа в области теоретической части обучения церковному пению, представлявшей особую сложность для курсантов. На серьезные недостатки в этой части обучения неоднократно указывало якутское духовенство, у которого продолжало бытовать

твердое убеждение о ее «ненадлежащей высоте», в связи с отсутствием этого обязательного предмета в ряде духовных школ [2, с. 404].

Несомненно, что важность церковных песнопений в духовных службах и преимущество церковного пения как ведущего предмета в духовных учебных заведениях усиленно подчеркивалась духовными иерархами. Учителю необходимо было не только самому в совершенстве овладеть процессом пения, но и суметь научить других [2, с. 406]. Это становилось непререкаемым постулатом церковной школы, обеспечивавшей выполнение задачи в области самой скромной подготовки детей-певцов, необходимой для участия в деятельности любительского церковного хора. Ведь, по утверждению самого народа, без церковного хора не могло быть и школы церковной.

Приведенные факты организации церковнопевческих курсов свидетельствуют не только о проявлении особого внимания к совершенствованию певческой деятельности в Якутской духовной епархии применительно к условиям того времени, но и о поиске новых путей обучения и

подготовки специалистов в этой области. Благодаря проводимым педагогическим курсам в области церковного пения формировались предпосылки подготовки специалистов церковного хорового искусства, проявивших себя в светском исполнительстве уже в начале советского периода.

Проведение подобных курсов в Якутии явилось прямым продолжением развития единых процессов по развитию церковного хорового пения, проходивших в духовных епархиях как в Центральной России, так и в Восточной Сибири. Помимо этого выявленные и рассмотренные формы подготовки учителей пения в Якутии в определенной степени способствовали качественному становлению музыкальной педагогики. Все эти проводимые мероприятия в сочетании с изучением русского музыкального наследия и музыкальной культуры коренного населения определили в дальнейшем педагогические перспективы развития православного церковного хорового пения в Якутской епархии и способствовали становлению якутской хоровой культуры советского периода.

Литература

1. Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. – 1909. – № 14–15. – 1–16 авг. – С. 404, 406.
2. Российский государственный исторический архив. – Ф. 803. – Оп.16. – Д. 136. – Л. 2, 21 об.
3. Центральный государственный архив Республики Саха (Якутия). – Ф. 301 и. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 7.
4. Якутские епархиальные ведомости. – 1899. – № 15. – 1 авг. – С. 224–225.
5. Якутские епархиальные ведомости. – 1899. – № 17. – 1 сент. – С. 254.
6. Якутские епархиальные ведомости. – 1899. – № 24. – 16 дек. – С. 397–398.
7. Якутские епархиальные ведомости. – 1904. – № 2 – 16 янв. – С. 29.
8. Якутские епархиальные ведомости. – 1911. – № 14. – 16 июля. – С. 220–222.
9. Якутские епархиальные ведомости. – 1911. – № 17. – 1 сент. – С. 268–272.
10. Якутские епархиальные ведомости. – 1913. – № 7. – 1 апр. – С. 135.
11. Якутские епархиальные ведомости. – 1914. – № 19. – 1 окт. – С. 372–373.

References

1. Pribavleniia k Irkutskim eparkhial'nym vedomostiam [Additions to Irkutsk Diocesan Gazette], 1909, no 14–15, August 1–16, p. 404, 406. (In Russ.).
2. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archives], f. 803, op.16, d. 136, l. 2, 21 ob. (In Russ.).
3. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Sakha (Iakutiia) [Central State Archive of the Republic of Sakha (Yakutia)], f. 301 i, on. 1, d. 1, l. 7. (In Russ.).
4. Iakutskie eparkhial'nye vedomosti [Yakut Diocesan Gazette], 1899, no 15, August 1, pp. 224–225. (In Russ.).
5. Iakutskie eparkhial'nye vedomosti [Yakut Diocesan Gazette], 1899, no 17, September, p. 254. (In Russ.).
6. Iakutskie eparkhial'nye vedomosti [Yakut Diocesan Gazette], 1899, no 24. – December 16. pp. 397–398. (In Russ.).
7. Iakutskie eparkhial'nye vedomosti [Yakut Diocesan Gazette], 1904, no 2, January 16, p. 29. (In Russ.).
8. Iakutskie eparkhial'nye vedomosti [Yakut Diocesan Gazette], 1911, no 14, July 16, pp. 220–222. (In Russ.).
9. Iakutskie eparkhial'nye vedomosti [Yakut Diocesan Gazette], 1911, no 17, September 1a, pp. 268–272. (In Russ.).
10. Iakutskie eparkhial'nye vedomosti [Yakut Diocesan Gazette], 1913, no 7, April 1, p. 135. (In Russ.).
11. Iakutskie eparkhial'nye vedomosti [Yakut Diocesan Gazette], 1914, no 19, October 1, pp. 372–373. (In Russ.).

УДК 7.072.2.7.01.013

ОБРАЗНО-ФОРМАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ «БЕЗБАРЬЕРНОЙ СРЕДЫ» ДЛЯ ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ

Фрейверт Людмила Борисовна, кандидат философских наук (эстетика), доцент кафедры дизайна, Московский государственный университет технологий и управления им. К. Г. Разумовского (Первый казачий университет), (г. Москва, РФ). E-mail: lbf1956@yandex.ru

Жердев Евгений Васильевич, доктор искусствоведения, профессор, кафедра промышленного дизайна, Московская государственная художественно-промышленная академия им. С. Г. Строганова (г. Москва, РФ). E-mail: lbf1956@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности проектирования дизайн-объектов, в том числе игрушек, предназначенных для использования детьми-инвалидами. Они призваны развивать у детей метафорическое мышление и преодолевать барьеры между здоровыми и больными.

Основные положения статьи подкрепляются положениями из работы М. Фуко «Рождение клиники», данными медицинской литературы. Архетипические закономерности художественной формы таких дизайн-объектов рассматриваются сквозь призму положений теории систем.

Функциональные и художественно-эстетические особенности проектируемых средовых объектов анализируются во взаимосвязи с собственно реабилитационно-лечебными задачами. Раскрывается психолого-физиологический подтекст выразительных приемов в художественной форме дизайн-объекта. Ведь двигательный и мыслительный опыт у детей, больных детским церебральным параличом, развивается неправильно. Создание дружественного хронотопа для них – весьма трудная и важная задача. Цель дизайнера – помочь людям с ограниченными возможностями, дать им физико-механическую, психологическую и эстетическую поддержку. Для этого дизайнеры должны создавать модифицируемые объекты, приспособленные к потребностям данной группы пользователей.

С позиций дизайна анализируется русская народная деревянная игрушка. Она выступает как оружие для формирования у здоровых и больных детей знаний о количестве, простоте и сложности, о правильном и неправильном, о замкнутом и разомкнутом. Понимание устойчивости и равновесия – весьма сложная проблема для ребенка, больного церебральным параличом, и объекты дизайна выступают как помощники в обучении его правильным логичным действиям.

Реабилитационная среда есть система для расширения знаний о мире. Эта среда соотносится с внешним миром через границы и цезуры и как его структурный аналог. Открытость системы воплощена в ее многообразии. Она представляет собой пространственный текст, который предопределяет двигательную стратегию человека.

Ключевые слова: дизайн, художественная форма, метафора, архетип, реабилитационная среда, детский церебральный паралич (ДЦП), когнитивное мышление, игрушки.

FIGURATIVE FORMAL ASPECTS OF DESIGN OF BARRIER-FREE ENVIRONMENTAL OBJECTS FOR CHILDREN WITH DISABILITIES

Freivert Liudmila Borisovna, Candidat of Philosophical Sciences, Docent, Department of Design, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management (Moscow, Russian Federation). E-mail: lbf1956@yandex.ru

Zherdev Evgeniy Vasilevich, Doctor of Art History, Professor, Department of Industrial Design, Straganov Moscow State Art Industriial Academy (Moscow, Russian Federation). E-mail: lbf1956@yandex.ru

This article deals with special aspects of designing for handicapped children. Among these environmental objects, toys take a ranking place. They facilitate development of metaphorical thinking. In this aspect, there is no difference between healthy and handicapped men.

Fundamental principles of the article correlate with data of medicine and basis by M. Foucault's "Creation of a Clinic." Archetypical laws of art form of such objects are investigated in a view of the System Theory.

Functional and art-aesthetical qualities of these objects are examined as interrelated with medical-rehabilitation challenges. Psychological-physiologic implication of art form in design and their emphatic undertones are interpreted.

Locomotion and thought experience of a handicapped child are shaped incorrectly. Creation of amicable chronotopos for him is a very difficult and important task. An intention of design is a help to handicapped men, their physical and mechanical, aesthetical and psychological support. Designers must create modified, mobile objects.

Russian folklore wood toys are analyzed there with a designer's point of view. They were medium forming the knowledge about quantity, simplicity and complexity, gestalt and anamorphous, close and open. Comprehension fixity, poise and their antonymous is a very difficult and important problem for infantile cerebral paralysis patients. Objects of industrial design are facilities promoting the correct moving, regulation of physical exertion. Rehabilitation environment is a system for increasing the knowledge. This environment is interrelated with external world direct or through caesura and as its structural similarity. Openness of this system is embodied as "multipleness," variety of number and location of elements. It is a spatial text which predetermines motion activity and its strategy.

Keywords: industrial design, art form, metaphor, archetype, rehabilitative environment, infantile cerebral paralysis, cognitive thinking, toys.

Искусство и, в частности, его художественно-образное, знаково-символическое моделирование среды может помочь человеку защититься от негативного характера внешних воздействий. Обладая большой суггестивной силой, искусство, включая дизайн, воплощает невербальным путем систему формальных архетипов. Наличие этих общностей неявно, имплицитно провозглашает единство мира и возможность для человека обрести свое место в нем. А нахождение местоположения в системе есть обретение статуса в его динамическом аспекте, то есть роли.

С позиции семиотики, в основе художественно-образной операциональной деятельности со знаками и символами лежит метафорическое мышление, которое в большой мере исследовано в художественном творчестве, через его всеобщую категорию – художественный образ. Структурное многообразие видов художественного образа сводится к двум первоначалам – принципу метонимии (часть или признак вместе целого) и принципу метафоры (ассоциативное сопряжение разных объектов). На идейно-смысловом уровне этим двум структурным принципам соответствуют две разновидности художественного обобщения: метонимии – тип, метафоре – символ. Они помогают человеку освоить окружающий мир, обрести свое место в нем.

Человек включен в несколько разнокачественных систем – социальных, культурных, пространственных и т. д. Как микрокосм и часть макрокосма, он является носителем ряда архетипов, присущих этим системам. Социальные роли, навязываемые индивиду обществом и его личной ситуацией (в том числе и обусловленной здоровьем), могут воздействовать травмирующим образом.

Неоспоримо, что отношение к больным и слабым является показателем нравственного состояния общества. Между здоровьем и болезнью, как известно, нет непроходимой грани ни в житейском, ни в собственно медицинском смысле. Поэтому проблемы больных людей являются гиперболами проблем здоровых. О связи болезни с основами жизни писал французский философ-структуралист, врач по образованию и сын врача, М. Фуко в своей книге «Рождение клиники»: «...болезнь связана с самой жизнью, подпитывается ею... она суть жизнь, изменяющаяся в отклоняющемся функционировании... Болезнь суть внутреннее искажение жизни... нужно заменить идею болезни, поражающей жизнь, более узким **понятием патологической жизни**» [9, с. 230–231].

Сделать условия патологической жизни более комфортными – задача, которую решает дизайн.

Моделирование среды может помочь человеку защититься от негативного характера внешних воздействий. Дизайн воплощает невербальным путем систему формальных и образных архетипов. Наличие этих общностей неявно, имплицитно провозглашает единство мира и возможность для человека быть его частью. Совокупностью этих обстоятельств и определяется актуальность данного исследования.

Человек генетически предрасположен к восприятию окружающего мира метафорическим путем. Между художественным образом и когнитивным мышлением издавна существует органическая взаимосвязь, что подтверждается рядом научных исследований как в области эстетики, так и в области психологии. О метафоре написано много работ. О ней высказываются писатели, поэты, художники, кинематографисты, ученые, философы от Аристотеля и Фабия Квинтилиана до Х. Ортеги-и-Гасета. По его мнению, метафора служит нам орудием мысли, при помощи которого нам удастся достигнуть самых отдаленных участков нашего концептуального поля.

Поскольку метафорическое мышление относится к умственной деятельности человека, то в этом плане особой разницы между физически полноценным человеком и человеком с нарушением двигательных функций нет.

Метафорическое мышление характеризуется следующими качествами:

- рефлексия как осознание отношения обозначаемого и обозначающего, различение в обозначаемом предмета и значения;

- интенциональность как сознательное, произвольное означивание, создание знаково-символических средств, наделение их соответствующими функциями;

- обратимость – возможность перехода от обозначаемого к обозначающему и обратно, кодирование и декодирование одного и того же содержания с использованием различных знаково-символических средств;

- инвариантность – сохранение основного содержания при перекодировании.

Эти положения справедливы как для взрослого, так и для ребенка. Известно, что когнитивное развитие связано с возрастом, изменением психических функций, таких как внимание, восприятие,

научение, мышление и запоминание. В этом контексте представляется актуальной проблема развития когнитивного мышления у детей-инвалидов с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата. Особенно это важно для содействия их интеграции в социальную жизнь.

Огромную роль в этой связи играет использование профессиональных средств и методов дизайна при формировании обучающей, развивающей и оздоровляющей безбарьерной среды для детей-инвалидов. Это не только физиолого-психологическая, но и эстетико-философская проблема. Чтобы решить задачи приобщения инвалидов к общепринятым нормам жизнедеятельности, необходимо создать такую среду, которую хотелось бы осваивать, действовать в ней. Наиболее остро эта проблема стоит для детей, больных детским церебральным параличом (ДЦП). Ребенок с таким диагнозом страдает комплексными нарушениями головного мозга и мышечной сферы. Обычно эти нарушения носят мозаичный, дробный характер; поэтому затруднено формирование комплексных ассоциаций, целостных представлений. Здесь многократно возрастает истинность мысли М. Фуко: «Нет иной болезни, кроме индивидуальной: не потому, что индивид реагирует на свою собственную болезнь, но потому, что действие болезни по полному праву разворачивается в форме индивидуальности» [9, с. 256].

Двигательный и мыслительный опыт ребенка, больного ДЦП, с первых дней жизни формируется неправильно, и все жизненные проблемы усложняются многократно. Для него особенно трудно и особенно важно смоделировать дружественное пространство-время. Задача перво-степенной важности – адаптация такого ребенка к среде. Именно дизайн может насытить эту среду композиционными связями между элементами, которые объединены в одном физическом действии. Эти элементы могут образовывать подсистему в системе пространства организации жилья и т. п., сохраняя связь с целым. Разумеется, такая среда должна давать физическую возможность для достижения реальных конкретных целей, а такая возможность должна подкрепляться перцептивно. Для этого нужно композиционное акцентирование целей (выделенность выразительной геометрической формой, цветом, фактурой). Для успешных действий в среде дизайн мо-

жет обеспечить больного физико-механической и эстетико-психологической поддержкой, сделать наглядными промежуточные результаты, то есть обеспечивать результативность намерений, поддерживать попытки активных действий. В объектах среды необходима вариабельность, мобильность для обеспечения различных действий, которая обеспечивается соответствующими архетипами художественного формообразования. Их применение служит для побуждения индивидуального действия, а следовательно, и индивидуального личностного развития (формирование мотивационно-потребностной сферы).

В любой сложной системе, и реабилитационной среде в том числе, есть ряд элементов – «действий» проектировщика-создателя, которые «в принципе не могут быть формализованы». Но это не отменяет логичности и последовательности: «В системности алгоритмичность получает несколько иной смысл, сохраняя логическую принудительность последовательности действий... могут присутствовать и ... действия, которые или слабо формализуемы или в принципе не могут быть формализованы... Именно эти неформализуемые этапы в мышлении в наших действиях определяют ... разнообразие... [Они свойственны] всем биологическим системам» [6, с. 74]. Применительно к реабилитационной среде – ее системность должна предоставлять ее обитателям разные возможности достижения целей и делать среду более познаваемой и обжитой. Эстетическая и эргономическая гармоничность будет способствовать и развитию личности пользователя. Это подтверждается общими выводами теории систем: «Системность расширяет границы обнаруживаемой рациональной организации мира, расширяет спектр критериев рациональности в познании, умножает средства достижения основной цели познавательного процесса. <...> Согласно теории Пригожина, материя не является пассивной субстанцией; ей присуща спонтанная активность, вызванная неустойчивостью неравновесных состояний...» [6, с. 73, 77]. Для ребенка, больного ДЦП, познание характера окружающей его материи – особо сложная проблема, и дизайн должен помочь в ее решении. Задача реабилитационной среды – выявить спонтанную активность материи, но придать ей дружественный для человека характер,

сделать передвижение и действия в ней – возможными и комфортными. Неравновесные состояния материи должны быть показаны не как пугающие, а как приглашающие к действию.

Элементы реабилитационной среды как части сложной системы должны обладать достаточно замкнутой, ясно читаемой формой, а их взаимодействие не должно часто приводить к распадению целого на внеструктурные сегменты. Всякое разъятие должно явно иметь контекст восстанавливаемой целостности: «Для сохранения равновесия и целостности сложных систем их части должны иметь определенную степень автономности, а во взаимодействии между ними должны преобладать конструктивные тенденции» [6, с. 79]. Для этого в приемах построения объектов среды должны сочетаться принципы замкнутой и разомкнутой композиции, если обратиться к формальным архетипам Г. Вёльфлина. В средовых объектах, как комплексных, так и единичных, разомкнутость – потребность в ритмическом продолжении вовне – выступает в роли побудителя к выполнимому действию-движению. Те участки композиционной формы, которые находятся за пределами ближайшей досягаемости, должны обладать привлекательностью. Но в то же время преобладание разомкнутых форм может вносить оттенок дискомфорта, покинутости. Поэтому, наряду с приемами построения пространства, могущего быть разомкнутым, в замкнутых формах большую роль играют психологические аналоги разомкнутости, в данном случае понимаемые как сенсорное разнообразие выразительных средств, тактильных и других ощущений.

В макросреде, вероятно, должны преобладать принципы замкнутости-защищенности. Отдельный предмет также должен обладать ясно воспринимаемой формой, чтобы укладываться в сознании. В мезосреде велика роль разомкнутости, побуждения к движению-освоению. Но эти компоненты должны выглядеть как достигаемые и желаемые.

Ритмическая последовательность должна включать человека в цепь впечатлений и давать ощущения, что эта цепь может быть продлена и ее продолжение доставит положительные эмоции. В частности, желательно создавать такие ситуации, чтобы на объекты хотелось взглянуть под другим углом зрения, передвигаться.

Ясные приемы членения объекта должны восприниматься всем перцептивным аппаратом как целостностью. Удобство обращения с предметом, легкость понимания того, как эти операции можно осуществить, порождают удовлетворение от хорошо решенной задачи. Определенность членения требует ярко выраженной различимости разнофункциональных частей, то есть их контрастности. С одной стороны, контраст повышает эмоциональную возбудимость, с другой – его чрезмерность порождает излишнюю психологическую нагрузку. Но в то же время для групп больных с ослабленным восприятием контрастность желательна, так как именно с нее начинается процесс «перцептивного научения».

Функциональная связанность элементов, контактных и дистантных, предполагает преобладание нюансных отношений, то есть основывается на другой группе формальных архетипов. Для этого используется геометрическое подобие, цвет, фактура. Такого рода связи порождают ощущение понятности, дружелюбия пространства, возможности и комфортности действий в нем.

Зрительное расширение пространства может достигаться за счет эффекта «заполненности промежутка». насыщенность пространства позитивно воспринимаемыми деталями, элементами – компенсация не только ограниченной подвижности, но и сенсорного голода, средство преодолеть обособленность, ограниченность пространства. Разнообразие впечатлений может выступать также и как стимул к освоению нового, к познавательной и созидательной деятельности. Вместе с тем, эти эффекты не должны быть навязчивы: желательно делать ряд компонентов мобильными, чтобы, в случае сенсорного утомления, их можно было удалить из поля зрения.

Идеал гармонии предполагает ненавязчивость вспомогательных устройств, но одновременно они должны быть видны пользователю. Для этого возможно использовать для формирования концепции среды архетипический принцип «ядра и развертывания». Целевые объекты являются «ядрами», вспомогательные средства – участками развертывания, «общими формами движения». Для них характерна не акцентированность, повторяемость нейтральных, стандартных или близких к ним элементов, плавно перетекаю-

щих в участки «ядер». Вспомогательные средства обладают теми же свойствами, что и так называемые общие формы движения: нейтральностью, растяжимостью-сжимаемостью, стандартизацией и возможностью заменять элементы.

Сформированная у инвалидов негативная Я-концепция и недостаточная эмоциональная устойчивость – психологические особенности, средствами коррекции которых могут послужить функциональные и художественные особенности проектируемых средовых объектов. Физиологическое удобство и эстетические качества выступают условиями «дружелюбия» среды, источником положительных эмоций и формирования положительной Я-концепции. Такая среда включает в себя, в частности, игровые средства, способствующие социальной адаптации и развитию ребенка.

Эти проблемы следует решать как двуединую задачу. Для этого в зоне достижения должны находиться привлекательные с функциональной и эстетической точки зрения предметы, элементы. Композиционные акценты должны оцениваться позитивно. Соответствующие элементы должны сочетаться с анатомическими особенностями руки, ее движений. Им не следует быть чрезмерно насыщенными по цвету, но обладать выразительной формой биоморфного характера, чтобы провоцировать физиологически правильные, плавные движения, не требующие чрезмерных усилий. В то же время ряд объектов, элементов должен иметь форму прямоугольников и т. п. фигур для привития больным детям навыков ориентации в пространстве по осям.

Таким образом, в среде для детей инвалидов должно соблюдаться равновесие между прямоугольно-абстрактными и биоморфными закругленными формами, потому что гармония этих двух архетипических начал является для ребенка-инвалида особенно трудной задачей.

Понимая мотивацию к движению и к интеллектуальному развитию детей как двуединую задачу, дизайнер должен проектировать объекты, действия с которыми предполагают развитие мелкой моторики, пластичности движений. Особо важно здесь выявить композиционные, логические связи между компонентами, группировать их не только по расположению, но и по размерам, форме, цвету, фактуре и т. д. Обнаруживая эти перекрестные связи, ребенок должен мысленно пе-

редвигать эти элементы. Таким образом он учится понимать «язык» и «речь» пространства, его поверхностную и глубинную структуру, проводить «трансформационный анализ». Одновременно это способствует и построению «пространства» собственно вербального языка и речи.

Для понимания того, какую роль могут сыграть игрушки и игры в развитии детей, здоровых и с ограниченными физическими возможностями, весьма продуктивен опыт русской фольклорной игрушки. Мало кто рассматривал ее с позиций проектной деятельности, точнее, с позиций ее культурно-исторического проектного потенциала. А данный потенциал не возник сам по себе, он формировался средой, окружавшей ребенка. И игрушки были одними из первых предметов, с которыми знакомился ребенок. Глубокий анализ творческой деятельности детей на основе обучающих и развивающих технологий дан А. И. Новиковым на примере русской фольклорной деревянной игрушки начиная с X–XV века [5]. Эта проблема изучалась во ВНИИ технической эстетики в 1990–2000-е годы. Сегодня, благодаря исследованиям, основывающимся на данных археологических раскопок Древнего Новгорода, Старой Ладogi и т. п., становится возможным зримо, образно представить себе игровое наполнение этой среды в указанный период.

Новиков пишет: «Феномен проектности русской деревянной игрушки заключается в ее функциональной открытости; с помощью игрушки дети могли воспроизводить те или иные жизненные ситуации и вещные среды, разыгрывать спектакли на тему определенных ритуалов, обрядов, могли использовать игрушку как универсальный тренажер двигательных навыков» [5, с. 6].

Методика исследования игрушек и их классификация, считает Новиков, опирается на трехфазную модель проектной деятельности: изобретательство – компоновка – конструирование. Изобретательская игрушка, самая древняя из зафиксированных, – та, что обладает монументальной, слабо расчлененной формой, в которой прочитывается чистый, обобщенный образ и принцип действия. Компоновочная игрушка реализует внутри себя или вовне новые связи, получаемые методом компоновки – соединения или разделения элементов и прототипов. Конструктивная игрушка – такая, в которой варьируются в различных

пределах установленные ранее компоновочные связи, а также достигается количественный эффект (массовость, тираж) с незначительными модификациями в ее внешнем виде [5, с. 6, 7].

Данный анализ исследования протодизайна русской игрушки лег в основу методики проектирования современных игровых средств, разработанных во ВНИИТЭ начиная с 1993 года. Здесь перед дизайнерами стояли очень трудные задачи: совместить собственно художественно-эстетические задачи не только с утилитарными, но и с собственно реабилитационно-лечебными. Коллектив проектировщиков должен был внимательно проработать медицинскую литературу. Но там указания на характер двигательных и эмоциональных реакций имеют предельно обобщенный вид. Чтобы переработать их в конкретные рекомендации для проектирования, их нужно было тщательно проанализировать и создать инструментарий такого перевода, путем раскрытия психолого-физиологического подтекста тех или иных выразительных композиционных приемов, которые служат воплощением формальных архетипов.

Иначе говоря, взгляд проектировщика должен быть в чем-то подобен взгляду медика. Особенности такого взгляда проанализированы М. Фуко: «Медицинский взгляд – это не то же, что интеллектуальный взгляд, способный под явлением обнаружить неискаженную чистоту сущностей. Это – конкретный чувствительный взгляд..., переходящий от тела к телу, весь путь которого располагается в пространстве осязаемых проявлений» [9, с. 186].

У детей, больных ДЦП, нарушено восприятие формы и объема [2, с. 103]. Поэтому для них усвоение пространственно-временных отношений и понятий представляет значительную трудность. В разработке и пространственных и «проектных» игр для них необходимо это учитывать. Проблема усложняется тем, что мышление человека имеет пространственный код. С нашей точки зрения, затруднения в формировании слов, в понимании их морфемной структуры и в построении предложений [2, с. 102–103] связаны с недостаточно достоверной ментальной картиной физического пространства у ребенка, больного ДЦП. Поэтому необходимо разработать комплексы игр и игрушек, где слова и предложения будут

представлены как пространственные структуры, работа с которыми должна еще доставлять приятные тактильные ощущения и способствовать выработке физиологических движений.

Для того чтобы ребенок как можно лучше и быстрее освоил окружающее пространство, большую пользу ему может оказать конструирование игрушек из материалов, которые могут ассоциироваться с природными явлениями. На первых порах можно разработать два-три типа комплектов игрушек, изображающих животных, например, слона, бегемота, жирафа, собаку, осла и т. д. Эти комплекты должны отличаться между собой по степени условности изображения. Первый комплект необходимо сделать очень узнаваемым, приближенным по форме к реальным объектам; второй комплект – более абстрагированным, с выраженной геометризованностью; третий – должен быть еще более условным, но вместе с тем сохраняющим характерные признаки указанных животных. Причем по конструкции игрушки должны быть расчленены на оптимальное количество деталей, собираться и разбираться. За счет различных степеней условности такие игрушки будут не только развивать у детей способность идентифицировать знаково-символические структуры с реальностью, но и развивать художественно-образное и абстрактное мышление, что необходимо и для искусства, и для точных наук. Расчленение игрушек на детали (голова, туловище, хвост, ноги и т. д.) помогает ребенку узнавать животное по отдельной его части, выделять главное и второстепенное в объекте.

При работе с игрушками такого рода целесообразной становится игра в паре или группой, где бы каждый мог компенсировать недостатки другого. Для дальнейшего развития метафорического и когнитивного мышления у детей метод конструирования игрушек из ассоциируемых материалов может перерасти в использование натуральных материалов типа еловых шишек, желудей, листьев, ракушек и т. п., напоминающих собой детали какого-либо животного. Это позволит развить у ребенка еще и тактильные ощущения окружающих объектов. Поскольку дети-инвалиды плохо действуют руками, необходимо, чтобы детали игрушек были адаптированы к ним по размеру, весу и способу соединения. Данная проблема актуальна не только для ДЦП, но и для целого ряда

заболеваний: «...мышечная дряблость составляет часть семиологии некоторых церебральных по происхождению параличей или такого витального заболевания как органическая лихорадка: но ее можно встретить при любой хронической болезни или даже в остром эпизоде...» [9, с. 216].

Использование метода конструирования игрушек также имеет большое значение в реабилитационном процессе детей с интеллектуальной недостаточностью, так как он наиболее эффективно стимулирует созревание и функциональную перестройку всех звеньев. А поскольку «...наблюдение есть логика на уровне перцептивного содержания...» [9, с. 168], такая работа будет способствовать развитию всех способностей мозга. Ведь задача улучшения крупной и мелкой моторики важна не только сама по себе, но и как способствующая развитию интеллектуальной деятельности. Здесь имеет место синергетический эффект.

С учетом специфики обучения детей с ограниченной подвижностью (нарушение работы опорно-двигательного аппарата) был создан конструктивный узел сборки игровых элементов с одной степенью свободы. На основе данного узла был разработан типоряд образов животных: слон, бегемот, крокодил, свинья, носорог, динозавр, такса, ослик, жираф. Из этого типоряда создан развивающий конструктор «Плоское – объемное» (разработан во ВНИИТЭ, авторы: Е. В. Жердев, Е. Г. Лапина, А. И. Новиков, А. А. Грашин) [7]. Конструктор предназначен для развития метафорического проектного мышления и манипулятивной деятельности (включая мелкую моторику) у детей-инвалидов с ограниченной подвижностью и здоровых детей от 5 до 12 лет.

Несформированность зрительно-моторной координации порождает у больного ребенка трудности при письме. Для него проблематично следить за движением пишущей руки [2, с. 112]. Большую сложность представляет перевод звуков в графемы. С наших позиций наибольший интерес представляет следующий этап: перевод графем – зрительных образов в кинемы, то есть схемы движения [2, с. 111]. Затруднения, которые при этом испытывает ребенок, служат наглядной иллюстрацией положения Р. Арнхейма: «Рисование – это движение» [1, с. 165]. Данные моменты

необходимо учитывать при проектировании игр для детей, больных ДЦП. Возможно, в играх и игрушках следует продумать серию биоморфных компонентов с силуэтами различных букв, которые будут доставлять ребенку и зрительные, и тактильно-кинестические ощущения. Буква здесь тоже может выступать как игровой объект. Ребенок ее видит, лепит, ощупывает [2, с. 250–251]. Авторы упоминают только пластмассовые и картонные буквы, но они могут выполняться из различных материалов.

Привлекательность предметов и объектов побуждает к включению их в результативную игровую деятельность [2, с. 243–244]. Здесь важен и выбор позитивно оцениваемого цвета, приятные и разнообразные тактильные ощущения. Для того чтобы у реципиента – и больного ребенка, в частности, – появилось желание вступить в общение с данным предметом (игрушкой, деталью конструктора), ее форма должна ассоциироваться с живым, олицетворяющим началом, то есть быть биоморфной.

Именно пробуждение положительных эмоций должно приблизить человека, и, тем более, больного человека, к ощущениям гармонии и меры в их качественном смысле. Эмоциональная мотивация призвана помочь больному избежать чрезмерных волевых усилий, которые вызывают патологические реакции, в частности, повышение мышечного тонуса [2, с. 173]. Выполнение того или иного движения (упражнения) без напряжения требует от больного волевой концентрации. Иными словами, сосредоточенность внутренняя способствует освобождению и гармоничным ощущениям [3, с. 102]. Такого рода ощущения человек стремится фиксировать, а в результате формируется правильный, физиологичный двигательный стереотип [2, с. 173, 30]. В свою очередь, развитие двигательных функций способствует познавательной деятельности [3, с. 26].

Поскольку ребенок, больной ДЦП, имеет неполную и искаженную информацию о мире и, для того чтобы выполнить какое-либо физическое действие, он должен осознавать каждую операцию. Поэтому его можно рассматривать как постоянно находящегося в ситуации лица, принимающего решение (ЛПР): «в ситуации неполной информации» ему необходимо восполнять «недоста-

точную ее часть, устанавливая значение, или ряд возможных значений, для пропущенного аспекта» [11, с. 4].

Предметы и комплексы должны давать ребенку наглядные представления о числе, замкнутости и разомкнутости, простых и сложных, правильных и неправильных формах. Каждое из этих архетипических свойств должно быть отчетливо выявлено. Но вряд ли стоит абсолютизировать принцип «от простого к сложному». Ведь сущность той или иной формы познается только в сравнении. Поэтому следует сразу моделировать такие парные отношения и демонстрировать их в пространственных объектах. При создании объектов для детей-инвалидов следует уделять большое внимание вопросам неравновесности и неустойчивости, дифференцировать их возможные физико-механические, эстетические и другие значения. Механическая надежность элементов является необходимым условием. Перцептивная неравновесность и неустойчивость может пониматься как возможность изменений, динамизм, и приглашение человека, в данном случае, больного ребенка, к движению. Именно в этом смысле можно понимать равновесность и детерминизм как частный случай неравновесности и неустойчивости [10, с. 6].

Задача дизайнера – снабдить ребенка таким набором параметров, с которым он сможет анализировать в дальнейшем мир, сделать так, чтобы уже полученные впечатления превращались в знания о мире, с помощью которых можно осваивать его.

Побуждая человека, в данном случае – больного ребенка, к физиологически и психологически правильным действиям, дизайнер подключает выразительность форм регулярной правильности. Дизайн-объект определяет физиолого-психологические характеристики движений, ту степень механических усилий, которая требуется для выполнения данного действия. Дружественность этой среды выражает идею единства цели: обеспечения гармоничной жизнедеятельности человека, без которого пространственный объект не полон. Это невербальный текст, который, как и литературный, по Р. Барту, «желает» своего реципиента и доставляет ему удовольствие и/или наслаждение. Его эстетико-художественная и утилитарная целостность взаимообусловлены.

Реабилитационная среда является также и системой для приращения знаний. Ее открытость как системное свойство может выражаться в связях с внешним миром, структурным и связям через цезуру, и другой смысл открытости – как многовариантность, возможность перекомпоновывать и менять состав элементов. Одновременно присутствуют ощущения податливости и гибкости среды, но и ее структурированности – надежности-защищенности для человека. Этот пространственный текст побуждает больного ДЦП на определенную двигательную стратегию. Знания больного о пространстве и движении должны помогать ему выбирать «идеальные» маршруты, приемы движения и меру усилий. Такие знания выступают как «синтезированная системой запомненная информация о выборе идеального» [6, с. 15]. Задача проектировщика комплексных средовых объектов – способствовать накоплению у ребенка таких знаний, чтобы они адекватно отражали и картину мира за пределами данного помещения.

Для ребенка, больного ДЦП, «превращение» знания в руководство к действию является особо актуальной задачей. Это знание о пространстве и собственных двигательных и т. п. возможностях должно функционировать в многоуровневой системе. Больной ребенок изначально ограничен в своих возможных действиях, поэтому идея ограничений ему понятна. Но здесь стоит задача перевести эту идею в позитивный план. Наличие пределов возможностей выступает как функциональная определенность, всеобщая закономерность. Поэтому «сужение конуса поиска» должно представляться как данность, имеющая позитивные свойства.

Применительно к анализу и предпроектному моделированию объектов реабилитационной среды, о целях можно говорить в двух взаимосвязанных аспектах: как о цели, то есть эстетико-художественной осмысленности собственно пространственного построения, и о целях, призванных помочь находящимся там людям. Синтез этих аспектов – моделирование комплексной системы с учетом предыдущего опыта, трансформируемо для «модели потребного будущего».

Поступающие из памяти данные у ребенка, больного ДЦП, скудны и часто искажены его состоянием. Предметом заботы проектировщика

является такая организация впечатлений, чтобы они могли относительно легко складываться и кодироваться в памяти. Единство психофизиологического аппарата человека может служить залогом того, что развитие одной, наиболее поддающейся этому сферы оказывает положительное влияние и на другие.

Частные рекомендации для массажа и лечебной физкультуры также иллюстрируют собой некоторые характерные деформации пространства и своего ощущения в нем у больного ребенка. В проектировании игрушек и других объектов для манипуляций необходимо, чтобы количественно преобладали обтекаемые, биоморфные формы, провоцирующие округлые, мягкие движения, ритмическое чередование напряжения и расслабления. При разработке объектов для манипуляций, тренажеров и т. п. проектировщик должен дать ребенку возможность совершать разнообразные движения, принадлежащие к различным уровням сложности. Ведь и в норме переход к следующему этапу начинается раньше, чем предыдущий достигнет совершенства.

Специалистам по лечебной физкультуре и массажу рекомендуется совершать движения от периферии к центру. Основное здесь – направленность к целому, к «сборке» всего организма. Этот же принцип задействован в сборке фигур животных в конструкторе «Плоское – объемное», разработанному во ВНИИТЭ А. А. Грашиным, Е. В. Жердевым., А. И. Новиковым и Е. Г. Лапиной [7].

Именно пробуждение положительных эмоций должно приблизить человека, и, тем более, больного человека, к ощущениям гармонии и меры в их качественном смысле. Эмоциональная мотивация призвана помочь больному избежать чрезмерных волевых усилий, которые вызывают патологическое повышение мышечного тонуса. Гармоничные ощущения человек стремится фиксировать, а в результате формируется правильный, физиологичный двигательный стереотип.

И если для рядового потребителя принципиально вариабельные дизайн-объекты, включающие его в активное взаимодействие, – психологический ход, то для больного ребенка возможность самовыражения, воплощения архетипов аранжировки-интерпретации – вопрос

осмысленности жизни и противодействия болезни. Но для этого пространство должно быть дружелюбным и «не вполне готовым к употреблению» (своего рода *anti ready made*), приглашать человека к активности, помочь ему вписаться в среду. Создание «жизненного пространства» – это не комбинация предметов, а целостная среда. Здесь композиционное единство должно не образовываться методом составления (этимология слова «композиция»), а изначально мыслиться как целостность, поле, в котором вычленяются отдельные элементы, а их набор, облик и местоположение переменны. Здесь возможна ассоциация с опытом создания в искусстве стохастических (алеаторических) произведений авангардной музыки [8]. Случайность и переменность выступают не как помеха, а как органическое, заранее предусмотренное качество.

Учет этих закономерностей поможет спроектированным объектам реабилитационной среды служить средством для улучшения качества жизни людей с ограниченными возможностями.

В заключении статьи резюмируется связь основных положений, характеризующих потребности людей с ограниченными возможностями, и требований, предъявляемых к объектам безбарьерной среды.

1. Весьма ценна возможность для ребенка быть полноправным членом общества, максимально возможная независимость от посторонней помощи. Для этого необходимо сформировать микросреду, комфортную, не только физически, но и визуально. Достаточная перцептивная насыщенность такой среды есть условие для семантической досказанности. Так возникает образ самодостаточности как насыщенности достаточно разнообразными элементами (принцип заполненного промежутка).

2. Важным требованием является соответствие индивидуальным нуждам каждого ребенка, что предполагает возможность трансформации, приспособления. Это должно обязательно ощущаться зрительно, тактильно и порождать интерес к новому внешнему облику преображенного для нужд данного ребенка объекта. Например, предмет мебели может уподобляться живому существу и «расти» вместе с владельцем. Рост и другие трансформации «удобны» для обоих. Вещь как изменяемый объект скорее способна к инди-

видуальному диалогу с индивидом-ребенком. Ее готовность «пойти навстречу» его интересам – также источник положительных эмоций.

3. Ребенок должен получить и психологическую помощь от среды, которая дружелюбна, разомкнута и приглашает его к действию, включает в длительные, протяженные связи с внешним миром. Ощущение самостоятельности, возможность выбора должно исходить не только из реальных, но и из перцептивных качеств. В цепочку таких связей ребенка вовлекают такие композиционные приемы, как ритмизация ряда, гештальт-принцип «хорошего продолжения». Для осуществления такого контакта предметно-пространственная среда должна обладать структурой, в которой применены принципы ядра и разветвления. В роли ядерных участков – композиционные узлы, которые также мобильны. Пространство перетекает, границы подвижны. Преобладание плавных линий, минимальная расчлененность-дробность, связность пространства порождает ощущение достигаемости, способствует психологическому комфорту.

4. Возможность быть и чувствовать себя полноправным членом общества, свободные отношения с другими людьми, взрослыми и детьми, чувство независимости, автономности – значительные ценности для человека с ограниченными физической подвижностью. Ему необходим незатрудненный доступ к элементам среды, свобода выбора решения, в том числе двигательной стратегии, а это предполагает вариантность – известную алеаторичность перемещений, перестановок, вставок/изъятий. Разнообразие, мобильность компонентов и их структурных признаков – не только реальная свобода, но и образ свободы.

5. Определяющим критерием жизни является право на адекватное образование, возможность выбора образования и увлечений. Необходима равная обеспеченность этих занятий вспомогательным оборудованием. Жизненное пространство мыслится как дружелюбное, приспособленное к функционированию в нем.

6. Право на образование также включает в себя и «право» на воспитание чувств. Это также и эстетические чувства, преодоление сенсорного голода, использование всех тех психологических преимуществ, которые имеет воспитание посредством искусства.

Литература

1. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. – М.: Прогресс, 1974.
2. Бадалян, Л. О., Журба Л. Г., Тимонина О. В. Детские церебральные параличи. – Киев: Здоровья, 1988. – 328 с.
3. Ефимов А. В. Санаторное лечение детей с церебральными параличами. – М.: Медицина, 1969. – 167 с.
4. Жердев Е. В. Метафора в дизайне: учеб. пособие. – Изд. 3-е. – М.: Архитектура – С, 2012. – 464 с.
5. Новиков А. И. Дизайн развивающих комбинаторных игровых средств (на основе русской фольклорной деревянной игрушки): автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – М., 1998. – 20 с.
6. Палюшев Б. Системность и структурный подход как аспекты рационализма в познании // Проблемы методологии постнеклассической науки. – М.: Ифран, 1992. – С. 73–79.
7. Патент на промышленный образец № 61755, приоритет от 11 июля 2005 года. Авторы: Е. В. Жердев, Е. Г. Лапина, А. И. Новиков, А. А. Грашин.
8. Фрейверт Л. Б. Факторы случайности при создании художественной формы: параллели музыки и дизайна // Полигнозис. – 2009. – № 1. – С. 138–149.
9. Фуко М. Рождение клиники. – М.: Смысл, 1998. – 310 с.
10. Шемакин Ю. И. Семантика самоорганизующихся систем. – М.: Академ. проект, 2003. – 176 с.
11. Huber O. The information presented and actually processed decision task // Analysing and aiding decision process. – Budapest, 1983. – P. 441–454.

References

1. Arnkheim R. Iskusstvo i vizual'noe vospriatie [Art and visual perception]. Moscow, Progress Publ., 1974. 374 p. (In Russ.).
2. Badalian L.O., Zhurba L.G., Timonina O.V. Detskie tserebralnye paralichi [Infantile cerebral paralysis]. Kiev, Zdorov'ia Publ., 1988. 328 p. (In Russ.).
3. Efimova A.V. Sanatornoe lechenie detei s tserebral'nymi paralichami [Sanatorium treatment of children with cerebral palsy]. Moscow, Meditsina Publ., 1969. 167 p. (In Russ.).
4. Zherdev E.V. Metafora v dizaine. Uchebnoe posobie [Metaphor in Design. Textbook allowance]. Edition 3. Moscow, Arkhitektura-C Publ., 2012. 464 p. (In Russ.).
5. Novikov A.I. Dizain razvivaiushchikh kombinatorykh igrovykh sredstv (na osnove russkoi fol'klornoj dereviannoi igrushki). Avtoreferat diss. kand. iskusstv [Design of developing combinatorial game means (based on Russian folk wooden toys). Cand. of art sciences diss. author's abstract]. Moscow, Vserossiiskii nauchno-issledovatel'skii institut tekhnicheskoi estetiki Publ., 1998. 20 p. (In Russ.).
6. Paliushev B. Sistemnost' i strukturnyi podkhod kak aspekty ratsionalizma v poznanii [Systematic and structured approach as aspects of rationalism in the knowledge]. Problemy metodologii postneklassicheskoi nauki [Problems postnonclassical science methodology]. Moscow, Institut filosofii Rossiiskoi akademii nauk Publ., 1992, pp. 73–79. (In Russ.).
7. Zherdev E.V., Lapina E.G., Novikov A.I., Grashin A.A. Igra-konstruktor [Play-meccano]. Patent RF, no 61755, 2005. (In Russ.).
8. Freivert L.B. Faktory sluchainosti pri sozdanii khudozhestvennoi formy: paralleli muzyki i dizaina [Factors of chance in creating art forms: music and design parallels]. Polignozis [Polygnozis], 2009, no 1, pp. 138–149. (In Russ.).
9. Foucoul M. Rozhdenie kliniki [Birth of Clinic]. Paris, Qadriges-Presses Universales de France Paris. Rozhdenie kliniki [Naissance de la clinique]. Moscow, Smysl Publ., 1998. 310 p. (In Russ.).
10. Shemakin Yu.I. Semantika samoorganizuiushchikhsia sistem [Semantics of self-organizing systems]. Moscow, Academic Project Publ., 2003. 176 p. (In Russ.).

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ PEDAGOGICAL SCIENCES

УДК 379.831

*К 10-летию кафедры управления социальной сферы
ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств»*

СТИЛЬ РУКОВОДСТВА КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОГО МЕНЕДЖМЕНТА СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ

Юдина Анна Ивановна, доктор педагогических наук, профессор кафедры управления социальной сферы, директор института социально-культурных технологий, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (Кемерово, РФ). E-mail: yudinaannaivanovna@mail.ru

В статье автор рассматривает актуальную проблему эффективного менеджмента сферы культуры. В качестве определяющего фактора реализации данного процесса обосновано значение стиля руководства учреждением культуры как творческой организацией. Выделены особенности руководства творческой организацией, которые, по мнению автора, заключаются в упорядоченности, креативности и инновационности. Правильно выбранный стиль управления руководителя является фактором формирования позитивного имиджа организации, залогом ее успеха и обеспечивает динамику развития творческой организации. Особое внимание в статье уделяется исследованию психофизиологических особенностей творчески одаренной личности. В категории управления персоналом творческая личность является нестандартным ресурсом. Руководитель объективно должен представлять себе конечную цель творческого процесса, четко мотивировать и стимулировать сотрудников. Творческий персонал требует от управленца индивидуального подхода к каждому сотруднику, умения находить взаимопонимание и компромиссы. В статье представлены результаты пилотного исследования выявления личностных характеристик творчески одаренных людей. Данное исследование позволило выделить особенности, которые необходимо учитывать руководителю творческой организации сферы культуры для эффективного менеджмента.

Ключевые слова: стиль руководства, эффективный менеджмент, творческая организация, сфера культуры, творческая личность.

*To the 10th Anniversary of Chair of Management of Social Sphere
of FSBEI HPE “Kemerovo State University of Culture and Arts”*

LEADERSHIP STYLE AS A FACTOR OF EFFECTIVE MANAGEMENT IN THE SPHERE OF CULTURE

Yudina Anna Ivanovna, Doctor of Pedagogical Science, Professor of Department of Management of Social Sphere, Head of Institute of Social and Cultural Technologies, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: yudinaannaivanovna@mail.ru

In the article, the author considers the topical issue of effective management in the sphere of culture. As a defining factor for the implementation of this process the author substantiated the importance of leadership style, cultural institution as a creative organization. Selected highlights creative organization, which, in the opinion of the author, are in order, creativity and innovation. The right management style of the head is a factor in creating a positive image of the organization, the key to its success and provides the dynamics of the development of creative organization. Special attention the author pays to the study of psychophysiological

features of creatively gifted person. In the category of personnel management, a creative person is an unconventional resource. The chief objective should imagine the ultimate goal of the creative process, to clearly motivate and stimulate employees. The creative staff requires manager's individual approach to each employee, ability to find understanding and compromise. The article presents the results of a pilot study to identify the personal characteristics of creative and talented people. This study allowed us to identify features that need to be considered the head of the creative organization in the sphere of culture for effective management. Effective management in the field of culture is possible to provide support to processes of self-organization and self-management in the creative community with general guarantees of freedom of individual and collective creativity.

Keywords: leadership style, effective management, creative organization, sphere of culture, creative person.

В современных политических и экономических условиях особую актуальность в России приобретают вопросы организации эффективного управления в сфере культуры. Это обусловлено тем, что культура представляет собой самостоятельный социально-экономический ресурс развития регионов Российской Федерации. В своих научных трудах Г. П. Ивлиев отмечает: «В XXI веке отчетливо видно, что туризм, объекты культурного наследия, музыкальные школы, институты культуры – это те системы, которые позволяют организовать социальную жизнь на должном уровне. Мы должны сделать так, чтобы все социально-экономическое развитие замыкалось на культуру как цель и использовало культуру как средство реализации заложенных в той или иной программе возможностей» [6, с. 122].

Эффективность менеджмента учреждений культуры как творческих организаций зависит от многих факторов: зрелости коллектива, интенсивности инновационной деятельности, стабильности окружающей среды. Одним из определяющих факторов, на наш взгляд, является профессионализм и стиль управления руководителя в сфере культуры, который формирует позитивный имидж организации, обеспечивает залог успеха и динамику развития.

Слабое владение технологиями менеджмента, отсутствие устойчивых связей с создателями и массовыми распространителями культурного продукта мешают включению традиционных культурных институтов в современную систему творчества и коммуникации, что фактически исключает их из культурного процесса. Результатом становится низкая посещаемость, отсутствие

ярких и актуальных проектов, неспособность сформировать качественный культурный продукт. Основные творческие силы уходят из таких учреждений в коммерческий или негосударственный некоммерческий сектор.

Мотивация творческих работников, психологический климат в коллективе и многое другое зависит от профессионализма и личностных качеств руководителя. Творческий персонал требует от управленца индивидуального подхода к каждому сотруднику, умения находить взаимопонимание и компромиссы. В категории управления персоналом творческая личность является нестандартным ресурсом. Поэтому руководитель в сфере культуры должен четко представлять себе конечную цель творческого процесса, уметь мотивировать и стимулировать сотрудников.

Следуя логике нашего исследования, необходимо остановиться на особенностях творческой организации и персонале, основную часть которого составляют творчески одаренные люди.

Статья 3 Федерального закона Российской Федерации о культуре трактует понятие творческий работник «как физическое лицо, которое создает или интерпретирует культурные ценности, считает собственную творческую деятельность неотъемлемой частью своей жизни, признано или требует признания в качестве творческого работника, независимо от того, связано оно или нет трудовыми соглашениями и является или нет членом какой-либо ассоциации творческих работников» [7].

Творческую организацию характеризует двойственность, которая проявляется, с одной стороны, стандартностью и упорядоченностью,

с другой – инновационностью и креативностью. Данная особенность уникальна, так как позволяет процессу быть творческим, неограниченным, спонтанным и в то же время закрепляет всю специфичность в четкую систему и задает вектор развития. Характерной особенностью также является то, что творческие организации вправе самостоятельно определять форму самоуправления [6, с. 12].

В творческих организациях особая роль отводится одаренным людям. В Древней Греции одаренность, выдающиеся способности определяли как талант (греч. *talanton*). По мнению исследователей, одаренность определяется тремя взаимосвязанными параметрами: опережающим развитием познания, психологическим развитием и физическими данными [2; 4]. Анализ научной литературы позволил нам выявить психофизиологические особенности творчески одаренной личности [2; 3; 4; 5].

Во-первых, одаренные люди проявляют повышенный интерес к исследованию окружающего мира, не терпят ограничений и запретов. Физиологи утверждают, что у одаренных людей повышены биохимическая и электрическая активность мозга.

Во-вторых, одаренную личность отличает способность выявлять причинно-следственные связи, строить логические модели, анализировать, систематизировать и делать выводы.

В-третьих, такие люди обладают повышенным объемом памяти, что позволяет им классифицировать и категоризировать информацию, умело распоряжаться приобретенными знаниями и умениями, применять системный подход. Одаренные люди способны к решению творческих задач с нестандартными путями их решения.

В сфере психосоциального развития творчески одаренным людям свойственно яркое воображение, порождающее игровые ситуации, развитое чувство справедливости, влияющее на установление высоких требований к себе и окружающим.

Существенное различие с обычным окружением, как правило, вызывает попытки защитить тонкую психику одаренного человека через хорошо развитое чувство юмора, игру слов, несообразности, веселые жизненные коллизии.

Уровень творческих способностей может снижаться в силу различных причин, среди которых мы можем перечислить: отсутствие четко определенной цели; наличие подмены целей; боязнь поражения; страх перед успехом; боязнь перемен.

Отечественные ученые выделяют причины снижения творческой активности человека [2; 5]:

- эмоциональные – страх ошибиться, выглядеть смешным, быть некомпетентным, осуждение остальными сотрудниками;
- профессиональные – неопытность, соперничество, наличие слишком категоричных суждений, отсутствие альтернативных вариантов;
- причины восприятия – отсутствие соответствующего интеллектуального уровня;
- личностные – чувствительность, лень, самомнение, эгоизм, консерватизм.

С целью выявления личностных характеристик творчески одаренных людей в ходе работы нами было проведено пилотное исследование. Выборка респондентов насчитывала 176 творческих работников учреждений культуры г. Кемерово. В эксперименте приняли участие педагоги школ искусств, руководители творческих коллективов учреждений клубного типа. В ходе эксперимента респонденты ответили на вопросы анкеты.

Анализ данных позволил нам прийти к выводу о том, что творческие, талантливые личности обладают рядом характерных особенностей:

- 82 % респондентов имеют склонность в отношениях к игре и импровизации;
- 87 % – ориентированы на новые впечатления, спонтанны в своем поведении и независимы в суждениях;
- 49 % – испытывают трудности в делах, требующих точности и пунктуальности;
- для 79 % – характерно эстетическое восприятие окружающего мира;
- 63 % – дали себе характеристику как «энтузиасты, часто склонны к идеализации»;
- 61 % – отметили, что могут видеть в событиях и предметах то, что не замечают другие.

Следует отметить, что основная масса респондентов выразила стремление действовать, а не только размышлять и отношение к жизнен-

ным проблемам как к очередной возможности реализовать себя.

Мы признаем, что это далеко не исчерпывающая характеристика людей творческих и ее нельзя рассматривать как бесспорную. Творческое начало личности проявляется независимо от воспитания и образования, однако миссия руководителя – создать условия для их реализации.

Деятельность таких сотрудников является важной составляющей успеха творческой организации, но руководство такой категорией подчиненных сопряжено с большими трудностями, поскольку они независимы, амбициозны, умны и выходят за рамки привычных стандартов. Особая роль талантливой личности модернизирует критерии оценки их деятельности – качество труда; стратегический потенциал идей; энтузиазм и достижения; творчество и образ действия.

Отечественные ученые рассматривают проблемы, возникающие при проведении кадровой политики, которые могут оттолкнуть творчески одаренных людей или не дать раскрыться их потенциальным возможностям, что ведет к снижению эффективности менеджмента в творческой организации. Эти проблемы могут возникать при отборе кадров, их обучении, оценке деятельности сотрудников, карьерном росте.

Задача руководителя творческой организации заключается в том, чтобы с учетом особенностей характера, образа жизни и мышления участников коллектива, оптимально составить творческие тандемы.

Особенность руководства творческой организацией также заключается в наличии, наряду с должностной иерархией, реального творческого лидерства в коллективе. Креативный директор обязан составить творческую конкуренцию подчиненному, взяв на себя вопросы создания особой атмосферы в учреждении сферы культуры.

Исследуя эффективный менеджмент в сфере культуры, мы обратились к изучению вопросов стиля руководства в творческой организации. Анализ научной литературы позволил нам прийти к выводу о том, что существует два подхода к изучению данного понятия, это поведенческие и ситуационные теории [1].

В процессе управленческой деятельности каждый руководитель выполняет свои обязанности в свойственном ему деловом стиле. Стиль руководства выражается в том, какими приемами руководитель побуждает коллектив к выполнению возложенных на него задач, как контролирует результаты деятельности подчиненных. Принятый стиль руководства способствует развитию благоприятных взаимоотношений в коллективе и может служить характеристикой качества и оценки эффективности управления.

Ученые А. Н. Асаул, М. А. Асаул, П. Ю. Ерофеев, М. П. Ерофеев в своих трудах определяют понятие «стиль руководства» как «совокупность повторяющихся конкретных приемов и способов управленческого воздействия, применяемых руководителем в процессе управления и определяющих особенности отношений людей к его действиям» [1].

Стиль руководства, на наш взгляд, проявляется в манере ведения деловой беседы, организации рабочего времени и пространства, способе принятия управленческих решений.

Изучение стиля руководства и само возникновение данного понятия связаны с именем известного психолога К. Левина, который экспериментальным путем определил три стиля руководства – либеральный, демократический и авторитарный. Перейдем к описанию данных стилей руководства применительно к творческой организации.

Авторитарный стиль управления характеризуется централизацией власти в руках одного руководителя, который единолично принимает решения, жестко регламентирует всю деятельность подчиненных, не дает им возможности проявлять инициативу. Подчиненные должны безукоризненно исполнять приказы, при этом они получают минимум необходимой информации. Авторитарный стиль предполагает официальность отношений, неукоснительное соблюдение дистанции между руководителем и подчиненными [1]. В сфере культуры, где основная масса работников – люди творческие и талантливые, данный стиль руководства приведет к тупиковой ветви развития организации, не даст возможности для креативного мышления и поиска творческой импровизации.

Наиболее приемлемым для руководителя учреждений культуры, по мнению исследователей, считается демократический и либеральный стиль руководства. Руководитель, придерживающийся демократического стиля, децентрализует свою управленческую власть, он консультируется с подчиненными, которые также принимают участие в выработке управленческих решений и получают достаточно информации, чтобы иметь представление о перспективах своей работы. Руководитель доверяет подчиненным, избегает диктаторства, создает благоприятный морально-психологический климат в коллективе.

Либеральный стиль руководства характеризуется минимальным вмешательством руководителя в деятельность подчиненных. Руководитель выступает в роли посредника при осуществлении контактов, обеспечивая своих подчиненных информацией и материалами, необходимыми для выполнения работы. Руководитель ставит перед исполнителями проблему, создает необходимые организационные условия для их работы, определяет ее правила, задает границы решения, а сам отходит на второй план [1].

В современных условиях успех дела определяется не только характером отношений между руководителем и подчиненными и степенью свободы, которая им предоставляется, но и рядом других обстоятельств. Отражением этого являются новые «многомерные» подходы к стилю управления, представляющие собой комплекс взаимодополняющих, переплетающихся подходов, каждый из которых независим от других, поэтому может реализовываться наряду с ними [1].

Стиль управления, ориентированный на укрепление коллектива и поддержание человеческих отношений, наиболее подходит в умеренно благоприятных для руководителя ситуациях, когда у него нет достаточной власти, чтобы обеспечить необходимый уровень сотрудничества с подчиненными, но если взаимоотношения хорошие, люди в основном склонны делать то, что от них требуется. Каждый руководитель является творцом того стиля управления, который он применяет на практике.

Стиль руководства в контексте управления в сфере культуры – это привычная манера поведения руководителя по отношению к подчиненным. Степень делегирования полномочий руководителем, типы власти, используемые им, забота о человеческих отношениях или выполнении задачи – все отражает стиль управления, характеризующий данного руководителя.

В высшей степени авторитарный руководитель навязывает свою волю путем принуждения либо вознаграждения. Руководитель демократичный предпочитает оказывать влияние с помощью убеждения, разумной веры или харизмы. Он избегает навязывать свою волю подчиненным.

Совершенно очевидно, что ни авторитарный, ни демократический стили управления творческим персоналом в крайних своих проявлениях найти весьма трудно. Самым эффективным в сегодняшнем быстро меняющемся мире является многомерный стиль управления, ориентированный на реальность, с одной стороны, и эффективность, с другой.

Таким образом, культура – это сфера, требующая особого правового регулирования, в том числе и регулирования трудовых отношений. Как пишет Г. П. Ивлев, «это уникальная система ценностей, которая не совсем подходит под традиционно сухие юридические формулировки» [6, с. 5]. В последние десятилетия у культуры появились новые функции, поскольку она выступает как фактор экономического роста. На смену интенсивному промышленному развитию приходит экономика, опирающаяся на уникальные ресурсы территорий, включая их культурный и творческий потенциал. Современные стратегии развития направлены на стимулирование конкурентоспособности в самых разных сферах и поиск соответствующих возможностей.

На основании вышеизложенного, мы можем прийти к выводу о том, что эффективный менеджмент в сфере культуры возможен при условии поддержки процессов самоорганизации и самоуправления в творческом сообществе при общих гарантиях свободы индивидуального и коллективного творчества.

Литература

1. Асаул А. Н., Асаул М. А., Ерофеев П. Ю., Ерофеев М. П. Культура организации: проблемы формирования и управления. – СПб.: Гуманистика, 2006.
2. Бабаева Ю. Д. Динамическая теория одаренности // Основные современные концепции творчества и одаренности / под ред. Д. Б. Богоявленской. – М., 1997. – С. 275–294.
3. Бабаева Ю. Д. Психологический тренинг для выявления одаренности / под ред. В. И. Панова. – М., 1998.
4. Богоявленская Д. Б. Исследование творчества и одаренности в традициях процессуально-деятельностной парадигмы // Основные современные концепции творчества и одаренности / под ред. Д. Б. Богоявленской. – М., 1997. – С. 328–348.
5. Богоявленская Д. Б. Субъект деятельности в проблематике творчества // Вопр. психологии. – 1999. – № 2. – С. 35–40.
6. Ивлиев Г. П. Культурная политика и развитие законодательства о культуре в Российской Федерации: статьи и выступления. – М.: Норма: ИНФА-М, 2012. – 208 с.
7. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (с изменениями на 21 июля 2014 года) [Электронный ресурс]. – URL: /<http://mkrf.ru/dokumenty/581/detail.php?ID=61217> (дата обращения: 08.12.2014).

References

1. Asaul A.N., Asaul M.A., Erofeev P.Iu., Erofeev, M.P. Kul'tura organizatsii: problem formirovaniia i upravleniia [Organizational culture: problems of formation and management]. St. Petersburg, Gumanistika Publ., 2006. (In Russ.).
2. Babaeva Iu.D. Dinamicheskaia teoriia odarennosti [Dynamical theory of giftedness]. *Osnovnye sovremennye kontseptsii tvorchestva i odarennosti [The main modern concepts of creativity and giftedness]*. Ed. D.B. Bogoiavlenskaia. Moscow, 1997, pp. 275–294. (In Russ.).
3. Babaeva Iu.D. Psikhologicheskii trening dlia vyiavlenniia odarennosti [Psychological training to identify giftedness]. Ed. V.I. Panova. Moscow, 1998. (In Russ.).
4. Bogoiavlenskaia D.B. Issledovanie tvorchestva i odarennosti v traditsiakh protsessual'no-deiatel'nostnoi paradigmy [The study of creativity and talent in the tradition of procedural activity paradigm]. *Osnovnye sovremennye kontseptsii tvorchestva i odarennosti [The main modern concepts of creativity and giftedness]*. Ed. D.B. Bogoiavlenskaia. Moscow, 1997, pp. 328–348. (In Russ.).
5. Bogoiavlenskaia D.B. Sub'ekt deiatel'nosti v problematike tvorchestva [Stakeholders in issues of creativity]. *Voprosy psikhologii [Questions of psychology]*, 1999, no 2, pp. 35–40. (In Russ.).
6. Ivliev G.P. Kul'turnaia politika i razvitie zakonodatel'stva o kul'ture v Rossiiskoi Federatsii: stat'i i vystupleniia [Cultural policy and legislative development of culture in the Russian Federation: articles and speeches]. Moscow, Norma: INFA-M Publ., 2012. 208 p. (In Russ.).
7. Osnovy zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii o kul'ture (s izmeneniiami na 21 iuliia 2014 goda) [Basic Laws of the Russian Federation on culture]. Available at: <http://mkrf.ru/dokumenty/581/detail.php?ID=61217> (accessed 08.12.2014).

УДК 371

ИНТЕРАКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ В ПОВЫШЕНИИ КВАЛИФИКАЦИИ СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ ФИТНЕСА И РЕКРЕАЦИИ

Ивлева Татьяна Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры управления социальной сферы, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: tnivleva@yandex.ru

Статья посвящена проблеме повышения квалификации специалистов новой для России отрасли – фитнес-индустрии. Целью статьи является совершенствование обучения в процессе повышения квалификации специалистов сферы фитнеса и рекреации. Обосновывается идея о том, что необходимость профессионального развития является важнейшим обстоятельством успешной деятельности организаций сферы фитнеса и рекреации. В статье затрагивается тема досуга, который играет важную

роль в формировании культуры личности и общества. В статье раскрываются процессы возрастания интереса широкого круга людей к занятиям в свободное время различными видами спорта и двигательной активности для отдыха и восстановления сил. Статья раскрывает содержание понятий «досуг», «интерактивный», «фитнес», «рекреация». В качестве исследовательской задачи автором была определена попытка оценить результаты эмпирического исследования специалистов фитнес-индустрии. Обосновывается мысль о том, что наличие диплома о высшем образовании не может в полной мере считаться конечной точкой в образовании специалиста в сфере фитнеса и рекреации. Автор приходит к выводу, что респонденты считают главными функциями ценностно-оздоровительную, управленческо-организаторскую, социально-культурную, коммуникативную и функцию самосовершенствования. На основе полученных результатов автор предлагает двухмодульную программу повышения квалификации специалистов в сфере фитнеса и рекреации. Основное внимание в программе автор акцентирует на преимуществах использования интерактивных методов обучения в процессе повышения квалификации. Автор приходит к выводу, что программа повышения квалификации «Управление развитием организации сферы фитнеса и рекреации» может быть реализована в институте дополнительного профессионального образования КемГУКИ.

Ключевые слова: досуг, интерактивные методы обучения, рекреация, повышение квалификации, фитнес.

INTENSIVE TEACHING METHODS IN TRAINING THE SPECIALISTS IN THE FIELD OF FITNESS AND RECREATION

Ivleva Tatiana Nikolaevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Professor of Department of Management of Social Sphere, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation).
E-mail: tnivleva@yandex.ru

The article is devoted to the issue date of the new professional development for Russian industry, fitness. The aim of the article is to improve the learning process of professional development specialists in the field of fitness and recreation. It substantiates the idea that the need for professional development is an important factor of successful activity organizations in the sphere of fitness and recreation. The article touches upon leisure, which plays an important role in shaping the culture of the individual and society. The article describes the process of increasing interest in a wide range of people to leisure activities in various sports and motor activity for rest and recuperation. The article reveals the concept of “leisure,” “interactive,” “fitness,” “recreation.” As the author of the research task was determined attempt to assess the empirical research results of the fitness industry professionals. It substantiates the idea that having a diploma, cannot be fully considered the end point in the formation of a specialist in the field of fitness and recreation. The author concludes that the respondents consider the main functions of Health value, managerial organizational self-improvement, socio-cultural and communicative functions. On the basis of these results, the author offers two modular training program for professionals in the field of fitness and recreation. The first module “Fundamentals of Management and Marketing in fitness – the organization” includes the functions and methods of management, business and role-playing games on the development of managerial skills; marketing, development of the concept of the club; legal basis of the fitness industry organizations, business planning, information technology in the field of fitness and recreation. The second module “Psychological aspects of communication in the work of specialists in the field of fitness and recreation” is aimed at the development of the communicative component of professional activity. The program author focuses on the benefits of using interactive teaching methods in the process of training. One way of assessing the students’ progress in the process of forming specific professional competencies in the program is to offer a portfolio. The author concludes that the training program “Management of organization fitness and recreation” can be implemented at the Institute of additional professional education of KemGUKI.

Keywords: leisure, interactive teaching methods, recreation, training and fitness.

*Истина должна быть пережита,
а не преподана.*

Древнекитайский философ Чжуан Цзы

*Уметь с умом распорядиться досугом –
высшая степень цивилизованности.*

Английский философ Бертран Рассел

В последнее время в связи с возникновением новых профессий особую актуальность приобретают проблемы повышения квалификации специалистов в сфере фитнеса и рекреации. Обновление и развитие компетенций становятся ключевыми вопросами конкурентоспособности человека, работающего в фитнес-индустрии. В условиях быстро меняющегося, развивающегося рынка фитнес-услуг необходимость профессионального развития, стремление к самообразованию и самосовершенствованию становятся доминантными обстоятельствами успешной деятельности организаций сферы фитнеса и рекреации. Важно учитывать, что участники системы повышения квалификации являются представителями категории взрослых людей, имеющих базовое профессиональное образование, опыт профессиональной деятельности и выступают активными субъектами процессов реализации содержания образовательной деятельности. Приоритетными методами обучения в системе повышения квалификации специалистов в сфере фитнеса и рекреации являются интерактивные методы, где существенное внимание уделяется практической отработке передаваемых знаний, умений и навыков.

Понятие «интерактивный» происходит от английского «interact»: «inter» – «взаимный», «act» – «действовать». Интерактивное обучение – это специальная форма организации познавательной деятельности. Одна из целей его внедрения состоит в создании комфортных условий обучения, при которых слушатель чувствует свою успешность, свою интеллектуальную состоятельность, что делает продуктивным сам процесс обучения. Ценность предлагаемых методов, по мнению А. П. Панфиловой, заключается в том, что «...роль преподавателя меняется, границы между ним и обучаемым становятся прозрачными, что способствует сотрудничеству. Возрастает роль самого обучаемого, который участвует

не только в получении знания, но и в его поиске, развитии, трансформации в практические умения и навыки» [5, с. 20].

Интерактивное обучение – способ познания, основанный на диалоговых формах взаимодействия участников образовательного процесса; обучение, погруженное в общение, в ходе которого у обучающихся формируются навыки совместной деятельности. Это метод, при котором «все обучают каждого и каждый обучает всех». Сохраняя конечную цель и основное содержание образовательного процесса, интерактивное обучение изменяет привычные транслирующие формы на диалоговые, основанные на взаимопонимании и взаимодействии [1].

Целью исследования, результаты которого излагаются в данной статье, является совершенствование обучения в процессе повышения квалификации специалистов сферы фитнеса и рекреации.

В настоящее время возрастает интерес широкого круга людей к занятиям в свободное время различными видами спорта и двигательной активности для отдыха и восстановления сил, для обеспечения хорошей спортивной формы и состояния здоровья. Этому в немалой степени способствуют СМИ, значительное количество публикаций, большое число клубов и т. п., основной целью которых является привлечение людей к здоровому образу жизни. Серьезной проблемой в эффективном развитии сферы фитнеса и рекреации является дефицит профессиональных специалистов.

В связи с этим в современной социально-культурной ситуации важной задачей становится подготовка и повышение квалификации высококлассных специалистов в этой сфере. Успешная профессиональная деятельность требует сегодня от специалиста сферы фитнеса и рекреации высокого профессионализма, активности, творчества, сформированных компетенций как предметно-профессионального, так и специфического характера, связанных с особенностями профессиональной деятельности.

Понятие «фитнес» в переводе с английского означает «пригодность, соответствие, готовность». Этим термином называют практически всю современную физкультуру – специальные системы упражнений, занятия в тренажерном зале,

всевозможные оздоровительные мероприятия. Е. Г. Сайкина рассматривает фитнес как социокультурное явление, относящееся к предметной области физической культуры, родовым понятием которой является общечеловеческая культура. Являясь универсальным феноменом социально-культурной деятельности (СКД), фитнес приобретает свойственное ей ценностное измерение и реализует целый спектр ценностей: витальные (жизненный, относящийся к явлениям жизни), эстетические, социальные, политические, культурные. Социокультурные функции фитнеса, справедливо отмечает автор, реализуются путём преобразования человеческих ресурсов, элементов культуры и общества, трансформируя их средствами фитнес-технологий в соответствующие общественному запросу [8].

Справедливо утверждение о том, что фитнес сложное, многогранное, полифункциональное социальное явление. Его можно рассматривать как процесс и результат улучшения физического совершенствования людей, повышение уровня их физической дееспособности и состояния здоровья, как совокупность материальных и духовных ценностей, как сложную динамическую, управляемую систему, как специфический продукт предоставляемых населению оздоровительных, двигательных, зрелищных услуг [7].

Понятие «рекреация» имеет несколько значений: «восстанавливать, отдыхать, укреплять, освежать» и др. Она осуществляется в свободное время; носит деятельный характер; построена на добровольной, самодеятельной основе [9].

Рекреация рассматривается в рамках изучения различных дисциплин: СКД, теории физической культуры, экономики, социологии и др. Определение термина рекреация варьируется в зависимости от контекста, в котором он рассматривается. Так различают физическую рекреацию наряду с социальной, психологической, географической и другими ее видами. Одной из исследовательских парадигм физической рекреации, отмечает Ю. Е. Рыжкин [6], является рассмотрение ее как одной из форм организации досуга человека. В отечественной науке досуг как форме и периоду отдыха после выполнения профессиональных, семейных обязанностей и удовлетворения естественных потребностей, обеспечивающих

жизнедеятельность человека (сон, прием пищи и т. п.), уделяется еще недостаточно внимания. Между тем досуг – не менее важная сфера жизнедеятельности человека, чем профессиональный труд человека.

«Хлеба и зрелищ!» – со времен римской империи эти слова Ювенала воспринимаются как символическое выражение интересов народных масс и потребности людей во вкусной пище и нескучном проведении свободного времени актуальны всегда. Досуг играет важную роль в формировании культуры личности и общества. Являясь частью свободного времени, досуг привлекает людей разного возраста нерегламентированностью и добровольностью выбора его различных форм, демократичностью, возможностью сочетать в нем творческую и созерцательную, производственную и игровую деятельность. Рекреация является одной из функций досуга, она всегда есть деятельность, основа физической рекреации – двигательная деятельность с использованием физических упражнений.

С целью изучения и анализа состояния повышения квалификации специалистов сферы фитнеса и рекреации Муниципального автономного учреждения губернского центра спорта «Кузбасс» мы провели анкетирование. В исследовании приняли участие 15 человек, из них 7 мужчин и 8 женщин. На вопросы анкеты ответили 5 респондентов (33 %) – инструкторы тренажерного зала, 5 респондентов (33 %) – инструкторы групповых программ, 3 респондента (20 %) – инструкторы по физической культуре, 1 респондент (7 %) – инструктор по йоге. 1 респондент (7 %) – фитнес-директор, персональный инструктор тренажерного зала. Возрастная характеристика респондентов представлена на рис. 1.

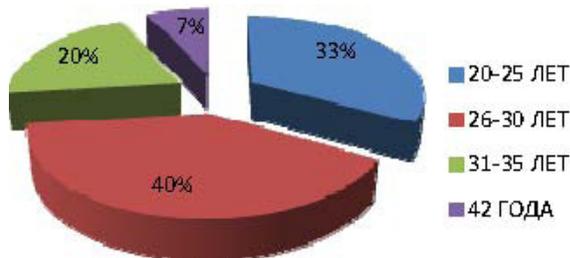

Рисунок 1. Возрастная характеристика респондентов

Из диаграммы видно, что по возрасту это молодые люди: 20–25 лет – 5 респондентов (33 %); 26–30 лет – 6 респондентов (40%); 31 год – 35 лет – 3 респондента (20 %) и один респондент (6 %) – 42 года.

По стажу работы большинство из числа опрошенных 11 человек (73 %) работают в сфере фитнеса и рекреации от года до 5 лет и по 2 человека (по 13 %) – 6 лет и 7 лет. Это объясняется тем, что фитнес-индустрия – достаточно новая отрасль, а МАУ губернский центр спорта «Кузбасс» функционирует всего четвертый год. Данные, касающиеся информации о профессиональной подготовке, повышении квалификации и профессиональной переподготовке респондентов, полученные нами в процессе исследования, представлены в табл. 1.

Таблица 1

Уровень подготовки, повышения квалификации и профессиональной переподготовки респондентов в сфере фитнеса и рекреации

Название вуза	Кол-во выпускников	Квалификация по диплому	Повышение квалификации (ПК) или профессиональная переподготовка (ПП)	Документ о ПК или ПП
1. Кемеровский государственный университет	6	Педагог физической культуры	ПК – семинары, курсы «Инструктор групповых программ»	Сертификат
	1	Переводчик	ПК – семинары, курсы «Инструктор тренажерного зала ITS»	Сертификат
2. Кемеровский государственный сельскохозяйственный институт	2	Инженер	ПП – КемГУ «Физическая культура и спорт»	Диплом государственного образца
	1	Менеджер-экономист	ПК – «Инструктор тренажерного зала ITS»	Сертификат
3. Кузбасский государственный технический университет	2	Инженер путей сообщения	ПК – курсы «Инструктор групповых программ»	Сертификат

Окончание таблицы 1

Название вуза	Кол-во выпускников	Квалификация по диплому	Повышение квалификации (ПК) или профессиональная переподготовка (ПП)	Документ о ПК или ПП
4. Сибирский государственный университет физической культуры и спорта	1	Тренер-преподаватель физической культуры	ПК – курсы «Инструктор групповых программ»	Сертификат
5. Сибирская государственная академия физической культуры	1	Специалист по физической культуре и спорту	ПК – тренинги, семинары, курсы «Персональный инструктор тренажерного зала»	Сертификат
6. Кемеровский государственный университет культуры и искусств	1	Менеджер социально-культурной деятельности	ПК – курсы ITS «Силовая йога» («Power yoga basic»); курсы ITS «Силовая растяжка» («Athletic stretch»)	Диплом Сертификат

Анализируя данные таблицы, можно отметить, что все респонденты имеют высшее образование. Но только половина из них (53 %) имеют высшее специальное физкультурное образование. Один имеет диплом государственного образца о профессиональной переподготовке КемГУ по программе «Физическая культура и спорт».

Следует отметить, что наличие диплома о высшем образовании не может в полной мере считаться конечной точкой в образовании специалиста в сфере фитнеса и рекреации. Фитнес – это не та сфера, в которой человек, однажды получив сертификат или диплом, может много лет работать по одной и той же схеме. Хороший специалист должен постоянно самосовершенствоваться, обладать определенными личностными качествами. Этот процесс творческий и требует поиска новых подходов. Думается, что одним из таких подходов будет использование современных интерактивных методов в повышении квалификации специалиста в сфере фитнеса и рекреации.

Ответы на вопрос анкеты «Какие функции осуществляет специалист в сфере фитнеса и рекреации?» распределились следующим образом (рис. 2).

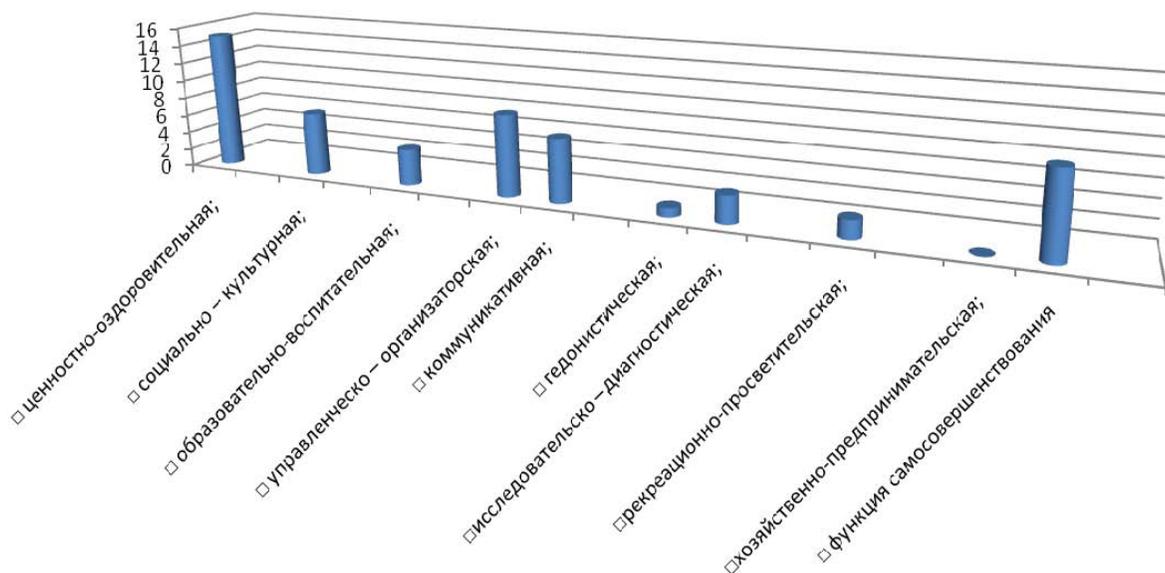

Рисунок 2. Ответы респондентов на вопрос анкеты «Какие функции осуществляет специалист в сфере фитнеса и рекреации?»

Все респонденты отметили ценностно-оздоровительную функцию, которая реализуется как удовлетворение потребности в активном отдыхе, содержательном развлечении, как средство переключения на другой вид деятельности, восстановления физических и духовных сил. На второе место респонденты поставили организаторскую функцию и самосовершенствование – по 60 %. На третьем месте, по мнению респондентов, социально-культурная и коммуникативная функции – 47 %. Социально-культурная рассматривается как особый вид реализации потребности в специфической деятельности, связанной с эстетическим, эмоциональным удовольствием, сопереживанием. Общение как социальный процесс имеет особое значение, поскольку входит в содержание человеческого взаимопонимания. В общении отражается потребность человека в эмоциональном контакте, в проявлении своих чувств и ответном понимании, получении информации, ощущении включенности в какую-либо деятельность.

Таким образом, респонденты считают главными функциями ценностно-оздоровительную, управленческо-организаторскую, социально-культурную, коммуникативную и функцию самосовершенствования.

Основные умения специалиста в сфере фитнеса и рекреации, выделенные респондентами, представлены на рис. 3.

Почти все респонденты (93 %) к числу основных умений относят «установление контакта с клиентами». По 13 респондентов (86 %) отметили «демонстрацию упражнений» и 8 человек из числа опрошенных (63 %) – «реализацию культурного развития личности клиента». Таким образом, на первое место респонденты ставят «установление контакта с участниками» и чуть больше половины ориентированы на культурное развитие личности клиента.

Качества, необходимые специалисту сферы фитнеса и рекреации, по мнению респондентов, представлены на рис. 4.

Все респонденты выделили профессиональные качества. 13 респондентов (86 %) отметили коммуникативные качества, 7 респондентов (46 %) – нравственные; 5 респондентов (33 %) – интеллектуальные, 3 респондента (20 %) – волевые; 2 респондента (13 %) – психомоторные.

Таким образом, результаты анкетирования позволили нам констатировать, что респонденты считают главными функциями ценностно-оздоровительную, управленческо-организаторскую, социально-культурную, коммуникативную

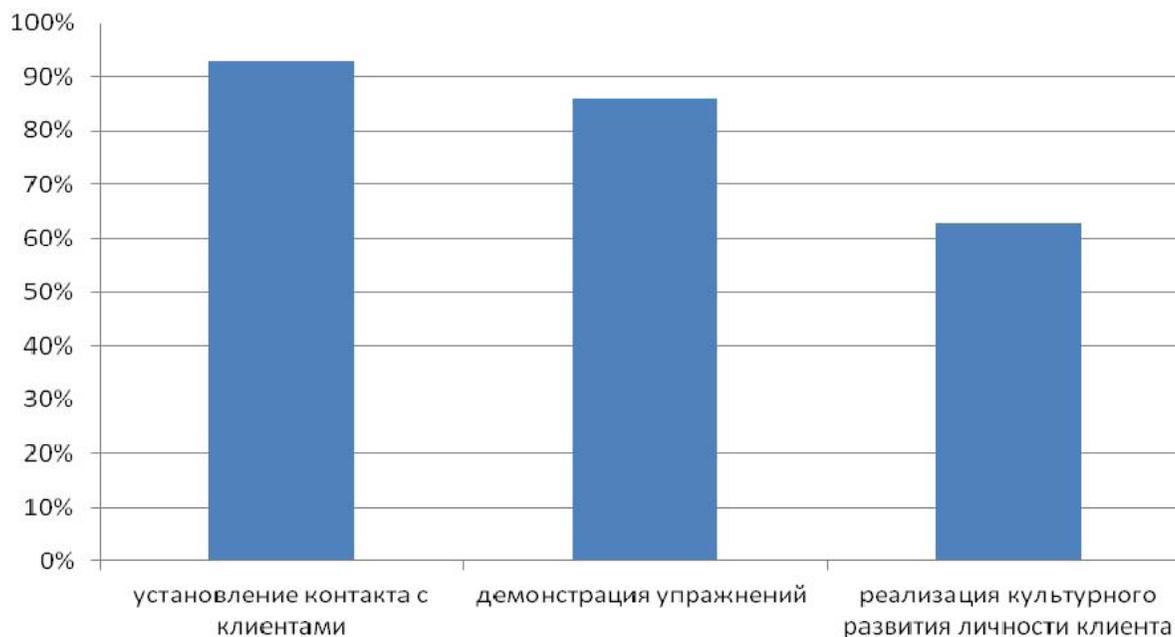

Рисунок 3. Ответы респондентов на вопрос анкеты «Какими основными умениями должен обладать специалист в сфере фитнеса и рекреации?»

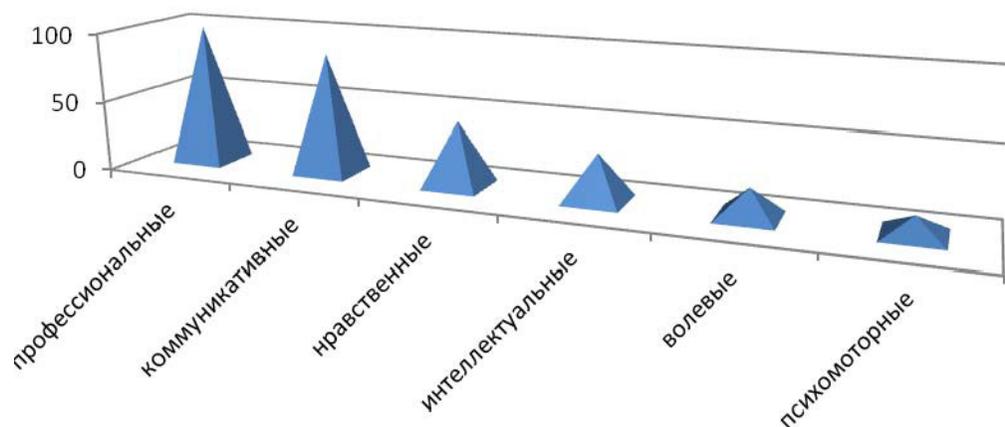

Рисунок 4. Качества, необходимые специалисту сферы фитнеса и рекреации

и функцию самосовершенствования. На первое место респонденты ставят «установление контакта с участниками», и чуть больше половины ориентированы на культурное развитие личности клиента.

В ходе исследования нами была разработана программа повышения квалификации для специалистов сферы фитнеса и рекреации «Управление развитием организации сферы фитнеса и рекреации». Так как различные объекты фитнес-

индустрии называются по-разному, под фитнес-организацией будем понимать:

- фитнес-клуб,
- фитнес-центр,
- фитнес-студия,
- спортивно-оздоровительный клуб,
- спортивный клуб,
- спортивно-оздоровительный центр,
- спортивно-развлекательный клуб,
- физкультурно-оздоровительный клуб и др. [4].

При разработке программы были использованы результаты анкетирования, которые показа-

ли, что респонденты выделили важность коммуникативной и организационно-управленческой функций в профессиональной деятельности. Таким образом, если подготовка специалистов была ориентирована преимущественно на двигательный и методический компоненты, то повышение квалификации – на развитие управленческих и коммуникативных навыков. Учебная программа построена исходя из логики создания нового проекта фитнес-организаций и совершенствования деятельности уже существующих (табл. 2).

Таблица 2

**Учебная программа повышения квалификации
«Управление развитием организации в сфере фитнеса и рекреации»**

Название разделов и тем	Всего учебных часов	Формы занятий	
		Лекции	Интерактивные методы
Модуль I «Основы менеджмента и маркетинга в фитнес-организации»			
1. Введение в специфику менеджмента и маркетинга фитнес-индустрии. Особенности и тенденции развития отрасли	2	2	-
2. Основы менеджмента фитнес-организации Функции и методы менеджмента. Мотивация в деятельности менеджера. Профессиональные и личностные качества фитнес-менеджера	14	4	<ul style="list-style-type: none"> • Самопрезентация «Я-фитнес-менеджер»; • Деловая игра «Принятие решения»; • Case-study; • Диагностика организационно-управленческого потенциала слушателей <p align="center">10</p>
3. Маркетинговые исследования Особенности, специфика и динамика основных показателей рынка фитнес-услуг. Система продвижения фитнес-услуг. Исследование рынка фитнес-услуг для анализа конкурентной среды. Разработка концепции и стратегии проведения рекламных компаний и PR-мероприятий	8	2	<ul style="list-style-type: none"> • Case-study «PR-деятельность фитнес-организации»; • Деловая игра «Маркетинг и брендинг фитнес-организации» <p align="center">6</p>
4. Разработка концепции фитнес-организации Разработка годового бюджета. Расчёт оптимальных цен на клубные карты и дополнительные услуги. Операционный отчёт о деятельности фитнес-организации	10	2	<ul style="list-style-type: none"> • Деловая игра «Создание фирменного стиля фитнес-организации»; • Деловая игра «Разработка концепции фитнес-организации» <p align="center">8</p>
5. Информационные технологии в сфере фитнеса и рекреации Программное обеспечение фитнес-организации. Выбор и установка информационных систем. Требования к разработке интернет-сайтов фитнес-организации	6	2	<ul style="list-style-type: none"> • Case-study «Информационные технологии в сфере фитнеса и рекреации» <p align="center">4</p>

Продолжение таблицы 2

Название разделов и тем	Всего учебных часов	Формы занятий	
		Лекции	Интерактивные методы
6. Правовые основы деятельности фитнес-организаций Регулирование трудовых отношений. Законодательные аспекты в деловых коммуникациях фитнес-организации. Основные правовые документы фитнес-организации. Регулирование отношений с клиентами	8	4	• Case-study «Правовое регулирование деятельности фитнес-организации» 4
7. Бизнес-планирование в сфере фитнеса и рекреации: понятие, особенности, технологии Привлечение инвестиционных средств для открытия фитнес-организации. Обоснование экономической эффективности открытия фитнес-организации. Разработка поэтапного плана создания и развития фитнес-организации	6	2	• Деловая игра «Разработка бизнес-плана фитнес-организации» 4
Всего часов	54	18	36
Модуль 2 «Психологические аспекты общения в деятельности специалистов сферы фитнеса и рекреации»			
8. Технология делового общения специалистов сферы фитнеса и рекреации Понятия «коммуникация» и «общение». Взаимопонимание как основа и цель делового общения. Коммуникативные барьеры. Технологии преодоления коммуникативных барьеров. Деловое общение как восприятие людьми друг друга. Механизмы взаимопонимания в общении (идентификация, эмпатия, рефлексия). Теория трансактного анализа Э. Берна. Правила установления контакта с клиентом. Методы мотивации клиента	6	2	• Деловая видеоигра «Эффективные техники общения» 4
9. Умение слушать – структурный элемент процесса делового общения Характеристика понятий «слушать» и «слышать». Обратная связь в процессе слушания. Стили слушания. Трудности эффективного слушания. Виды слушания. Техники активного слушания. Коммуникативные техники защиты от манипуляций. Рекомендации по развитию умения слушать	6	2	• Видеотренинг «Диагностика и развитие умения слушать» 4
10. Вербальные и невербальные средства делового общения Вербальное общение (речь) и характеристика устных деловых коммуникаций как универсальная знаковая система человеческой коммуникации. Модель коммуникативного процесса. Виды устных форм делового взаимодействия. Презентация, ее смысл и назначение. Компьютерная видеоконференцсвязь и ее использование в деятельности специалистов в сфере фитнеса и рекреации. Невербальные средства общения. Классификация «алфавита» жестов. Паралингвистическая и экстралингвистическая системы знаков. Электронные письма. Основы ораторского искусства. Психологическая структура публичного сообщения	4	2	• Обучающая видеопрограмма Десмонда Морриса «Язык тела» 2
11. Конфликты в деятельности специалистов в сфере фитнеса и рекреации Структура конфликта. Объективная и субъективная составляющая конфликтов. Динамика конфликта. Основные модели конфликта. Способы разрешения конфликтов	6	2	• Деловая видеоигра «Конфликт» 4

Название разделов и тем	Всего учебных часов	Формы занятий	
		Лекции	Интерактивные методы
Стили поведения в конфликтных ситуациях. Предупреждение конфликтов. Средства предотвращения конфликтов. Управление эмоциями и негативными психофизиологическими состояниями			
12. Имидж специалиста в сфере фитнеса и рекреации Этикет. Постановка цели в профессиональной деятельности. Последовательность стратегического планирования в профессиональной деятельности в сфере фитнеса и рекреации. Технологии управления имиджем. Методы самопрезентации	6	2	• Тренинг «Навыки эффективной презентации» 4
13. Сервисное обслуживание фитнес-организации Успешные сервисные технологии. Формирование лояльности клиентов. Клиенто-ориентированный сервис	4	2	• Case-study «Клиенто-ориентированный сервис» 2
Всего часов	32	12	20
ИТОГО	86	30	56

Программа состоит из двух модулей. Первый модуль «Основы менеджмента и маркетинга в фитнес-организации» включает в себя функции и методы менеджмента; деловые и ролевые игры по развитию управленческих навыков; маркетинг, разработку концепции клуба; правовые основы деятельности организаций фитнес-индустрии; бизнес-планирование, информационные технологии в сфере фитнеса и рекреации.

Второй модуль «Психологические аспекты общения в деятельности специалистов сферы фитнеса и рекреации» направлен на развитие коммуникативного компонента профессиональной деятельности. Так, профессионально значимыми считаются такие качества и умения специалиста, как: коммуникабельность; навыки эффективного, бесконфликтного общения, умение слушать, использовать вербальные и невербальные методы общения; владение методами психофизической саморегуляции, умение создавать атмосферу доброжелательности и мотивировать клиентов к ведению здорового образа жизни и т. д. Приоритетными методами обучения в рамках данной программы будут интерактивные технологии: case-study; лекции с запрограммированными ошибками; проблемные лекции; деловые видеогames; тренинги; тесты. Использование видеозаписи интерактивных методов обучения позволит оценить уровень индивидуальных возможностей

специалистов в сфере фитнеса и рекреации, реализовывать самоанализ собственной деятельности по результатам рефлексии.

Одним из способов оценивания достижений слушателей в процессе формирования специальных профессиональных компетенций будет портфолио [2; 3]. Портфолио – это целенаправленное собрание работ слушателей, которое показывает развитие и достижения с позиций оценки преподавателей и самооценки. После окончания курсов слушатели могут продолжать работу по формированию портфолио. В перспективе портфолио можно использовать в саморекламе, демонстрировать потенциальным клиентам, на ярмарках вакансий и т. д.

Таким образом, применение интерактивных методов обучения позволит создать условия для самостоятельной и творческой работы слушателей, развить навыки командной работы, что, в свою очередь, расширит их способность для решения типичных личностных и профессиональных проблем. Развитие профессиональных компетенций в ходе освоения предложенной программы повышения квалификации позволит специалистам быть конкурентоспособными на рынке фитнес-услуг. Внедрение данной программы повышения квалификации специалистов в сфере фитнеса и рекреации возможно в институте дополнительного профессионального образования КемГУКИ.

Литература

1. Воронова Н. Н. Внедрение интерактивных форм обучения как одно из важнейших направлений совершенствования подготовки студентов в современном вузе [Электронный ресурс]. – URL: http://ifostu.ucoz.ru/publ/innovacionnye_podkhody_i_tekhnologii/primenenie_innovacionnykh_metodov_obucheniya_dlja_. – Загл. с экрана.
2. Ивлева Т. Н. Е-портфолио и модерация как интенсивные технологии профессионального развития личности студента // Вестн. Балт. пед. акад. Вып. 113. Интенсивные методы и технологии в обучении и профессиональном развитии личности: зарубежный и отечественный опыт: сб. науч. ст. по мат-лам заоч. междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 19 марта 2014 года / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб. – С. 59–61.
3. Ивлева Т. Н. Е-портфолио как технология индивидуально-ориентированного образовательного процесса // Педагогический менеджмент и прогрессивные технологии в образовании: сб. ст. XXVI Междунар. науч.-практ. конф. – Пенза: Приволж. дом знаний, 2014. – С. 23–26.
4. Классификация фитнес-клубов в интересах клиента [Электронный ресурс]. – URL: <http://s-bc.ru/news/klassifikacija-fitness-klubov-v-interesah-klienta.html>. – Загл. с экрана.
5. Панфилова А. П. Инновационные педагогические технологии: Активное обучение [Текст]: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2009. – 192 с.
6. Рыжкин Ю. Е. Физическая рекреация в сфере досуга человека [Электронный ресурс] // Теория и практика физической культуры: науч.-теорит. журн. – 2002. – № 5. – URL: lib.sportedu.ru/Press/TPFK/2002N5/p17-19.htm. – Загл. с экрана.
7. Сайкина Е. Г. Фитнес в системе дошкольного и школьного физкультурного образования [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.04. – СПб., 2009. – URL: <http://www.pandia.ru/text/78/327/77893-2.php>. – Загл. с экрана.
8. Сайкина Е. Г., Смирнова Ю. В. Фитнес как значимое социокультурное явление // Фитнес: становление, тенденции и перспективы развития в России: сб. мат-лов науч.-практ. конф., посвящ. 210-летию РГПУ им. А. И. Герцена, 60-летию фак. физ. культуры. – СПб: РГПУ им. А. И. Герцена, 2006. – С. 41–47.
9. Физическая рекреация как междисциплинарная область физкультурного образования: учеб.-метод. пособие для самоподготовки студентов / сост.: К. Н. Пружинин, М. В. Пружинина. – Иркутск: Иркут. фил. «РГУФКСМ и Т», 2011. – 120 с.

References

1. Voronova N.N. Vnedrenie interaktivnykh form obucheniia kak jedno iz vazhneishikh napravlenii sovershenstvovaniia podgotovki studentov v sovremennom vuze [Implementation interactive forms of education as one of the most important ways to improve the training of students in the modern university]. Available at: http://ifostu.ucoz.ru/publ/innovacionnye_podkhody_i_tekhnologii/primenenie_innovacionnykh_metodov_obucheniya_dlja_ (In Russ.).
2. Ivleva T.N. E-portfolio i moderatsiia kak intensivnye tekhnologii professional'nogo razvitiia lichnosti studenta [E-portfolio and moderation as technology intensive professional development of the individual student]. *Vestnik Baltiiskoi pedagogicheskoi akademii. Vypusk 113. Intensivnye metody i tekhnologii v obuchenii i professional'nom razvitiu lichnosti: zarubezhnyi i otechestvennyi opyt* [Bulletin of the Baltic Pedagogical Academy. Vol. 113. Intensive methods and technologies in teaching and professional development of personality: foreign and domestic experience]. Sankt-Peterburg, Rossiiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. A.I. Gertsena Publ., 2014, pp. 59–61. (In Russ.).
3. Ivleva T.N. E-portfolio kak tekhnologiiia individual'no-orientirovannogo obrazovatel'nogo protsessa [E-portfolio as technology individually focused educational process]. *Pedagogicheskii menedzhment i progressivnye tekhnologii v obrazovanii. Sbornik statei XXVI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Pedagogical management and advanced technology in education. Collection of articles XXVI International scientific-practical conference]. Penza, Privolzhskii Dom znaniia Publ., 2014, pp. 23–26. (In Russ.).
4. Klassifikatsiia fitness-klubov v interesakh klienta [Classification of fitness – clubs in the interests of the client]. Available at: <http://s-bc.ru/news/klassifikacija-fitness-klubov-v-interesah-klienta.html> (In Russ.).
5. Panfilova A.P. Innovatsionnye pedagogicheskie tekhnologii: Aktivnoe obuchenie [Innovative educational technology: Active learning]. Moscow, Izdatel'skii tsentr Akademiia Publ., 2009. 192 p. (In Russ.).
6. Ryzhkin Iu.E. Fizicheskaia rekreatsiia v sfere dosuga cheloveka [Physical recreation in the area of human leisure]. *Teoriia i praktika fizicheskoi kul'tury* [Theory and Practice of Physical Culture], 2002, no 5. Available at: lib.sportedu.ru/Press/TPFK/2002N5/p17-19.html (In Russ.).
7. Saikina E.G. Fitnes v sisteme doskol'nogo i shkol'nogo fizkul'turnogo obrazovaniia. Avtoref. dis. doktora pedagogicheskikh nauk: 13.00.04 [Fitness in preschool and school sports education. Author diss. Doctor of pedagogical sciences: 13.00.04]. Sankt-Petersburg, 2009. Available at: <http://www.pandia.ru/text/78/327/77893-2.php> (In Russ.).

8. Saikina E.G., Smirnova V. Fitnes kak znachimoe sotsiokul'turnoe iavlenie [Fitness as a significant sociocultural phenomenon]. *Fitnes: stanovlenie, tendentsii i perspektivy razvitiia v Rossii: sb. mater. nauch.-prakt. konf., posviashch. 210-letiiu RGPU im. A.I. Gertsena, 60-letiiu fakul'teta fizicheskoi kul'tury* [Fitness: formation, trends and prospects of development in Russia: Sat. mater. scientific and practical. Conf., is dedicated. 210th anniversary RSPU. Herzen, the 60th anniversary of the Faculty of Physical Education]. Sankt-Petersburg, RGPU Publ., 2006, pp. 41–47. (In Russ.).
9. Fizicheskaia rekreatsiia kak mezhdistsiplinarnaia oblast' fizkul'turnogo obrazovaniia [Physical recreation as an interdisciplinary field of sports education]. Ed. K.N. Pruzhinin, M.V. Pruzhinina. Irkutsk, RGUFKSM i T Publ., 2011. 120 p. (In Russ.).

УДК 371

ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ СТУДЕНТОВ

Салазкина Лидия Павловна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры управления социальной сферы, Кемеровский государственный университет культуры и искусств, заслуженный работник культуры РФ (г. Кемерово, РФ). E-mail: kafedra359551@yandex.ru

В статье раскрывается опыт работы кафедры управления социальной сферы Кемеровского государственного университета культуры и искусств по производственно-профессиональной подготовке студентов. Раскрывается понятие терминов «практика», «производственная практика».

Обосновывается инновационный подход к оценке качества производственной практики. Дается описание реализации интегрированного механизма создания компетентностного подхода к освоению практических умений и навыков. Рассматривается система освоения профессиональных качеств менеджеров учреждения социально-культурной сферы и обосновывается необходимость освоения навыков практической деятельности в учреждении социально-культурной сферы во время прохождения производственной практики для дальнейшего трудоустройства выпускников вуза. В статье представлены некоторые подходы к совершенствованию практической подготовки высококвалифицированных специалистов, адаптированных к практической деятельности; совместной деятельности руководителей баз практики, профессорско-преподавательского состава КемГУКИ и разработки целевой программы производственной практики студентов.

Ключевые слова: практика, производственная практика, инновационный подход, квалифицированный работник, конкурентоспособность, компетенции, интегрированный, механизм.

EXPERIENCE AND PROSPECTS OF THE ORGANIZATION OF INDUSTRIAL PRACTICE OF STUDENTS

Salazkina Lidia Pavlovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent of Department of Management of Social Sphere, Kemerovo State University of Culture and Arts, Honored Worker of Culture of the Russian Federation (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: kafedra359551@yandex.ru

The article reveals the experience of the Department of Management of Social Sphere, Kemerovo State University of Culture and Arts in production-training students. The notion of the terms “practice,” “manufacturing practices.” It substantiates an innovative approach to assessing the quality of manufacturing practices, describes implementation of an integrated mechanism for the creation of competence-based approach to the development of practical skills. We consider a system development competencies of managers of social institutions in the cultural sphere and the necessity of development of practical skills in the establishment

of sociocultural sphere during the practical training for future employment of the university graduates. The paper presents some approaches to improving the practical training of highly qualified specialists, adapted to the practice, joint activity database managers practice, professors of KemGUKI and development programs aimed at students' practical training.

Keywords: practice, innovative approach, skilled worker, competitiveness, competence, integrated, mechanism.

Перед высшей школой культуры стоит задача подготовки специалистов, которые соответствовали бы требованиям «эпохи глобализации, информатизации, экономики знаний. Вуз призван не только вооружить будущего специалиста современными знаниями, но и обеспечить становление его профессиональной и личностной культуры, формирование специалиста в своем деле» [7].

Социально-культурная сфера за последние годы претерпела существенные изменения в связи с новыми социально-экономическими отношениями. Изменился состав посетителей учреждений социально-культурной деятельности, изменилась система управления, следовательно, и к практической подготовке специалистов появились новые требования. Стало необходимым подготовка квалифицированного работника, конкурентно-способного на рынке труда, компетентного, свободно владеющего своей профессией, способного к эффективной работе по специальности, готового к постоянному профессиональному росту, социальной и профессиональной мобильности. Для этого необходима не только теоретическая, но и практическая подготовка студентов.

Распоряжением правительства РФ одобрена Концепция развития образования в сфере культуры и искусства на 2008–2015 годы, в которой отмечена необходимость концептуального подхода к решению проблем образования, непрерывного совершенствования профессиональной компетенции всех, кто мотивирован на самореализацию в практической деятельности учреждения социальной сферы. Мы согласны с мнением Л. Н. Коченовой, которая считает, что в профессиональной подготовке менеджера социально-культурной деятельности необходимо владение не только научными и практическими знаниями, но и определенными умениями, приобрести которые в процессе изучения теоретических дисциплин невозможно. Для этого должны быть созданы условия, которые побуждали бы студентов к целенаправленному формированию нужных

умений. Необходима производственная практика как часть учебного процесса, предоставляющая возможность практического приобретения, закрепления и развития теоретических знаний, умений в области управления, овладения технологиями менеджмента. Практика, по определению С. И. Ожегова, – это «деятельность людей, в которой они, воздействуя на материальный мир в процессе производства, преобразуют его», используя «приемы, навыки, обычные способы какой-нибудь работы», применяя и закрепляя знания, полученные теоретическим путем. Практика это внеучебная деятельность, объединяющая теоретическое обучение и самостоятельную работу студента. Особую роль развитию личности во внеучебной деятельности отводили Дж. Дьюи, А. С. Макаренко, С. Т. Шатский и др. Самореализации посвящены труды Р. Бернса, И. С. Когана, И. В. Дубровиной и др. Практика является самой сложной формой учебного процесса как в организационном, так и в методическом плане. Сложность заключается в умении организаторов практики соединить интересы учреждения социально-культурной сферы и вуза, приспособить процесс обучения к практическим задачам.

В международных стандартах профильного образования делается акцент на увеличение часов практической подготовки и изменения содержания учебно-производственной практики в вузе с целью повышения качества профессиональной подготовки специалистов.

В соответствии с Федеральным Государственным образовательным стандартом на все виды практик и практической подготовки менеджеров социально-культурной деятельности отводится 14 недель из 132 недель, предусмотренных учебным планом на теоретическое и практическое обучение студентов, что составляет 10,6 % общего количества часов.

Дидактическими целями производственной практики является приобретение опыта самостоятельной деятельности, навыка работы по специ-

альности, овладение профессиональными компетенциями, которые позволяют сформировать профессиональные умения и навыки закрепления их при применении на практике.

На протяжении десятилетий на кафедре управления социальной сферы КемГУКИ идет поиск инновационных подходов к развитию умений, закреплению теоретических знаний в процессе практической апробации определенных методик управления учреждениями социально-культурной сферы. Ежегодно кафедра выпускает более 100 специалистов. За 19 выпусков общее число подготовленных специалистов более 2,5 тысяч человек. Деятельность выпускников высоко оценивается учреждениями, организациями территории Сибирского региона.

На кафедре сложилась система подготовки выпускников, которая ежегодно модернизируется и совершенствуется.

Одним из эффективных путей подготовки специалистов клубного дела явилось в свое время создание филиала кафедры на базе Дворца культуры производственного объединения «Азот».

Основная цель создания филиала – укрепление связей кафедры с практикой, повышение практической подготовки студентов, расширение базы для исследований, подбор абитуриентов из числа участников художественной самодеятельности и объединений по интересам.

Взаимоотношение между филиалом и кафедрой определялось «Положением о филиале кафедры», утвержденным ректором института и директором Дворца культуры «Азот». В Положении указаны цели и задачи филиала, его структура, права и обязанности.

Занятия студентов в филиале кафедры давали возможность изучить методы управления учреждениями культуры клубного типа, познакомиться с планированием работы учреждения, формами проведения занятий самостоятельных коллективов и технологией организации и проведения совещаний, планерок, заседаний Совета Дворца культуры.

Производственная практика проходила в течение трех месяцев. Студенты имели возможность по индивидуальной программе освоить не только должностные обязанности руководителей учреждения, но и его структурных подразделений. Итогом прохождения производственной практики был экзамен, который студенты сдавали,

выступая в роли руководителя учреждения или структурного подразделения, проводя совещание с сотрудниками Дворца культуры по вопросам готовности к очередному мероприятию.

В последующие годы при подготовке студентов к практической деятельности педагогами кафедры широко использовались активные методы обучения: деловые и ролевые игры, моделирование производственных ситуаций, круглые столы, решение производственных задач.

В настоящее время освоение программы производственной практики, готовность студентов включиться в активную жизнь баз практики отрабатывается через интерактивные формы познания тонкостей клубной работы, через освоение проектной деятельности учреждений культуры и внедрение собственных проектов внутри организации. Интегрированный механизм проведения производственной практики позволяет апробировать полученные знания, закрепить навыки управления персоналом базы практики. Стало традицией на кафедре управления социальной сферы по результатам производственной, преддипломной практик проводить учебно-практические конференции, на которых присутствуют студенты, педагоги кафедры, руководители практик, руководство института социально-культурных технологий, приглашенные руководители баз практик. Студенты рассказывают о производственной практике, о приобретенных навыках управления, о внедрении собственных проектов. Выступления студентов сопровождаются презентациями.

В свою очередь руководители баз практик, выступая на конференции, дают оценку уровню профессиональной подготовки студентов и их вкладу в совершенствование деятельности учреждения – базы практики. Дают советы, рекомендации, приглашают студентов-выпускников на работу.

Это приглашение очень необходимо учреждениям клубного типа. В Кемеровской области функционируют 687 клубных учреждений, в них работают 3577 специалистов, из которых специалистов по культуре только 1747 (48,8 %). Эти данные говорят о том, что учреждения клубного типа нуждаются в специалистах-профессионалах.

Дефицит квалифицированных кадров, специалистов сегодня является одним из основных факторов, сдерживающих темпы развития культуры региона.

Задача обеспечения учреждений социально-культурной сферы выпускниками находится в центре внимания руководителей вуза. Для решения проблемы обеспечения учреждений культуры конкурентоспособными специалистами необходимы совместные усилия руководителей баз практики, преподавателей и ученых.

В ФГОС ВПО нового поколения предусматривается широкое участие работодателей «в подготовке востребованных рынком труда специалистов: предписано их обязательное участие в проведении учебных занятий; итоговой государственной аттестации; осуществлении экспертизы образовательных программ; организации всех видов практик».

На сегодняшний день главная задача кафедры – выпуск конкурентоспособных, привлекательных для работодателя потенциальных работников, обладающих определенным набором компетенций.

Для совершенствования практической подготовки конкурентоспособных специалистов необходимо решение следующих задач:

1. Рассмотреть вопрос о заключении долгосрочных договоров с учреждениями социально-культурной сферы, организациями о проведении практики студентов на одной базе, включая три этапа: ознакомительная производственная, преддипломная практика.

2. Считаю, что настало время готовить не просто выпускников вуза с отличными оценками, с высоким качеством подготовки, а готовить кадры для учреждения, предприятия-заказчика. Тогда будет необходимость разрабатывать программу целевой подготовки, а качество подготовки может рассматриваться как способность удовлетворить требования к профессиональной деятельности в учреждении социально-культурной сферы.

3. Федеральным образовательным стандартом высшего профессионального образования по направлению подготовки «Менеджмент», квалификация «бакалавр», дается характеристика профессиональной деятельности бакалавров и требования к результатам освоения основных образовательных программ бакалавриата, в которых определены общекультурные (ОК) и профессиональные (ПК), компетенции, то есть применяется компетентностная модель выпускника с минимальным набором компетенций выпускника вуза,

необходимых для профессиональной деятельности, которые следует учитывать, разрабатывая целевую программу производственной практики.

4. Инновационным решением проблемы выпуска конкурентоспособных потенциальных работников учреждений социально-культурной сферы можно назвать систему профессиональных заказов от предприятий, управлений культуры на молодых специалистов. Каждый заказ должен содержать в себе не только элементы целевой контрактной подготовки специалиста, но и выполнение конкретных требований работодателя к уровню специалистов. Поэтому целевая подготовка высококвалифицированного специалиста с определенным набором компетенций под конкретное рабочее место может начинаться уже со 2-го курса.

5. Для целенаправленной организации производственной практики необходимо отделу практики вуза, заключая договор с базами практики, предоставлять им программы практик, обсуждая их цель и задачи. Руководителям практик от кафедры следует заранее обсудить с руководителем учреждения цели и задачи практики.

6. Ввести обязательный отчет студента в последний день производственной практики на собрании учреждения, организации, где озвучиваются положительные и отрицательные моменты прохождения практики, даются советы студенту, предоставляется характеристика с оценкой по результатам производственной практики.

Проходя производственную практику, студент получает дополнительную информацию о рынке востребованных компетенций и рынке профессий, получает возможность трудоустройства в организации, где проходил производственную практику.

Все виды практик охватывают основные аспекты учебной и производственной деятельности, в ходе которой студенты приобретают определенные профессиональные умения. Кроме того, все виды производственных практик тесно взаимодействуют, проникая одна в другую.

Внедрение предложенных технологий организации и проведения производственной практики позволит повысить взаимную ответственность как работодателей, так и профессорско-преподавательского состава кафедры управления социальной сферы.

Литература

1. Кайбийянен А. Корпоративная культура вуза и профессиональный имидж его выпускников // Высшее образование в России. – 2007. – № 9. – С. 71–77.
2. Когогин С. А., Ягудина Л. Р. Подготовка выпускников в образовательном кластере: модель оценки качества образования // Высшее образование в России. – 2014. – № 1. – С. 112–117.
3. Кудрина Е. Л., Бедин В. И. Состояние, проблемы и перспективы подготовки кадров в области библиотечно-информационной и социально-культурной деятельности с учетом компетентностного подхода в многоуровневом образовании // Вестн. КемГУКИ. – 2013. – № 22/1. – С. 201–211.
4. Кудрина Е. Л., Гук А. Г. Потребность работодателей в специалистах сферы культуры и удовлетворенность потребителей качеством образовательных услуг // Вестн. КемГУКИ. – 2013. – № 22/1. – С. 158–165.
5. Кулова Р. Из опыта работы центра содействия трудоустройству выпускников // Высшее образование в России. – 2008. – № 8. – С. 102.
6. Малошенок Н. Г., Десятко И. Ф. Эксперимент как метод изучения эффективности практик и нововведений в высшем образовании // Высшее образование в России. – 2013. – № 10. – С. 141–151.
7. Надаховская Т. А. Образовательная концепция высших профессиональных учебных заведений как основа карьерного роста в условиях рыночных отношений // Инновационные технологии обучения культурно-досуговой деятельности: сборник статей / под науч. ред. А. В. Жаркова. – М.: МГУКИ, 2004. – Вып. 5. – С. 103.
8. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 279-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/23125.html>

References

1. Kaibiiainen A. Korporativnaia kul'tura vuza i professional'nyi imidzh ego vypusnikov [Corporate culture of the university and the professional image of its graduates]. *Vysshee obrazovanie v Rossii [Higher education in Russia]*, 2007, no 9, pp. 71–77. (In Russ.).
2. Kogogin S.A., Iagudina L.R. Podgotovka vypusnikov v obrazovatel'nom klasterе: model' otsenki kachestva obrazovaniia [Preparing graduates in the education cluster: a model of assessing the quality of education]. *Vysshee obrazovanie v Rossii [Higher education in Russia]*, 2014, no 1, pp. 112–117. (In Russ.).
3. Kudrina E.L., Bedin V.I. Sostoianie, problemy i perspektivy podgotovki kadrov v oblasti bibliotечно-informatsionnoi i sotsial'no-kul'turnoi deiatel'nosti s uchetom kompetentnostnogo podkhoda v mnogourovnevnom obrazovanii [Status, problems and prospects of training in the field of library and information and socio-cultural activities with the competence approach in multilevel education]. *Vestnik KemGUKI [Bulletin of Kemerovo State University of Culture And Arts]*, 2013, no 22/1, pp. 201–211. (In Russ.).
4. Kudrina E.L., Guk A.G. Potrebnost' rabotodatelei v spetsialistakh sfery kul'tury i udovletvorennost' potrebitel'ei kachestvom obrazovatel'nykh uslug [Employer's need for specialists of culture and customer satisfaction quality of educational services]. *Vestnik KemGUKI [Bulletin of Kemerovo State University of Culture And Arts]*, 2013, no 22/1, pp. 158–165. (In Russ.).
5. Kulova R. Iz opyta raboty tsentra sodeistviia trudoustroistvu vypusnikov [Experience of the center to promote employment of graduates]. *Vysshee obrazovanie v Rossii [Higher education in Russia]*, 2008, no 8, p. 102. (In Russ.).
6. Maloshonok N.G., Deviatko I.F. Eksperiment kak metod izucheniia effektivnosti praktik i novovvedenii v vysshem obrazovanii [Experiment as a method of studying the effectiveness of practices and innovations in higher education]. *Vysshee obrazovanie v Rossii [Higher education in Russia]*, 2013, no 10, pp. 141–151. (In Russ.).
7. Nadakhovskaia T.A. Obrazovatel'naia kontseptsiiia vysshikh professional'nykh uchebnykh zavedenii kak osnova kar'ernogo rosta v usloviakh rynochnykh otноshenii [Educational concept of higher vocational education institutions as a basis for career growth in market conditions]. *Innovatsionnye tekhnologii obucheniia kul'turno-dosugovoi deiatel'nosti: sbornik statei. Pod nauch. red. A.V. Zharkova [Innovative technology training of cultural and leisure activities: a collection of papers. Scientific Ed. A.V. Zharkova]*. Moscow, MGUKI Publ., 2004, vol. 5, p. 103. (In Russ.).
8. Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii: Federal'nyi zakon ot 29.12.2012 № 279-FZ [On Education in the Russian Federation: Federal Law of 29.12.2012 № 279-FZ]. Available at: www.consultant.ru/law/hotdocs/23125.html (In Russ.).

УДК 378

КАРЬЕРА КАК УСЛОВИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ МОЛОДОГО ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА

Малкина Елена Алексеевна, кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой управления социальной сферы, Кемеровский государственный университет культуры и искусств, почетный работник общего образования РФ (Кемерово, РФ). E-mail: malkina-lena@yandex.ru

Соболевская Юлия Владимировна, преподаватель, кафедра управления социальной сферы, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (Кемерово, РФ). E-mail: juliausa@mail.ru

Статья посвящена актуальным проблемам профессионального развития молодых преподавателей и ученых в образовательных организациях высшего образования. В статье раскрываются понятие и цели формирования научно-педагогического резерва образовательной организации, дается характеристика молодых преподавателей как особой социальной категории, доказывается важность начальных ступеней карьеры, связанных с самоопределением молодого специалиста и приобретением им профессионально значимых качеств. Карьера молодого преподавателя представлена достижением поставленных целей в научно-педагогическом, должностном, статусном и материальном плане, сопровождаемым достижением целей образовательной организации. На основе анализа результатов исследования мотивации и отношения молодых преподавателей российских вузов к профессиональной научно-педагогической деятельности выделены внешние и внутренние условия, как способствующие становлению профессиональной карьеры, так и препятствующие её развитию. Указана важность содействия развитию карьеры молодого преподавателя со стороны профессионального сообщества. Анализ теории и практики управления персоналом в организации позволил определить следующие механизмы управления профессиональным развитием и карьерным ростом молодых преподавателей в вузе: стратегический, нормативно-правовой, организационно-экономический. Представлен пошаговый алгоритм составления индивидуальной программы построения карьеры молодого преподавателя, включающий проектирование результатов, описание путей достижения результатов, определение внешних условий, необходимых для достижения результатов, спроектированных молодым преподавателем.

Ключевые слова: научно-педагогический резерв образовательной организации высшего образования, молодые преподаватели, профессиональное развитие, карьера, механизмы управления карьерой, индивидуальная программа построения карьеры.

CAREER PLANNING AS A PROFESSIONAL DEVELOPMENT CONDITION OF A YOUNG HIGH SCHOOL TEACHER

Malkina Elena Alekseevna, Candidate of Pedagogical Science, Head of Department of Management of Social Sphere, Kemerovo State University of Culture and Arts, Honorary Worker of General Education Code (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: malkina-lena@yandex.ru

Sobolevskaya Yulia Vladimirovna, Lecturer, Department of Management of Social Sphere, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: juliausa@mail.ru

The article is devoted to actual problems of professional development of teachers and young scientists in educational institutions of higher education. The article describes the concept and purpose of the formation of scientific and pedagogical reserve in an educational organization, describes young teachers as a particular social category, proves the importance of the initial stages of career-related self-determination of young professionals and their acquiring the professionally significant qualities. The professional development refers to an active teacher of qualitative transformation of his inner world, determines his own path, which leads to an entirely new way of professional life. Professional development is a form of horizontal career of a specialist. Career of a young teacher is presented to the aims of scientific and pedagogical, office status, material terms, and followed by the achievement of the educational organization. It is based on the analysis results of the study of

motivation and attitudes of young teachers of Russian universities for professional scientific and pedagogical activity, marked external and internal conditions conducive to a professional career, and the obstacles to its development. The importance of promoting the careers of young teachers with the professional community. The theory analysis and practice of human resource management in the organization identifies the following mechanisms of management of professional development and career growth of young teachers in high school: a strategic, regulatory, organizational and economic. The presented algorithm is compiling an individual program of a young teacher's career, including the design results, description of the ways to achieve results, certain external conditions are needed to achieve results designed for a young teacher.

Keywords: scientific and pedagogical reserve of an educational organization of higher education, young teachers, professional development, career, career management mechanisms, individual career development program.

В современных социально-экономических и политических условиях российские образовательные организации высшего образования вынуждены действовать в жесткой конкурентной среде. Объектами конкуренции выступают финансирование, абитуриенты, преподавательские кадры. Повышение эффективности деятельности образовательной организации становится основным условием её выживания в качестве субъекта рынка образовательных услуг. Многие образовательные организации испытывают потребность в квалифицированных кадрах нового поколения, обладающих высоким исследовательским потенциалом, мотивированных на научные инновации. При оценке эффективности деятельности образовательной организации высшего образования одним из значимых показателей выступает профессиональный уровень молодых преподавателей и ученых до 36 лет. В последние годы многие вузы, по мнению экспертов, утратили свои ведущие позиции из-за острой нехватки молодых перспективных преподавателей.

Создание научно-педагогического резерва образовательной организации, частью которого являются молодые ученые и преподаватели, выдвинутые в силу соответствия своего трудового и научного потенциала на соискание более высоких ученых званий (степеней) и должностей (а также выпускники (студенты) и аспиранты, прошедшие отбор и подготовку с целью получения в перспективе штатной научно-педагогической должности), становится приоритетным направлением кадровой политики образовательной организации.

Цели образовательной организации высшего образования заключаются в осуществлении развития научно-педагогического персонала, обеспечении возможности замещения должностей наиболее подготовленными сотрудниками, со-

кращении сроков адаптации персонала. Создание оптимальной возрастной структуры профессорско-преподавательского состава вуза и влияние на динамику его развития, повышение качества управления подразделениями за счет создания подготовленного и проверенного на практике состава руководящих кадров, осуществление руководства и контроля за развитием персонала в направлениях повышения конкурентоспособности вуза также являются стратегическими целями формирования научно-педагогического резерва.

Особое внимание при этом уделяется профессиональному развитию молодых преподавателей и ученых, которые должны не только прийти на смену старшему академическому составу, но и внести свой вклад в развитие педагогической, методической и научной сфер вуза.

В научной литературе под профессиональным развитием понимается активное качественное преобразование преподавателем своего внутреннего мира, определение собственного пути, приводящее к принципиально новому способу профессиональной жизнедеятельности. Фактором профессионального развития является внутренняя среда личности, ее активность, потребность в самореализации. Объектом профессионального развития и формой реализации творческого потенциала человека в профессиональном труде являются интегральные характеристики его личности: профессиональная направленность, профессиональная компетентность и эмоциональная (поведенческая) гибкость [3].

Профессиональное развитие является одной из разновидностей горизонтальной карьеры специалиста. Считаем важным отметить, что профессиональное развитие молодого преподавателя не будет эффективным, если возможности получить продвижение по карьерной лестнице будут огра-

ничены. При этом возрастает важность именно начальных ступеней профессиональной карьеры, связанных с самоопределением и приобретением им профессионально значимых качеств.

М. Плугина [8] определяет три основных этапа профессионального становления преподавателя высшей школы: 1) этап адаптации; 2) этап профессионально мастерства; 3) этап профессионализации. Именно на первом этапе происходит осмысление молодым преподавателем сущности научно-преподавательской деятельности как феномена, освоение новой социальной роли, формирование профессионально значимых личностных характеристик.

Учитывая важность карьеры, как для организации, так и для индивида, вопросам ее развития посвящен ряд исследований. Значительная часть из них направлена на исследование содержания карьеры, ее видов, типов, этапов развития и не изучает современные представления работников о карьере, побудительные причины карьерных стремлений и их согласованность с методами управления карьерой в организации.

Процесс становления управления карьерой как широкой практической деятельностью рассматривается в работах Т. Базарова, Н. Егоренковой, А. Егоршина, П. Журавлева, А. Кибанова, В. Маслова, Е. Молл, А. Крылова, Ю. Одегова, С. Сотниковой и др. Проблемы развития кадрового потенциала, мотивации и стимулирования персонала нашли отражение в трудах Н. Беяцкого, А. Березовского, И. Болотина, К. Галкина, Л. Гохберга, Г. Зайцева, А. Иванова, Р. Капелюшника, А. Кибанова, Н. Ковалевой, А. Маслоу, Л. Миндели, Д. Новикова, С. Сотниковой, А. Чепуренко, Г. Черкасской.

В современной научной литературе существует множество определений понятия «карьера», каждое из которых отражает определенную сторону этого феномена. Это многообразие дефиниций характеризует карьеру как сложное, многоаспектное явление.

Ряд исследователей, в частности А. Я. Кибанов, Г. Г. Зайцев, Г. В. Черкасская, отождествляют данный термин с продвижением человека в какой-либо сфере деятельности, приводящим к прогрессу в отношении его социального статуса и материального положения. Н. П. Беяцкий считает, что карьера – это продвижение по иерархической ступени организации. Н. А. Егоренкова рассматривает карьеру, как совокупность занимаемых

должностей на протяжении трудовой жизни работника. С. И. Сотникова рассматривает карьеру как накопление и использование человеческого капитала на протяжении рабочей жизни человека. Тем не менее, все определения карьеры в своей основе опираются на динамику конкурентоспособности личности: карьерный маршрут, карьерный путь, карьерограмма, играющей большую роль в деле достижения целей карьеры, являясь движущей силой, важным элементом целеполагания субъекта карьеры и планирования организацией карьеры своих работников.

Обобщив приведенные выше подходы, можно определить карьеру молодого преподавателя как достижение поставленных целей в профессиональном, должностном, статусном и материальном плане, сопровождаемое достижением целей образовательной организации.

Как отмечает О. Шабанова [14], эволюция личностного и профессионального потенциала ученого-преподавателя зависит от состояния разработанности нормативно-правовой базы; наличия научной школы, в рамках которой происходит становление профессиональной деятельности ученого-преподавателя; наличия сформированной академической среды, благоприятного социально-психологического климата вуза; высокого уровня личностной самоорганизации молодого преподавателя вуза.

По данным социологических исследований, проводимых в российских вузах, молодые преподаватели выделяют такие стимулы карьерного роста как: возможность самореализации; полнота использования собственного потенциала; гибкий график; приемлемая конкуренция по сравнению с частным сектором; возможность получения признания в зависимости от достигнутых успехов; высокий социальный статус, надежность работы в государственном учреждении [6].

В качестве препятствий для карьерного роста отмечаются, в первую очередь, отсутствие (в некоторых случаях, незнание) разработанных и реализуемых вузом стратегических и нормативно-правовых документов (локальных актов), регулирующих вопросы профессионального развития, в том числе карьеры, молодых преподавателей в вузе, формирования кадрового резерва из числа молодых преподавателей и ученых; консерватизм некоторых авторитетных преподавателей, исследователей и управленцев; подавление инициативы молодого преподавателя руководителем

структурного подразделения; длительный срок, который необходим, чтобы заслужить признание коллег и др. Несмотря на то, что научная составляющая деятельности рассматривается вузами в качестве преобладающей, молодые преподаватели отметили, что на практике осуществляют в основном педагогическую деятельность, это связано с тем, что высокая нагрузка не оставляет им времени для проведения научных исследований.

Также выделяются факторы, препятствующие возможности реализации профессиональной мобильности молодого преподавателя в вузе: несоответствие между доходом и выполняемой нагрузкой, необходимость поиска внешних источников финансирования для повышения квалификации, получения высшего образования в аспирантуре или магистратуре, публикацию статей в ведущих научных изданиях и т. п.; невысокое социальное положение, обусловленное низким уровнем доходов, отсутствием нормальных жилищных условий и т. д.

Таким образом, актуальность разработки механизмов привлечения и удержания молодых преподавателей в вузе, управления их карьерой является очевидной.

Анализ теории и практики управления персоналом в организации позволил выделить следующие механизмы управления профессиональным развитием и карьерным ростом молодых преподавателей в вузе: стратегический, нормативно-правовой, организационно-экономический.

В зависимости от поставленных целей, *стратегический механизм* управления профессиональным развитием и развитием карьеры молодых преподавателей в вузе приобретает свойства долго- или кратковременного действия. Так, например, это может быть программно-целевая стратегия с механизмом управления, основанная на целевой комплексной программе достижения цели организации: «Программа стратегического развития вуза», «Концепция молодежной политики вуза»; «Концепция кадровой политики», «Концепция формирования кадрового резерва» и т. п.

Для каждой конкретной организации стратегический механизм управления (МехУ) формируется из элементов [10]: МехУ = (ЦУ, КУ, ФкУ, МУ, РУ), где:

- ЦУ – цели управления;
- КУ – критерии управления;
- ФкУ – факторы управления;

МУ – методы воздействия на данные факторы управления;

РУ – ресурсы управления.

Нормативно-правовой механизм включает разработку на основе федерального законодательства нормативных правовых (локальных) актов образовательной организации высшего образования, регулирующих функции, задачи и направления кадровой работы в вузе; методических указаний и рекомендаций по совершенствованию функционирования системы привлечения и удержания молодых ученых и преподавателей в вузе, управления развитием их карьеры.

Элементами *организационно-экономического механизма* являются: планирование кадровых ресурсов образовательной организации высшего образования; экономическое стимулирование; организационная структура; система руководства осуществлением плановых показателей.

Важнейшим источником содействия молодому преподавателю в развитии карьеры в вузе является *социальная среда (карьерная среда)*. В карьерной среде происходит становление профессиональной идентичности молодого преподавателя, его включение в профессиональное сообщество, с устоявшимися нормами, отношениями, внутренними процессами. Включение в профессиональное сообщество сопровождается усвоением его культуры, четким пониманием не только своих перспектив на краткосрочный и долгосрочный периоды, но и того, каких показателей молодой преподаватель должен добиться, чтобы рассчитывать на продвижение. Для молодого преподавателя такое четкое изложение условий достижения тех или иных результатов является средством осознания мотивов профессиональной карьеры, определения предпосылок (наличия определенных средств, поддержки, возможностей консультироваться, обсуждать, советоваться и т. п.), без которых невозможно достичь ожидаемого результата.

По нашему мнению, *содействие* развитию карьеры молодого преподавателя *со стороны профессионального сообщества* должно проявляться в поддержке научно-педагогического развития молодого преподавателя (школа молодого преподавателя, наставничество; стажировки; делегирование определенных полномочий молодому преподавателю, выполнение им новых профессиональных ролей; разнообразные спо-

собы оценки и учета личных достижений молодого преподавателя (конкурсы, публичные выступления, гранты и т. п.), а также в совместной деятельности заведующего кафедрой и молодого преподавателя по проектированию перспектив его карьерного роста.

Реализация данной функции заведующего кафедрой может осуществляться посредством методического и аналитического сопровождения отдельных этапов карьеры; диагностики научно-педагогического потенциала преподавателя; изучения вектора профессиональной направленности преподавателя: уровня притязаний и самооценки, мотивации к достижениям, ценностных ориентаций, социально-профессиональных установок; составления совместно с преподавателем карьерной стратегии.

Карьерная стратегия молодого преподавателя рассматривается нами как разработанная и реализуемая им индивидуальная программа, соответствующая его карьерным мотивам и целям, основными принципами которой являются индивидуальность; заинтересованность в развитии карьеры; стимулирование и финансирование развития карьеры; социально-психологический комфорт и удовлетворенность работой; объективность.

Пошаговый алгоритм составления *индивидуальной программы построения карьеры* молодого преподавателя включает: 1) *проектирование результатов* (исходя из понимания личной и социальной ценности; внутренних ресурсов молодого преподавателя; собственных представлений об ожидаемых результатах, возможности их корректировок); 2) *описание путей достижения* результатов за счет выработки стратегии своих действий и тактики взаимодействия с коллегами по достижению ожидаемых результатов; 3) *определение* молодым преподавателем *внешних условий*, необходимых и достаточных для достижения спроектированных результатов.

Таким образом, спроектированные *стратегические, нормативно-правовые, организационно-экономические механизмы* управления их профессиональным развитием и карьерным ростом, содействие карьере молодого преподавателя со стороны профессионального сообщества вуза, детально разработанная *индивидуальная программа построения карьеры* молодого преподавателя являются основополагающими для разработки стратегии привлечения и удержания молодых преподавателей в вузе, формирования научно-педагогического резерва образовательной организации высшего образования.

Литература

1. Гомза Т. Преподаватель: проблемы самоидентификации // Высшее образование в России. – 2005. – № 1. – С. 133.
2. Зайцев Г. Г., Черкасская Г. В. Управление деловой карьерой: учеб. пособие. – М.: Академия, 2007. – С. 28.
3. Захарова Е. А. Требования к профессиональному развитию педагогов в условиях последилового образования // Молодой ученый. – 2011. – № 3, Т. 2. – С. 115–117.
4. Кудрина Е. Л., Гук А. Г. Потребность работодателей в специалистах сферы культуры и удовлетворенность потребителей качеством образовательных услуг // Вестн. КемГУКИ. – 2013. – № 22/1. – С. 158–165.
5. Лещина М. А. К вопросу актуальности стимулирования преподавателей Российской высшей школы [Электронный ресурс] // Управление персоналом. – 2008. – № 21. – URL: <http://www.top-personal.ru/issue.html?1792> (дата обращения: 12.11.13).
6. Могилёвкин Е. А. Организационно-психологическая технология сопровождения карьеры молодого специалиста (карьерный тьюторинг) // Трудоустройство и карьера выпускников вузов: актуальность и перспективы / науч. ред. Е. А. Могилёвкин. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2005. – С. 166–181.
7. Назарова И. Б. Кадровые стратегии российских вузов – лидеров: планы и реализация [Электронный ресурс]. – М., 2011. – URL: <http://www.hse.ru> (дата обращения: 12.11.13).
8. Плугина М. И. Акмеологическая модель профессионального становления преподавателя высшей школы: учеб.-метод. пособие. – Ставрополь: ГОУВПО СевКавГТУ, 2008. – 48 с.
9. Сафонова О. М. Особенности профессиональной мотивации преподавателей экономических вузов // Высшее образование в России. – 2009. – № 9. – С. 152–156.
10. Скарач О. Н. Специфика научной мотивации молодых преподавателей региональных вузов: по материалам социологического исследования [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 2. – URL: www.science-education.ru/108-9125 (дата обращения: 25.09.14).

11. Стратегическое управление [Электронный ресурс] // Центр управления финансами. – URL: <http://center-yf.ru/> (дата обращения: 25.09.14).
12. Сытник Н. Мотивационный подход к оценке карьеры // Управление персоналом. – 2008. – № 6. – С. 33.
13. Федеральная целевая комплексная программа «Научные и научно–педагогические кадры инновационной России» на 2014–2020 годы [Электронный ресурс] // Государственная программа РФ «Развитие науки и технологий». – URL: <http://www.fcprk.ru/>
14. Шабанова О. В. Социально-педагогические условия становления научно-педагогической деятельности преподавателя высшей школы: (На мат-ле клас. ун-та [Электронный ресурс]): автореф. дис. ... канд. пед. наук: спец. 13.00.01 [Воронеж. гос. ун-т]. – Воронеж: 2002. – URL: <http://leb.nlr.ru/edoc/160010> (дата обращения: 25.09.14).

References

1. Gomza T. Prepodavatel': problemy samoidentifikatsii [Teacher: Issues of identity]. *Vysshee obrazovanie v Rossii [Higher education in Russia]*, 2005, no 1, p. 133. (In Russ.).
2. Zaitsev G.G. Upravlenie delovoi kar'eroi: ucheb. posobie [Management business career: Proc. allowance]. – Moscow, Akademiia, Publ. 2007, p. 28. (In Russ.).
3. Zakharova E.A. Trebovaniia k professional'nomu razvitiuu pedagogov v usloviiakh posle diplomnogo obrazovaniia [Requirements for the professional development of teachers in the conditions of post-graduate education]. *Molodoi uchenyi [Young scientist]*, 2011, no 3, vol. 2, pp. 115–117. (In Russ.).
4. Kudrina E.L., Guk A.G. Potrebnost' rabotodatelei v spetsialistakh sfery kul'tury i udovletvorennost' potrebiteli kachestvom obrazovatel'nykh uslug [Employer's need for specialists of culture and customer satisfaction quality of educational services]. *Vestnik KemGUKI*, 2013, no 22/1, pp. 158–165. (In Russ.).
5. Leshina M.A. K voprosu aktual'nosti stimulirovaniia prepodavatelei Rossiiskoi vysshei shkoly [On the question of the relevance of stimulating teachers of Russian university education]. *Upravlenie personalom [Personnel Management]*, 2008, no 21. Available at: <http://www.top-personal.ru/issue.html?1792>. (accessed 12.11.13). (In Russ.).
6. Mogilevkin E.A. Organizatsionno-psikhologicheskaiia tekhnologiia soprovozhdeniia kar'ery molodogo spetsialista (kar'ernyi t'iutoring) [Organizational and psychological technology support young professional career (career tutoring)]. *Trudoustroistvo i kar'era vypusknikov vuzov: aktual'nost' i perspektivy [Employment and careers of graduates: the relevance and prospects]*. Vladivostok, VGUES Publ., 2005, pp. 166–181. (In Russ.).
7. Nazarova I.B. Kadrovye strategii rossiiskikh vuzov – liderov: plany i realizatsiia [Staffing strategies of Russian universities – leaders: plans and implementation]. Moscow, 2011. Available at: www.hse.ru. (accessed 12.11.13). (In Russ.).
8. Plugina M.I. Akmeologicheskaiia model' professional'nogo stanovleniia prepodavatel'ia vysshei shkoly: uchebno-metodicheskoe posobie [Akmeological model of professional development of high school teacher: teaching aid]. Stavropol', SevKavGTU Publ., 2008. 48 p. (In Russ.).
9. Safonova O.M. Osobennosti professional'noi motivatsii prepodavatelei ekonomicheskikh vuzov [Features of professional motivation of teachers of economic institutions]. *Vysshee obrazovanie v Rossii [Higher education in Russia]*, 2009, no 9, pp. 152–156. (In Russ.).
10. Skrauch O.N. Spetsifika nauchnoi motivatsii molodykh prepodavatelei regional'nykh vuzov: po materialam sotsiologicheskogo issledovaniia [Specificity scientific motivation of young teachers from regional universities: based on sociological research]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia [Modern problems of science and education]*, 2013, no 2. Available at: www.science-education.ru/108-9125. (accessed 25.09.14). (In Russ.).
11. Strategicheskoe upravlenie [Strategic Management Center]. *Tsentr upravleniia finansami [Financial management]*. Available at: <http://center-yf.ru/> (accessed 25.09.14). (In Russ.).
12. Sytnik N. Motivatsionnyi podkhod k otsenke kar'ery [Motivational approach to assessing career]. *Upravlenie personalom [Personnel Management]*, 2008, no 6, p. 33. (In Russ.).
13. Federal'naia tselevaia kompleksnaia programma “Nauchnye i nauchno-pedagogicheskie kadry innovatsionnoi Rossii” na 2014–2020 gody [Federal Target comprehensive program “Scientific and scientific-pedagogical personnel of innovative Russia” for 2014–2020]. *Gosudarstvennaia programma RF “Razvitie nauki i tekhnologii” [The Russian State Program “Development of Science and Technology”]*. Available at: <http://www.fcprk.ru/> (In Russ.).
14. Shabanova O.V. Sotsial'no-pedagogicheskie usloviia stanovleniia nauchno-pedagogicheskoi deiatel'nosti prepodavatel'ia vysshei shkoly: (Na materiale klassicheskogo universiteta): Avtoref. dis. kandidata pedagogicheskikh nauk: Spets. 13.00.01. [Social-pedagogical conditions of formation of scientific and pedagogical activity of the teacher of high school: (On a material classical. Univ). dis. cand. ped. sci.: 13.00.01]. Voronezh, 2002. Available at: <http://leb.nlr.ru/edoc/160010>. (accessed 25.09.14). (In Russ.).

УДК 374.7

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА В ВЫСШЕМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Бучилина Татьяна Павловна, аспирант, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: bu4ilina@yandex.ru

Для формирования компетентного специалиста необходимо применять методы и технологии, развивающие, прежде всего, познавательную и коммуникативную активность нынешних студентов, воспитывать стремление к постоянному самообразованию, быть готовым к большим нагрузкам, уметь выходить из стрессовых ситуаций, владеть современными технологиями и понимать возможность их применения. Сама система образования должна формировать такие новые качества выпускника как инициативность, мобильность, гибкость, инновационность, динамизм и конструктивность.

Компетентностный подход предполагает не только усвоение отдельных друг от друга знаний, умений и овладение ими в комплексе, но и наличие опыта как потенциала профессиональной деятельности и соответствующих ресурсов, например, стратегий поведения в разных жизненных и производственных ситуациях, в профессиональных и социальных условиях.

Реализация компетентностного подхода должна предусматривать широкое использование в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий (игры, кейс-технологии, дискуссии, тренинги, презентации, метод-проектов). Изменение вектора образовательного процесса с подхода, основанного на знаниях, на практико-ориентированный подход к результатам образовательного процесса, неизбежно привело к постановке проблемы технологий и методов обучения, которыми эта практико-ориентированность будет достигаться. Первостепенную роль в достижении поставленных целей играют активные и интерактивные формы и методы обучения.

Компетентностный подход будет востребован, где главенствуют требования к нарастанию социально-экономической эффективности образования, обновлению и развитию кадрового ресурса российского общества. Однако проблема кроется в том, что стратегия внедрения компетентностного подхода должна соотноситься с уже признанными научными разработками и происходящими преобразованиями в экономическом, социально-психологическом, нормативно-правовом направлениях, а также внутренними проблемами и рисками развития российского образования.

Ключевые слова: высшее профессиональное образование, компетентностный подход, компетенция, бакалавр, магистр, общекультурные компетенции, профессиональные компетенции.

ABOUT THE CHARACTERISTICS OF COMPETENCE-BASED APPROACH IN HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION

Buchilina Tatyana Pavlovna, Post-Graduate Student, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: bu4ilina@yandex.ru

For the formation of a competent professional, there should be applied methods and technologies developing primarily cognitive and communicative activity of current students to build the desire for continuous learning, be prepared for heavy loads of work, ability to get out of stressful situations, be fluent in modern technologies and understand their applicability. The education system itself should form such a new quality graduate as initiative, mobility, flexibility, innovation, dynamism and constructivity.

Competence approach involves not only mastering the individual skills from each other knowledge and complex mastery, but also have experience as a potential professional activities and related resources, such as behavioral strategies in different life and work situations in professional and social settings.

Implementation of competence-based approach should include the widespread use of active and interactive forms of activity (games, case-based technologies, discussions, workshops, presentations and methodological projects) in the educational process. Change of the vector of the educational process with an approach based on the knowledge in practice-oriented approach to the results of the educational process, inevitably led to the problem of technology and teaching practice-oriented methods, which will be achieved. A primary role in achieving the goals to play an active and interactive forms and methods of teaching.

Competence approach will be needed, where prevail requirements to an increase in social and economic benefits of education, updating and development of human resources in Russian society. However, the problem lies in the fact that the strategy for the implementation of competence-based approach should be correlated with the already recognized scientific developments and transformations taking place in the economic, social, psychological, legal areas, as well as internal problems and the risk of development of Russian education.

Keywords: higher professional education, competence-based approach, competence, bachelor, master, cultural competence, professional competence.

В новых социально-экономических условиях одной из актуальных проблем российского образования является повышение качества обучения, которое направлено на повышение конкурентоспособности специалистов, обновление содержания и технологий обучения. Вопрос о качестве подготовки специалистов сегодня свелся к вопросу о переходе от «знаниевого», или «квалификационного», подхода к «компетентностному». При этом цель профессионального образования в вузе, основанного на компетенциях, является первостепенной для установления соответствия между содержанием обучения и характером производственной деятельности, между знаниями, умениями, навыками, получаемыми в результате освоения образовательных программ, и «реальными» задачами и проблемами [18].

Для формирования компетентного специалиста необходимо применять методы и технологии, развивающие, прежде всего, познавательную и коммуникативную активность нынешних студентов, воспитывать стремление к постоянному самообразованию, быть готовым к большим нагрузкам, уметь выходить из стрессовых ситуаций, владеть современными технологиями и понимать возможность их применения. Сама система образования должна формировать такие новые качества выпускника, как инициативность, мобильность, гибкость, инновационность, динамизм и конструктивность [20].

Исследуя информацию по данной проблеме, можно увидеть всю многогранность, сложность и неоднозначность формулировки понятий «ком-

петенция» и «компетентность», а также основанного на них подхода к процессу и результату образования.

Компетентность – это, прежде всего, общая способность и готовность личности к профессиональной деятельности, основанные на знаниях и умениях, которые приобретены благодаря обучению, ориентированы на самостоятельное участие личности в учебно-познавательном процессе и направлены на ее успешную интеграцию в социум.

Компетенция – это способность применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в определенной области. Компетенции и результаты образования рассматриваются как главные целевые установки в реализации ФГОС ВПО, как интегрирующие начала «модели» выпускника. Сама компетентностная модель выпускника, с одной стороны, охватывает квалификацию, связывающую будущую его деятельность с предметами и объектами труда, с другой стороны, отражает междисциплинарные требования к результату образования [3].

Историческая справка. Май 1998 года – Сорбонская декларация подписана Францией, Германией, Италией, Великобританией – «гармонизация архитектуры европейской системы высшего образования». 19 июня 1999 года в Болонье министры образования 29 государств подписали Декларацию о европейском регионе высшего образования. В октябре 2003 года в Берлине Россия присоединилась к Болонскому соглашению. В настоящее время к Декларации присоединилось около 40 государств Европы [2].

Основные цели реформирования европейского образования в свете процессов глобализации были определены следующим образом: ввести сопоставимые системы многоуровневого высшего образования (бакалавр-магистр). Ввести систему учета объема изучаемых дисциплин, создать систему контроля качества и аттестации (аккредитации) образовательных программ и вузов, внедрить в вузах внутренние системы и механизмы контроля качества учебного процесса с участием студентов, преподавателей и внешних экспертов, ввести единую форму приложения к диплому о высшем образовании [1].

В содержании высшего профессионального образования находятся компоненты, о которых следует помнить: 1) знания; 2) умения и навыки; 3) опыт деятельности (нормативной и творческой); 4) опыт эмоционально-ценностных отношений [17].

В накопленном опыте педагогической теории и практики разработанные технологии позволяют говорить об актуальности всех областей содержания образования.

Переход законодательно оформлен и осуществляется в свете обязательств, которые на себя приняла Россия после вхождения в Болонский процесс. Речь идет об унификации подготовки специалистов по программам высшего профессионального образования. Цели прозрачны и прагматичны: сформировать открытый рынок труда, на котором дипломы специалистов из разных стран были бы равнозначны. А значит надо повсеместно вводить единую систему обучения. Подходящим было признано сочетание бакалавриата (четыре года обучения) и магистратуры (два года обучения). После окончания каждой ступени студент получает диплом [2].

Бакалавр – первый уровень академического высшего профессионального образования, целью которого является подготовка специалистов, владеющих различными функциями управления. Магистр – второй уровень академического высшего профессионального образования, предусматривает более глубокое освоение теории по выбранному профилю и подготовку студента к научно-исследовательской деятельности по выбранному направлению.

В Федеральном государственном образовательном стандарте ВПО говорится о первых –

общекультурных компетенциях (ОК), которые являются переносимыми и менее жестко привязанными к объекту и предмету труда. Вторые – профессиональные компетенции (ПК) – отражают профессиональную квалификацию. Они различаются для разных направлений подготовки (специальностей). Компетентностная ориентация рабочей программы учебной дисциплины в составе ООП, реализующей ФГОС ВПО, подразумевает ее дополнение в части ожидаемых результатов, что проявляется:

- в разработке результатов образования, которые должны быть достигнуты к завершению дисциплины (четко определенных и размещенных в свободном доступе для основных потребителей и заинтересованных сторон: студентов, работодателей, преподавателей);

- в проектировании содержания и технологий образования, обеспечивающих достижение ожидаемых результатов образования;

- в проектировании средств и процедур оценки, адекватных установленным результатам образования, а также индивидуальных оценочных средств для студентов, позволяющих им удостовериться, что ожидаемые результаты достигаются [3].

Помимо традиционных требований в состав учебной программы, дисциплины вносится следующая информация:

- перечень результатов образования, формируемых дисциплиной с указанием уровня их освоения, и соответствующих компетенций;

- матрица распределения компетенций по разделам и темам учебной дисциплины;

- перечень основных образовательных технологий (форм, методов обучения, типовых задач), используемых для формирования компетенций/ групп компетенций;

- перечень форм, методов, типовых заданий для контроля и самооценки уровня сформированности заявленных в программе дисциплины результатов образования (компетенций) [18].

Результаты образования (компетенции) выражаются в терминах порогового (минимального, необходимого) уровня, который, как ожидается, должен быть достигнут студентами по завершению изучения дисциплины. Следует обратить внимание на формулировки, выражающие ориентацию дисциплины (модулей) на результаты

образования и компетенции: студенты (выпускники) «должны демонстрировать...»; «могут применить...»; «обладают умением...»; «могут передавать...»; «выработали навыки...».

Формулирование предполагаемых к освоению компетенций (результатов образования) по дисциплине, модулю и отдельной теме рассмотрим с использованием следующей их классификации:

- *знание и понимание* (отражаются основные понятия и представления, характеризующие сущность освоения (воспроизведения и понимания) теоретических основ тем модуля, например: знает и четко различает целевые задачи для будущей успешной профессиональной деятельности);

- *интеллектуальные навыки* (студенты должны уметь анализировать виды взаимодействия между объектами материального мира, в области интеллектуальных навыков могут быть выражены, например: анализировать структуры отдельных технических средств – моделирование характеристик);

- *практические навыки* (например: использовать полученные знания для формулирования требований к отдельным элементам, студенты должны демонстрировать навыки выбора и применения параметров, характеризующих технологии);

- *переносимые* (ключевые) *навыки* (корректно участвовать в дискуссиях со смежными специалистами, например: доказывать обоснованность своих суждений в части выбора обобщенной структуры (метода исследования), студенты должны иметь навыки и знания для выбора наиболее эффективных инноваций) [4].

В процессе освоения дисциплин студент приобретает (развивает) следующие компетенции:

1. Готовность к освоению общепрофессиональных и специальных дисциплин профиля подготовки.

2. Способность к анализу и синтезу научных основ информации о научных и практических достижениях.

3. Готовность на базе полученной информации к решению задач по обоснованию перспектив реализации проектов, возникающих в учебной и профессиональной деятельности.

4. Способность к организации и планированию своей деятельности, развивающаяся в про-

цессе освоения дисциплины, в частности, посещения лекций, своевременного выполнения комплекса лабораторных и практических работ, домашних заданий, тестов и контрольных работ.

Для каждого учебного модуля разрабатываются: цели и задачи модуля, методы преподавания модуля, требования к результатам освоения модуля.

Путь реализации образовательной программы в логике компетентного подхода выглядит следующим образом: от компетенций уровня освоения темы – через компетенции уровня освоения модуля – к компетенциям уровня освоения дисциплины [13].

Компетентный подход предполагает не только усвоение отдельных друг от друга знаний и умений и овладение ими в комплексе, но и наличие опыта как потенциала профессиональной деятельности и соответствующих ресурсов, например, стратегий поведения в разных жизненных и производственных ситуациях, в профессиональных и социальных условиях.

Реализация компетентного подхода должна предусматривать широкое использование в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий (игры, кейс-технологии, дискуссии, тренинги, презентации методпроектов). Изменение вектора образовательного процесса с подхода, основанного на знаниях, на практико-ориентированный подход к результатам образовательного процесса, неизбежно привело к постановке проблемы технологий и методов обучения, которыми эта практико-ориентированность будет достигаться. Первостепенную роль в достижении поставленных целей играют активные и интерактивные формы и методы обучения.

По мнению Ю. В. Гущина, «интерактивные методы обучения наиболее соответствуют личностно-ориентированному подходу, так как они предполагают со-обучение (коллективное, обучение в сотрудничестве), причем и обучающийся, и педагог являются субъектами учебного процесса. Педагог чаще выступает лишь в роли организатора процесса обучения, лидера группы, создателя условий для инициативы учащихся. Интерактивное обучение основано на собственном опыте обучающихся, их прямом взаимодействии с областью осваиваемого профессионального опыта. Обучение с использованием интерактивных обра-

зовательных технологий предполагает отличную от привычной логику образовательного процесса: не от теории к практике, а от формирования нового опыта к его теоретическому осмыслению через применение» [7].

Само обсуждение компетентного подхода, безотносительно специфических представлений и интерпретаций, погружено в особый культурно-образовательный контекст, заданный следующими тенденциями российского образования в последнее десятилетие:

- утрата единства и определенности образовательных систем, формирование рынка труда и связанного с ним рынка образовательных услуг;
- вариативность и альтернативность образовательных программ, возрастание конкуренции и коммерческого фактора в деятельности образовательной системы;
- изменение функции государства в образовании: от тотального контроля и планирования – к общей правовой регуляции возникающих в образовании отношений;
- перспективы интеграции российского образования и российской экономики, в целом, в международную (в частности, европейскую) систему разделения труда [16].

Обобщая исследования по данному вопросу, можно сделать несколько выводов: несмотря на видимую общность некоторых элементов компетентного подхода и традиционных для российской педагогики представлений об умениях и навыках, эти феномены концептуально различны. На философском уровне мы можем говорить о том, что российская теория и практика профессионального образования (особенно в высшей школе) в большей степени связана с классической университетской традицией, находящей свое обоснование в идеях платонизма, новоевропейского рационализма, философии культуры и др.

Однако компетентный подход укоренен в неклассических представлениях позитивизма и прагматизма, современной теории менеджмента, тестологии. Несмотря на кажущуюся абстрактность, приведенное различие оказывает значимое влияние и на структуру описательных процедур. Так, российское педагогическое сознание в большинстве используемых концепций основным элементом содержания являются объекты и знания о них. Соответственно и компе-

тенция в российском смысле определяется как способ деятельности в отношении определенных объектов [2].

Если же обратиться к американскому опыту формулировки компетентностных моделей, то здесь на первый план выходит действие, операция, соотносящиеся не с объектом (реальным или идеальным), но с ситуацией, проблемой. Соответственно, объекты приобретают совершенно иной статус: это уже не естественные феномены, которые должны быть опознаны, описаны и классифицированы, но рукотворные свидетельства овладения соответствующей компетенцией (планы, отчеты, аналитические записки) [6].

Еще более значительно различается контекст и инфраструктура аутентичных версий компетентного подхода и обсуждаемых в российском образовательном контексте моделей. В действительности, различны сами пространства концептуализации: в нашем случае речь идет о необходимости научного обоснования соответствующих понятий, в то время как американская ситуация предполагает определение компетенций в рамках многостороннего социального диалога.

Несколько обобщая, можно утверждать, что понятия компетентности и компетенции трактуются в российской педагогической культуре классическим образом, то есть как идеальные сущности, подлежащие изъяснению и осмыслению. В то же время компетентность в западной культуре рассматривается как неклассический феномен, укорененный в общественной образовательной практике и отражающий существующий баланс интересов общества (в меньшей степени, государства), образовательных институтов, работодателей, а также потребителей услуг.

Компетентностный подход будет востребован при условии главенства требований к нарастанию социально-экономической эффективности образования, обновлению и развитию кадрового ресурса российского общества. Однако проблема кроется в том, что стратегия внедрения компетентного подхода должна соотноситься с уже признанными научными разработками и происходящими преобразованиями в экономическом, социально-психологическом, нормативно-правовом направлениях, а также внутренними проблемами и рисками развития российского образования.

Литература

1. Андреев А. Л. Инновационный путь развития России в контексте глобального пространства образования // Вестн. Рос. акад. наук. – 2010. – Т. 80, № 2. – С. 99–106.
2. Байденко В. И. Компетенции: к освоению компетентностного подхода // Россия в Болонском процессе: проблемы, задачи, перспективы: тр. метод. Семинара. – М.: Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. – С. 25–30.
3. Байденко В. И. Компетенции в профессиональном образовании (к освоению компетентностного подхода) // Высшее образование в России. – 2004. – № 11. – С. 17–22.
4. Болотов В. А., Сериков В. В. Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе // Педагогика. – 2003. – № 10. – С. 26.
5. Галямина И. Г. Проектирование государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования нового поколения с использованием компетентностного подхода // Россия в Болонском процессе: проблемы, задачи, перспективы: тр. метод. семинара – М.: Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов, 2005. – С. 54–56.
6. Глоссарий терминов рынка труда, разработки стандартов образовательных программ и учебных планов. Европейский фонд образования. – ЕФО, 1997.
7. Гушин Ю. В. Интерактивные методы обучения в высшей школе // Психолог. журн. – 2012. – № 2. – С. 1–18.
8. Запесоцкий А. С. Образование, философия, культурология, политика. – М.: Наука, 2006.
9. Зеер Э. Ф., Павлова А. М., Сыманюк Э. Э. Модернизация профессионального образования: компетентностный подход. – М., 2005.
10. Зимняя И. А., Боденко Б. Н., Кривченко Т. А., Морозова Н. А. Общая культура человека в системе требований государственного образовательного стандарта. – М.: Исследов. центр проблем качества подготовки специалистов, 2006.
11. Зимняя И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. – 2003. – № 5. – С. 22–27.
12. Ирхина И. В. Современные ориентиры развития школьного образования в России // Гуманитар. и соц.-эконом. науки. – 2005. – № 2. – С. 152–154.
13. Краевский В. В. О культурологическом и компетентностном подходах к формированию содержания образования // Обновление российской школы: докл. 4-й Всерос. дистанц. август. пед. конф. (26 августа – 10 сентября 2005 года). – М., 2005. – С. 17–23.
14. Кудрина Е. Л., Бедин В. И. Состояние, проблемы и перспективы подготовки кадров в области библиотечно-информационной и социально-культурной деятельности с учетом компетентностного подхода в многоуровневом образовании // Вестн. КемГУКИ. – 2013. – № 22/1. – С. 201–211.
15. Кудрина Е. Л., Шунков А. В. Компетентностный подход как парадигма подготовки специалистов в сфере культуры и искусства // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2014. – № 2 (14). – С. 69–75.
16. Лебедев О. Е. Компетентностный подход в образовании // Школьные технологии. – 2004. – № 5. – С. 3–12.
17. Новиков А. М. Профессиональное образование в России. – М., 1997.
18. Сенашенко В. С. О компетентностном подходе в высшем образовании // Высшее образование в России. – 2009. – № 4.
19. Современные подходы к компетентностно-ориентированному образованию: мат-лы семинара. – Самара, 2001.
20. Шишов С. Е., Агапов И. И. Компетентностный подход к образованию как необходимость // Мир образования – образование в мире. – 2005. – № 4. – С. 41–43.

References

1. Andreev A.L. Innovatsionnyi put' razvitiia Rossii v kontekste global'nogo prostranstva obrazovaniia [Innovative way of development of Russia in the context of the global education space]. *Vestnik Rossiiskoi Akademii nauk [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]*, 2010, vol. 80, no 2, pp. 99–106. (In Russ.).
2. Baidenko V.I. Kompetentsii: k osvoeniiu kompetentnostnogo podkhoda [Competence: competence-based approach to development]. *Rossiiia v Bolonskom protsesse: problemy, zadachi, perspektivy. Trudy metodologicheskogo seminarina [Russia in the Bologna process: achievements, problems and prospects. Proceedings of the methodological seminars]*. Moscow, Issledovatel'skii tsentr problem kachestva podgotovki spetsialistov Publ., 2004, pp. 25–30. (In Russ.).

3. Baidenko V.I. Kompetentsii v professional'nom obrazovanii (k osvoeniiu kompetentnostnogo podkhoda) [Competence in vocational education (to the development of competence-based approach)]. *Vysshee obrazovanie v Rossii [Higher education in Russia]*, 2004, no 11, pp. 17–22. (In Russ.).
4. Bolotov V.A., Serikov V.V. Kompetentnostnaia model': ot idei k obrazovatel'noi programme [Competence model: from the idea to the educational program]. *Pedagogika [Pedagogy]*, 2003, no 10. p. 26. (In Russ.).
5. Galiamina I.G. Proektirovanie gosudarstvennykh obrazovatel'nykh standartov vysshego professional'nogo obrazovaniia novogo pokoleniia s ispol'zovaniem kompetentnostnogo podkhoda [Designing the state educational standards of higher professional education of a new generation with the competence approach]. *Rossiiia v Bolonskom protsesse: problemy, zadachi, perspektivy. Trudy metodologicheskogo seminara [Russia in the Bologna process: achievements, problems and prospects. Proceedings of the methodological seminar]*. Moscow, Issledovatel'skii tsentr problem kachestva podgotovki spetsialistov Publ., 2005, pp. 54–56. (In Russ.).
6. Glossarii terminov rynka truda, razrabotki standartov obrazovatel'nykh programm i uchebnykh planov. Evropeiskii fond obrazovaniia [Glossary of terms of the labor market, the development of standards of educational programs and curricula. European Training Foundation], EFO Publ., 1997. (In Russ.).
7. Gushchin Iu.V. Interaktivnye metody obucheniia v vysshei shkole [Interactive teaching methods in higher education]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological Journal]*, 2012, no 2, pp.1–18. (In Russ.).
8. Zapesotskii A.S. Obrazovanie, filosofiiia, kul'turologiia, politika [Education, philosophy, culture, and politics]. Moscow, Nauka Publ., 2006. (In Russ.).
9. Zeer E.F., Pavlova A.M., Symaniuk E.E. Modernizatsiia professional'nogo obrazovaniia: kompetentnostnyi podkhod [Modernization of vocational education: competence approach]. Moscow, 2005. (In Russ.).
10. Zimniaia I.A., Bodencko B.N., Krivchenko T.A., Morozova N.A. Obshchaia kul'tura cheloveka v sisteme trebovanii gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta [General human culture in the system requirements of state educational standards]. Moscow, Issledovatel'skii tsentr problem kachestva podgotovki spetsialistov Publ., 2006. (In Russ.).
11. Zimniaia I.A. Kliuchevye kompetentsii – novaia paradigma rezul'tata obrazovaniia [Key competencies – a new paradigm of education result]. *Vysshee obrazovanie segodnia [Higher education today]*, 2003, no 5, pp. 22–27. (In Russ.).
12. Irkhina I.V. Sovremennye orientiry razvitiia shkol'nogo obrazovaniia v Rossii [Modern landmarks development of school education in Russia]. *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki [Humanities and social and economic sciences]*, 2005, no 2, pp. 152–154. (In Russ.).
13. Kraevskii V.V. O kul'turologicheskom i kompetentnostnom podkhodakh k formirovaniu sodержaniia obrazovaniia [About culturological and competence approach to the formation of educational content]. *Obnovlenie rossiiskoi shkoly. Doklady 4-i Vserossiiskoi distantsionnoi avgustovskoi pedagogicheskoi konferentsii (26 avgusta – 10 sentiabria 2005 goda) [Renewal of the Russian school. Reports 4 th Russian remote August pedagogical conference (August 26 – September 10, 2005)]*. Moscow, 2005, pp. 17–23. (In Russ.).
14. Kudrina E.L., Bedin V.I. Sostoianie, problemy i perspektivy podgotovki kadrov v oblasti bibliotekno-informatsionnoi i sotsial'no-kul'turnoi deiatel'nosti s uchedom kompetentnostnogo podkhoda v mnogourovnevom obrazovanii [Status, problems and prospects of training in the field of library and information and socio-cultural activities with the competence approach in multilevel education]. *Vestnik KemGUKI [Bulletin of Kemerovo State University of Culture And Arts]*, 2013, no 22/1, pp. 201–211. (In Russ.).
15. Kudrina E.L., Shunkov A.V. Kompetentnostnyy podkhod kak paradigma podgotovki spetsialistov v sfere kul'tury i iskusstva [Competence approach as a paradigm of the training of specialists in the field of culture and art]. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom [Vocational Education in Russia and rubezhom]*, 2014, no 2 (14), pp. 69–75. (In Russ.).
16. Lebedev O.E. Kompetentnostnyi podkhod v obrazovanii. *Shkol'nye tekhnologii [Competence approach in education technology]*, 2004, no 5, pp. 3–12. (In Russ.).
17. Novikov A.M. Professional'noe obrazovanie v Rossii [Vocational education in Russia]. Moscow, 1997. (In Russ.).
18. Senashenko V.S. O kompetentnostnom podkhode v vysshem obrazovanii [About the competence approach in higher education]. *Vysshee obrazovanie v Rossii [Higher education in Russia]*, 2009, no 4. (In Russ.).
19. Sovremennye podkhody k kompetentnostno-orientirovannomu obrazovaniiu. Materialy seminara [Modern approaches to competence-oriented education. Proceedings of the seminar]. Samara, 2001. (In Russ.).
20. Shishov S.E., Agapov I.I. Kompetentnostnyi podkhod k obrazovaniiu kak neobkhodimost' [Competence-based approach to education as a necessity]. *Mir obrazovaniia – obrazovanie v mire [World education – education in the world]*, 2005, no 4, pp. 41–43. (In Russ.).

УДК 37

К ВОПРОСУ О ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ПРОЯВЛЕНИЯХ ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Кудрин Валерий Сергеевич, подполковник полиции, слушатель 2-го факультета (очная форма обучения), Академия управления МВД России (г. Москва, РФ). E-mail: kudrin-v1975@mail.ru

Статья раскрывает причины возникновения экстремизма в молодежной среде на рубеже последних двух столетий. Автор дает характеристику данного феномена, опираясь на исследования отечественных ученых, рассматривает экстремизм в молодежной среде как явление психолого-педагогического и социально-культурного характера и выявляет причины его распространения.

Ключевые слова: молодежная среда, молодежный экстремизм, психологические факторы, экстремизм.

THE QUESTION OF PSYCHO-PEDAGOGICAL MANIFESTATIONS OF EXTREMISM AMONG YOUNG PEOPLE

Kudrin Valery Sergeevich, Lieutenant Colonel of Police, Listener of the 2nd Faculty (full-time), Academy of the Interior Ministry of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: kudrin-v1975@mail.ru

The article reveals the causes of extremism among young people at the turn of the last centuries, and characteristic of this phenomenon, based on the Russian scientists' studies. The author considers extremism among young people as a phenomenon of psycho-pedagogical and socio-cultural nature and identifies the reasons for its spread.

Keywords: youth, youth extremism, psychological factors, extremism.

Экстремизм в молодежной среде на рубеже XX–XXI веков

Психолого-педагогические проявления экстремизма обозначились несколько столетий назад. Но современные черты его развития и основные сущностные характеристики стали формироваться в середине XX века в ряде зарубежных стран, а на рубеже XX и XXI веков в России, посредством приобретения массовости и присутствия на межгосударственном, внутригосударственном, социально-психологическом, культурологическом, педагогическом, бытовом, межрелигиозном, межэтническом и других уровнях. «Экстремизм, как массовое явление, начал распространяться в России в основном в среде молодежи из малообеспеченных семей, которая под лозунгами борьбы за “чистоту нации”, “освобождение русского народа” и т. д., объединялась (обычно по территориальному принципу) в группы, каждая из которых насчитывала от 7 до 15 человек. Чаше подобные группировки занимались избиением

представителей иных национальностей, проживающих рядом с ними, а также мелким хулиганством и вандализмом», – указывает А. В. Кузьмин [3, с. 22].

Данное негативное социальное явление с точки зрения психолого-педагогических проявлений – разновозрастное, которое обусловлено целым рядом обстоятельств. В. А. Мишота и О. Г. Холщевников отмечают, что:

«- экстремистами становятся при стечении объективных условий, предпосылок и факторов. Молодежь изначально обладает чертами мышления и поведения, которые при особых условиях могут привести в ряды экстремистских организаций;

- современная нестабильная ситуация в политической, экономической и духовной жизни России, если не на прямую, то косвенно подталкивает молодежь к экстремизму;

- формирование современной молодежи происходило в сложных условиях изменения об-

щества. В современной России сложилось новое поколение, с учетом правовой неграмотности и безответственности, нетерпимости и невежества;

- назрела ситуация, когда требуется решение проблемы по профилактике и противодействию проявлениям экстремизма в молодежной среде» [4, с. 109].

Особо следует отметить, что для молодежного возраста характерными являются: эмоциональная возбудимость, неумение сдерживаться, изменение ценностной структуры сознания, отсутствие навыков в разрешении даже несложных конфликтных ситуаций, что зачастую приводит к совершению девиации. В ряде исследований указывается, что «в ценностной структуре сознания и поведения молодежи появляется все больше угрожающих личности элементов (криминализация сознания, экстремизм, агрессивность и др.) Социальное самочувствие большинства молодых людей может быть описано в терминах: «разочарование», «пессимизм», «неуверенность», «безнадежность», «растерянность», «апатия», «агрессивность», «злость», «экстремизм» и т. п. [2, с. 238].

В «Методических рекомендациях по профилактике и противодействию экстремизму в молодежной среде», которые разработаны Минспорттуризмом России совместно с МВД России и ФСБ России отмечается, что, по данным МВД России, на учете внутренних дел состоят 302 неформальных молодежных объединения, 50 из которых представляют наибольшую общественную опасность. В первом полугодии 2011 года расследовано 362 преступления экстремистской направленности, из которых 120 совершены в составе организованной группы, а 19 – преступным сообществом (организацией). Выявлены 245 лиц, их совершивших, из них 171 человек в возрасте от 14 до 29 лет, в том числе 52 – несовершеннолетние [5, с. 40].

Актуальные проблемы российской молодежи во многом связаны не только с объективными процессами, протекающими в современном мире, среди которых: глобализация, прагматизация, информатизация, урбанизация, снижение уровня рождаемости, рост уровня старения населения и др., но и опосредованы российской действительностью, а также рядом психологических факторов. Среди последних следует указать на

«реализацию инфантильных сценариев достижения целей, а также отсутствие в обществе единых моральных норм. Личностные качества организаторов террористических актов – это иллюзорное ощущение исключительной значимости своих целей (синдром мессии), мегаломания (мания величия), фанатизм, манипулятивность, склонность к рискованному поведению и обесцениванию чужой жизни. Личностные свойства исполнителей террористической деятельности: эти люди отличаются большой зависимостью, внушаемостью, трудностями идентификации, примитивной драматизацией, упрощением ситуации и поляризацией (когнитивной упрощенностью), поиском врага. Их мотивы связаны с компенсаторной идентификацией себя с героями, необходимостью принадлежности к группе [12, с. 55].

Следует подчеркнуть, что в обобщенном виде эксперты называют следующие основные факторы, влияющие на формирование экстремистских настроений в молодежной среде:

- духовно-нравственная трансформация общества;
- капитализация общественных отношений;
- развал и девальвация патриотической идеи;
- нестабильное состояние системы образования и воспитательной работы как результат процесса их реформирования и модернизации;
- резкое расслоение общества на бедных и богатых;
- растущая скрытая и явная безработица;
- детская и подростковая безпризорность.

В настоящее время не выработано единого понимания термина «экстремизм». Это связано со сложностью и многоплановостью этого явления. Однако можно указать два центральных вектора, позволяющих дифференцировать различные проявления экстремизма – «направленность деятельности» и «степень сформированности экстремистских установок».

По направленности выделяют экстремизм этнический, религиозный, политический, социальный и экстремизм в молодежных субкультурах. По «степени сформированности экстремистских установок» выделяют экстремизм стихийный и организованный. В табл. 1 нами представлены определения понятия «экстремизм», которые характеризуют его наполнение.

Характеристика определения «экстремизм»

Содержание понятия «экстремизм»	Источник, в котором содержится данное определение
1) (от лат. <i>extremus</i> крайний) – приверженность крайностям в политике. Чаше всего Э. проявляется в отрицании существующих политических норм, ценностей, процедур, основополагающих принципов организации политических систем, стремление к подрыву политической стабильности и низвержению существующей власти. Для Э. характерны нетерпимость к инакомыслию, плюрализму, поиску консенсуса	10, с. 320
2) (от лат. <i>extremus</i> – крайний) – приверженность в политике к крайним взглядам и мерам. Экстремизм порождает различные факторы: слом сложившихся социальных структур; унижение массовых групп населения; экономический и социальный кризис, ухудшающий условия жизни большинства населения; ослабление государственной власти и дискредитация ее институтов; падение исполнительной дисциплины; рост антисоциальных проявлений; распад прежней системы ценностей; нарастание чувства ущемления национального достоинства и т. д.	8
3) (лат. <i>extremus</i> – крайний) – приверженность к крайним взглядам, мерам и действиям (обычно в политике). В дословном понимании, есть ни что иное, как крайнее проявление чего-либо – действий, высказываний, взглядов и т. п.	7
4) представляет собой форму политической деятельности, явно или исподволь отрицающую принципы парламентской демократии и основанную на идеологии и практике нетерпимости, отчуждения, ксенофобии, антисемитизма и ультранационализма	11
5) какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством сторон	15

В России юридическое определение того, какие действия считаются экстремистскими, содержится в статье 1 Федерального Закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

В соответствии с поправками от 2008 года «к экстремистской деятельности (экстремизму) относятся:

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;

- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;

- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;

- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности, или отношения к религии;

- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности, или отношения к религии;

- воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие

в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;

- воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;

- совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти, или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы;

- пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;

- публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;

- публичное заведомо ложное обвинение лица, занимающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;

- организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;

- финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путём предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг» [14].

Экстремизм в молодежной среде как явление психолого-педагогического и социально-культурного характера и причины его распространения

Психологическое содержание экстремизма характеризуется агрессивностью, жестокостью, радикальностью, предрассудками, стереотипиза-

цией, иррациональностью и другими крайне отрицательными видами своего проявления. Экстремистскому поведению молодежи присущи духовная ущербность и антиинтеллектуализм, апеллирование к предрассудкам.

Практически все экстремистские молодежные группировки носят, как правило, неформальный характер. Зачастую члены таких группировок не имеют представления об идеологической основе экстремистских движений, свое влияние на них оказывают громкие лозунги, внешняя атрибутика и другие броские аксессуары. Участие в экстремистских группировках воспринимается ими как приятное времяпрепровождение в кругу сверстников. Группировки молодежи экстремистской направленности объединяются по «сетевому» принципу, который предполагает большую самостоятельность ячеек, образующих сеть молодежных экстремистских группировок, которые, действуя в обычное время автономно, в определенное время объединяются в большие группы для проведения групповых противоправных действий, используя при этом различные способы контактов, включая Интернет.

По данным Межрегиональной общественной организации «Центр содействия государству в противодействии экстремистской деятельности» [16], одними из основных причин распространения молодежного экстремизма являются:

- криминализация ряда сфер общественной жизни (в молодежной среде это выражается в широком вовлечении молодых людей в криминальные сферы бизнеса), влекущая изменение ценностных ориентаций (значительную опасность представляют зарубежные и религиозные организации, секты, насаждающие религиозный фанатизм и экстремизм, отрицание норм и конституционных обязанностей, а также чуждые российскому обществу ценности);

- проявление так называемого «исламского фактора» (пропаганда среди молодых мусульман России идей религиозного экстремизма, организация выезда молодых мусульман на обучение в страны исламского мира, где осуществляется вербовочная работа со стороны представителей международных экстремистских и террористических организаций);

- использование в деструктивных целях психологического фактора (агрессия, свойственная молодежной психологии, активно используется опытными лидерами экстремистских организаций для осуществления акций экстремистской направленности);

- обострение социальной напряженности в молодежной среде (характеризуется комплексом социальных проблем, включающим в себя проблемы уровня и качества образования, «выживания» на рынке труда, социального неравенства, снижения авторитета правоохранительных органов и т. д.);

- наличие незаконного оборота средств совершения экстремистских акций (некоторые молодежные экстремистские организации в противоправных целях занимаются изготовлением и хранением взрывных устройств, обучают обращению с огнестрельным и холодным оружием и т. п.).

При построении системы профилактической работы в рамках противодействия экстремизму необходимо обозначить объект, предмет и цели такой деятельности. Выделяя объект профилактической работы, необходимо учитывать иерархичный характер деятельности по профилактике молодежного экстремизма, в связи с чем сам объект предстает как система, включающая несколько уровней.

1. Вся молодежь, проживающая на территории Российской Федерации, в возрасте от 12 до 25 лет. На этом уровне необходимо осуществление общепрофилактических мероприятий, ориентированных на повышение жизненных возможностей молодых людей, снижение чувства незащищенности, невостребованности, создание условий для полноценной самореализации и жизнедеятельности.

2. Молодые люди в возрасте от 12 до 25 лет, имеющие потенциальную возможность оказаться в поле экстремистской активности (молодежь в «зоне риска»). В данном контексте деятельность по профилактике экстремистских проявлений в молодежной среде должна быть направлена на молодых людей, чья жизненная ситуация позволяет предположить возможность попадания в поле экстремистской активности. К таким категориям могут быть отнесены:

- выходцы из неблагополучных, социально дезориентированных семей, с низким социально-экономическим статусом, интеллектуальным уровнем, имеющим склонность к трансляции девиаций (алкоголизм, наркомания, физическое и морально-нравственное насилие);

- «золотая молодежь», склонная к беззащитности и вседозволенности, экстремальному досугу и рассматривающая участие в экстремистской субкультуре как форму времяпрепровождения;

- дети, подростки, молодежь независимо от аскриптивного статуса, имеющие склонность к ненормативной агрессии, силовому методу решения проблем и споров, с неразвитыми навыками рефлексии и саморегуляции;

- участники молодежных субкультур, неформальных объединений, устойчивых и склонных к девиациям уличных компаний;

- члены экстремистских политических, религиозных организаций, движений, сект [9].

Как отмечено в [9] основные действия по снижению экстремистских проявлений в молодежной среде должны быть ориентированы:

- на оптимизацию социальной среды (в целом), в которой находятся молодые россияне, ее улучшение, создание в ней пространств конструктивного взаимодействия, положительных эмоций, реальных социальных проектов, достижимых перспектив, реального опыта решения молодежных проблем;

- формирование механизмов оптимизации молодежного экстремистского поля, разработку методов его разрушения, создание на его месте конструктивных социальных зон;

- создание механизмов эффективного влияния на процесс социализации личности молодого человека, включение его в социокультурное пространство ближайшего сообщества и всего социума в целом. Итогом такой работы должно стать развитие толерантной, ответственной, успешной личности, ориентированной на ценности гражданственности и патриотизма;

- разработку системы психокоррекционной работы, направленной на профилактику ненормативной агрессии, развитие умений социального взаимодействия, рефлексии, саморегуляции,

формирование навыков толерантного поведения, выхода из деструктивных культов, организаций, субкультур.

Стратегия по профилактике экстремистской деятельности должна быть направлена на усиление взаимодействия и интеграцию воспитательного воздействия семьи, школы, учреждений профессионального образования различного уровня, общественных объединений, средств массовой информации.

От позиции молодежи и ее поведения в общественно-политической жизни, ее уверенности в завтрашнем дне и активности зависит темп продвижения России по пути демократических преобразований. В «Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации» сказано: «Именно молодые люди должны быть готовы к противостоянию политическим манипуляциям и экстремистским призывам» [13, с. 1].

Выводы и рекомендации

Экстремизм за последние годы превратился в системную угрозу существованию нашего общества, которой необходимо противопоставить системные меры противодействия. Следует отметить, что анализ оперативной обстановки в стране показывает тревожные результаты. По данным Генеральной прокуратуры и МВД России, начиная с 2007 года отмечается устойчивая тенденция роста преступлений экстремистской направленности. С точки зрения Т. А. Петровой, «существующая в настоящее время угроза распространения экстремизма в молодежной среде свидетельствует о том, что предпринимаемые органами внутренних дел меры, закрепленные в соответствующих нормативных правовых актах, а также состояние

правового регулирования их деятельности недостаточны для противодействия этому явлению. Неблагополучная ситуация послужила причиной создания Департамента по противодействию экстремизму МВД России... деятельность которого нуждается в необходимом научно-методическом обеспечении, отрегулированном механизме внутриведомственного и межведомственного взаимодействия субъектов противодействия экстремизму» [6, с. 3].

Предпринимаемые меры, на наш взгляд, должны включать в себя как специальные технологии, реализуемые правоохранительными органами в целях выявления, пресечения и раскрытия противоправных экстремистских проявлений, так и гражданские технологии, направленные на предупреждение экстремизма и ликвидацию (минимизацию) его последствий. Следует согласиться с мнением Р. М. Афанасьевой, утверждающей, что «нельзя отдавать молодежь на откуп нецивилизованному рынку, трудовой неустроенности, организованной преступности, массовой культуре и шоу-бизнесу, бесконтрольной работе средств массовой информации. Давно пора содержательно и предметно осуществлять целенаправленную молодежную политику» [1, с. 3]. Поскольку активизация молодежного экстремизма в настоящее время представляет серьезную опасность для каждой личности, для российского общества, для мирового сообщества в целом, именно поэтому данный феномен должен быть глубоко и всесторонне изучен, как явление, требующее социально-правового, общественного, административно-управленческого, социально-психологического и социокультурного противодействия и вмешательства.

Литература

1. Афанасьева Р. М. Социокультурные условия противодействия экстремизму в молодежной среде (социально-философский анализ): автореф. ... канд. филос. наук 09.00.11. – М., 2007. – 22 с.
2. Ильинский И. М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория. – М.: Голос, 2001. – 694 с.
3. Кузьмин А. В. Социально-культурная профилактика экстремизма в молодежной среде: автореф. ... д-ра пед. наук. 13.00.05. – Тамбов, 2012. – 47 с.
4. Мишота В. А., Холщевников О. Г. К вопросу об экстремистских проявлениях в молодежной среде // Юриспруденция. – 2010. – № 3. – С. 109–117.
5. Методические рекомендации по профилактике и противодействию экстремизму в молодежной среде (разработаны Минспорттуризмом России совместно с МВД России и ФСБ России) // Наша молодежь. – 2011. – № 6.

6. Петрова Т. А. Административно-правовые основы деятельности органов внутренних дел по противодействию экстремизму в молодежной среде: автореф. ... канд. юрид. наук. 12.00.14. – М., 2009. – 18 с.
7. Политическая наука: слов.-справ. / сост. проф. И. И. Санжаревский, 2010.
8. Политология: слов. – М.: РГУ / сост. В. Н. Коновалов, 2010.
9. Профилактика экстремизма и радикализма в молодежной среде Республики Татарстан: сб. науч.-метод. и информ. мат-лов / М-во по делам молодежи, спорту и туризму РТ, Респ. Центр молод., инновац. и проф. программ. – Казань: РЦМИПП, 2011. – 180 с.
10. Психологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: http://mirslouvrei.com/content_psy/jekstremizm-6672.html#ixzz2yBTKUve3
11. Резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы, принятая в 2003 году [Электронный ресурс]. – URL: http://www.coe.int/.../%5B2003%5D/%5BSept_2003%5D/Res%201344%20_Rus.asp (дата обращения: 25.11.2014).
12. Формы и методы противодействия распространению идеологии экстремизма и терроризма среди молодежи. Роль и задачи муниципальных образований: сб. итог. мат-лов науч.-практ. сем., проведенных в г. Москве, г. Ростове-на-Дону, г. Ставрополе, г. Сочи. – М.: НЕФТЬ и ГАЗ, 2012. – 226 с.
13. Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации, утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2006 года № 1760-р.
14. Федеральный Закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rg.ru/2002/07/30/ekstremizm-dok.html> (дата обращения: 24.11.2014).
15. «Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» от 15 июня 2001 года (п. 3 ч. 1 ст. 1) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=1070 (дата обращения: 28.11.2014).
16. Экстремизм [Электронный ресурс]. – URL: http://www.csgped.ru/ekstremizm-xarka_lichnosti_privyergenca_ekstr-deiat.html.

References

1. Afanas'eva R.M. Sotsiokul'turnye usloviia protivodeistviia ekstremizmu v molodezhnoi srede (sotsial'no-filosofskii analiz): avtoref. ... kand. filos. nauk. 09.00.11 [Sociocultural conditions countering extremism among young people (social-philosophical analysis): the author's abstract on soisk. uch. step. Candidate Philosophy Sciences on spec. 09.00.11]. Moscow, 2007. 22 p. (In Russ.).
2. Il'inskiĭ I.M. Molodezh' i molodezhnaia politika. Filosofii. Istoriia. Teoriia [Youth and youth policy. Philosophy. History. Teoriya]. Moscow, Golos Publ., 2001. 694 p. (In Russ.).
3. Kuz'min A.V. Sotsial'no-kul'turnaia profilaktika ekstremizma v molodezhnoi srede: avtoref. ... d-ra ped. nauk. 13.00.05 [Socio-cultural preventing extremism among young people: the author's abstract on soisk. uch. Doctor degree. ped. sciences on 13.00.05]. Tambov, 2012. 47 p. (In Russ.).
4. Mishota V.A., Kholshchevnikov O.G. K voprosu ob ekstremistskikh proiavleniakh v molodezhnoi srede [On the issue of extremism among young people]. *Jurisprudentsiia [Jurisprudence]*, 2010, no 3. pp. 109–117. (In Russ.).
5. Metodicheskie rekomendatsii po profilaktike i protivodeistviuu ekstremizmu v molodezhnoi srede (razrabotany Minsportturizmom Rossii sovместно s MVD Rossii i FSB Rossii) [Guidelines for the prevention and combat extremism among young people (developed jointly with the Ministry of Sports Russia Russian Interior Ministry and Federal Security Service of Russia)]. *Nasha molodezh' [Our Youth]*, 2011, no 6. (In Russ.).
6. Petrova T.A. Administrativno-pravovye osnovy deiatel'nosti organov vnutrennikh del po protivodeistviuu ekstremizmu v molodezhnoi srede: avtoref. ... kand. yurid. nauk po spets. 12.00.14 [Administrative and legal bases of the internal affairs agencies to combat extremism among young people: the author's abstract on soisk. uch. step. candidate jurid. sciences on spec. 12.00.2014]. Moscow, 2009. 18 p. (In Russ.).
7. Politicheskaia nauka. Slovar'-spravochnik. [Political Science. Reference Dictionary]. Comp. Prof. I.I. Sanzharevskii, 2010 (In Russ.).
8. Politologiya. Slovar' [Political Science. Dictionary]. Comp. V.N. Konovalov. Moscow, RGU V.N. Konovalov Publ., 2010. (In Russ.).
9. Profilaktika ekstremizma i radikalizma v molodezhnoi srede Respubliki Tatarstan [Prevention of extremism and radicalism among the youth of the Republic of Tatarstan]. *Sb. nauchno-metodicheskikh i informatsionnykh materialov [Sat. scientific, methodological and information materials]*. Kazan, RTsMIPP Publ., 2011. 180 p. (In Russ.).

10. Psikhologicheskaiia entsiklopediia [Psychological Encyclopedia]. Available at: http://mirslouvrei.com/content_psy/jekstremizm-6672.html#ixzz2yBTKUve3
11. Rezoliutsiia Parlamentskoi Assamblei Soveta Evropy, priniataia v 2003 goda [Resolution of the Parliamentary Assembly of the Council of Europe, adopted in 2003]. Available at: www.coe.int/.../%5B2003%5D/%5BSept_2003%5D/Res%201344%20_Rus.asp (accessed: 25.11.2014).
12. Formy i metody protivodeystviya rasprostraneniyu ideologii ekstremizma i terrorizma sredi molodezhi. Rol' i zadachi munitsipal'nykh obrazovaniy. Sbornik itogovykh materialov nauchno-prakticheskikh seminarov, provedennykh v g. Moskve, g. Rostove-na-Donu, g. Stavropole, g. Sochi [Forms and methods of combating the spread of the ideology of extremism and terrorism among young people. The role and tasks of municipalities Collection of the outcomes of the workshops and seminars held in Moscow, Rostov-on-Don, Stavropol, Sochi]. Moscow, NEFT i GAZ Publ., 2012. 226 p. (In Russ.).
13. Strategiia gosudarstvennoi molodezhnoi politiki v Rossiiskoi Federatsii, utverzhdena Rasporiazheniem Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 18 dekabria 2006 goda № 1760-r The strategy of state youth policy in the Russian Federation, approved by Decree of the Government of the Russian Federation of December 18, 2006 № 1760-p.]. (In Russ.).
14. Federal'nyi Zakon № 114-FZ "O protivodeistvii ekstremistskoi deiatel'nosti" [Federal Law № 114-FZ "On Countering Extremist Activity"]. Available at: www.rg.ru/2002/07/30/extremizm-dok.html (accessed: 24.11.2014) (In Russ.).
15. "Shanghai'skaia konventsiiia o bor'be s terrorizmom, separatizmom i ekstremizmom" ot 15 iunია 2001 goda (p. 3 ch. 1 st. 1) [Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism," dated June 15, 2001 (p. 3 h. 1, Art. 1)]. – URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=1070 (accessed: 28.11.2014). (In Russ.).
16. Ekstremizm [Extremism]. Available at: http://www.csaped.ru/ekstremizmxarka_lichnosti_privergenca_ekstr_deiat.html. (In Russ.).

УДК 37

К ВОПРОСУ О МОРФОЛОГИИ РУССКОЙ НАРОДНОЙ ПЕСНИ

Смирнов Ярослав Юрьевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры народных инструментов, Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, заслуженный работник культуры РФ (г. Санкт-Петербург, РФ). E-mail: 12345os@mail.ru

Внимание к фольклору, древним пластам культуры, традиции в целом как к неисчерпаемому источнику воспитания и развития человека проявляется в последние годы особенно активно в социально-педагогической среде. Сохранение и развитие национальной культуры, своих корней – это важнейшая задача, которая требует бережного отношения к памятникам истории и культуры, к традиционному народному художественному творчеству. Возрождение фольклора, народных обычаев, обрядов и праздников, художественно-творческого искусства – это актуальная проблема современности. Фольклор, его жанры, средства, методы наиболее полно восполняют всю картину народной жизни, дают яркую картину быта народа, его нравственности, духовности. Фольклор раскрывает душу народа, его достоинства и особенности. С точки зрения науки, фольклор – это феномен, который заслуживает особого изучения и внимательной оценки. Целью данной статьи является анализ морфологии русской народной песни и выявление на этой основе принципов ее включения в репертуар самодеятельных коллективов. Для достижения этой цели автором статьи уточнен концептуальный аппарат таких понятий, как фольклор и народная песня, проанализирована общепринятая морфология народной песни и сформулирована педагогическая концепция включения народной песни в репертуар любительских коллективов.

Ключевые слова: фольклор, народная песня, устное народное творчество, этнокультурная составляющая, утилитарное назначение, жанрово-видовая система, напевы, социокультурное явление, морфология, жанр, музыкальное восприятие.

TO THE QUESTION OF THE MORPHOLOGY OF RUSSIAN FOLK SONGS

Smirnov Iaroslav Yurievich, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent of Department of Folk Instruments, St.-Petersburg State University of Culture and Art, Honorary Worker of Culture of the Russian Federation (St.-Petersburg, Russian Federation). E-mail: 12345os@mail.ru

Attention to folklore, the ancient layers of culture, tradition as an inexhaustible source of education and human development, manifested in recent years particularly active in the socio-pedagogical environment. The preservation and development of national culture, their roots is an important task that requires careful attention to the monuments of history and culture, traditional folk art. The revival of folklore, folk customs, ceremonies and festivals, creative art: all this is an urgent problem of our time. Folklore, its genres, tools, techniques, most fully fill the whole picture of national life, give a vivid picture of the life of the people, morality, and spirituality. Folklore reveals the soul of a people, its advantages and features. From the point of view of science, folklore is a phenomenon that deserves special consideration and careful evaluation. The purpose of this article is to analyze the morphology of Russian folk songs and identification on the basis of its inclusion in the repertoire of amateur groups. To achieve this goal, the author clarified the conceptual framework of concepts such as folklore and folk song, analyzed the common morphology of the folk songs and formulated a pedagogical concept of inclusion folk songs in the repertoire of amateur groups.

Keywords: folklore, folk song, folk, ethno-cultural component, utilitarian purpose, genre-specific system, tunes, a sociocultural phenomenon, morphology, genre, musical perception.

В период 70–90-х годов XX века музыкальная фольклористика оказалась в фазе решительного оживления. Значительно возрос общественный интерес к музыкальному фольклору, обозначилось понимание важности широкого вовлечения в современную музыку наилучших образцов народного творчества, получила интенсивное развитие научно-исследовательская деятельность. Проблемы фольклористики в целом и ее важнейшей составной части – народной песни – были раскрыты в трудах русских этнографов и фольклористов (А. Н. Иванов, А. С. Токарев, Б. А. Рыбаков), представителей отечественной культурологии (А. И. Арнольдов, П. С. Гуревич, М. С. Каган), ученых в области народного творчества, фольклора и народной художественной культуры (Г. П. Богатырев, В. Е. Гусев). Значимость песни как составной части существования народа обозначена в классических трудах мыслителей и собирателей И. П. Сахарова, И. М. Снегирева и др. Стилевые особенности русской народной песни как единства жанра, музыкальных норм и местных традиций раскрыты в исследованиях А. М. Мехнецова, А. В. Рудневой, В. М. Щурова и др. Названный комплекс исследований свиде-

тельствует о достаточно разносторонней разработанности теоретической базы феномена народной музыкальн-художественной культуры. Однако до сих пор не получили широкого научного исследования педагогические аспекты включения народной песни как в репертуар любительского творчества, так и в программы школьного обучения. Цель данного исследования – анализ морфологии русской народной песни и выявление на этой основе принципов ее включения в репертуар самодеятельных коллективов. Для достижения этой цели необходимо, во-первых, уточнить концептуальный аппарат таких понятий, как фольклор и народная песня, во-вторых, проанализировать общепринятую морфологию народной песни и, в-третьих, сформулировать педагогическую концепцию включения народной песни в репертуар любительских коллективов.

Сам термин «фольклор» как особый вид искусства на сегодняшний день не имеет однозначного определения. Произшедший от английского «folklore» – «народная мудрость», он имеет узкое и широкое толкование. Узкое определение, получившее наибольшее распространение, рассматривает «фольклор» как устное народное

творчество и как совокупность всех видов народного творчества в контексте народной жизни. В широком толковании «фольклор» – это совокупность народных традиций, обычаев, обрядов, воззрений, верований, искусств [6, с. 7]. В 1985 году ЮНЕСКО сформулировало определение категории «фольклор» как коллективное, основанное на традициях творчество групп и индивидов, определяемое надеждами и чаяниями общества, являющееся адекватным выражением культурной и социальной самобытности. По формам фольклора наряду с другими Юнеско относит язык, музыку, танцы, игры. Таким образом, русская народная песня – это элемент народной художественной культуры, впитавший в себя философскую, этнокультурную, фольклорную и психологическую составляющую русского менталитета. Юнеско, по существу, сформулировало цепочку и единство взаимосвязанных составляющих: культура – народная художественная культура – народное музыкальное творчество – народная песня.

Термин «народная песня» ввел в научный обиход немецкий писатель и мыслитель – Иоганн Готфрид Гердер. Он утверждал, что вербальный компонент песни позволяет проследить не только культуру народа, но и его историческое прошлое и настоящее. История народа формирует морфологию его народной песни. В литературе существует несколько подходов к проблеме происхождения народного музыкального творчества и народной песни. По одному из них (В. Фриче), «творчество рассматривается как незаинтересованная деятельность, развивающаяся из внутреннего чувства прекрасного, которое является прирожденным и свойственным биологической природе человека» [6, с. 13].

По другой концепции произведения народного искусства никогда не создавались без определенного утилитарного назначения, что оптимизирует жизнь человека, создает комфорт в его жизни [6, с. 18].

Обратимся к хронологии событий. Языческие памятники свидетельствуют, что в песнях отражалась развитость социальной организации и практический смысл игрищ и плясок. Архаичная песня этого времени отражает коллективное

бессознательное, присущее сообществу людей. Слово, интонация, форма и архитектоника – все адресовано сакральным силам.

Народная песня прафольклорного периода является свидетельством зарождающейся культуры. Сохранив свое словесно-музыкальное начало, она постепенно усложняет жанрово-видовую систему и содержание. С принятием христианства в народной песне получили параллельное развитие языческое и православное начала, и постепенно византийско-христианская составляющая стала одной из главных в древнерусской песне. Практически совпали священный календарь Древней Руси и христианский годовой богослужебный цикл. Яркая ассимиляция двух культур сформировала особую этнокультурную систему. В результате этого канонизированные греческие мелодии стали основой распевов, отражающих обороты народных напевов. Именно так появились знаменитые знаменный, демественный, киевский и др. напевы. В этот период появляются внелитургические духовные песнопения, такие как стихи покаянные, умиленные или слезные псалмы и т. п. Песенный фольклор этого периода заполнял вакуум, вызванный отсутствием письменных форм светского музыкального искусства. Он распространился не только в среде простого народа, но и в высших слоях общества.

Каждая последующая эпоха развития и становления Руси находила отражение в новых жанрах народной песни, приводила к обогащению вербального и музыкального языка, расширению круга сюжетов и образов. В последующие периоды развития Руси с появлением новых социальных слоев общества народная песня оказывается воспринятой во всех слоях, что формирует новое социокультурное явление. Расширяются сюжетно-образная основа, жанровая природа, формы бытования и исполнительства.

Как пишет Ю. А. Толмачев, «песня всегда включена в некую устойчивую, традиционную систему и составляет с нею единое целое; вне этой системы она не может ни существовать, ни возникнуть» [6, с. 22]. Исходные качества песни – это функциональность и ситуативность.

Следовательно, о морфологии народной песни можно говорить в нескольких аспектах: куль-

турологическом, социальном, историческом, как о совокупности видов, жанров, форм бытования и исполнительства. Без анализа этих аспектов нельзя говорить о формировании педагогической концепции изучения народной песни, о концепции формировании репертуара самодеятельных коллективов. В научной литературе приводится несколько вариантов классификаций народной песни (Н. А. Калугина, И. В. Кошмина, Е. Линева, В. М. Сивова, Д. В. Щирин). Каждая из них отвечает своим задачам. Наша концепция состоит в том, что морфологию русской народной песни необходимо рассматривать в единстве социоэтнокультурных признаков, при этом допуская вертикальную и горизонтальную классификацию, применяемую Д. В. Щириным. Под вертикальной классификацией понимается исторический аспект становления русской песни, под горизонтальной – жанрово – видовой состав. Но оба состава должны быть взаимно увязанными. Сложность подобного подхода заключается в возможной методологической несовместимости некоторых оснований классификации.

При таком подходе необходимо, прежде всего, определиться с понятием жанр, так как он является основополагающим критерием классификации музыкальных произведений. Однако до сих пор нет однозначного определения этой категории. В работах Б. В. Асафьева и А. Н. Сохора жанр определяется особенностями жизненных предназначений, условиями исполнения и восприятия. Г. Н. Поспелов определяет жанр как явление типическое, а не историческое, по В. Е. Гусеву, жанр – эстетическая категория. Особенно сложно определиться с понятием «жанр» применительно к народной песне. В. Я. Пропп считает, что жанр русской народной песни формируется ее социальной сущностью. Ю. А. Толмачев считает, что «в русском искусствоведении под словом «жанры» понимается не родовое, а видовое понятие. Жанр характеризует особые виды и способы художественной деятельности. Виды также распадаются на отдельные типы, жанры и формы художественных произведений» [6, с. 4].

Лазутин Г. С. [3] и позднее Щуров В. М. [8] предложили следующее деление русской народной песни:

- Русский песенный эпос: русские былины, северная эпическая традиция, сибирские былины, южнорусские и среднерусские былины, исторические русские песни, баллады, небылицы и скоморошины, песни в сказках.

- Календарные обрядовые песни: поздравительные зимние песни, святочные песни, масленичные песни, весенние песни, семицкие песни, летние песни, песни жатвы.

- Семейные обрядовые песни: обряды рождения и пестования, плачи и причитания, свадебные обряды.

- Традиционные лирические русские песни.

- Трудовые.

- Отходнические песни: бурлацкие, чумацкие, ямщицкие, солдатские, рабочие.

- Удалые песни: разбойничьи, каторги и ссылки, тюремные (русский шансон).

- Шуточные, сатирические, хороводные, частушки, припевки, страдания.

- Песни литературного происхождения.

- Казачий воинский репертуар.

- Жанровые разновидности песен, связанных с хореографией: хороводные песни; игровые песни; песни и инструментальные наигрыши, сопровождающие пляску; поздние танцы [3, с. 400].

Как видно, в основу такой классификации положено несколько признаков: формы бытования, способы функционирования и жанрово-видовая природа. Позднее эта морфология была представлена в укрупненном и несколько уточненном виде в работе О. И. Алексеевой «Русская народная песня как этнокультурный концепт» [1].

Большинство народных песен оказываются жестко «привязанными» не только к конкретным действиям, но и к конкретному времени года. Однако современный слушатель исключает эти требования. Народные песни стали качественно иными, воспринимаемыми как художественное произведение и не участником действия, а сторонним слушателем. Следовательно, необходимо включение дополнительных признаков, связанных с восприятием, которые влияют на творческий процесс и его конечный результат.

Понятие «музыкальное восприятие» долгое время рассматривалось только в контексте

слушания музыки. С развитием психологии и педагогики данное явление стало классифицироваться как особый вид музыкально-познавательной деятельности, в которой активизируется вся система личности. Такой подход был положен в основу музыкальных программ, разработанных основоположниками музыкальной педагогики Д. Б. Кабалевским [2, с. 10–16], Н. А. Ветлугиной и другими авторами. Музыкальное восприятие является исходным пунктом любого «общения» с музыкой, а уровень развития характеризует уровень музыкального развития личности. Проблемы музыкального восприятия, отнесенных к числу важнейших в исследованиях Н. А. Герасимовой-Персидской, И. И. Земцовского, А. Г. Костюка, В. В. Максимова, В. В. Медушевского, Е. В. Назайкинско, О. П. Рудницкой, М. С. Старчеуса. Позднее вопросы восприятия рассматривались в трудах Г. В. Иванченко, И. В. Кошминой, Д. В. Щирина.

В. Максимов опирается на общее определение процесса восприятия, даваемое А. Р. Лурия: «Процесс восприятия имеет сложное строение: он начинается с того, что доходящая до центрального мозгового аппарата структура возбуждений *дробится* на огромное число составляющих частей, которые подвергаются *кодированию и синтезу* в определенные *подвижные системы*; этот процесс отбора и синтеза признаков носит *активный характер*, он осуществляется под влиянием задач, состоящих перед субъектом, и опирается на участие готовых *кодов* (прежде всего кодов языка), включающих воспринимаемое в ту или иную систему и придающих ему *обобщенный, категориальный* характер: обязательным звеном перцепторного действия является и процесс сличения эффекта с исходной гипотезой, то есть *контроль над воспринимающей деятельностью*» [4, с. 232]. Именно это определение восприятия принимается нами в качестве исходного при разработке педагогических аспектов изучения русской народной песни. В этом определении присутствуют следующие элементы, имеющие практическое значение:

- возможность разложения общего объема информации на отдельные составляющие, что позволяет управлять педагогическим процессом:

- процесс обучения опирается на прошлое знание и связывает прошлое, настоящее и будущее;

- общий принцип педагогики – это активный характер обучения, находящийся под влиянием поставленных задач.

Теория восприятия в свете этномusicальной практики исследовалась И. И. Земцовским. В своей статье «Теория восприятия и этномusicоведческая практика» он пишет, что «восприятие как парадигмально актуальная проблема – детище XX века», так как фольклор формирует базовый блок музыки. Для фольклорной музыки характерны два типа восприятия:

1. Восприятие самой фольклорной среды.

2. Восприятие фольклорной музыки извне с попытками большего или меньшего вхождения в этот мир.

Различия в интеллектуальных и эмоциональных возможностях обучающихся определяет наличие разных уровней восприятия, при этом практическая деятельность должна опираться на закон тезауруса: доступным человеку является лишь то, что соответствует объему накопленных человеком знаний, умений, способов мышления. Следовательно, формирование учебного или исполнительского репертуара должно учитывать следующие факторы (или основания классификации произведений народной музыки):

- Эпоха создания произведения.
- Эмоциональная направленность произведения.
- Способ обработки напева.
- Степень отдаленности интонационного языка данного произведения от «бытующего» в обществе «песенного» уровня.
- Усложнение интонационного строя, музыкальной фактуры.

Соединим названные основания нашей классификации и классификацию, предложенную Лазутиным Г. С. и Щуровым В. М. (см. табл. 1).

Песни литературного происхождения в зависимости от эпохи создания произведения, эмоциональной направленности и степени усложненности интонационного строя, музыкальной фактуры могут относиться ко всем трем уровням сложности их восприятия.

Таблица 1

Уровень сложности народных песен

Уровни сложности	Первый	Второй	Третий
1. Русский песенный эпос			
1.1. Русские былины	Простые		
Исторические русские песни, баллады, небылицы и скоморошины, песни в сказках		Более сложные	
1.2. Северная эпическая традиция, сибирские былины, южнорусские и среднерусские былины			Наиболее сложные
2. Календарные обрядовые песни			
2.1. Весенние песни, летние песни, песни жатвы, поздравительные зимние песни	Простые		
2.2. Масленичные песни, семицкие песни		Более сложные	
3. Семейные обрядовые песни			
3.1. Свадебные обряды	Простые		
3.2. Обряды рождения и пестования, плачи и причитания		Более сложные	
4. Традиционные лирические русские, трудовые песни			
4.1. Традиционные лирические русские песни	Простые		
4.2. Трудовые песни		Более сложные	
5. Отходнические песни, удалые песни			
5.1. Бурлацкие, чумацкие, ямщицкие, солдатские, рабочие песни		Более сложные	
5.2. Разбойничьи, песни каторги и ссылки, тюремные песни (русский шансон)			Наиболее сложные
6. Шуточные, сатирические, хороводные, частушки, припевки, страдания			
6.1. Шуточные, частушки, припевки	Простые		
6.2. Сатирические, хороводные, страдания		Более сложные	

Выводы

1. К настоящему времени сложился комплекс объективных факторов, позволяющих ставить вопрос о целесообразности и необходимости совершенствования методики и практики изучения произведений народной музыки.

2. Педагогическая деятельность должна учитывать морфологию русской народной песни, используя все основания ее классификации.

3. Практическая деятельность педагога должна опираться на закон тезауруса: доступным человеку является лишь то, что соответствует объему накопленных человеком знаний, умений, способов мышления. Поэтому важнейшей составляющей морфологии народной песни, без учета которой не возможен продуктивный педагогический процесс, является уровень восприятия обучающимися каждого произведения.

Литература

1. Алексеева О. И. Русская народная песня как этнокультурный концепт: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Белгород, 2006. – 28 с.
2. Кабалевский Д. Б. Техника и музыкальная культура современности // Сов. музыка. – 1068. – № 11. – С. 10–16.
3. Лазутин С. Г. Русские народные песни. – М.: Просвещение, 1965. – С. 302 – 450.
4. Лурия А. Р. Основы нейропсихологии. – М.: Академия, 2002. – С. 232–233.
5. Поспелов Г. И. К вопросу о поэтических жанрах // Докл. и совещ. филол. фак. (Москов. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова). – М., 1948. – Вып. 5. – С. 59–61.
6. Толмачев Ю. А. Народное музыкальное творчество: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 071301 «Народ. худож. Творчество» / Федер. агентство по образованию, Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2005. – 150 с.
7. Щирин Д. В. Педагогика восприятия духовной музыки: моногр. – СПб.: Астерион, 2007. – 316 с.
8. Щуров В. М. Жанры русского музыкального фольклора. – М.: Музыка, 2007. – 400 с.

References

1. Alekseeva O.I. Russkaia narodnaia pesnia kak etnokul'turnyi kontsept. Avtoref. dis. kand. filos. nauk [Russia folk song as ethno-cultural concept. Dis. Cand. philos. sci. avtoref.]. Belgorod, 2006. 28 p. (In Russ.).
2. Kabalevskii D.B. Tekhnika i muzykal'naia kul'tura sovremennosti [Technology and modern musical culture]. *Sovet. muzyka [Modern Music]*, 1968, no 11, pp. 10–16. (In Russ.).
3. Lazutin S.G. Russkie narodnye pesni [Russian folk songs]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1965, pp. 302–450. (In Russ.).
4. Lurii A.R. Osnovy neiropsikhologii [Fundamentals of neuropsychology]. Moscow, Academy Publ., 2002, pp. 232–233. (In Russ.).
5. Pospelov G.I. K voprosu o poeticheskikh zhanrakh [To the question of poetic genres]. *Doklady i soveshchaniia filologicheskogo fakul'teta (Moskovskii gosudarstvennyi universitet im. M.V. Lomonosova) [Reports and meetings of the philological faculty of Moscow State University of M.V. Lomonosov]*, 1948, no 5, pp. 59–61. (In Russ.).
6. Tolmachev U.A. Narodnoe muzykal'noe tvorchestvo: ucheb. posobie dlia studentov vuzov, obuchaiushchikhsia po spetsial'nosti 071301 "Narod. khudozh. Tvorchestvo" [Folk musical creativity: textbook for students, students majoring 071301 "National artwork creativity"]. Feder. agentstvo po obrazovaniu Tambovskii gos. univ. im. G.R. Derzhavina [Feder. education agency, Tambov. State Univ. named G.R. Derzhavin]. Tambov, TGU Publ., 2005. 150 p. (In Russ.).
7. Shchirin D.V. Pedagogika vospriiatiia dukhonoii muzyki [Pedagogy of perception of spiritual music]. Saint-Petersburg, Asterion Publ., 2007. 316 p. (In Russ.).
8. Shchurov V.M. Zhanry russokogo muzykal'nogo fol'klora [Genres of Russian Folk music]. Moscow, Music Publ., 2007. 400 p. (In Russ.).

УДК 001

ПЛАНЕТАРНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ – ОСНОВА БУДУЩЕГО

Колков Анатолий Иванович, кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры технологии автоматизированной обработки информации, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: Kolkovai@narod.ru.

Целью статьи является анализ состояния нашей планеты Земля и его зависимости от деятельности человеческой цивилизации. Актуальность данного вопроса в первую очередь связана с экологическими проблемами и энергоинформационными взаимодействиями, особое внимание уделяется различным способам добычи и использования энергии. В статье эта тема рассматривается с позиции гармонии и гармонического развития. Гармония как критерий и идеологическое представление имеет глубокие исторические корни, особенно на Востоке. В настоящее время гармония и гармоническое развитие рассматриваются на основе современного математического аппарата и модели «Золотого сечения». Значительным вкладом в гармоническое представление является привлечение понятия «энтропия» как меры организации систем. Наряду с этим в статье приводятся примеры, показывающие связь гармонии с реальными проявлениями планетарного масштаба. При этом большое значение придается планетарному мировоззрению, которое является определяющим в гармоническом развитии планеты и цивилизации. В статье анализируются природа мировоззрения и ее связь с планетарным состоянием и развитием общества; приведены примеры гармонической оценки различных сторон планетарной и человеческой жизнедеятельности; делается попытка рассмотрения практических рекомендаций по совершенствованию и гармонизации взаимодействия планеты Земля и человеческой цивилизации. Работа предназначена для широкого круга читателей: школьников старших классов, студентов, аспирантов, научных работников и всех тех, кого интересует и волнует будущее нашей планеты.

Ключевые слова: гармоническое развитие, живая планета, планетарное мировоззрение, экология планеты, энтропийная характеристика.

A PLANETARY WORLDVIEW: THE BASIS FOR THE FUTURE

Kolkov Anatoly Ivanovich, Candidate of Technical Sciences, Docent, Docent of Department of Technology of Automated Information Processing, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: Kolkovai@narod.ru

The aim of the article is the state of our planet Earth and its dependence on the activity of the human civilization. The interaction of the planet Earth and human activity is now the most important. This is primarily due to environmental issues and energy interactions. Particular attention is given to various ways of production and use of energy. In the article, the problem is considered from the standpoint of harmony and harmonious development. Harmony as a criterion and ideological representation has deep historical roots, especially in the East. Currently, harmony and harmonious development are considered on the basis of modern mathematical apparatus and models of “the Golden Section.” A significant contribution to the harmonic representation is attracting the concept of “Entropy” as a measure of system organization. Along with this, the article provides examples showing the relationship of harmony with actual manifestations of the planetary scale. At that, the great importance is attached to the planetary worldview that is the determining factor in the harmonious development of the planet and civilization. The article discusses the nature of philosophy and its relation to planetary status and development of the society. The paper presents examples of harmonic evaluation of various aspects of planetary and human activity. Along with it, the analysis of the article attempts to deal with practical recommendations for the improvement and harmonization of the interaction of the Earth and the human civilization. The work is intended for a wide audience: high school students, university students, graduate students, researchers and all those interested in and concerned about the future of our planet.

Keywords: harmonious development, living planet, planetary worldview, ecology of the planet, the entropy characteristics.

При всем разнообразии подходов к пониманию будущего развития общества и природы автор предлагает формирование планетарного мировоззрения. Работы В. И. Вернадского подчеркивают важнейшую роль разума в развитии глобальных процессов. Появилось понятие «ноосферное мировоззрение». Это мировоззрение, которое отражает идею В. И. Вернадского о том, что только при гармоничных отношениях научного знания, философии и религии возможно понимание мира и выработка конструктивного и ответственного отношения к нему [3].

Важным показателем состояния общественного развития является отношение людей к жизни и всему живому. Несмотря на всю жестокость XX века создавались общественные организации в защиту жизни и животного мира. Это особенно наглядно в отношениях к домашним и исчезающим животным.

Другое дело лесные, водные и минеральные ресурсы, то есть то, что называется неживой материей. Здесь действует принцип – «удовлетворение растущих потребностей жителей Земли». Безусловно, потребности нужно удовлетворять,

но какими способами и как при этом относиться к самой планете? Планета Земля постоянно развивается, и показателем этого процесса можно считать появление человека и человеческого общества. Все это дает основание, несмотря на всю сложность и неоднозначность понятий «жизнь» и живое, считать планету сложной системой, которую нужно рассматривать и воспринимать не только как косную материю, но и высокоорганизованную сущность со всеми атрибутами живого. Ряд исследователей считают нашу планету не только живой, но разумной и даже духовной. Тейяр де Шарден П. считал, что «концентрация мышления в масштабе планеты тесно связана со слиянием воедино человеческого духа, которое в результате дальнейшей эволюции приведет к возникновению духа Земли» [9].

Исходя из этого, к Земле нужно относиться не только как к безропотному источнику ресурсов, а разумному партнеру, осуществляя совместное развитие. Но нам нужна энергия – много энергии. Существует множество видов энергии: солнечная, ветровая, океаническая, растительная и другие. Наша задача – показать, что решение

этой проблемы во многом зависит от мировоззрения, которое должно быть направлено на совместное гармоничное развитие планеты и цивилизации. Решение энергетической проблемы напрямую связано с потребностями человека. Недаром говорится, что спрос определяет предложение. Какие же спросы определяют потребность в энергии? Их множество. Рассмотрим только один пример. XX век наряду со многими названиями можно именовать веком автомобилизации. Проблемы пробок, стоянок, загрязнение воздуха – далеко не полный перечень невзгод, которые несет это достижение человечества. Для производства и эксплуатации автомобилей используется огромное количество природных ресурсов и энергии. Траты энергии приводят к росту энтропии, или иначе – разрушению организованности. Конечно, планета восстанавливает свое состояние, но для этого ей нужны долгие годы. Можно расширять дороги, строить развязки и новые стоянки, но все это не решит проблемы, поскольку потребности опережают возможности. Поэтому остается единственный выход – воздействовать на потребности.

Управлять потребностями человека – задача сложная, зачастую неблагодарная, но необходимая. Ведь именно потребности соединяют человека и природу, а человечество с планетой. На потребности человека в большой степени влияет его мировоззрение. Таким образом, круг замыкается. Это можно распространить на все процессы взаимодействия человека и планеты.

В своей книге «Судьба цивилизации. Путь разума» Н. Н. Моисеев показывает, что природа, то есть весь окружающий нас мир, наполненный живым веществом, который мы называем биосферой, имеет собственную логику развития, и ничто живое не способно, нарушая его логику, сохранить себя, ибо оно само порождение этого мира, возникшее в силу ему присущей логики [6].

В реальных системах потребности всегда ограничены возможностями внешней среды, а в нашем случае возможностями нашей планеты. Правда, долгое время мы считали их безграничными, но пришло время убедиться в том, что это не так. И возникают такие типичные отношения к данной проблеме:

- на нашу жизнь хватит, а после нас хоть потоп;
- будущие поколения что-нибудь придумают.

Но надо уже сейчас задуматься и принять необходимые меры. Рачительный хозяин всегда думает и о настоящем, и о будущем. Для того чтобы благосостояние людей было объективным и реальным необходимо чтобы оно регулировалось возможностями и развитием планеты и цивилизации. Безусловно, что мировоззрение должно быть основано на современных знаниях. Рассмотрим хотя бы ориентировочно пути решения этой проблемы. Первый путь наиболее очевиден – это экономия энергии, природных ресурсов и минимизация роста энтропии. Это не должно ограничивать прогрессивное развитие человечества. Но давайте посмотрим, сколько мы создаем не востребованной продукции. Конечно, это не единственный путь экономии природных ресурсов. Вспомним хотя бы наши бесконечные свалки и отходы производства. И все же главным источником экономии ресурсов являются «разумные» решения, которые напрямую связаны с созданием информационной техники и технологии. И тогда мы переходим ко второму пути. Развитие информационных технологий связано не только с имманентным развитием науки, но и с задачей решения планетарных проблем и экономией природных ресурсов. Действительно, хорошо известно, что создание рациональной информационной среды дает возможность значительно снизить энергетические затраты.

Перейдем к третьему пути – эволюционному. Природа создала огромное разнообразие животного мира. Если рассматривать человека как особый вид, то можно понять, что внешнее изменение разнообразия в процессе эволюции незначительно. Но у человека есть внутреннее разнообразие, создаваемое его сознанием. На первом этапе сознание человека в основном было направлено на выделение его из животного мира и сохранение его целостности. Это привело к противостоянию человека и природы. Но, сейчас, когда в основном эта задача решена, встает другая задача – объединение человека и природы, что должно привести к созданию нового типа человека – человека планетарного.

В настоящее время человечество вступает в космическую эру. Много говорится о вселенском разуме и космической цивилизации. Конечно, все это в основном предположения. Но считать, что мы единственные разумные существа, еще

более невероятно, чем существование инопланетян. Однако вхождение землян в единую вселенскую семью возможно только в том случае, если планета Земля будет представлять собой высокоорганизованную гармоничную систему. Создать ее – проблема очень не простая, но без ее решения едва ли возможно дальнейшее существование и развитие нашей цивилизации. Казалось бы, сама эта мысль достаточно очевидна и несет в себе множество достоинств. Назовем только некоторые из них:

- возможность создания системы защиты от космических катастроф;
- решение проблем внутрипланетарных чрезвычайных ситуаций (землетрясения, извержения вулканов, гигантские пожары, наводнения, массовые заболевания и т. д.);
- эффективное использование природных ресурсов;
- значительное повышение благосостояния народонаселения планеты;
- решение сложных научно-технических задач, невозможных для отдельного государства;
- совершенствование общепланетарного состояния;
- гармонизация развития планеты и цивилизации.

Этот перечень можно продолжить. Но, возникает главный вопрос: «Почему при всех, казалось бы, явных преимуществах это до сих пор не реализовано и пока нет к этому реальных предпосылок?». Чтобы в этом разобраться, нужно начать с человека. Человек, выросший из животного мира, несет в себе две противоположности: индивидуальную и социальную. Причем первая более древняя и глубокая. Социальная сторона появилась позже как необходимость повышения эффективности жизнедеятельности человека. Действительно, сообща легче охотиться, строить жилище и защищаться от врагов. Чем дальше развивался человек, тем больше усложнялась его социальная сфера. Появилась сфера образования, науки, искусства и др. Каждая из сфер имеет свою область действия. Так, например, наука обладает наибольшим проникновением. Несмотря на все расширяющуюся социальную сферу, индивидуальность человека стремится ограничить его жизнедеятельность в рамках эгоцентризма. Как гово-

рили древние греки: «*Omnia mea mecum porto*». Безусловно, с развитием цивилизации (чего стоит один Интернет) человек сдвигается в планетарную зону. Но процесс этот происходит медленно и не соответствует тем проблемам, которые возникают на Планете и нуждаются в разрешении. И все же все большее число людей понимает, что наше будущее и будущее наших детей и внуков, зависит от решения планетарных проблем и нашего мировоззрения.

Как пишет Н. А. Васютинский, «нет у природы большей заботы, чем та, чтобы произведенное ею было вполне совершенным. Этого никак не достичь без гармонии, ибо без нее распадается высшее согласие частей» [2, с. 4]. Создание гармонической планетарной организации требует глубокого анализа и четких конструктивных решений. Подобные попытки уже принимались. Вспомним хотя бы Бразильский форум в Рио де Жанейро в 1982 году, где обсуждалась идея стабильного развития Земли. К сожалению, прошло много лет, но практического воплощения этой идеи пока не заметно. Основных причин вероятно две. Несмотря на ряд значительных локальных катастроф (землетрясения, цунами, ураганы) общее состояние планеты пока достаточно стабильное. А принцип «Пока гром не грянет...», вероятно, действует не только в России. И мировоззрение пока явно не направлено на решение планетарных проблем. При этом мировоззрение должно быть основой конструктивной деятельности человека, общества и государства, направленной на гармоническое развитие планеты и цивилизации.

Идея гармоничного мира древняя. Особенно глубоко она использовалась на Востоке. В настоящее время в Китае она является официальной политикой государства. По мнению Г. Гегеля, гармония – это соотношение качественных различий, взятых как единое целое и представляющих собой суть явления или вещи. Так как мир реализуется в виде различных организаций, то возникает вопрос: какими качественными различиями они создаются во многих мифологиях древности? Таковыми качественными различиями считались хаос и порядок. Это дает возможность выражать гармонию как соотношение хаоса и порядка и определять его количественный эквивалент. Это соотношение обладает большой универсальностью. Оно

позволяет уйти от конкретной метрики и перейти к относительной оценке неоднородности. Исследования показывают [7], что соотношение хаоса и порядка, выраженное в относительной энтропийной мере, стремится к «Золотому сечению».

К сожалению, наши знания о Земле еще явно недостаточны. При этом они в основном направлены на использование ее для удовлетворения человеческих потребностей, а отнюдь не для совместного гармонического развития. То, что гармония является важнейшим принципом создания реальности, имеется множество информационных источников. Для убедительности рассмотрим таблицу 1, в которой представлена распространенность химических элементов на земном шаре (по Ферману).

Таблица 1

**Распространенность химических элементов
на Земле**

Наименование элемента	Содержание в %
1. Кислород	49,13
2. Кремний	26,0
3. Алюминий	7,45
4. Железо	4,2
5. Кальций	3,25
6. Натрий	2,4
7. Калий	2,35
8. Магний	2,35
9. Водород	1,0
10. Титан	0,61
11. Углерод	0,35
12. Хлор	0,2
13. Фосфор	0,12
14. Сера	0,1
15. Марганец	0,1
16. Хром	0,03
17. Никель	0,02
18. Цинк	0,02

Добавим еще 20 элементов и предположим, что их содержание одинаково и равно 0,01 %. При этом получим значение относительной энтропии – 0,422. Можно предположить, что дальнейшее уточнение соотношения элементов будет асимптотически приближаться к гармоническому – «Золотому сечению». По мнению А. П. Стахова, «рассматриваемые коды связаны с двумя замечательными математическими открытиями – числами Фибоначчи и золотым сечением, которые обнаружены в произведениях искусства, ботанических, биологических, физических и геометрических структурах» [8, с. 144].

Приведем еще один пример. Рассмотрим биотические системы различных мест нашей планеты. Биотические компоненты включают составные части растительного и животного мира: крону, древесину, корни, подстилку, травянистые растения, микроорганизмы, простейшие, дождевые черви, моллюски, насекомые, позвоночные и т. д. Для анализа рассчитаны относительные энтропии организации структур биотических компонент в виде сухой массы, измеренной в различных экосистемах. Значения относительной энтропии для различных экосистем приведены в таблице 2.

Таблица 2

**Значения относительной энтропии
для различных экосистем**

Экосистема	Относительная энтропия
Тундра арктическая	0,644
Луговая некошенная степь	0,511
Саванна	0,373
Смешанные леса	0,283
Дубрава	0,276
Тропические леса	0,195
Среднее значение относительной энтропии	0,380

Полученные результаты дают возможность сделать определенные выводы. Из таблицы видно, что к гармоническому значению близка биотическая структура саванны. Следует отметить и то, что в саванне наиболее высока продуктивность

животного мира. Наиболее далека от гармонической организации биотическая структура тропического леса и арктической тундры. Причем, если тропические леса склонны к вымиранию, то тундра – к преобразованию и эволюционному совершенствованию. И, самое главное, среднее значение относительных энтропий экосистем точно соответствует гармоничному значению («Золотому сечению»).

Заглянем в будущее. Давно известно, что заниматься прогнозами дело не благодарное. Поэтому наш взгляд в будущее это – скорее не прогноз, а размышление о состоянии планеты в зависимости от нашего мировоззрения. Ведущим фактором нашего мировоззрения является экспоненциальный рост техносферы цивилизации. Возникает вопрос: возможно ли создание искусственного мира, способного к дальнейшему развитию? Речь идет об искусственном мире, максимально независимом от жизни планеты. Сможет ли в этом мире жить и гармонично развиваться человек? Ведь живут же космонавты уже годами в космосе. Не является ли это светлым будущим для человечества? Но не лучше ли – не разрушать, а наобо-

рот обустроить нашу планету так, чтобы человеку было на ней комфортно и счастливо, а в другие миры ходить в гости и возвращаться в свой родной дом под названием Земля?

Скорректируем наше мировоззрение. Его красной линией будет гармоничное развитие человека и планеты. Что же при этом должно измениться? В первую очередь доминанта. Ведущим фактором развития должно стать сохранность планеты земля. При этом благосостояние человечества не игнорируется, а ставится в прямую зависимость от состояния планеты и планетарных возможностей.

Сдвиг мировоззрения должен быть связан с гуманизацией человека и человечества, которая, безусловно, должна быть направлена как на самого человека, так и на планетарный мир в целом. И, наконец, планетарное мировоззрение должно привести к единству всего человечества. Сейчас трудно судить о том будет ли это единое планетарное государство или гармоническая планетарная организация. Скорее всего, это будет интеграция важнейших достижений человечества: в науке, культуре, здравоохранении, образовании.

Литература

1. Балакшин О. Б. Неожиданное о Золотом сечении. – М., 2006. – 176 с.
2. Васютинский Н. А. Золотая пропорция. – М., 2006. – 366 с.
3. Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. – М.: Наука, 1988.
4. Кеплер И. О шестиугольных снежинках. – М., 1982. – 192 с.
5. Марутаев М. А. Гармония как закономерность природы // Золотое сечение. – М.: Стройиздат, 1990. – 342 с.
6. Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь разума. – М.: Наука, 1982.
7. Сороко Э. М. Структурная гармония систем. – Минск, 1984. – 262 с.
8. Стахов А. П. Коды золотой пропорции. – М., 1984. – 150 с.
9. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. – М., 1987.

Reference

1. Balakshin O.B. Neozhidannoe o Zolotom sechenii [Unexpected on the golden section]. Moscow, 2006. 176 p. (In Russ.).
2. Vasiutinskii N.A. Zolotaia proporsiiia [Golden Proportion.]. Moscow, 2006. 366 p. (In Russ.).
3. Vernadskii V.I. Filosofskie mysli naturalista [Philosophical thoughts of naturalist]. Moscow, Nauka Publ., 1988. (In Russ.).
4. Kepler I. O shestiugol'nykh snezhinkakh [About hexagonal snowflakes]. Moscow, 1982. 192 p. (In Russ.).
5. Marutaev M.A. Garmoniiia kak zakonomernost' prirody [Harmony as the regularity of nature.]. *Zolotoe sechenie [The golden section]*. Moscow, Stroiizdat Publ., 1990. 342 p. (In Russ.).
6. Moiseev N.N. Sud'ba tsivilizatsii. Put' razuma [The fate of a civilization. The path of reason]. Moscow, Nauka Publ., 1982. (In Russ.).
7. Soroko E.M. Strukturnaia garmoniiia sistem [Structural harmony of systems]. Minsk, 1984. 262 p. (In Russ.).
8. Stakhov A.P. Kody zolotoi proporsii [Codes of the golden ratio]. Moscow, 1984. 150 p. (In Russ.).
9. Teiiair de Sharden P. Fenomen cheloveka [The Phenomenon of Man]. Moscow, 1987. (In Russ.).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА SCIENTIFIC LIFE OF THE UNIVERSITY

ЮБИЛЕЙ

УЧЁНЫЙ, УЧИТЕЛЬ, КОЛЛЕГА: К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА Г. Н. МИНЕНКО

Марков Виктор Иванович, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: vikt-markov@yandex.ru

Двуреченская Анастасия Сергеевна, кандидат культурологии, доцент, заведующая кафедрой культурологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: dvurechenskaya@mail.ru

ANNIVERSARY

THE SCIENTIST, TEACHER, PEER: TO THE JUBILEE OF PROFESSOR G. N. MINENKO

Markov Victor Ivanovich, Doctor of Culturology, Docent, Professor of Department of Culturology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: vikt-markov@yandex.ru

Dvurechenskaya Anastasiya Sergeevna, Candidate of Culturology, Head of Department of Culturology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: dvurechenskaya@mail.ru

Юбилейные даты (не будем акцентировать внимание на том, что речь идет именно о 65 годах) предполагают интерес к корням сложной судьбы адресата. Ведь все мы родом из детства, а детство наше – лишь звено в долгой цепи поколений людей, давших нам основы существования и заложивших истоки жизненной стойкости и мудрости. Время нам и нашим предкам досталось сложное, мы постоянно жили в эпохи перемен и без подпитки опытом предшественников, дедов и прадедов трудно было бы выстроить достойную судьбу. В этом отношении нашему юбиляру досталось благое, но сложное наследство.

Геннадий Николаевич родился в 1950 году в с. Ступишино Кемеровской области. Удалось «выпытать», что родовые его корни – крестьянские, что и следовало ожидать, учитывая некоторые черты характера. Поскольку в роду всегда заключались ранние браки, наш юбиляр хорошо помнит своих прадедов-переселенцев, один из которых явился в Сибирь с русского Севера, дру-

гой – из Белоруссии. Северянин – истово верующий, от него достался Новый Завет в издании начала XX века. Белорус – крепкий хозяин – в период коллективизации раскулачен и сослан «из Сибири в Сибирь». Матвей Харитонович Неборский семь лет «трудился» на Колыме, в том числе на золотых приисках. Вернулся в свою Каменку без глаза, без зубов и шевелюры. Колхозники тут же выбрали его, как человека прошедшего огни и воды, руководителем сельсовета. Прожил долго, в Бога, после такого опыта, не верил и нередко в последние годы «дискутировал» на эту тему.

Мать – Смыслова Мария Петровна – большую часть трудовой биографии проработала бухгалтером, при том, что в семье было четверо детей. Отец – Миненко Николай Алексеевич – солдат Великой Отечественной войны, связист, прошедший с 1942 по 1945 год немецкий фронт, затем продолживший службу на Дальнем Востоке до 1948 года. По жизни – вечный главный бухгал-

тер разных уровней, включая областной. Возможно поэтому известная цепкость, чёткость юбиляра в работе – феномен не столько приобретённый, сколько наследственный.

Геннадий Николаевич Миненко окончил гуманитарный факультет Новосибирского государственного университета (НГУ) по специальности «История». Дальше – работа в сельской школе, служба в Советской армии, с 1976 года по настоящее время – работа в Кемеровском государственном институте (академии, университете) культуры и искусств. Кандидатская диссертация по философско-антропологической проблематике защищена в НГУ под руководством профессора В. П. Фофанова Докторская по культурологии была посвящена проблеме «антропологической революции». Вообще «человек» – в научном плане – «большая тема» юбиляра, львиная доля его публикаций (всего – 97) посвящена антропологии в широком смысле слова.

Не миновал Геннадий Николаевич и перипетий общественно-политической жизни. Перестройку встретил с энтузиазмом. Как и многие вузовские работники контактировал в 1989–1990 годах с рабочими комитетами Кузбасса. По просьбе руководителей комитетов занимался совместно с П. И. Балабановым разработкой программных и уставных документов новой политической организации – «Союза трудящихся Кузбасса», претендовавшего на соперничество с КПСС. Такая организация и была создана весной 1990 года на учредительной конференции в Новокузнецке. Далее Г. Н. Миненко был назначен редактором планируемой к выпуску газеты рабочих комитетов и СТК, на что были выделены немалые финансы. Поэтому юбиляр успел ощутить политический пульс страны. Однако политическая карьера – не судьба для людей мысли. В том же 1990 году он отошёл от политики и инициировал в КГИК создание кафедры «Теории и истории искусств», которую и возглавил. Через несколько лет она превратилась в кафедру культурологии и искусствознания, стала выпускающей и началась «культурологическая» страница в биографии Г. Н. Миненко. Этот сюжет подробно освещен в материале о Кемеровской научно-педагогической школе культурологии, помещенном в № 26 (за 2014 год) «Вестника КемГУКИ» (с. 85–89), поэтому не будем повторяться.

Особо значимым для профессора Г. Н. Миненко явился 1998 год. Именно тогда определились несколько направлений его деятельности, оказавшихся наиболее важными и перспективными и для вуза в целом. По инициативе профессуры КемГИИК и при активной поддержке ректора вуза проф. Е. Л. Кудриной и проректора по науке проф. Н. И. Гендиной был создан диссертационный совет по специальностям определившегося с 1996 года направления научных специальностей «Культурология». Опять же не обошлось без НГУ, поскольку первым председателем диссовета был утверждён доктор философских наук, профессор В. П. Фофанов. Девять лет ученым секретарём диссертационного совета являлся Г. Н. Миненко. Прошедшие «через руки» Геннадия Николаевича почти 80 будущих докторов и кандидатов культурологии, среди которых и авторы настоящей заметки, помнят жёсткий «аккуратизм» секретаря в отношении документов, стенограмм, но, вместе с тем, – готовность прийти на помощь, что-то подсказать соискателям в содержательном отношении. Это тем более значимо, что в культурологию в тот период шли и идут гуманитарии самых разных специальностей, зачастую не имеющие опыта профессиональной деятельности в этой области. Г. Н. Миненко принимает также активное участие в работе аспирантуры КемГУКИ. Им подготовлено 17 кандидатов наук по культурологии и философии, он продолжает осуществлять научное руководство аспирантами и докторантом, является автором обучающих и экзаменационных программ для аспирантуры КемГУКИ, руководителем направления «Культурология» в аспирантуре вуза.

Другое, не менее значимое направление деятельности юбиляра с 1998 года – сотрудничество с Кемеровской епархией Русской православной церкви в научно-образовательном отношении. По итогам проведенных нашим вузом и епархией совместных международных, всероссийских и Межрегиональных научно-практических конференций, на которых он являлся активным организатором и докладчиком, Г. Н. Миненко подготовил к печати (в качестве научного редактора) пять крупных совместных научных сборников по вопросам церковного и светского образования, получивших высокую оценку научной общественности и церковных кругов.

Научно-организационная деятельность Миненко Г. Н. заключается и в том, что он является одним из активных участников и организаторов научных мероприятий КемГУКИ по гуманитарному и культурологическому направлениям (конференции, семинары, круглые столы и т.п.), членом редколлегии многих сборников статей, в том числе составителем и научным редактором 10 научных сборников (общим объемом 160 печ. л.), три из которых изданы совместно с Российским институтом культурологии (г. Москва).

Г. Н. Миненко в 1998–2008 годах являлся директором Центра культурологического образования, созданного на основе договора КемГУКИ о сотрудничестве с Российским институтом культурологии РАН, а в 2008–2011 годах – директором института культуры Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Впрочем, за должности не держится. Создал и отработав 18 лет в качестве заведующего кафедрой культурологии, подготовил смену и передал заведование своей ученице. То же самое с учебным институтом культуры.

Г. Н. Миненко принимает активное участие в общественной жизни Кузбасса и России в целом. В настоящее время он является действительным членом (академиком) Петровской академии наук и искусств, Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры (МСА); председателем президиума Кузбасского филиала Международной славянской академии; заместителем председателя «Кузбасского межвузовского совета по духовно-нравственному образованию и воспитанию студенческой молодежи». В 2003–2011 годах был научным руководителем трех Кузбасских педагогических экспериментов, организованных Департаментом образования и науки Кемеровской области и Кемеровской и Новокузнецкой епархией РПЦ по организации образовательного процесса на этнокультурной основе, по духовно-нравственному образованию и воспитанию учащихся.

Научная, преподавательская, общественная деятельность Г. Н. Миненко отмечена наградами. За вклад в развитие науки и подготовку кадров для Кузбасса награжден многими почетными грамотами и благодарственными письмами администрации Кемеровской области, областными медалями «За веру и добро» (2004), «За служение

Кузбассу» (2008) «65 лет Кемеровской области» (2008), «За особый вклад в развитие Кузбасса» III степени (2011); знаком «Почетный профессор Кузбасса» (2011). Церковными медалями, а также Патриаршей грамотой Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II «В благословение за усердные труды во славу Русской Православной Церкви».

Не менее успешен Геннадий Николаевич и в преподавательской деятельности. Студенты знают, что Миненко – Профессор с большой буквы. Даже самые сложные вопросы, посвященные рассмотрению истории философии, этики, философии культуры, методологии исследований культуры, истории культурологии, Геннадий Николаевич умеет преподавать не только содержательно, но и понятно, что характеризует его как настоящего учёного. Обладая серьезным научным багажом в гуманитарной сфере и большим человеческим опытом, Г. Н. Миненко с первых же занятий завоевывает интерес и уважение студентов. Умение работать со студентами Геннадий Николаевич переносит и на будущих молодых ученых – аспирантов. Не только выпускники культурологической специальности, но и других специальностей и направлений в вузе (и за его пределами) «выстраиваются в очередь» к профессору, чтобы именно он стал их научным наставником в нелегком процессе написания кандидатской диссертации. Такое «интеллектуальное доверие» молодых, на наш взгляд, не случайно – оно свидетельствует о том, что Г. Н. Миненко – это Учитель, который обладает искусным даром «учить жизни, правильному пути...». Что помогает соответствию такой роли? Может быть его эрудиция? Она почти безгранична. Недаром он сам говорит о себе, что принадлежит к вымирающему племени библиофилов. Кто наблюдал его беседы с аспирантами, не мог не заметить, как с ходу по любой теме задаются параметры будущего исследования, называются лучшие авторы и их работы.

Последний, достойный упоминания сюжет деятельности Г. Н. Миненко – открытие в 2014 году в КемГУКИ кафедры теологии и религиоведения и направления подготовки студентов 48.03.01 «Теология» по профилю «Культура православия». Набран курс студентов для обучения. Инициатива открытия принадлежит главе Кузбасской митрополии, митрополиту Кемеровскому и Прокопьев-

скому, Высокопросвященнейшему Аристарху. Он же является заведующим кафедрой. Всё остальное – на плечах нашего профессора. Проблематика не только новая, она совершенно иная, нежели все прочие вузовские направления. Почему ректорат и митрополия остановились на его кандидатуре? Не слишком ли тяжёлый груз для, в общем-то, светского гуманитария? Нам кажется, не слишком, в самый раз. Дело не в опубликованных сборниках по церковно-богословской проблематике, а в другом. В рамках докторской диссертации Г. Н. Миненко фундаментальной рефлексии подверглась классическая патристика, которая является основой основ богословской подготовки. Дипломную работу в далекие 1970-е годы выполнил у выдающегося знатока старообрядческой письменности, впоследствии академика РАН Николая Николаевича Покровского. В те же годы прослушал и сдал экзамены по первому в СССР учебному вузовскому курсу «Научная библеистика», в основе которого лежали библейская археология и текстология Священного Писания. Курс читался профессором Михаилом Иосифовичем Рижским, автором многих работ по библейской тематике. Личность уникальная, знаток всех трёх сакральных языков – латинского, древнегреческого, иврита. Два первых из них десятилетия преподавал в НГУ. С древнееврейского он сделал новый перевод «Книги Иова» с капитальным историко-лингвистическим комментарием, высоко оценённый С. С. Аверинцевым. Судя по дарственным надписям на своих книгах, этот авторитетный ученый считал Г. Н. Миненко одним из своих учеников.

Однако судьба человека – не прямая линия, а скорее ветвистое дерево. И без совокупности всех этих «ответвлений» не понять истинный облик юбиляра.

Геннадий Николаевич Миненко – уже много лет верный супруг Людмилы Владимировны Миненко и заботливый отец сына – Артема, недавно прекрасно защитившего кандидатскую диссертацию в нашем диссертационном совете.

Он тонко чувствующий поэт и созерцатель сибирской природы, ее знаток и опытейший рыбак. Кто видел, как он на углой лодчонке мощными гребками идет против течения реки, не мог не задуматься: а может, в этом тоже его природа – идти зачастую против течения, повинувшись своему разуму и чувству долга? Может, в этом также видна его упорная крестьянская натура?

Он всегда деликатен и вежлив. В сложных завихрениях вузовской жизни Г. Н. Миненко проявляет себя как мастер разумных компромиссов, позволяющих найти достойный выход из любой ситуации.

Он может быть верным и надежным другом, но, как и большинство реально мыслящих людей, действует, как нам кажется, не на основе всепрощения, а скорее по принципу Конфуция: «Воздай за добро добром, а за зло – по справедливости».

Завершим свой текст таким резюме: Геннадий Николаевич относится к когорте истинных опор вуза, спокойно и квалифицированно делающих свое дело и во многом определяющих дух и содержание его жизни.

Так пожелаем ему здоровья и дальнейших успехов во всех благих начинаниях!

УДК 378-056.2

СОЗДАНИЕ УСЛОВИЙ БЕЗБАРЬЕРНОЙ СРЕДЫ В ФГБОУ ВПО «КЕМЕРОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ»: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ахметгалеева Зульфия Мансуровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ).
E-mail: zula_a@inbox.ru

Григоренко Наталья Николаевна, кандидат философских наук, заведующая кафедрой педагогики и психологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ).
E-mail: natalya_grigoren@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы и перспективы создания в вузе необходимых условий безбарьерной среды, описаны основные направления работы, проводимой сегодня в КемГУКИ с целью повышения уровня адаптации студентов с ограниченными возможностями здоровья.

Ключевые слова: безбарьерная среда, люди с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), адаптация студентов с ОВЗ, психологическая диагностика студентов учебных групп, в которых обучаются студенты с ОВЗ.

CREATING THE CONDITIONS FOR BARRIER-FREE ENVIRONMENT IN KEMEROVO STATE UNIVERSITY OF CULTURE AND ARTS: PROBLEMS AND PROSPECTS

Ahmetgaleeva Zulfia Mansurovna, Candidate of Psychological Sciences, Docent of Department of Pedagogy and Psychology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: zula_a@inbox.ru

Grigorenko Natalia Nikolaevna, Candidate of Philosophical Sciences, Head of Department of Pedagogy and Psychology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: natalya_grigoren@mail.ru

Today, when the independence issues of people with disabilities apply to all spheres of life, the problem of creating a barrier-free environment is urgent in universities. The main directions of work being done today in Kemerovo State University of Culture and Arts reflect the initial phase of adaptation of students with disabilities. Kemerovo State University of Culture and Arts, due to efforts of Department of Pedagogy and Psychology and Social and Department of Educational Work, became an experimental platform for the project "Researching personality development of students with disabilities within professional education" (project №13-36-01049, RGNF), carried out by the Institute of Existential Psychology and Life Creation (Moscow) <http://institut.smysl.ru/about.php>. The work conducted in Kemerovo State University of Culture and Arts within the project is aimed at assessing and developing personal potential of students with disabilities and their classmates creating the most favorable social and psychological environment in groups where students with disabilities study. Psychological diagnostics with a number of indicators, including subjective vitality, or the feeling of fullness reflects the vitality and energy of the person. assessment of self-efficacy. perception of complex educational problems. comprehension of life. resistance to stress. the preferred method for solving everyday problems, motivation training activities, tolerance to conditions of uncertainty, social and psychological climate in the group, peculiarities of interpersonal perception in the group, degree of stress at social and psychological adaptation.

Keywords: barrier-free environment, people with disabilities, adaptation of students with disabilities, psychological diagnostics of students' groups, where students with disabilities study.

В безбарьерной среде все люди, включая людей с ОВЗ, имеют равные возможности получить достойное образование и квалифицированную работу, участвовать в общественной, производственной, культурной и спортивной сферах жизни страны, то есть вести полноценную и насыщенную жизнь вне зависимости о чьей-либо помощи [3]. Безбарьерность применительно к людям с ограниченными возможностями здоровья необходимо рассматривать с разных позиций: физической, социокультурной, образовательной и психологиче-

ской. Физическая безбарьерная среда определяет степень доступности объектов. Социо-культурная безбарьерная среда влияет на полноценное включение лиц с ОВЗ в общественные отношения, это выражается, с одной стороны, в преодолении негативных установок по отношению к инвалидам, готовности к учету потребностей данной группы при взаимодействии с ними; с другой стороны, в формировании и поддержании конструктивного отношения инвалидов к себе и жизни, их ориентации на саморазвитие. Безусловно, профессио-

нальная подготовка инвалидов и их полноценное включение в активные трудовые отношения невозможны без получения ими соответствующего образования. Социальный институт «образования» формирует у любого человека исторический, культурный опыт, закладывает базовые ценности и социальные нормы. И именно образовательная безбарьерная среда в полной мере позволяет реализовать инвалидам свое право на образование.

Согласно конвенции ООН «О правах инвалидов», лица с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) должны иметь равные условия для реализации своих прав и свобод во всех сферах жизнедеятельности, в том числе и образовании [2]. При этом различные психосоматические расстройства могут мешать им наравне с другими гражданами в полной мере и эффективно участвовать в общественной жизни.

Для обеспечения независимости инвалидов и повышения их интеграции в жизнь общества ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств» приступил к осуществлению ряда мероприятий по разным направлениям, среди которых выявление лиц с ОВЗ, определение потребностей, создание безбарьерной физической среды, создание безбарьерной образовательной среды (в том числе, обеспечение функционирования и использования электронной образовательной среды moodle), создание комфортных социально-психологических условий и др. Следует отметить, что вузы культуры и искусств, имея отраслевую специфику, могут обучать достаточно конкретный круг лиц с инвалидностью в зависимости от разных направлений, специальностей подготовки, что обусловлено еще и требованиями профессиональной пригодности многих специалистов сферы культуры и искусства.

С 2013 года КемГУКИ усилиями кафедры педагогики и психологии и Управления воспитательной и социальной работы стал экспериментальной площадкой проекта «Исследование развития личности учащихся с ограниченными возможностями здоровья в условиях профессионального образования» (№ проекта 13-36-01049, РГНФ), осуществляемого Институтом экзистенциальной психологии и жизнотворчества (г. Мо-

сква) <http://institut.smysl.ru/about.php>. Работа в рамках проекта нацелена на оценку и развитие личностного потенциала студентов с ОВЗ и их однокурсников; создание наиболее благоприятной социально-психологической среды в группах, где учатся студенты с ОВЗ.

С целью определения уровня адаптации студентов с ОВЗ к условиям обучения с марта по май 2013–2014 учебного года была проведена психологическая диагностика студентов групп, в которых учатся студенты с ОВЗ и некоторые другие группы. Исследование проводили З. М. Ахметгалева, канд. психол. наук, доцент кафедры педагогики и психологии КемГУКИ, и Л. А. Александрова, канд. психол. наук, доцент, научный сотрудник Института экзистенциальной психологии и жизнотворчества. Активную организационную поддержку оказали сотрудники управления воспитательной и социальной работы, директоратов институтов визуальных искусств, информационных и библиотечных технологий, социально-культурных технологий и социально-гуманитарного института, а также управления информатизации КемГУКИ.

В психологической диагностике приняли участие 108 студентов, из них 12 с ОВЗ. Основной целью диагностики была оценка личностного потенциала студентов, который складывался из целого ряда показателей:

- удовлетворенность жизнью;
- субъективная витальность, или ощущение отражающее полноту жизненных сил и энергии человека;
- оценка самооффективности;
- восприятие сложности учебных проблем;
- осмысленность жизни;
- стрессоустойчивость;
- предпочитаемые способы решения повседневных проблем;
- мотивация учебной деятельности;
- толерантность к условиям неопределенности;
- социально-психологический климат в группе;
- особенности межличностного восприятия в группе;
- степень напряжения при социально-психологической адаптации.

По результатам диагностики всем студентам была выдана обратная связь, которая осуществлялась с помощью рассылки на индивидуальные электронные адреса. Студенты, прошедшие психологическую диагностику, имели возможность по запросу получить индивидуальные консультации. Стоит отметить, что в ходе диагностики в указанных группах путем наблюдения и беседы были обнаружены студенты с ОВЗ, не подававшие ранее информацию о себе в управление воспитательной и социальной работы университета. Некоторые из таких студентов не придавали этому значения, другие же, напротив, пытались скрыть от остальных свои проблемы. Такая ситуация, безусловно, порождает ряд затруднений в организации работы по адаптации студентов с ОВЗ. Возможно, прохождение студентами первого курса диспансеризации позволило бы уменьшить количество социально-психологических проблем первокурсников на адаптационном этапе обучения в вузе и, одновременно, поспособствовало бы повышению эффективности работы служб социального сопровождения студентов, которая имеет преимущественно адресный характер.

При анализе результатов исследования достоверных отличий студентов с ОВЗ и условно здоровых обнаружено не было, все средние показатели лежат в диапазоне нормы. Это значит, что абсолютно по всем индивидуально-психологическим характеристикам студенты с ОВЗ такие же, как и условно здоровые студенты. Вместе с тем, анализ индивидуальных результатов показал, что некоторые студенты испытывают напряжение в социально-психологической адаптации. Среди них оказались как студенты с ОВЗ, так и

условно здоровые. Можно констатировать, что проблемы социально-психологического плана также могут выступать барьером в учебной деятельности студентов, следовательно – получении ими полноценного образования. Решение данного вопроса возможно через налаживание контактов с городскими психологическими центрами, где работают сертифицированные психологи, имеющие возможность оказания квалифицированной психологической поддержки, а также посредством размещения информации о городском телефоне доверия на стендах в университете.

Кроме того, в ходе диагностики были выявлены некоторые различия в восприятии учебной группой студентов с ОВЗ и условно здоровых студентов, которые проявились в атрибуции (приписывании) личности одноклассниками определенных психологических свойств [1, с. 124–127] при наличии (отсутствии) ограничений по здоровью. Учитывая тот факт, что по результатам психологического тестирования различий обнаружено не было, можно утверждать, что сработали эффекты ореола и стереотипизации. Разрешение данной проблемы, равно как и создание благоприятного социально-психологического климата в учебных группах студентов, возможно через включенность всех студентов, в том числе и студентов с ОВЗ, в коллективную творческую деятельность – в общегрупповые и общеуниверситетские мероприятия, в волонтерские движения, социальные проекты и пр. Это, безусловно, даст возможность каждому студенту как можно полнее раскрыть свою личность и, именно, в этом направлении университетом сегодня ведется активная работа.

Литература

1. Александрова Л. А., Ахметгалева З. М. Межличностное восприятие и личностные ресурсы студентов в инклюзивной учебной группе // Психология общения и доверия: теория и практика: сб. мат-лов Междунар. конф. УРАО, ПИ РАО, МГУ, 6–7 ноября 2014 года / под ред. Т. П. Скрипкиной. – М.: Университет РАО, 2014. – 777 с.
2. Конвенция о правах инвалидов [Электронный ресурс]: принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 13 декабря 2006 года № 61/106 // Гарант: информационно-правовой портал. – URL: <http://base.garant.ru/2565085/> (дата обращения: 10.12.2014).
3. Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Доступная среда” на 2011–2015 годы [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 297 // Гарант: информационно-правовой портал. – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70544064/> (дата обращения: 10.12.2014).

References

1. Aleksandrova L.A., Akhmetgaleeva Z.M. Mezhlchnostnoe vospriatie i lichnostnye resursy studentov v inkluzivnoi uchebnoi gruppe [Interpersonal perception and personal resources of students in inclusive educational group]. *Psikhologiya obshcheniia i doveriia: teoriia i praktika: sbornik materialov Mezhdunarodnoi konferentsii URAO, PI RAO, MGU, 6–7 noiabria 2014 goda. Pod red. T.P. Skripkinoi [Psychology of communication and trust: theory and practice: proceedings of the International Conference URAO, PI RAO, Moscow State University, 6–7 November 2014. Ed. T.P. Skripkina]*. Moscow, Universitet RAO Publ., 2014. 777 p. (In Russ.).
2. Konventsiia o pravakh invalidov: priniata Rezoliutsiei General'noi Assamblei OON ot 13 dekabria 2006 goda № 61/106 [Convention on the Rights of Persons with Disabilities: the resolution of the General Assembly on 13 December 2006 № 61/106]. Available at: <http://base.garant.ru/2565085/> (accessed 10.12.2014). (In Russ.).
3. Ob utverzhdenii gosudarstvennoi programmy Rossiiskoi Federatsii “Dostupnaia sreda” na 2011–2015 gody: postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 15.04.2014 № 297 [Approval of the state program of the Russian Federation “Accessible Environment” for 2011–2015: the decision of the Government of the Russian Federation of 15.04.2014 № 297]. Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70544064/> (accessed: 10.12.2014). (In Russ.).

Алфавитный указатель авторов

List of Authors in Alphabetical Order

Ахметгалеева З. М.	247	Ahmetgaleeva Z. M.	247
Булгакова В. В.	96	Bulgakova V. V.	96
Бучилина Т. П.	218	Buchilina T. P.	218
Глушкова П. В.	113, 130	Glushkova P. V.	113, 130
Головач Д. В.	130	Golovach D. V.	130
Григоренко Н. Н.	247	Grigorenko N. N.	247
Двуреченская А. С.	244	Dvurechenskaya A. S.	244
Дергилева Т. В.	77	Dergileva T. V.	77
Ефременко О. С.	60	Efremenko O. S.	60
Жердев Е. В.	180	Zherdev E. V.	180
Звягин С. П.	13	Zviagin S. P.	13
Ивлева Т. Н.	196	Ivleva T. N.	196
Казарина Т. Ю.	39	Kazarina T. Y.	39
Каплунов В. А.	138	Kaplunov V. A.	138
Кимеева Т. И.	113, 122	Kimeeva T. I.	113, 122
Клюев Ю. В.	106	Klyuyev Y. V.	106
Ковалева Г. П.	155	Kovaleva G. P.	155
Колков А. И.	238	Kolkov A. I.	238
Кочекон В. Ф.	168	Kochekov V. F.	168
Кудрин В. С.	225	Kudrin V. S.	225
Леонова Н. В.	161	Leonova N. V.	161
Лесовиченко А. М.	33	Lesovichenko A. M.	33
Макарчук С. В.	13	Makarchuk S. V.	13
Малкина Е. А.	212	Malkina E. A.	212
Мальцева Е. А.	33	Maltseva E. A.	33
Марков В. И.	244	Markov V. I.	244
Никулин В. Г.	176	Nikulin V. G.	176
Пазио-Влазловская Д.	147	Pazio-Wlazłowska D.	147
Подзюбан Е. В.	20	Podzyuban E. V.	20
Пронина С. А.	122	Pronina S. A.	122
Салазкина Л. П.	207	Salazkina L. P.	207
Сафонов Е. Н.	29	Safonov E. N.	29
Смирнов Я. Ю.	232	Smirnov Y. Y.	232
Соболевская Ю. В.	212	Sobolevskaya Y. V.	212
Старцева А. С.	49	Startseva A. S.	49
Сыченко Г. Б.	161	Sychenko G. B.	161
Усков И. Ю.	84	Uskov I. Y.	84
Флеенко Д. А.	67	Fleenko D. A.	67
Фрейверт Л. Б.	180	Freivert L. B.	180
Юдина А. И.	191	Yudina A. I.	191
Юша Ж. М.	161	Yusha Zh. M.	161

**ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ И УСЛОВИЯ ПРИЕМА СТАТЕЙ
В ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
«ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ»**

(выходит 4 раза в год)

Перед подачей статьи авторам рекомендуется ознакомиться на сайте (www.vestnikkemgu-ki.ru) с концепцией издания, содержанием вышедших номеров.

1. Статья представляется в бумажном и электронном вариантах (по E-mail или на диске) в формате Microsoft Word. Бумажный вариант должен полностью соответствовать электронному.

2. Статья должна включать:

- наименование рубрики журнала, где должна быть размещена статья (в соответствии с рубрикатом журнала «Вестник КемГУКИ»);
- индекс УДК (Универсальной десятичной классификации), отражающий содержание статьи;
- название статьи на русском и английском языках;
- аннотацию статьи (объемом 150–300 слов) на русском языке;
- ключевые слова (не более 10 слов) на русском и английском языках;
- автореферат статьи на английском языке (250–300 слов, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке.

3. Текст статьи должен быть тщательно вычитан и подписан автором, который несет ответственность за научно-теоретический уровень публикуемого материала; статьи аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук дополнительно подписываются научным руководителем.

4. Ссылки на цитируемую литературу приводятся в конце статьи в Литературе в алфавитном порядке на русском языке в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 (Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления) и в References на латинице (транслитерация) и английском языке. Библиографические ссылки в тексте статьи указываются в квадратных скобках. Например, [1, с. 5].

5. Объем статьи – от 6 страниц формата А4.

6. Набор статьи должен быть осуществлен с использованием следующих правил:

- шрифт – Times New Roman;
- размер кегля – 12 пт;
- межстрочный интервал – одинарный;
- форматирование – по ширине;
- все поля – по 20 мм.

Образец оформления статьи

Рубрика журнала

УДК

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ (ПО ЦЕНТРУ, БЕЗ ОТСТУПА, ШРИФТ ЖИРНЫЙ, БУКВЫ ПРОПИСНЫЕ)

Сведения об авторе (-ах) (на русском языке): должны включать фамилию, имя и отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, должность, место работы (город, страну).

E-mail:

Аннотация на русском языке...

Ключевые слова на русском языке: ...

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (ПО ЦЕНТРУ, БЕЗ ОТСТУПА, ШРИФТ ЖИРНЫЙ, БУКВЫ ПРОПИСНЫЕ)

Сведения об авторе (-ах) (на английском языке): должны полностью соответствовать русскоязычному варианту.

Аннотация на английском языке....

Ключевые слова на английском языке:....

Текст....

Литература (по центру, без отступа, шрифт жирный)

1.

2.

...

References (по центру, без отступа, шрифт жирный)

1.

2.

...

Сопроводительные документы к статье, направляемой для публикации в журнале «Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств», включают:

1. Две рецензии:

- соискатели докторской степени предоставляют две рецензии докторов наук в данной предметной области;
- соискатели кандидатской степени предоставляют рецензию научного руководителя и рецензию доктора наук в данной предметной области.

2. Справку об авторе(ах) (в бумажном и электронном вариантах).

3. Письмо-согласие на публикацию статьи и размещение ее в Интернете.

Требования к сопроводительным документам

Наименование документа	Необходимые сведения
1. Рецензия	- Фамилия, имя, отчество эксперта (полностью), - ученая степень, - ученое звание, - должность, - служебный адрес, - контактный телефон, - дата выдачи рецензии, - подпись рецензента, - печать учреждения, заверяющего подпись эксперта
2. Справка об авторе(ах)	- Фамилия, имя, отчество автора (полностью на русском и английском языках), - ученая степень, - ученое звание, - должность, - место работы (учебы или соискательства), - контактные телефоны, - факс, - E-mail, - почтовый адрес с указанием почтового индекса
3. Письмо-согласие	- подписано автором, - заверено в организации (место работы или учебы)

Материалы для публикации могут быть направлены в редакцию журнала «Вестник КемГУКИ»:

- почтой:
по адресу: 650029, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17, КемГУКИ, научное управление;
- e-mail: vestnikkemguki@yandex.ru.

Перечень основных разделов журнала

1. Педагогические науки.
2. Искусствоведение.
3. Культурология.

Редакционная коллегия правомочна отправлять статьи на дополнительное рецензирование.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие установленным требованиям или тематике журнала.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Статьи публикуются в авторской редакции.

Отклоненные статьи авторам не возвращаются и не рецензируются.

Подписано к печати 11.02.2015.
Формат 60x84¹/₈.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Заказ № 19.
Уч.-изд. л. 22,43. Усл. печ. л. 29,76.
Тираж 500 экз.

Отпечатано в издательстве Кемеровского
государственного университета
культуры и искусств:
650029, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 19. Тел. (3842)73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru

Signed for print 11.02.2015.
Format 60x84¹/₈.
Offset paper. Font «Times».
Order № 19.
Author's sheets 22,43. Printer's sheets 29,76.
Number of copies 500.

Printed at the Publisher of Kemerovo State
University of Culture and Arts:
650029, Kemerovo,
19 Voroshilov Street. Tel. (3842)73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru